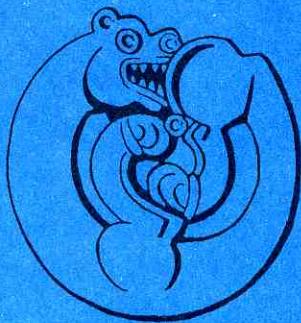

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ

-2-

•1993•

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
№2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1993

THE INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ARCHAEOLOGICAL NEWS
N 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
St.-PETERSBURG

1993

Благодарим за помощь в подготовке книги Б.А.Макарову, А.В.Алмазову, А.И.Б.Андронову, О.А.Борисову, Д.М.Макарову

Серебрякова Т.А.Кузнецова К.А.Макарова

Спонсором этой книги является немецкая авиакомпания **Люфтганза**
при сотрудничестве с Археологическим Фондом
"Принц Саксен-Альтенбургский", Даллас, Техас, США.

Lufthansa

This book was sponsored by **Lufthansa** German Airlines in cooperation with
Prince of Sachsen-Altenburg Archaeological Fund, Dallas, Texas U.S.A.

Редакционная коллегия: В.А.Алекшин, М.В.Аникович, Ю.А.Виноградов, В.М.Массон
(отв.редактор), Е.Н.Носов (зам.отв.редактора), Н.В.Хвощинская (отв.секретарь).

Секретарь редакции: Т.С.Дорофеева Художник: Г.А.Кузнецова

Чонгобон доюн кийни баярттарынан
ун соңайындырылган оюндо
Либиди Секен-Алматыдан, Түркістан
Түркістан

Адрес редакции: Россия, 191065, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д.18
Институт истории материальной культуры РАН
Телефоны: (812) 312 14 84, 314 06 85, 311 50 92.

Editorial Board: V.A.Alekshin, M.V.Anikovitch, Yu.A.Vinogradov, V.M.Masson, E.N.Nosov,
N.V.Khvostchinskaja.

Secretary of edition: T.S.Dorofeeva **Illustrator:** G.A.Kuznetzova

Address: Russia, 191065, St.-Peterburg, Dvortzovaja Nab., 18,
Institute of the History of Material Culture.
Tel.: (812) 312 14 84, 314 06 85, 311 50 92.

This book was sponsored by the Georges Delville Fund in cooperation with
Public Ol' Saksen-Almaty Archaeological Fund, Dallas, Texas U.S.A.

Компьютерная верстка и макетирование: Т.С.Дорофеева, К.А.Матехин.

Gella Publishers 1993

Издательство "Гелла" 1993 г.

ISBN 5-7341-0010-2

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

В.М.Массон Археологическая Европа от Атлантики до Урала.....	1
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ	

З.А.Абрамова, Г.В.Григорьева Обработка бивня на палеолитическом поселении Юдиново	5
В.А.Галибин, В.И.Тимофеев Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики.....	13
Д.А.Крайнов, Е.Л.Костылева, А.В.Уткин Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIa.....	20
Г.Н.Курочкин Раскопки скипского "царского" кургана на юге Сибири.....	31
Д.Г.Савинов. Таштыкский склеп Степновка II на юге Хакасии.....	44
А.В.Давыдова, С.С.Миняев. Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике.....	55
В.А.Галибин. Найдены индийские стеклянные бусы в погребениях Сибири и Средней Азии.....	66
Ю.А.Виноградов. Новые данные о южноаравийском порте Кана (I-VI вв. н.э.).....	72
В.А.Горончаровский. Золотой медальон III в. н.э. из раскопок Илурата.....	80
В.Рудольф. Большая пектораль из Толстой могилы: работа "чертомлыцкого мастера" и его школы.....	85
Б.И.Маршак, В.И.Распопова, В.Г.Шкода. Новые исследования согдаиской культуры в Пенджикенте.....	91
А.Б.Никитин. Парфянские надписи на буллах из Старой Ниши.....	103
В.Ф.Столба. Несколько личных имен в греческих керамических надписях из Херсонеса.....	107
В.Л.Янин. Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа	114
А.Н.Кирпичников, В.П.Коваленко. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане).....	122

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л.С.Клейн. Историзм в археологии.....	135
А.Е.Мусин. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии.....	145
В.А.Алексин. Особенности погребального обряда эпохи мустье (по материалам захоронений Крыма).....	157
К.В.Каспарова. О времени возникновения зарубинецкой культуры.....	169

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

А.А.Синицын. Вопросы формализации в археологии	191
П.М.Долуханов. Археология завтрашнего дня	195
О.И.Богуславский. Проблемы исследования, реставрации и использования древних памятников - опыт словацких археологов.....	198
З.А.Абрамова. Образ зверя в искусстве палеолита	200
Л.Б.Кирчо. Новый этап изучения Убейдской культуры.....	203
М.Б.Рысин. Новые методы изучения керамических комплексов мегалитических гробниц Южной Швеции	205
Н.В.Хвоцкая. Открытие в Хегоме (уникальные данные по истории древнего североевропейского костюма).....	207
Е.Н.Носов. Города эпохи викингов.....	209

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

О.А.Соффер. Организация и финансирование археологии в США.....	213
Фан Куанг Шон. Организация археологической науки и проблемы археологических исследований во Вьетнаме.....	221
Н.Н.Негматов. Хисорский историко-культурный заповедник в Таджикистане	223
Е.А.Смагулов. Институт археологии в Казахстане: перспективы международного сотрудничества	225

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

В.М.Массон. Международная программа "Древний Мерв".....	228
В.А.Трифонов. Международный симпозиум "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы" (Новороссийск, 18-24 марта 1991 г.).....	230
А.Н.Кирпичников, Е.Н.Носов. Сотрудничество археологов России и Финляндии.....	233
Е.Н.Носов. Международный научно-практический семинар по археологии в Новгороде.....	236

CONTENTS

EDITORIAL

V.M.Masson. Archaeological Europe from the Atlantic to the Urals.....	1
--	---

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

Z.A.Abramova, G.V.Grigorieva. Ivory artefacts from the Palaeolithic site Yudinovo.....	5
V.A.Galibin, V.I.Timofeev. The new approach to the recognition of the sources of flint raw material for the Stone age cultures of the Eastern Baltic region.....	13
D.A.Krainov, E.L.Kostyleva, A.V.Utkin. Burials and ritual complexes at the site Sakhtysh-IIa.....	20
G.N.Kurochkin. The excavation of a scythian tsar's barrow in Southern Siberia.....	31
D.G.Savinov. The Tashtyk funeral chamber Stepnovka-II in South Khakassia.....	44
A.V.Davydova, S.S.Miniaev. New finds of decorated belts from the Diresstujskij cemetery.....	55
V.A.Galibin. Ancient Indian glass beads in burials of Siberia and Middle Asia.....	66
Yu.A.Vinogradov. New facts about the South-Arabian port of Qana during the 1st-6th centuries A.D.....	72
V.A.Gorroncharovsky. Golden medallion of the 3rd century A.D. from the excavations of Iluraton.....	80
W.Rudolph. The Great Pectoral from the Tolstaja Mogila (a work of the Certomlyk Master and his studio).....	85
B.I.Marshak, V.I.Raspopova, V.G.Shkoda. New investigations of the Sogdian Culture in Penjikent (Tadzhikistan).....	91
A.B.Nikitin. Parthian inscriptions on bulls from Old Nisa.....	103
V.V.Stolba. Some personal names in Greek ceramic inscriptions from Chersonesos.....	107
V.L.Yanin. Novgorodian birch-bark documents from the site of St.Michael the Archangel (1990).....	114
A.N.Kirpichnilov, V.P.Kovalenko. Ornamented and inscribed blades of early medieval sabres.....	122

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

L.S.Klein. The historical method in archaeology.....	135
A.E.Musin. On the study of Russian church culture within Russian Archaeology.....	145
V.A.Alekshin. The features of Mousterian burial rite (the materials of Mousterian burials in the Crimea).....	157
K.V.Kasparova. On the time of the Zarubintsy Culture origin.....	169

NEW PUBLICATIONS

A.A.Sinitsyn. New methods of the formalized analysis of archaeological sources.....	191
P.M.Dolukhanov. The archaeology of the future.....	195
O.I.Boguslavski. Problems of the study, restoration and use of ancient sites - the experience of Slovakian archaeologists.....	198
Z.A.Abramova. The animal's image in Palaeolithic art.....	200
L.B.Kircho. New stage in the study of the Ubeid Culture.....	203
M.B.Rysin. New methods of the study of pottery complexes from Megalithic tombs in South Sweden.....	205
N.V.Khvostchinskaja. A discovery in the Hogom (unique data on the history of ancient North-European dress).....	207
E.N.Nosov. Towns of the Vikings.....	209

THE ORGANIZATION OF SCIENCE.

O.Soffer. The organization and financing of archaeology in the United States.	213
Fan Kuang Shon. The organization of archaeology and the problems of archaeological research in Vietnam.	221
N.N.Negmatov. The Hisar historic-cultural park in Tajik republik.	223
E.A.Smagulov. Institute of Archaeology of Kazakhstan: perspectives of the international collaboration.	225

THE EAST-WEST COOPERATION.

V.M.Masson. International project "Ancient Merv".	228
V.A.Trifonov. The international symposium "Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe".	230
A.N.Kirpichnikov, E.N.Nosov. Scientific cooperation of Russian and Finnish archaeologists.	233
E.N.Nosov. The international scientific and practical seminar on archaeology in Novgorod.	236

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕВРОПА ОТ АТЛАНТИКИ ДО УРАЛА

В.М.МАССОН*

Археологические памятники и культуры, следуя особенностям расселения оставивших их племен и народов, обычно распространены в конкретных географических ареалах, определяемых, в основном, природными условиями. В настоящее время эти памятники изучаются учеными разных государств, пределы которых далеко не всегда соответствуют естественным природным рубежам. В результате, одни и те же памятники исследуются разными приемами, отчеты об этих работах публикуются на разных языках, а зачастую и степень такой изученности оказывается весьма различной. Это существенно осложняет их историческую интерпретацию, для которой особенно важна полнота имеющегося материала и уверенность в его достоверности. Политические и психологические барьеры, долгое время разделявшие европейский материк на два лагеря, в особенно чувствительной форме создавали эти трудности. Между тем, без привлечения новых археологических материалов Восточной Европы, древняя история этого материка выглядит неполной и обедненной. Можно указать, по меньшей мере, три важнейшие эпохи, для изучения которых подобные новые материалы археологии Восточной Европы особенно важны и существенны.

Первая - это время верхнего палеолита, когда в приледниковой зоне первобытное население не только устояло перед экологическим стрессом ледниковой эпохи, но и вышло из схватки с силами природы с блестящими производственными и интеллектуальными достижениями. Я имею в виду проблемы Граветта, как яркого культурного явления 25-23 тыс. до н.э. Сочетание, по крайней мере, трех компонентов определяло его специфику. Это изощренная кремневая индустрия, основанная на вкладышевой технике, долговременные жилища, в конструкции которых широко использовались кости и бивни мамонтов, и выразительное косторезное искусство, замечательными произведениями которых являются фигуры пышнотелых палеолитических матрон. Варианты этого культурного комплекса распространены достаточно широко. К их числу принадлежит так называемый Павловиен в Моравии с финальной фазой в Словакии, относящейся ко времени 23 тыс. до н.э. И, что самое поразительное, те же составные компоненты наблюдаются на памятниках в центре Русской равнины на поселении Костенки 1 и целом ряде других памятников. Распространенные на обширной территории, эти памятники нередко объединяются под термином "костенковско-виллендорфское культурное единство". Однако, на огромном пространстве, разделяющем Моравско-Словацкую возвышенность и бассейн Среднего Дона, имеется ряд культурных комплексов того же самого времени, но совершенно отличного характера. Фактически это "единство" представлено изолированными островками в бескрайней мозаике верхнепалеолитических памятников. Даже в районе самих Костенок существуют, а порой и сменяют друг друга общины с совершенно различными культурными традициями. Изучение этого феномена имеет большое значение для истории Европы поры верхнего палеолита. Видимо, здесь сказывалась заблокированность в этом архаическом обществе процессов культурной интеграции, стойкая приверженность к культурным традициям, переносимым за многие тысячи километров и упрямо сохраняемым при контактах с иноплеменниками. Ситуация здесь в корне отлична от процессов культурогенеза периода бронзы, не говоря уже об эпохе цивилизаций, создавших стандарты и эталоны, охотно воспринимаемые на далекой периферии.

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

Вторая крупная проблема общеевропейского звучания, это "Микенская цивилизация и европейский мир". Новые открытия расширяют границы той огромной территории, где проявилось взаимодействие микенских культурных стандартов и эталонов. Ярким образцом такого воздействия является культура Отомань, распространенная в Румынии, Венгрии, Словакии и Западной Украине, хотя ее нередко именуют по-разному. Ее характеризует расцвет металлургии, включающий обработку золота, укрепленные центры и богатые погребения. В типах оружия, украшениях, орнаментальных узорах, явственно проявляется воздействие Микенской цивилизации, импульсы которой достигали и далекой Дании. В степной зоне Южного Приуралья, между Волгой и Доном в последнее десятилетие открыто значительное число гробниц военной знати, представители которой, вооруженные копьями, погребались в обширных усыпальницах вместе с боевыми двухколесными колесницами и упряженными конями. И здесь повсеместно, хотя и в более смягченной форме, чем в комплексах Отомань, видно воздействие микенских эталонов, в частности, в спиралевидном орнаменте. Показательно, что эти явления в степной зоне связаны не с одной археологической общностью, обычно именуемой археологами культурой, а с целым рядом разнокультурных могильников XVII-XVI вв. до н.э. Это была, своего рода, мода эпохи, когда военная знать как в Словакии, так и в Поволжье, создавала элитарную субкультуру, частично ориентированную на наиболее значимые культурные стандарты европейского материала.

Наконец, третья проблема может быть обозначена как "Раннеславянские племена и средневековая история России". Распространение славянских племен в Центральной и Восточной Европе было важнейшим событием в формировании этнической карты средневековой эпохи. Подъем производства, прежде всего в сфере земледельческого труда, стимулировал рост численности населения, что явилось важной предпосылкой урбанизации, охватившей в VIII-X вв. обширные территории. Началось, впервые для этих регионов, становление местных государственных образований. Оно шло в условиях военно-политической конфронтации с германскими племенами на западе и степными кочевниками на востоке. Формируются Великоморавское княжество, затем Чехия, ободритское объединение, Киевская Русь и Польша Пястов. Для этой эпохи массовый археологический материал, заполняющий музейные собрания и институтские хранилища, приобретает особую ценность, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, именно он позволяет показать формирование нового типа расселения, сложение укрепленных центров уже несущих ряд урбанистических функций, экономические инновации и демографический сдвиг. Во-вторых, при внимательном анализе этот материала дает возможность реконструировать процессы культурогенеза и этногенеза, как крайне сложное и многофакторное явление. Это хорошо видно на примере Поднепровья, где традиции комплексов пеньковского типа неоднократно перекрециваются и с аварско-южнославянскими воздействиями и кочевническими элементами. Сходные процессы протекают и в других областях раннеславянской окбыкумы и восстанавливать их можно только с помощью археологии. Таким образом, и для этой эпохи познание прошлого Европы возможно лишь на широкой источниковедческой базе, не ограниченной прокрустовым ложем современных политических границ. Мы надеемся, что материалы и исследовательские разработки, публикуемые в "Археологических вестях" будут способствовать осуществлению этой не простой, но благородной работы.

V.M.MASSON.

ARCHAEOLOGICAL EUROPE FROM THE ATLANTIC TO THE URALS.

EDITORIAL

Archaeological sites and cultures left by different tribes and peoples are usually located in definite geographic areas defined mainly by natural conditions. At present these sites are studied by scientists from different countries whose borders do not always coincide with natural boundaries. As a result, the same sites are studied by different methods, reports on these studies are published in different languages. Besides, the quality of such studies often turns out rather different. This greatly complicates their historic interpretation as the latter requires full and reliable data. Political and psychological barriers which have divided Europe into two camps for a long time provoked these difficulties to no inconsiderable degree. Russian and European archaeologists have decided to combine their efforts to adequately use the data available on all the sites situated on both sides of this barrier invisible for ancient cultures. This is one of the main tasks ... Besides, international conferences on particular problems and subjects have been proposed with the aim to establish new facts Eastern European and Central European sites provide for the study of the most important periods in the history of Europe. At least three most important periods can be pointed out in this connection. Such new archaeological facts are of particular significance for their study.

The first age is the Upper Palaeolithic when primitive population not only managed to withstand the ecological stress of the Ice Age but also won the battle against natural forces with great production and intellectual achievements. I mean the problems of the Gravettian as a bright cultural phenomenon of the 25th-23rd millennia B.C. It has at least three special features: flint industry based on the insert technique, long-term dwellings constructed with the wide use of mammoths' bones and tusks, and expressive ivory-carving, the figures of stout Palaeolithical matrons being wonderful examples of this art. The versions of this cultural complex are widely spread, including the so-called Pavlovien in Moravia with the final stage in Slovakia dating from the 23rd millennium B.C. It is a most striking fact that the same components are present at the sites in the middle of the Russian plain (Kostenki 1 and a number of other sites). These sites are spread on a vast territory and often referred to as the "Kostenki-Villendorf cultural unity". However, there is a number of cultural complexes of the same age but of quite a different character on the vast territory between Moravian-Slovakian Hills and the Middle Don basin. In fact, this "unity" represents separate "isle" in a great variety of Upper Palaeolithic sites. Communities with completely different cultural traditions coexist and sometimes follow each other even at Kostenki. The study of this phenomenon is of great importance for the history of Upper Palaeolithic Europe. It can account for the hampered processes of cultural integration in this ancient society and strong adherence to cultural traditions transferred over thousands of kilometres and carefully preserved when making contacts with the members of a different tribe. The situation here differs radically from the processes of cultural genesis in the Bronze Age, not to mention the period of civilizations which created standards adopted readily in the outlying districts.

The second problem which archaeological discoveries in Europe are connected with is "the Mycenaean civilization and European world". New discoveries extend the boundaries of the vast territory influenced by Mycenaean cultural standards. The culture Otoman' widely spread in Roumania, Hungary, Slovakia and the Western Ukraine is a brilliant example of such influence. It is characterized by the flourishing of metallurgy, including gold treatment, fortified centres and rich graves. The influence of Mycenaean civilization which was felt even in distant Denmark manifested itself in different types of arms, ornaments and patterns. During the recent decade a large number of graves of military nobility have been excavated in the steppe zone of the Southern Urals and between the Volga and the Don. The representatives of military nobility were buried with spears, two-wheeled chariots and carriage-horses. Mycenaean influence, spiral ornamental pattern in particular, shows up here as well, though not so brightly as in the complexes of Otoman'. It is significant that these phenomena in the steppe zone are connected not only with one archaeological unity usually referred to as an archaeological culture but with a number of cemeteries of the 17th-16th centuries B.C. belonging to different cultures. It was a kind of fashion in that period when military nobility both in Slovakia and the Volga region created elite sub-culture which adopted and widely used the most significant cultural standards of the European continent.

Finally, the third problem can be referred to as "Early Slavic tribes and the history of Medieval Europe". One of the most important events which determined the character of ethnic distribution in the Middle Ages was the spread of Slavic tribes in Central and Eastern Europe. Rapid advance in production, especially in farming, stimulated increase in population which was an important prerequisite for

urbanization spreading over vast territories in the 8th-10th centuries. Local states began to arise in these regions for the first time in their history. The process of state formation proceeded under conditions of military-political confrontation with German tribes in the West and Steppe nomads in the East. There arose the Great Moravian principality, then Czechia, confederation of Obodrits, Kiev Rus and Poland at the time of Piasts. Archaeological material on this age in museum collections and depositories at different institutes is of special value at least in two respects. First, it is this material that allows us to show the development of the new type of ethnic distribution, the foundation of fortified centres fulfilling a number of urban functions and pointing to some economic innovations and demographic shift. Secondly, through analysis of this material makes it possible to reconstruct of processes of cultural genesis and ethnogenesis as a most complicated phenomenon. This is well illustrated by the example of the Dnieper region where Avarian - South Slavic and nomadic features are found in the complexes of the Pen'kovo type. Similar processes are also characteristic of the other parts of the territory inhabited by the Early Slavs. They can be reconstructed only by means of archaeology. Thus, the knowledge of this period in European history may also be obtained only on the basis of intensive sources independent of modern political borders. We hope that "Archaeological News" will favour the realization of this complex and very important work.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ЮДИНОВО

З.А. АБРАМОВА, Г.В. ГРИГОРЬЕВА^{*}

Обычно о палеолитическом памятнике, его хронологической позиции и культурной принадлежности судят, главным образом, на основании каменного инвентаря - наиболее массового и наиболее сохранившегося материала. Там, где они представлены, особую роль играют предметы из кости, рога, бивня: орудия, украшения, произведения искусства. Палеолитическое поселение Юдиново представляет собой один из ярких и довольно редких на Русской равнине примеров развития косторезного мастерства и в первую очередь использования и обработки бивня.

Поселение Юдиново расположено на мысу первой надпойменной террасы правого берега Судости, правого притока р.Десны, впадающей в р.Днепр. Оно находится на окраине с.Юдиново Погарского района Брянской области России (на юго-запад от Москвы). Поселение было открыто К.М.Поликарповичем в 1934 г. и раскапывалось им в 1947 г. и в начале 1960-х годов вместе с В.Д.Будько, продолжившим раскопки после смерти К.М.Поликарповича (Поликарпович 1968; Budko 1972). Стратиграфия описана А.А.Величко (1961). С 1980 г. систематическое исследование поселения ведется экспедицией Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург) под руководством З.А.Абрамовой (Абрамова 1989). Большая серия радиоуглеродных дат, полученных в шести русских и зарубежных лабораториях, свидетельствует о существовании поселения в пределах 15-14 тысяч лет назад. Faунистические остатки принадлежат преимущественно мамонту и песцу, в значительно меньшем количестве встречены кости северного оленя, овцебыка, лошади, бобра, сурка и хищников: медведя и волка.¹

На поселении в разные годы раскопок обнаружены остатки, по меньшей мере, четырех жилищ, основания которых сооружены из костей мамонта. Главным образом с заполнением этих жилищ, а также с обширными "зольниками", расположенными вне их, связаны культурные остатки. Богатейшая коллекция костяного инвентаря из раскопок 1980-1991 гг. свидетельствует, что обитатели поселения в совершенстве владели мастерством расчленения и обработки бивня мамонта - материала, обладавшего в свежем виде цennыми техническими свойствами, прежде всего, прочностью и эластичностью. При попечном членении целых бивней производили глубокие надрезы, а затем бивень обламывали, что отчетливо прослеживается на округлых кусках бивней. Продольное членение производили двумя способами: из бивня вырезали целые длинные сегменты с ровными стенками, предназначенные для выполнения объемных вещей и при помощи глубоких надрезов-пропилов поверхности выделяли крупные и широкие пластины-заготовки. Чаще всего, такие пластины сохранились в виде обломков со следами лишь одного длинного пропила и следами от попыток других надрезов (рис.1,4). Пластины-заготовки с помощью дальнейших технических приемов обработки: резания, строгания, скобления, заглаживания, полировки, сверления превращали в готовые изделия: наконечники копий, дротиков и, возможно, стрел, различных стержней, иногда покрытых сложным геометрическим узором; лощил и даже иглок, а также украшений. Необходимо

* Санкт-Петербург, 191065, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

¹ Определения фауны из старых раскопок произведены Н.К.Верещагиным и И.Е.Кузьминой (1977), из новых раскопок - И.Е.Кузьминой (не опубликованы).

отметить, что, несмотря на прекрасные образцы сверления (например, на рис.2,3,7), значительно чаще применяли прорезание отверстий (например, на иглах и мелких бусах).

Из орудий наиболее многочисленны наконечники копий, дротиков и стрел, которые различаются, главным образом, по размерам и деталям обработки. Представлены экземпляры как с пазами, так и без них. Среди первых отмечается массивный наконечник со слегка уплощенным острием и обломанным наискось основанием. Длина его 17,3 см, сечение овальное 2,0 x 1,7 см. Широкая и неглубокая бороздка вырезана на более плоской стороне в средней части. На всей заглаженной поверхности видны продольные и поперечные царапины, возможно, следы обработки (рис.1.8). Другой наконечник также с одним пазом имеет заостренный конец и косо сломанное основание. Длина его 13,1 см, диаметр 1,4-1,2 см. Паз начинается отступа 0,5 см от верхнего конца и, видимо, имел продолжение на обломанном участке (рис.1.5). Сохранилось основание двухпазового наконечника длиной 5,6 см, диаметром 1,7-1,6 см. Основание заострено. Широкие и неглубокие пазы прорезаны, отступя 1,0 и 0,5 см от конца основания.

Из безпазовых крупных наконечников отметим обломок округлого в сечении орудия диаметром 1,7 см и длиной 6,8 см с характерным для Юдинова орнаментом из тонких пересекающихся линий, покрывающих участок поверхности (рис.1.7).

Как особый тип могут быть выделены наконечники с коротким черешком. Типичен целый экземпляр длиной 7,8 см и диаметром в средней части 1 см. Верхний конец слегка затуплен. Черешок в основании имеет длину 0,5 см. Поверхность в отдельных местах покрыта тонкими бессистемными штрихами - следами от строгания и заглаживания. Среди них едва прослеживаются нарезки в виде двух двойных ромбов. Особо следует упомянуть наконечник с черешком и пазом длиной 7,1 см и максимальным диаметром 0,9 см. Черешок обработан с двух сторон и имеет длину 1,7 см с одной стороны и 1,2 см с другой. На одном плоском фасе имеется глубокий и довольно широкий желобок (рис.1.6).

Большую серию составляют тонкие наконечники с двумя заостренными концами; с заостренным верхним концом и суженным овальной формы основанием; с коротким выделенным насадом. Сечение наконечников округлое или овально-уплощенное. Размеры их варьируют: длина 7-15 см, диаметр в средней части 0,4-0,7 см. Иногда эти удлиненные и тонкие изделия орнаментированы. Основным орнаментальным мотивом является ромбическая сетка, реже одинарные, двойные и тройные продольные линии, зигзаги, тонкие штрихи и насечки. Иногда на одном наконечнике наблюдается сочетание различных элементов орнамента, например, ромбов с зигзагами, зигзагов с тонкими штрихами и т.д.

К числу почти целых относится наконечник, у которого слегка обломано основание. Размеры его: длина 7,6 см, диаметр в средней части 0,5 см (рис.2,4). Оба конца заострены. Поверхность заглажена. Сечение округлое. На поверхности в средней и нижней части наконечника прослеживаются волнистые продольные линии различной длины, две из них пересекаются.

У другого наконечника обломаны и основание и верхний кончик. Размеры сохранившейся части: длина 10 см, диаметр 0,5 - 0,4 см (рис.2,8). Поверхность покрыта двойными почти параллельными продольными линиями, а остальное пространство заполнено поперечными зигзагами, расположеннымными почти на одинаковом расстоянии друг от друга.

Третий наконечник с обломанным концом - длинный и тонкий: длина 10,5 см и диаметр 0,5-0,6 см (рис.2,5). Орнамент расположен только на половине сохранившейся длины: на одной стороне обычна для Юдинова правильная ромбическая сетка, на другой - зигзаг, местами дополненный таким образом, что линии удваиваются или расходятся, создавая нечеткие ромбы. На стоянке найдено много обломков стержней, часто покрытых орнаментом. Возможно, некоторые из них являлись фрагментами наконечников, но не исключено и другое их толкование, на котором остановимся ниже.

Серий представлены мелкие остряя, которые, скорее всего, могли служить наконечниками стрел. Длина их 4-6 см. Они округлые или овальные в сечении и диаметр их варьирует от 0,5 до 1,0 см. Верхние концы заострены. Основание заужено, у отдельных экземпляров выделен очень короткий черешок.

Несомненно, что столь разнообразные по форме и размерам наконечники свидетельствуют о дифференциации охотниччьего вооружения. Следует упомянуть также многочисленные мелкие стерженьки с округлым сечением, диаметром в среднем 0,3 см, встроенные в обломках, среди которых имеются и заостренные концы, и затупленные, ровно срезанные, основания, в редких

случаях снабженные косо срезанными гранями. Не исключено, что они также имели отношение к охотничьему вооружению.

Из орудий другого назначения представлены лощила, изготовленные из кусков и пластин бивня. Они имеют рабочий конец овальной формы и одностороннюю заглаженность близ этого конца. Остальная поверхность оставлена без обработки.

Из бивня изготовлена и часть иголок, большинство их сломано в древности. Верхний конец имеет обычно треугольную форму и ушко чаще всего не просверленное, а прорезанное. Поверхность иголок заполирована до блеска. По форме и обработке они очень близки к костяным иголкам (рис.2.1.2).

Из предметов, отнесенных к орудиям, можно упомянуть лопаточку или ложечку с хорошо обработанным черенком и выделенной лопастью. Черенок овально-уплощенный в сечении, на его конце сохранились следы резания. Здесь отчетливо видно, что обрезав заготовку до определенной глубины, ее затем обломали. Выражен и переход от черенка к расширению рабочей части. Последняя прямоугольно-вытянутой формы, слегка вогнутая в середине. Размеры изделия: общая длина 11,1 см, длина черенка 6,6 см и лопасти соответственно 4,5 см, ширина черенка 1,2 см, лопасти - 1,7 см, толщина черенка - 0,6 и 1,0 см, лопасти - 0,5 см. Лопаточка напоминает подобные изделия из более древних памятников - верхнего слоя Костенок 1 и особенно Хотылево II.

Назначение многих поделок трудно определить. Это, например, изделия из небольших пластин бивня с острым скосенным концом, напоминающим лезвие ножа. Свообразна и пластинка с прорезанным с одной стороны мелким пазом и короткими поперечными насечками по продольным краям.

Особый интерес вызывает изделие, не имеющее прямых аналогий в костяном инвентаре палеолита и условно названное фибулой. Это тонкий орнаментированный стержень с бочкообразным просверленным насквозь навершием. Размеры фибулы: общая длина 8,5 см, диаметр стержня в средней части 0,5 и 0,4 см, длина навершия 1,1 см, ширина 1,0 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис.2.7). Нижний конец стержня заострен, но самый кончик обломан. Поверхность стержня, отступая 1,2 см от нижнего конца и 1,5 см от навершия покрыта ромбовидным орнаментом. Навершие тщательно заполировано. Каково бы ни было назначение этого предмета, находка его позволяет по-иному трактовать обломки орнаментированных стержней, ранее отнесенных к группе наконечников дротиков. Упомянем лишь два из них.

Обломок стержня с зауженным овальным основанием. Длина сохранившейся части 10,1 см, диаметр 0,9 и 1,0 см (рис.2.9). Покрывающий поверхность орнамент состоит из двух мотивов: сетка ромбовидного узора прерывается продольной дорожкой, в которую вписаны цепочкой отдельные более крупные ромбы, соединенные концами друг с другом. Внутри каждого из них нанесен продольных штрих.

У второго стержня также один конец обломан, второй закруглен. Длина его 6,7 см, диаметр 0,5 и 0,6 см (рис.2.6). Большая часть поверхности покрыта ромбовидным орнаментом с одной стороны и короткими поперечными зигзагами с другой. И размеры, и форма, и орнамент этого изделия не противоречат тому, что это могла быть фибула с обломанным навершием.

Иной должна быть трактовка крупного расщепленного вдоль стержня, оба конца которого обломаны. Длина сохранившейся части 15,2 см, ширина 1,7 см, толщина 0,8 см (рис.2.10). Сечение плоско-выпуклое, что вызывает в памяти полукруглые baguettes французского мадлен, но в отличие от последних плоская сторона не обработана. Выпуклая поверхность продольными двойными линиями разделена на три зоны, одна из которых заполнена поперечными параллельными зигзагами, расположеными на некотором расстоянии друг от друга. Остальные две зоны заполнены рядами "елочек", выполненными тонкими штрихами и отражающими внутреннюю структуру бивня.

Если до сих пор мы упоминали орнамент, связанный с тем или иным изделием, то наиболее примечательной орнаментированной находкой с юдиновского поселения следует считать крупную пластину бивня неопределенной формы, найденную в 1991 г. за пределами костного ограждения жилища, открытого в 1981 г. Она лежала достаточно глубоко по отношению к обкладке жилища и плохо сохранилась во влажной среде. Размеры пластины, закрепленной на месте, взятой монолитом и расчищенной в камеральных условиях: длина 16,7 см; ширина концов 1,0 и 1,2 см, средней части 2,5 см; толщина до 1,0 см. Продольные края не закруглены и не подверглись разрушению. Обе плоские поверхности покрыты сложным ромбовидным орнаментом, менее правильным по сравнению с геометрическим узором на стержнях (Абрамова, Григорьева 1992: рис. на с.71).

Орнамент на выпуклой (внешней) стороне нанесен продольными и поперечными линиями, расположенные под углом к краям пластины. Поперечные линии прочерчены на разных расстояниях и, расширяясь у одного продольного края, пересекаются или соединяются у другого края. Геометрические фигуры, образованные этими линиями, различны, иногда это разновеликие вытянутой формы ромбы. Некоторые из них, разделенные линией вдоль или поперек, превращены в треугольники. Местами поверхность пластины поделена продольными и поперечными линиями на полосы. Однако, при всех этих "нарушениях" основной геометрической фигурой остается ромб. Любопытно, что небольшой участок в средней части у одного края, отделенный овальной линией, не был заполнен.

Орнамент на вогнутой (внутренней) стороне сохранился хуже, часть орнаментированной поверхности отслоилась и отпечаталась в подстилающей супеси. Орнамент также представляет сетку из разновеликих ромбов, немного отступающую от одного края. Не все ромбы правильной формы, иногда они разделены линиями на треугольники. Назначение этой необычной находки остается неопределенным, лишь в очень отдаленной степени она напоминает "чуринги" из Елисеевичей.

В Юдинове найдены также небольшие куски и пластины бивня, на которых видны различные тонкие нарезки, в том числе наметки ромбовидного орнамента, покрывающего не всю поверхность, а лишь отдельные участки. На некоторых предметах единичные ромбовидные фигуры прочерчены более отчетливо. Один из массивных кусков бивня был плотно упакован в известковистую корку. После высыхания корка отвалилась и под нею оказался участок с ромбовидным орнаментом, негатив которого отпечатался на внутренней стороне корки.

На заглаженной поверхности тонкой пластиинки бивня длиной 6,8 см, шириной 2,0 см и толщиной 0,1-0,15 см с закругленным концом нанесены неопределенные линии и штрихи (рис.1,3). Они, возможно, не имели орнаментального характера, хотя при желании можно увидеть рыбовидные сюжеты, характерные, например, для Тимоновки.

Обширную группу изделий составляют украшения. Это, прежде всего, подвески различной формы и размеров, в том числе прямоугольной или овальной формы с прорезанным, реже просверленным на конце или в центре отверстием. Такова подвеска овально-удлиненной формы, один конец которой сужен на острие, второй имеет овальную форму. Размеры ее: длина 3,0 см, ширина в средней части 1,2 см, толщина 0,5 см (рис.2,3). На расширенном конце аккуратно вырезано округлое отверстие большого диаметра (0,5 см). Поверхность поделки заглажена. Имеются подвески и с двумя отверстиями, сохранившиеся лишь в виде фрагментов.

Исключительно многочисленны миниатюрные бусы, представленные заготовками, обломками и целыми экземплярами различной формы: круглые, овальные, прямоугольные, квадратные (рис.1,2). Изготовлены они из тончайших пластинок бивня. Размеры варьируют от 0,5-1,5 см в длину, 0,5-0,9 см в ширину и 0,1-0,2 см в толщину. Круглые и овальные имеют диаметр 0,5-0,7 см. Как правило, готовые бусы имеют отверстие, прорезанное лишь с одной стороны. Бусы настолько малы и тонки, что их трудно обнаружить при расчистке культурного слоя, выявляются они обычно лишь при промывке. И бусы, и их заготовки насчитываются тысячами, среди заготовок представлены узкие тонкие пластинки с поперечно намеченными линиями, то есть еще не расчененные.

Уникальная находка позволила проследить весь процесс изготовления бус. В 1990 г. в "зольнике", расположенном южнее жилищ, найден фрагмент бивня длиной 14,4 см, шириной в средней части 4,8 см и толщиной 1,5 см, на внутренней стороне которого намечены контуры сетки для изготовления бус (рис.1,1). Пять продольных линий разделяют часть поверхности на 4 ряда, а 17 поперечных линий делят ряды на прямоугольники и квадраты. В трех рядах, ближних к левому краю, располагается по 16 прямоугольников и квадратов, причем в нижней части первого ряда, смежного с краем, прямоугольники неполные. В четвертом ряду расположено 12 прямоугольников и внизу 2 треугольника. Заслуживает внимания, что во втором ряду от левого края почти во всех прямоугольниках и частично в четвертом ряду прорезями намечены отверстия. Можно представить, что в дальнейшем контуры сетки прорезались глубже и, согласно структуре бивня, отделялись тонкие пластинки. Затем пластинки делились на прямоугольники, у некоторых из них закруглялись края. Прорезание отверстий превращало заготовки в законченные бусы. Изделия эти очень хрупкие и вряд ли могли нанизываться на ожерелье. Этому противоречит и характер отверстий. Скорее всего, их могли нашивать на одежду.

Использование бус известно и на многих других памятниках, но мы не знаем ни одного поселения, где были бы в массе представлены столь тонкие и столь разнообразные по форме,

ОБРАБОТКА БИВНЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ЮДИНОВО.

доведенные до минимальных размеров изделия из бивня. Определенную аналогию по форме и размерам, но отнюдь не по массовости и по материалу, можно найти на ангарской стоянке Красный Яр, где в верхнем (II) слое найдено 5 мелких плоских бус, изготовленных из эмали зуба лошади (Абрамова 1978: рис.11, 7-11). Отверстия в бусах из Красного Яра сделаны с помощью двухстороннего сверления, в отличие от юдиновских, тонко и небрежно прорезанных.

Этим можно было бы закончить краткое описание изделий из бивня в Юдиновском поселении, но необходимо упомянуть, что они далеко не исчерпывают костяной инвентарь этого памятника. Большие серии предметов изготовлены из осколков трубчатых костей и из ребер мамонта, трубчатых костей песца, костей и рогов северного оленя. Костяной инвентарь значительно превосходит количественно набор каменных орудий и это подчеркивает своеобразие поселения Юдиново.

Из деснинских памятников наиболее близка Юдиново стоянка Тимоновка в районе г.Брянска (Величко и др. 1977). Несмотря на более бедный костяной инвентарь Тимоновки, сходство наблюдается в характере оформления готовых предметов и в орнаментальных мотивах. В Тимоновке отмечен сходный ромбовидный и рыболовный орнамент, нанесенный как на изделия, так и на куски и пластины бивня.

Не только богатство костяного инвентаря выделяет Юдиново из остальных памятников бассейна Средней Десны. Подобное обилие предметов из бивня отмечено и в Мезине с его уникальными скульптурными фигурами и орнаментальными мотивами. И не только своеобразие ряда изделий, не имеющих аналогий ни в территориально близких, ни более отдаленных памятниках. Наиболее интересным представляется нам наличие в Юдинове хорошо наложенного производства бус, их исключительное изобилие. Вторым моментом является правильный ромбический орнамент, совершенство которого на ряде предметов настолько высоко, что предполагает не только верный глаз и твердую руку, но и точное измерение.

В заключение несколько слов о возрасте Юдиновского поселения. К.М.Поликарпович (Поликарпович 1968: 175-177), исходя из условий залегания культурного слоя, особенностей строительной техники жилищ, анализа фауны, кремневого и костяного инвентаря, датировал Юдиново раннемадденской эпохой, в соответствии с научными установками своего времени. А.А.Величко, Л.В.Грехова, З.П.Губонина (Величко и др. 1977:63) считают, что Юдиново близко по возрасту к Тимоновке I и II, но возможно, древнее их в пределах позднеледниковых. Этому не противоречат радиоуглеродные даты. По технико-типологическим данным кремневого и костяного инвентаря Юдиново находит определенные соответствия не только в одновременных памятниках Средней Десны, но и в мадденских стоянках Польши. Я.Козловский выделил в маддене Польши 6 фаций, подчеркнув, что между ними существуют значительные различия (Kozlowski 1989: 31-50). Интересно, что каменный инвентарь Юдиново имеет аналогии в наборах орудий из разных фаций, а костяной - в материалах грота Машицка, где также костяные орудия преобладают над каменными. Отличается лишь первичный материал: большая часть изделий из Машицки: наконечники, часто орнаментированные стержни, шилья, лощила, орудия типа navette и т.д. изготовлены из костей и рогов северного оленя. Орнамент Машицки также отличен от юдиновского.

Резюмируя, следует отметить, что в разнообразном и искусном использовании бивня заключаются существенное отличие поселений Юдиново от мадденских памятников Центральной и Западной Европы, где место бивня, как исходного материала, занимает рог северного оленя. Это естественно, поскольку в целом именно северный олень замещает там мамонта, еще широко распространенного в конце палеолита на Русской равнине.

- АБРАМОВА, З.А. 1978. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) //
Археология культуры Приангарья: 7-34. Новосибирск.
1989. Две модели культурной адаптации в конце палеолита. // Проблемы культурной адаптации в
эпоху верхнего палеолита: 13-15. Ленинград.
АБРАМОВА, З.А., Г.В.ГРИГОРЬЕВА. 1992. Слоновая кость в умелых руках наших далеких предков. //
Природа 4: 70-71.
ВЕЛИЧКО, А.А. 1961. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской
равнины. Москва.
ВЕЛИЧКО, А.А., Л.В.ГРЕХОВА, З.П.ГУБОНИНА. 1977. Среда обитания первобытного человека
Тимоновских стоянок. Москва.

ВЕРЩАГИН, Н.К., И.Е.КУЗЬМИНА. 1977. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне. // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири: 82, табл. 3. Ачинск.

ПОЛИКАРПОВИЧ К.М. 1968. Палеолит Верхнего Поволжья. Минск.

BUDKO, V.D. 1972. The Palaeolithic period of Byelorussia and adjoining areas. // In Bordes F. [ed.], The Origin of Homo sapiens. Proceeding of the Paris symposium, 2-5 September 1969: 187-198. Paris.

KOZŁOWSKI, J.K. 1989. Le Magdalénien en Pologne. // In Otte M., Kozłowski J. [eds.], *Le Magdalénien en Europe. Actes du Colloque de Mayence*. 1987: 31-52. Liège.

¹⁰ *La poésie de l'Europe. Actes du Colloque de Mayence, 1987*: 31-52. Liège.

Z.A.ABRAMOVA, G.V.GRIGORYEVA
JIC SITE YUDINOVO

IVORY ARTEFACTS FROM THE PALAEOLITHIC SITE YUDIN

Summary.

It is a well-known fact that the chronological age and cultural type of a palaeolithic site are mainly established on the basis of stone implements - these being the most frequent and well-preserved material. Also of special importance are the bone, antler and ivory artefacts such as tools, decorative pieces and works of art. Artefacts from the Palaeolithic site Yudinovo represent examples of the development of bone carving and the treatment of ivory in particular.

Yudinovo is situated on the right bank of the Sudost, the right tributary of the Desna which flows into the Dnieper. A large series of radiocarbon dates established by six laboratories in Russia and abroad, range from the present back over 14-15 thousand years. Faunal remains at Yudinovo consist mainly of mammoth and polar fox bones. Also present in smaller numbers are the bones of reindeer, musk-ox, horse, marmot and predators such as the bear and wolf.

Over a number of years the remains of at least four dwellings constructed from mammoth bones have been discovered. Inhabitants of this site achieved perfection in the treatment of ivory. This material possesses valuable technical properties when fresh such as firmness and elasticity. Evidence shows that width and especially length-wise cuts were made to mark out dart points. Different rods were carved with complicated geometric design. A specific feature of this site is the mass production of tiny beads from thin ivory plates. All stages of their manufacture are represented from the initial marking out of a blank ivory plate. One such piece of ivory had an inner surface scored into rectangles not only of the same size of the finished beads but also with their holes marked out. Ivory treatment of the Yudinovo enriches to a certain extent the general knowledge of Palaeolithic culture. Broad use of ivory and its perfected treatment considerably distinguish Yudinovo from contemporary madlenian sites in Western Europe where reindeer antler was used instead of ivory.

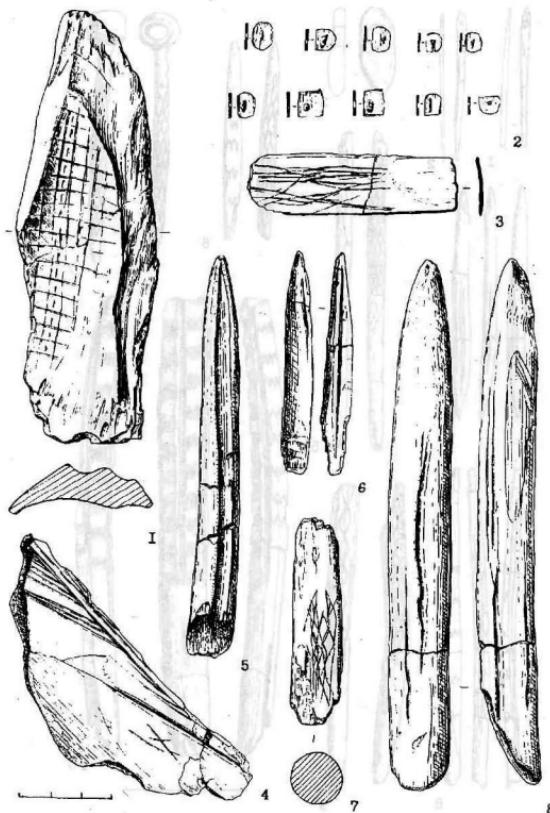

Рис.1 Юдиново. Обработанный бивень: 1 - фрагмент бивня с намеченной сеткой для изготовления бус; 2 - бусы из тонких пластинок бивня мамонта; 3- обломок пластинки бивня со следами обработки; 4 - обломок пластины бивня со следами продольного расщепления; 5 - наконечник с пазом; 6 - наконечник с черешком; 7 - обломок крупного наконечника или стержня с орнаментом; 8 - крупный наконечник.
 Fig.1 Yudinovo. Artefacts of ivory. 1 - fragment of ivory with the net for maring beads; 2 - beads of ivory bladelets; 3 - ivory bladelet; 4 - fragment of the blade of ivory with the traces of longitudinal cut; 5 - 8 - darts or javelins.

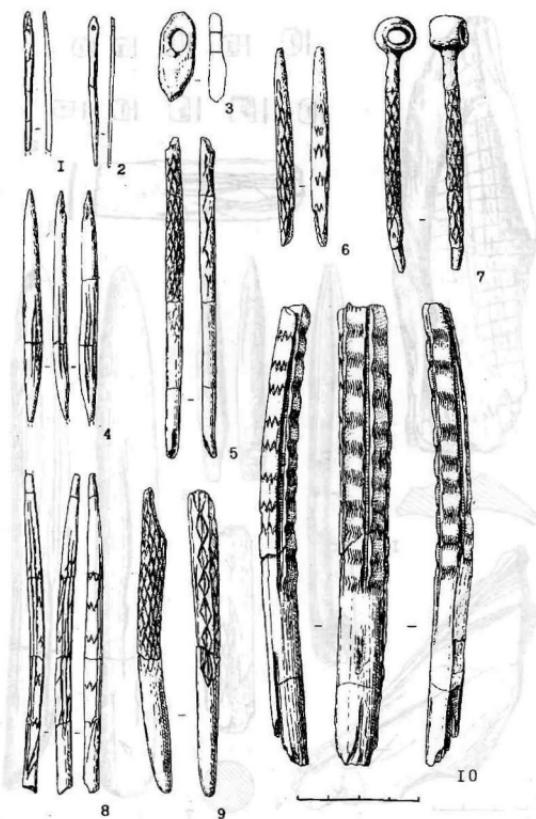

Рис.2 Юдиново. Инвентарь из кости (1,2) и бивня (3-10): 1,2 - иглы; 3 - подвеска; 4-6 - тонкие наконечники с орнаментом; 7 - фибула с бочкообразным навершием; 8,9 - орнаментированные стержни; 10 - орнаментированный стержень, расщепленный продольно.

Fig.2 Yudinovo. Artefacts of bone (1-2) and of ivory (3-10): 1,2 - bone needles; 3 - perforated pendant; 4-6 - darts or javelins; 7 - decorated piece with perforated head; 8,9 - decorated rods; 10 - decorated baguette.

НОВЫЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ КРЕМНЕВОГО СЫРЬЯ ДЛЯ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

В.А.ГАЛИБИН, В.И.ТИМОФЕЕВ*

На большей части территории Северной Европы источники кремневого сырья - основного материала для изготовления орудий в каменном веке и эпохе раннего металла, отсутствовали. (Ковнурко 1963; Kinnunen, Tuppni, Hokkanen, Taavitsainen 1989, тар.2). Именно это привело к формированию своеобразных кварцевых и кварцево-сланцевых индустрий на Кольском полуострове, значительной части Карелии, Финляндии и смежных регионов. Источников кремневого сырья не было и на значительной части Восточно-Прибалтийского региона. Коренные месторождения здесь известны лишь в южной Литве (Ковнурко 1963). Очевидно, именно бедность кремневым сырьем обусловила появление в Восточной Прибалтике развитой костяной и роговой индустрии, характерной для мезолита (культура Кунда) и ранненеолитической нарвской культуры (Гурина 1975). К сожалению, в Восточной Прибалтике, как и на обширной территории Северной Европы в целом, систематика и классификация разновидностей кремневого сырья, использовавшегося в каменном веке, разработаны очень слабо, по сравнению, например, с территорией Польши, где выделены основные подразделения кремня, связанные с определенными источниками и в большинстве случаев достаточно четко распознаваемые визуально (Sulimirski 1960).

В древнейшем известном комплексе основной мезолитической культуры Восточной Прибалтики - культуры Кунда, стоянке Пулли в Эстонии (Jaanits L., Jaanits K. 1975; 1978), относящейся к периоду первого освоения человеком этой территории в раннем голоцене, преобладает черно-коричневый кремень, не характерный для комплексов позднего мезолита - раннего неолита и происходящий, очевидно, с более южных территорий Северо-Западной Белоруссии, Валдайской возвышенности или верховьев Днепра (Гурина 1989: 47). Аналогичный, по мнению К. Яанитса (Jaanits K. 1990:3) кремень представлен и в ранненеолитическом комплексе - Звейниеки II в Латвии (Zagorska 1981). В других памятниках кундской культуры встречается цветной кремень, не ясного происхождения, а на мезолитических памятниках Средней Эстонии преобладают изделия из местного невысокого качества валунного кремня (Jaanits K. 1990:3), имевшего весьма ограниченную территорию распространения. В коллекциях ранненеолитической нарвской культуры кремневые изделия очень редки. Так, на одной из эталонных стоянок, Нарва III в Северо-Восточной Эстонии, практически чистом комплексе нарвского типа керамики и костяного-рогового инвентаря, было найдено всего 2 орудия, 3 отщепа и осколок кремня (Гурина 1967:40). На раскопанной в 1960-е гг. части стоянки Оса в Юго-Восточной Латвии вместе с многочисленными находками керамики и изделий из кости и рога встречены скребок и 2 отщепа кремня (Zagorskis 1973:68). Бедность кремнем типична для ранненеолитических комплексов Латвии и Эстонии. Н.Н. Гурина выделила эту черту как один из характерных признаков нарвской культуры (Гурина 1967:175). На наш взгляд, подобный признак вряд ли может рассматриваться в качестве культуроопределющего, поскольку его проявление зависит от природных условий района расположения памятника и от конкретной исторической ситуации того времени. Вместе с тем, является установленным фактом то обстоятельство, что в мезолите, и, особенно, в раннем неолите, кремень поступал на территорию Восточной Прибалтики очень ограниченно.

Значительное количество кремня появляется здесь в последующее время, в развитом (среднем) неолите, вместе с новым населением - носителями культуры типичной гребенчато-ямочной керамики, резко отличной от предшествующей ранненеолитической. В Восточную Прибалтику носители этой культуры пришли с востока, с территории современной Карелии или Финляндии, возможно, как

* Россия . Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН.
В.А.Галибин - лаборатория археологической технологии; В.И.Тимофеев - отдел палеолита.

предположил Л.Ю.Янитс из Приладожья и территорий лежащих к западу и югу от Ладожского озера (Янитс Л. 1959:336). Большое количество кремневых изделий, встреченное во многих комплексах стоянок этой культуры, свидетельствует, очевидно, о развитой системе обмена, о связях с населением территорий, богатых кремневым сырьем. Высказывалось предположение (Гуриня 1967; 1975), основанное, в частности, на находках специфического кремня фиолетового цвета, редкого для многих других регионов, о происхождении кремневого сырья культуры гребенчато-ямочной керамики Восточной Прибалтики из региона верховьев Волги. На смежной с рассматриваемой территорию Финляндии, где источники кремневого сырья также отсутствуют,¹ по традиционным представлениям, подкрепленным последними специальными исследованиями (Matiskainen, Vuorinen, Viitman 1989) кремень поступал с юго-востока, с территории России, и с юго-запада, из Южной Швеции или Дании. При этом в каменном веке преобладал "восточный" кремень, а в эпоху раннего металла - "западный", хотя присутствие "западного" кремня фиксируется и на неолитических памятниках юго-западной Финляндии (Kinnunen, Tuppi, Hokkanen, Taavitsainen 1985). Финляндские ученые использовали своих исследований данные петрографии, а также геохимического анализа, показавшего, в частности, определенные различия состава "восточного" и "западного" типов кремня. В то же время, степень диагностичности методик, отсутствие сравнительного анализа материалов стоянок и месторождений кремневого сырья, а также очень малое число образцов с огромной территорией вокруг Финляндии, не позволяют уточнить конкретнее часть обширного региона, из которого поступало сырье на памятники культуры гребенчато-ямочной керамики.

В 1970-е гг. в ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) по инициативе Н.Н.Гуриной, было предпринято специальное геологическое изучение и детальное геохимическое исследование основных коренных выходов кремнесодержащих пород верховьев Волги. На отрезке п.Селище-г.Старица было обследовано 16 месторождений кремня (Селиванова 1984). В.А.Галибиным был сделан массовый спектральный количественный анализ образцов, позволивший детально охарактеризовать геохимический состав кремня каждого месторождения, а статистическая обработка данных позволила ему разработать методику геохимической идентификации кремня этой группы месторождений. Факториальная база основывается на данных около 700 результатов спектрального анализа. До настоящего времени лишь некоторые из них опубликованы Н.Б.Селивановой (1984), где описана и применена методика. В последние годы по этой методике были изучены серии образцов кремня из памятников каменного века северо-восточной части Прибалтийского региона, давшие интересные, в определенной мере неожиданные результаты.

Ряд коллекций происходит из памятников юга Ленинградской области, нового локального района распространения комплексов восточноприбалтийских культур каменного века. Памятники, исследовавшиеся в 1980-е гг. В.И.Тимофеевым (Тимофеев 1985; 1985a; 1987) связаны с побережьем озер в Лужском районе. Анализировались серии образцов кремня из неолитических стоянок, расположенных на берегах оз.Сибирское (стоянки Сибирское I и III, расположены примерно в 40 км к западу от г.Луги). Меревское (стоянка Мерево II, в 12 км к востоку от г.Луга).

Стоянка Сибирская I дала почти чистый комплекс типичной, гребенчато-ямочной керамики (с очень небольшим количеством керамики нарвского типа). Анализировалось 18 образцов кремня, семь из которых полностью совпадли по геохимическим характеристикам (с 95% уровнем вероятности) с сырьем верхневолжских коренных месторождений, в том числе шесть - с сырьем из мощных выходов кремнесодержащих пород месторождения на р.Селижаровка² и один - с сырьем месторождения № 21 в районе г.Ржева³ (рис.1).

Стоянка Сибирская III занималась неоднократно. На разных участках раскопанной площади зафиксированы последовательные этапы заселения памятника. В мощном культурном слое, залегающем в песке, местами стратифицированном, встречена керамика нарвского типа, гребенчато-ямочная, эпохи раннего металла, железного века. Серия образцов кремня связана с горизонтами, где

¹ Возможно, источником одного из видов каменного сырья, морфологически сходного с кремневым - кварцита яспериона, был север, Финская Лапландия (Kinnunen, Tuppi, Hokkanen, Taavitsainen 1985).

² Коренные выходы кремня расположены в обрыве правого берега р.Селижаровка, - левого притока Волги, в 1,5 км ниже д.Яровинка - в 2,5 км выше д.Коптево Осташковского района Тверской области. Они тянутся на 200 метров. Желваки кремня залегают в трех слоях известняка, мощностью около 0,4; 0,6; 1,15 м. Геологические отложения относятся к веневскому горизонту (C_1VVN).

³ Нумерация месторождений кремня следует по описи полевых геохимических опробований. Месторождение № 21 расположено на правом берегу Волги в 8 км выше по течению от г.Ржева.

значительную часть находок составляли фрагменты гребенчато-ямочной керамики. Из 15 анализировавшихся образцов семь совпадло с сырьем Селижарово, один - с местонахождением № 21.

Стоянка Мерево II дала керамику нарвского типа и гребенчато-ямочную, а также керамику эпохи раннего металла, большинство находок которой связано с верхним (I) горизонтом слоя. 18 из 30 образцов кремня Мерево II совпали по составу с кремнем Селижарово и три образца могут относиться к месторождениям под г.Ржевом.⁴ Следует отметить, что в серии образцов из нижнего (II) горизонта культурного слоя удельный вес верхневолжского (селижаровского) кремня выше, чем в серии из верхнего горизонта (рис.1).

Анализировалась также серия образцов из мезолитической стоянки Соколок, расположенной на берегу Соколовского озера, примерно в 20 км севернее неолитических стоянок Сибирской группы. Здесь в 1982 г. был открыт один из редких на северо-западе мезолитических памятников, давший богатую коллекцию костяного и рогового инвентаря кундского типа (Тимофеев 1987). Отложения, перекрывающие культурный слой размыты, участками слой стоянки содержит также "примесь" более поздних, преимущественно средневековых, находок. Фрагменты неолитической керамики единичны. Комплексы костяной-роговой и каменной индустрии типологически очень однородны и должны быть датированы мезолитическим временем (развитая кундская культура, при почти полном отсутствии позднемезолитических элементов). Скорее всего, хронологически комплекс следует отнести к бореальному климатическому периоду. Из серии в 22 образца кремня, четыре совпали с сырьем Селижаровского месторождения и еще 4 - с сырьем месторождений под г.Ржевом.⁵ Можно отметить, что один из образцов кремня, тождественного ржевским (сырец месторождения № 8), представлял собой выразительный экземпляр плитчатого кремня, обычного для верхневолжских коренных месторождений. Типологически в индустрии Соколка имеются элементы, объясняемые связями с мезолитом Волговерховья (в частности, значительная серия "коротких сечений").

Анализировались образцы из некоторых других коллекций, в которых (в частности, по наличию характерного фиолетового цвета кремня)⁶ можно было предположить наличие кремневого сырья верхневолжского происхождения.

Поселение Нарва II расположено на крайнем северо-востоке Эстонии, на левом берегу р.Нарва, в ее нижнем течении. Памятник, раскопанный Н.Н.Гуриной (Гурина 1967) представляет собой один из эталонных, практически "чистых" комплексов культуры гребенчато-ямочной керамики (97% типичной гребенчато-ямочной керамики и 3% керамики нарвского типа, Гурина 1967:47). Коллекция кремневого инвентаря, для неолита Восточной Прибалтики, весьма значительна (995 предметов, в том числе, отщепы и осколки), включает серию предметов из фиолетового "валдайского" кремня (Гурина 1967:114,115). Среди геохимически анализировавшейся серии из 32 отщепов, пять аналогичны сырью из Селижаровского месторождения и четыре - сырью других месторождений верховьев Волги⁷ (рис.1).

Далее в западном направлении находки кремневого сырья, идентичного с селижаровским, выявлены в Восточной Литве. Из изученной серии отщепов из стоянки Жаймянис (кремневый материал любезно представлен А.А.Гирининкасом) семь из 12 образцов оказались идентичны с кремневым сырьем из Селижаровки (рис.1). Поселение, исследованное А.А.Гирининкасом, относится им к средненеолитическому этапу нарвской культуры, для которого автор предполагает поступление кремневого сырья с верховьев Немана и верховьев Волги (Гирининкас 1988:46). В этом районе, впервые в Восточной Литве, были открыты и материалы типичной гребенчато-ямочной керамики (Гирининкас 1990:62).

Проведенные геохимические исследования фиксируют неоднородность происхождения кремневого сырья изученных комплексов каменного века Восточно-Балтийского региона, что,

⁴ Месторождения №№ 21 и 22. Последнее расположено на правом берегу р.Волги в 5 км ниже по течению г.Ржева.

⁵ Месторождения №№ 22 и 8. Последнее расположено непосредственно выше по течению Волги г.Ржева, на его окраине.

⁶ В большей части кремень идентифицированный геохимически в перечисленных коллекциях, как происходящий из конкретных верхневолжских месторождений, представлен образцами различных оттенков красного, розового, фиолетового, желтого цветов, реже серого, очень редко темно-серого.

⁷ Месторождения № 4, на левом берегу Волги, в 12 км ниже по течению от Волго; три образца могут быть как с месторождения № 4, так и № 26 близ д.Родня.

видимо, закономерно для памятников территорий, расположенных далеко от зоны распространения коренных месторождений кремня. Полученные данные подтверждают мнение о поступлении на территорию Восточной Прибалтики в развитом неолите, в период распространения культуры гребенчато-ямочной керамики, кремневого сырья верхневолжских месторождений и указывают некоторые его источники, прежде всего, - коренное месторождение кремня на р.Селижаровке (рис.2). Ранее было установлено, что сырье из этого месторождения составляет значительную часть находок кремня на памятниках мезолита-неолита северо-восточной части верхневолжского бассейна, включая побережье озер Селигер, Волго и Пено. К югу и востоку от этого района доминирует сырье ржевских и свеклинского месторождений (Селиванова 1984). Судя по приведенным данным, кремень Селижаровского месторождения поступал в восточно-прибалтийский регион и в мезолитическое время.

- ГИРИНИНКАС, А.А. 1988. Поздненарвская культура в Восточной Литве. // Древности Литвы и Белоруссии: 37-50. Вильнюс:Мокслас.

1990. Крайтоunas. Средний и поздний неолит. Вильнюс.

ГУРИНА, Н.Н. 1967. Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции). // Материалы и исследования по археологии СССР. 144.

1975. Кремневое сырье как исторический источник (по материалам неолитических памятников Европейской части СССР). // Sborník příspěvků 1 petroarcheologického semináře: 75-82. Brno.

1984. Зависимости категорий и типов каменных орудий от сырья. // III seminar in petroarcheology. Reports:176-184. Plovdiv.

1989. Мезолит Латвии и Эстонии. // Мезолит СССР. Археология СССР:46-54. Москва:Наука.

ЗАГОРСКАЯ, И.А. 1981. Ранний мезолит на территории Латвии. // Известия Академии наук Латвийской ССР 2:53-64.

КОВНУРКО, Г.М.1963. О распространности кремня на территории Европейской части СССР. // Новые методы в археологических исследованиях: 234-240. Москва, Ленинград:АН СССР.

СЕЛИВАНОВА, Н.Б. 1984. Методика определения источников кремня для археологических памятников. // III seminar in petroarcheology. Reports: 93-102. Plovdiv.

ТИМОФЕЕВ, В.И. 1985. Работы по изучению памятников каменного века Ленинградской области в 1982-1984 гг. // Всесоюзная археологическая конференция. Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов: 546-548. Баку.

1985а. Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области. // Новое в археологии Северо-Запада СССР:11-15. Ленинград:Наука.

1987. Изделия из кости и рога мезолитической стоянки Соколок (Ленинградская область). // Краткие сообщения Института археологии 189: 100-104.

ЯНИЦТ, К.Л. 1990. Кремневый инвентарь стоянок кундасской культуры. Автореф. ... канд. ист. наук. Москва.

ЯНИЦТ, А.Ю. 1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приусыте р.Эмайиги. Таллин.

JAANITS, L., K.JAANITS. 1975. Frühmesolithische Siedlung in Pulli // Известия АН Эстонской ССР: общественные науки 24(1): 64-70.

1978. Ausgrabungen des frühmesolithischen Siedlung von Pulli // Известия АН Эстонской ССР: общественные науки 27(1): 56-63.

KINNUNEN, K., R.TYNNI, K.HOKKANEN, J.-P.TAAVITSAINEN. 1985 Flint raw materials of prehistoric Finland. Geological survey of Finland. Bull. 334. Espoo.

MATISKAINEN, H., A.VUORINEN, O.BURMAN. 1989. The provenance of prehistoric flint in Finland // Archaeometry. Proceedings of the 25-th International Symposium: 625-643. Amsterdam, Oxford, New York, Tokyo.

SULIMIRSKI, T. 1960. Bemarks concerning the distribution of some varieties of flint in Poland // Swiatowit 23: 281-308.

ZAGORSKIS, F. 1973. Agrais neolita laikmets Latvijas ausdrumdalā // Известия АН Латвийской ССР 4(309):56-69.

V.A.GALIBIN, V.I.TIMOFEV.

THE NEW APPROACH TO THE RECOGNITION OF THE SOURCES OF FLINT RAW MATERIAL
FOR THE STONE AGE CULTURES OF THE EASTERN BALTIc REGION.

Summary.

In a large part of Northern Europe, and in particular in the Eastern Baltic region, there are no local deposits of raw flint - the main material for tool manufacture in the Stone Age. Unfortunately, the systematization and classification of imported flint used in the Stone Age have not been formulated for the Eastern Baltic region. A number of observations, still insufficiently systematized, indicate the difference of sources of raw flint in different periods of the Stone Age. Studies suggest that the raw sources should be located in the southern regions of the forest zone of Eastern Europe. This article considers the results of the first objective study to verify the above hypothesis concerning the transportation of raw flint during the Middle Neolithic Period to the Eastern Baltic from the Upper Volga region which is rich in deposits (N.N.Gurina). This work is based on geochemical data from local flint deposits in the Upper Volga region. According to the results of the mass quantitative spectral analysis of these data and their statistical processing, specific geochemical features of concrete Upper Volga flint deposits have been identified (see - Selivanova 1984). This article gives the first results of comparison of the geochemical composition of the raw flint used for flint artifacts in the Neolithic period from sites in the Eastern Baltic region with the flint sources of the Upper Volga.

Most of the artefacts studied are connected with materials of the Comb-and-pit ware culture. The sites considered are situated in the region south of St.-Petersburg (see map) - Sjaberskaja I, II, Merevo II, in north-eastern Estonia-Narva-Rigikula II and in Eastern Lithuania - Jaimanis, the Mid-neolithic stage of the Narva culture contemporary with the typical Comb-and-pit ware culture. Geochemical studies demonstrate the difference in raw material origin. At all these sites the presence of flint from the Upper Volga region is established (probability 95%). There is a prevalence of flint from thick local deposits on the left tributary of the Upper Volga, Selizharovka in the Ostashkov district of the Tver region. The results are summarised in the accompanying table. These results indicate that flint from Sokolok, a Mesolithic site of the Kunda culture (in the region south of St.-Petersburg in the Luga district) is derived from the Upper Volga. This illustrates the transporation of flint from the Upper Volga to the Eastern Baltic during the Mesolithic period.

Сайт	Географическое положение	Источник	Геохимическая характеристика
Соколок	Южная часть Луги	Устье р. Угры	Средний
Селезаровка	Левый приток р. Осташковки	Устье р. Угры	Средний
Сябэрская I	Северо-восточная часть Эстонии	Устье р. Угры	Средний
Сябэрская II	Северо-восточная часть Эстонии	Устье р. Угры	Средний
Мерево II	Северо-восточная часть Эстонии	Устье р. Угры	Средний
Нарва	Северо-восточная часть Эстонии	Устье р. Угры	Средний
Джайманис	Северо-восточная часть Эстонии	Устье р. Угры	Средний

THE NEW APPROACH TO THE RECONSTRUCTION OF THE SOURCES OF FLINT AS RAW MATERIAL
FOR THE STONE AGE CULTURES OF THE EASTERN BALTIK REGION

Всего образцов	Памятник	Коренные месторождения верховьев Волги			
		Селижарово	Ржев	Волго	Родня
		2	8 21	22	4 4 или 26
22	Соколок	4	2	2	
15	Сибирская I	6	1		
15	Сибирская III	7	1		
14	Мерево II, II гор.	6	1		
16	Мерево II, II гор.	12	??		
30	Нарва II	5			
12	Жиминис	7			

Рис.1 Верхневолжские источники кремневого сырья для некоторых памятников каменного века Восточнонеприбалтийского региона. По данным сравнительно-статистического анализа геохимического состава образцов кремня из комплексов стоянок и коренных месторождений (с 95% уровнем вероятности). Номера месторождений соответствуют описи полевых геохимических опробований. В правой части таблицы указано количество образцов кремня, идентичных сырью конкретных верхневолжских месторождений.

Fig.1 The Upper Volga sources of raw flint for some Stone Age sites of the East-Baltic region.
According to the data of comparative statistical analysis of the geochemical composition of flint samples from different sites primary deposits (probability 95%). The index numbers of deposits correspond with the list of field geochemical samplings. In the right part of the table - the number of flint samples identical with the raw material of particular Upper Volga deposits.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ КРЕМНЕВОГО СЫРЬЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Д.А.КАПАНОВ, Е.В.КОСТЫЕВА, А.В.АРКИН

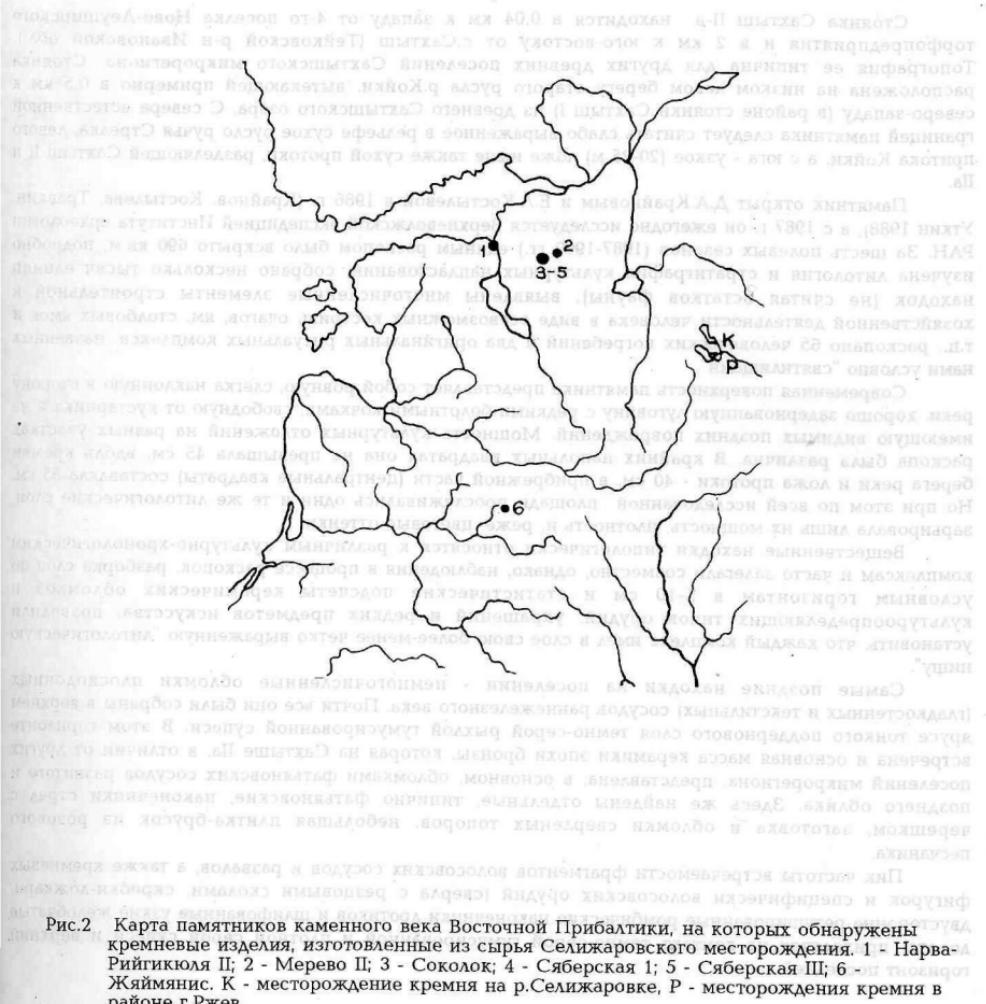

Рис.2 Карта памятников каменного века Восточной Прибалтики, на которых обнаружены кремневые изделия, изготовленные из сырья Селижаровского месторождения. 1 - Нарва-Рийникюла II; 2 - Мереово II; 3 - Соколок; 4 - Сибирская I; 5 - Сибирская III; 6 - в г.Жайманис. К - месторождение кремня на р.Селижаровке, Р - месторождение кремня в районе г.Ржев.

Fig.2 Map of the Stone Age sites of the Eastern Baltic region, which contained flint articles made of the raw material from the Selizharovka deposit. 1 - Narya-Rigikula II; 2 - Mereovo II, 3 - Sokolok; 4 - Siaberskaja I; 5 - Siaberskaja III; 6 - Jaimanis. K - flint deposit in the Selizharovka river region, P - flint deposit in the Rzhev region.

ПОГРЕБЕНИЯ И РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА СТОЯНКЕ САХТЫШ II

Д.А.КРАЙНОВ, Е.Л.КОСТЫЛЕВА, А.В.УТКИН*

Стоянка Сахтыш II-а находится в 0,04 км к западу от 4-го поселка Ново-Леушинского торфопредприятия и в 2 км к юго-востоку от с.Сахтыш (Тейковской р-н Ивановской обл.). Топография ее типична для других древних поселений Сахтышского микрорегиона. Стоянка расположена на низком левом берегу старого русла р.Койки, вытекающей примерно в 0,5 км к северо-западу (в районе стоянки Сахтыш I) из древнего Сахтышского озера. С севера естественной границей памятника следует считать слабо выраженное в рельефе сухое русло ручья Стрелка, левого притока Койки, а с юга - узкое (20-25 м) ложе ныне также сухой протоки, разделяющей Сахтыш II и Пса.

Памятник открыт Д.А.Крайновым и Е.Л.Костылевой в 1986 г. (Крайнов, Костылева, Травкин, Уткин 1988), а с 1987 г. он ежегодно исследуется Верхневолжской экспедицией Института археологии РАН. За шесть полевых сезонов (1987-1992 гг.) единственным раскопом было вскрыто 690 кв.м, подробно изучена литология и стратиграфия культурных напластований, собрано несколько тысяч единиц находок (не считая остатков фауны), выявлены многочисленные элементы строительной и хозяйственной деятельности человека в виде всевозможных кострищ, очагов, ям, столбовых ямок и т.п., раскопано 65 человеческих погребений и два оригинальных ритуальных комплекса, названных нами условно "святилищами".

Современная поверхность памятника представляет собой ровную, слегка наклонную в сторону реки, хорошо задернованную луговину с редкими болотными кочками, свободную от кустарника и не имеющую видимых поздних повреждений. Мощность культурных отложений на разных участках раскопа была различна. В крайних напольных квадратах она не превышала 45 см, вдоль кромки берега реки и ложа протоки - 40 см, в прибрежной части (центральные квадраты) составляла 55 см. Но при этом по всей исследованной площади прослеживались одни и те же литологические слои, варьировала лишь их мощность, плотность и, реже, цветовые оттенки.

Вещественные находки типологически относятся к различным культурно-хронологическим комплексам и часто залегали совместно, однако, наблюдения в процессе раскопок, разборка слоя по условным горизонтам в 5-10 см и статистические подсчеты керамических обломков и культуроопределяющих типов орудий, украшений и редких предметов искусства, позволили установить, что каждый комплекс имел в слое свою более-менее четко выраженную "литологическую нишу".

Самые поздние находки на поселении - немногочисленные обломки плоскодонных (гладкостенных и текстильных) сосудов раннене железного века. Почти все они были собраны в верхнем ярусе тонкого поддернового слоя темно-серой рыхлой гумусированной супеси. В этом горизонте встречена и основная масса керамики эпохи бронзы, которая на Сахтыше II, в отличии от других поселений микрорегиона, представлена, в основном, обломками фатьяновских сосудов развитого и позднего облика. Здесь же найдены отдельные, типично фатьяновские, наконечники стрел с черешком, заготовка и обломки сверленых топоров, небольшая плитка-брусок из розового песчаника.

Пик частоты встречаемости фрагментов волосовских сосудов и развалов, а также кремневых фигурок и специфически волосовских орудий (сверла с резцовыми сколами, скребки-ложжари, двусторонне ретушированные ромбические наконечники дротиков и шлифованные узкие желобчатые долота) приходится на контакт темно-серой гумусированной и плотной серой супеси и верхний горизонт последней.

*Д.А.Крайнов - Россия, Москва 117036, ул.Дмитрия Ульянова 19. Институт археологии РАН. Отдел неолита и бронзы. Е.Л.Костылева - Россия, г.Иваново 153000 Государственный университет. А.В.Уткин - Россия, г.Иваново 153000, Комитет по культуре и искусству.

Обломки ямочно-гребенчатой керамики, относящиеся к различным этапам развития льяловской культуры, встречались по всей толще культурного слоя, но наибольшая их концентрация зафиксирована внизу серой плотной супеси. С этой же супесью связаны находки сверленых мотыг ромбической формы, большинства шлифованных рубящих орудий, всевозможных костяных застежек, биконических наконечников стрел и орнаментированных поделок из кости.

Верхневолжская керамика, ножевидные пластинки и орудия из них, в массе залегали в основании культурного слоя и были приурочены к тонкой темной супеси с коричневым оттенком.

Раскопанные на стоянке Сахтыш II погребения составляли два могильника - льяловский и волосовский, - объединенные единой территорией, но разделенные во времени (рис.1). К первому относится 15 захоронений (№№ 11, 12, 16, 22, 29, 40-43, 52, 55, 59-61 и 65). Их культурная принадлежность обосновывается наблюдениями над стратиграфией и планиграфией, спецификой погребального обряда и, отчасти, данными антропологии. Все льяловские погребения обнаружены или на поверхности материка, или в неглубоких могильных ямах, впущеных в материк. В четырех случаях льяловские погребения (16, 29, 42 и 65) сверху были перекрыты волосовскими. Детское погребение 55 полностью, а могила 61 наполовину, разрушены волосовскими ритуальными комплексами (рис.1).

Расположение погребений по площади могильника было достаточно рассеянное, но, вместе с тем, имело четкую систему. Большинство из образовывали некое подобие коротких рядов, ориентированных с юго-запада на северо-восток и состоявших каждый из двух-трех параллельных захоронений (60-59-61; 55-42; 41-43-40; 22-29), удаленных друг от друга на 1,5-4, иногда до 6,5 м.

Могильные ямы прослежены в четырех случаях. В плане они имели овально-вытянутые очертания и корытообразное дно, углубленное в материк на 10-20 см. По длиной оси могилы были ориентированы с северо-запада на юго-восток. Два погребения являлись парными (в одном - два грудных ребенка, в другом - взрослая женщина с младенцем), остальные - одиночные. Сохранность костяков была достаточно хорошая, за исключением некоторых, в основном детских. Девять погребенных лежали на спине вытянуто, два - вытянуто на животе (12 и 22), один - скорчен на левом боку (11); положение трех (52, 55 и 60) не определено из-за разрушенности костяков. Одиннадцать скелетов были ориентированы головами на юго-восток с незначительными отклонениями; три (12, 40 и 61) - в диаметрально противоположную сторону, на северо-запад; один (скорченный) - на восток. В некоторых погребениях отмечалась незначительная подсыпка красной охры, главным образом, у черепа и ног.

Большинство костяков были лишены инвентаря. Лишь в трех могилах (22, 40 и 61) найдены костяные орудия (кинжалы, проколки, гарпун) и подвеска из резца лоси с нарезкой, преднамеренно положенные с покойниками. В погребении 65 под шейными позвонками лежала глиняная, небрежно изготовленная эмбрионовидная фигурука. В засыпке же почти всех ям встречались редкие отщепы, обломки верхневолжской и льяловской керамики (волосовские и более поздние фрагменты отсутствовали). Судя по предварительному изучению некоторых черепов и их графической реконструкции, выполненной Г.В.Лебединской, льяловцы Сахтыща II имели лапонoidный облик. Кости мужского погребения 42 были датированы радиоуглеродным методом. Возраст их оказался неожиданно древним - 6060 ± 150 (ГИН-6586) до наших дней, то есть 4110 ± 150 г. до н.э. (определения Л.Д.Сулержицкого), что соответствует самой ранней фазе льяловской культуры.

Аналогичные погребения в настоящее время известны на ряде неолитических памятников, но наиболее полное сходство прослеживается с захоронениями на соседнем поселении Сахтыш II (Крайнов, Костылева, Уткин 1990) и на стоянке Караваиха (ранняя группа по А.Я.Брюсову) (Брюсов 1961). Близость как погребального обряда, так и антропологического типа сахтышских и караваихских погребений, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу гипотезы одного из авторов о формировании льяловской культуры на исторической территории Русского Севера и последующего ее распространения на обширные пространства лесной зоны Восточной Европы (Крайнов 1987, 1991).

К волосовскому могильнику относится 50 захоронений. Все они были обнаружены в культурном слое, сильно насыщенном органикой. Могильные ямы не зафиксированы. Их в традиционном понимании этого слова, по-видимому, и не было. Покойников, скорее всего, просто клади на дневную поверхность, предварительно расчищенную от дерна, и присыпали сверху землей. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что большинство захоронений зафиксировано на уровне верхней части волосовского горизонта, на глубине 15-25 см от современной поверхности. Поэтому сохранность костяков очень плохая, анатомический порядок многих скелетов нарушен, а

какая-то часть погребенных была полностью уничтожена более поздними обитателями стоянки и грызунами; от них дошли только отдельные мелкие обломки костей.

Всего 48 захоронений являлись одиночными, два (7 и 32) - парными. Во всех случаях кости лежали на спине в вытянутом положении, в парных - скелеты залегали ярусами, где нижний вплотную перекрывался верхним. Ориентировка абсолютного большинства погребенных однообразна - головой на юго-запад с незначительными отклонениями к западу или югу. Исключение составляли только захоронения 47 и 49: первый былложен головой на северо-запад, второй - на север (рис.1).

Погребения по площади некрополя располагались рядами. Формально выделяются четыре полных ряда и, по крайней мере, еще пара рядов выявится при дальнейших раскопках северо-западной части памятника. Семь захоронений (8,9,17,20,44,49 и 54) обнаружены вне рядов. Восточный ряд (погребения 1-6,10 и 14) ориентирован с северо-северо-запада на юго-юго-восток, остальные - по линии северо-запад - юго-восток. В трех рядах покойники залегали относительно друг друга на близком расстоянии, иногда вплотную; в прибрежном ряду (захоронения 13,7,15,28,39 и 53) погребенные располагались в интервале 2,5-5 м (рис.1). Рядовая структура могильника, на наш взгляд, свидетельствует о хронологических этапах формирования волосовского кладбища. Правда, установить четкую последовательность групп погребений пока не представляется возможным. В настоящее время достоверно можно выделить лишь наиболее ранние и наиболее поздние группировки. К первой относятся два ряда захоронений - прибрежный и восточный. Почти все погребения прибрежного ряда (и примыкающее к нему захоронение 9) находились на глубине 30-45 см от современной поверхности, в основании волосовского горизонта или чуть ниже его, то есть были захоронены в период начальной стадии накопления энеолитического слоя. Подтверждаются эти наблюдения и предварительными радиоуглеродными датировками четырех костяков из восточного ряда. Для трех из них (1,2 и 10) получены одинаковые даты - 4540 ± 160 лет назад или 2590 ± 160 г. до н.э. (ГИН-6234-6236), что соответствует раннему волосову. Дата же погребения 5 - 4800 ± 200 лет назад (ГИН-6237), скорее всего, удревневана.

Для большинства погребений ранней стадии характерно обилие украшений. Примерно половина захоронений (восемь из 15-ти) сопровождалась янтарными подвесками, кольцами и пуговицами с V-образными отверстиями. Причем, в погребении 28 их было около сотни, а в соседнем - 15-м - более двухсот.

Поздние погребения группировались в центральном и северо-западном рядах и на смежных с ними участках. Все они находились или на поверхности энеолитического слоя, или в его верхнем ярусе. Среди этих погребений доминировали безинвентарные. Немногочисленные украшения присутствовали лишь в единичных захоронениях и были представлены подвесками из зубов животных, в основном, медведя, реже из сланца и кости; янтарь зафиксирован в четырех случаях - погребения 17,21,26 и 44. Три первых относились к центральному ряду, который сформировался позднее восточного и прибрежного, но, по-видимому, предшествовал северо-западному ряду.

Наиболее полные аналогии волосовский могильник Сахтыш Па имеет с некрополем, исследованным на соседнем поселении Сахтыш VIII (Крайнов 1973). Большое сходство его отмечается также и со многими захоронениями периода пористой керамики на других стоянках лесной зоны Восточной Европы. Так, ранние погребения Сахтыш Па по ряду признаков сопоставимы с погребениями Ваштутина, Языкова I, Иловца I, Репица и Кончанского (Гадзяцкая, Уткин 1989; Сидоров, Урбан 1979; Сидоров 1985; Урбан 1973; Зимина 1984); поздние - с захоронениями на Сахтыше I, Водыше, Федоровской, Владычинской-Береговой I и Тамуле (Гадзяцкая, Крайнов 1965; Гаврилова 1973, 1980; Цветкова 1980; Янитс 1973).

Особенностью волосовского кладбища на стоянке Сахтыш Па являются обнаруженные на его территории остатки двух ритуальных комплексов - "святилищ". Первое "святилище" находилось северо-западнее ранней группы погребений и располагалось в наземной постройке (рис.1). Ее остатки зафиксированы на глубине 30-40 см от современной поверхности в виде овального пятна темной супеси диаметром около 7 м. Вдоль длинной оси пятна шел ряд столбовых ямок, которые позволяют предполагать, что первоначально постройка имела прямоугольную форму и представляла собой имитацию волосовского жилища столбовой конструкции с двухскатной крышей и коридорообразным выходом на восток. Внутри постройки, по центру, обнаружена яма, углубленная в материк на 80 см и ориентированная по длинной оси с юго-юго-запада на северо-северо-восток (рис.2). На глубине 50 см ее контуры были подовоальными, а размеры составляли 270x210 см. С отметки 95 см яма приобрела почти правильные прямоугольные очертания (170x40 см),

прослеживавшиеся до самого дна, которое находилось на глубине 130 см от современной поверхности. По углам ямы сохранились четкие пятна двух пар мощных столбов диаметром 20-30 см. Нижние концы последних были заострены. Остатки еще двух аналогичных, но меньших в диаметре столбов отмечены и внутри ямы, у восточной стены. Все эти столбы, по-видимому, являются деталями конструкции внутреннего крепления ("облицовки") стен ямы и, возможно, ее перекрытия. На дне находился настил из дерева (веток?), зафиксированный в профиле в виде двух тонких полос темного суглинка, прогнутых в середине.

Заполнение ямы состояло из рыхлой черной супеси - культурного слоя, насыщенного мелкими угольками и разрозненными находками: фрагментами верхневолжской, льяловской и волосовской керамики, орудиями и их обломками, отщепами, костями животных, птиц и рыб. Найдены же, непосредственно связанные с функционированием ямы - "святилища", немногочисленны. На глубине 57-65 см в центре ямы расчищено небольшое, компактное скопление костей медведя, лоси, бобра и куницы. Под ними (на отметке 70 см) находился неполный развал волосовского сосуда средних размеров с примесью дресвы (!) в тесте и гребенчатым орнаментом. Четыре крупных фрагмента этого сосуда были обнаружены в культурном слое над ямой, на глубине 20-30 см. Это свидетельствует о том, что сосуд и кости первоначально были расположены над ямой на каком-то помосте, скорее всего, на ее перекрытии, которое после прекращения функционирования "святилища" рухнуло вниз с полуразрушенным сосудом и костями.

Под развалом сосуда на глубине 95 см от современной поверхности обнаружена уникальная находка - маска, поражающая воображение совершенством формы и мастерством обработки (рис.3). Мaska изготовлена из цельного куска основания рога лоси и представляет собой неполное изображение лица взрослого человека в натуральную величину: лобную часть и нос. На ее внешней поверхности тщательно проработаны основные детали анатомии лица - лобные бугры, брови и объемные очертания носа, которому придана "классическая" форма. Внутренняя поверхность маски обработана более грубо, но этогоказалось достаточно, чтобы ее можно было безболезненно надевать на лицо. Крепление маски на голове осуществлялось с помощью простых шнурков, которые продевались в четыре просверленных по краям налобника отверстия и завязывались на затылке.

Непосредственно под маской находились угли и древесный тлен, - очевидно, остатки своеобразного подноса или короба для ее хранения. Ниже залегал слой сильно разложившихся (пережженных?) раковин мощностью 2-3 см, а вокруг - большое количество мелких рыбьих костей.

Первое "святилище", судя по стратиграфии и радиоуглеродным датировкам, относится к ранневолосовскому времени. Остатки постройки, в которой находилась яма, оказались в некоторых местах перекрыты поздними волосовскими захоронениями. Совершить их стало возможным только после того, как "святилище" было уже заброшено. Произошло это примерно в 2480 ± 250 г. до н.э. (ГИН-6555), - так датируется угол из засыпки ямы, а угол и древесина, взятые на анализ из-под маски, имеют возраст 4790 ± 180 лет назад или 2840 г. до н.э. (ГИН-6556). Последняя дата, по-видимому, слегка удревнена, но несмотря на это, она, в принципе, свидетельствует о времени функционирования первого "святилища" и его синхронности ранним волосовским погребениям. По нашему мнению, "святилище" было связано с культом предков и с проведением каких-то ритуалов во время захоронения ранних волосовцев, а сама яма имитировала могилу предка, обобщенный образ которого олицетворяла роговая маска.

Основываясь на классификации масок, предложенной А.Д.Авеевым (Авеев 1960), сахтышскую находку можно отнести или к концу периода развития родового общества, или к началу его распада. В первом случае подобные маски изображают умерших предков (семейных, родовых, племенных). Во втором - это маски шаманов, служившие средством принятия ими образа живого или умершего вождя рода/племени во время погребения умерших (или во время совершения каких-то особых церемоний, связанных с культом мертвых). Вероятно, последнее толкование нашей маски ближе к истине.

Второе "святилище" находилось примерно в 6 м севернее первого (рис.1). От него дошли только остатки ямы глубиной 110 см от современной поверхности. Какой-либо наземной постройки над ней не прослежено. Расплывчатые контуры ямы были зафиксированы на глубине 20-30 см, но достаточно отчетливо они проявились только на уровне материка, на отметке 50-52 см (рис.4). Здесь яма имела почти подквадратную в плане форму (175 x 148 см), а с юго-западной стороны к ней примыкал коридорообразный вход с пологого спускавшимся полом длиной 90 см и шириной 50-65 см. По углам ямы и на торце входа обнаружены остатки вертикальных столбов диаметром 12-20 см, на

которых, очевидно, держалось крепление стенок "святилища" и его перекрытие. Последнее с южной стороны дополнительно было укреплено крупным валуном. Заполнение верхней части котлована ямы состояло из рыхлой черной супеси - культурного слоя с находками обломков разновременной керамики, изделий из камня и кости, четырех фрагментов человеческих черепов и мелких вкраплений охры; в нижней части шел влажный суглинок с немногочисленными древесными остатками. Достоверных находок в яме, указывающих, что она являлась культовым комплексом, не обнаружено. Однако, не обнаружено и никаких материалов, позволяющих видеть в ней объект бытового или хозяйственного назначения. Оригинальность же конструкции ямы и расположение вблизи поздневолосовских погребений свидетельствуют об использовании ее в ритуальных целях. Скорее всего, второе "святилище", подобно первому, также было связано с культом предков и погребальными церемониями, а конструктивные особенности каждого из них обусловлены хронологическим разрывом. Точное время сооружения второго "святилища" не установлено, однако, можно уверенно говорить, что оно возникло позднее первого, синхронно поздней стадии волосовского могильника и прекратило свое существование незадолго до появления на стоянке фатьяновских поселенцев. Последнее утверждение надежно документируется находками фатьяновской керамики в самом верхнем ярусе заполнения ямы, то есть к моменту поселения здесь фатьяновцев, котлован ямы был еще не полностью оплавившим. Другими словами, если первое "святилище" относится к середине III тыс. до н.э., то второе, вероятно, к концу III - рубежу III/II тыс. до н.э.

Аналогичные культовые сооружения открыты при раскопках соседних памятников Сахтыш II (Крайнов 1982, 1988) и Сахтыш VIII.¹ По ряду признаков к их кругу следует отнести, очевидно, остатки ритуальной постройки на поселении Владычинская-Береговая I (Цветкова 1980) и, быть может, яму между первым и вторым погребениями на стоянке Володары, интерпретированную первоначально как "место мастера" (Цветкова 1948). Все эти сооружения располагались непосредственно на территории волосовских кладбищ и функционировали как объекты, связанные с отправлением сложного похоронного ритуала.

Исследованные на Сахтыше Па погребения льяловского времени, волосовский могильник и остатки "святилищ" существенно расширяют наши представления по неолиту-энолиту центральной России и лишний раз свидетельствуют о большой значимости Сахтышского комплекса древних поселений для изучения истории региона и смежных территорий в этот период.

- АВДЕЕВ, А.Д. 1960. Мaska: опыт типологической классификации по этнографическим материалам // Сборник музея антропологии и этнографии XIX: 38-110. Москва.
- БРЮСОВ, А.Я. 1961. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области: 149-154. Вологда.
- ГАВРИЛОВА, И.В. 1973. Неолитические племена Костромского Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР 172: 130-137. Москва, Ленинград.
1980. Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье // Краткие сообщения Института археологии 161: 52-57.
- ГАДЗЯЦКАЯ, О.С., Д.А.КРАЙНОВ. 1965. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // Краткие сообщения Института археологии 100: 29-39.
- ГАДЗЯЦКАЯ, О.С., А.В.УТКИН. 1989. Новые раскопки Бащутинской стоянки // Советская археология 1: 125-143.
- ЗИМИН, М.П. 1984. Могильник на стоянке Репице // Краткие сообщения Института археологии 177: 64-71.
- КРАЙНОВ, Д.А. 1973. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности: 45-55. Москва:Наука.
1982. Новые исследования стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии 169: 79-85.
1987. Некоторые спорные вопросы неолита северной половины Европейской части СССР // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Сузdal', 1987): 6-8. Москва:Наука.
1988. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси: 38-45. Москва:Наука.
1991. К вопросу о происхождении культуры с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья: 66-72. Нижний Новгород.

¹ Остатки ямы-"святилища" на стоянке Сахтыш VIII были обнаружены во втором раскопе 1977 г. В верхней части ее оказалось поздневолосовское погребение, поэтому первоначально яму интерпретировали как могилу, хотя по размерам и глубине она была явно велика для обычного захоронения.

- КРАЙНОВ, Д.А., Е.Л.КОСТЫЛЕВА, П.Н.ТРАВКИН, А.В.УТКИН. 1988. Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1986 года: 70. Москва:Наука.
- КРАЙНОВ, Д.А., Е.Л.КОСТЫЛЕВА, А.В.УТКИН. 1990. Лыловские погребения на стоянке Сахтыш II // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья 4: 27-31. Иваново.
- СИДОРОВ, В.В.1985. Работы неолитического отряда Волго-Окской экспедиции // Археологические открытия 1983 года: 83-84. Москва:Наука.
- СИДОРОВ, В.В., Ю.Н.УРБАН. 1979. Раскопки Языковской стоянки // Археологические открытия 1978 года: 89-90. Москва:Наука.
- УРБАН, Ю.Н.1973. Поселение и могильник Иловец I // Краткие сообщения Института археологии 137: 107-114.
- ЦВЕТКОВА, И.К. 1948. Стоянка Володары: по материалам раскопок 1946 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XX: 3-14.
1980. Погребения на стоянке Владычинская-Береговая // Труды Государственного исторического музея 51: 8-14. Москва.
- ЯНИТС, Л.Ю. 1973. Неолитические памятники Эстонии и их хронология // Материалы и исследования по археологии СССР 172: 207-208. Москва, Ленинград.

D.A.KRAINOV, E.L.KOSTYLIEVA, A.V.UTKIN.
BURIALS AND RITUAL COMPLEXES AT THE SITE SAKHTYSH IIa.

Summary.

The article deals with the study of multi-layer site Sakhtysh IIa which is a part of the well-known complex of ancient settlements near Lake Sakhtysh (the Teikovsky district of the Ivanovo region). At the site 690 square metres, several thousand finds, 65 human burials and the remains of two "sanctuaries" have been excavated during six field-work seasons (1987-1992).

The burials studied make up two cemeteries. The first one - the Lialovsky cemetery - consists of 15 burials. All of them were excavated either in the subsoil or in grave-pits deepened 10-20 centimetres into the subsoil. Most of the burials are single, two burials are double. The skeletons are well preserved. The deceased persons lay in a stretched position on the back (9) and stomach (2), one of them - in a flexed position on the left side. The orientation was different: with the head south-east (11), south-west (3) and east (1). Most of the deceased persons were buried without grave goods, except four burials containing bone tools, a pendant made of an elk's incisor and a rough embryo-like clay figurine. The skeleton from burial 42 is dated according to ^{14}C 6060 ± 150 years to Present which corresponds to the earliest period of the Lialovskaya culture.

The Volosovsky cemetery included 50 burials (fig.1). They were situated in a cultural layer. There were no burial pits proper, the dead were put on the ancient surface cleared of turf beforehand and then covered over with earth. The skeletons are badly preserved, their anatomical connexion is often disturbed: some skeletons are completely destroyed - only separate bones have remained. 48 burials were single, two burials-double (in layers). In all the cases the skeletons lay in a stretched position on the back, with the head south-west (48), north-west (1) and north (1). Most of the burials were situated in rows suggesting chronological stages of the development of the Volosovsky cemetery. The early group of burials was situated in the southern part of the excavation (the eastern and coastal rows). A great number of amber ornaments is characteristic of these burials. Four skeletons have been dated according to ^{14}C . Three of them (NN 1,2,10) have turned out to be of the same age - 4540 ± 160 years to Present.

The age of the fifth burial is 4800 ± 200 years to Present.

The late burials concentrated in the centre and in the northern half of the excavation. Most of them contained no grave goods, some of the burials - pendants made of animals' teeth (mainly of bear's ones), more rarely - of shale and bone. Amber articles were found in four burials, one example in each burial.

The early Volosovsky burials are of the same age as the first ritual pit - "sanctuary" - excavated in the central part of the cemetery. The pit was dug out inside a construction imitating a Volosovsky dwelling and built on the surface. The pit had a rectangular form (170x40 centimetres), was deepened 80 centimetres into the subsoil and oriented along the long axis from the south-south-west to the north-north-east (fig.2). Separate bones of animals and fragments of a Volosovsky vessel were found inside the pit. Under them there was a horn mask (fig.3) representing the life-size image of a human face made with great care. In our opinion, the first "sanctuary" was associated with the cult of ancestors. The mask must have been used by shamans during funerals. The charcoal from the filling of the pit, which points to the time when the

"sanctuary" ceased functioning is dated according to ^{14}C 4430 ± 250 years to Present and the charcoal taken directly from the pit - 4790 ± 180 years to Present.

The second "sanctuary" was found in the northern part of the excavation. It was also a pit, though having a different form, and was connected with the cult of ancestors and funeral rites. According to its stratigraphy the "sanctuary" is of the same age as the late group of the Volosovsky cemetery. The study of the site Sakhtysh IIa sufficiently enriches our knowledge of the Neo-Eneolithic of Central Russia and once again suggest the great significance of the Sakhtysh complex of ancient settlements for the study of this region and the neighbouring territories in the New Stone Age.

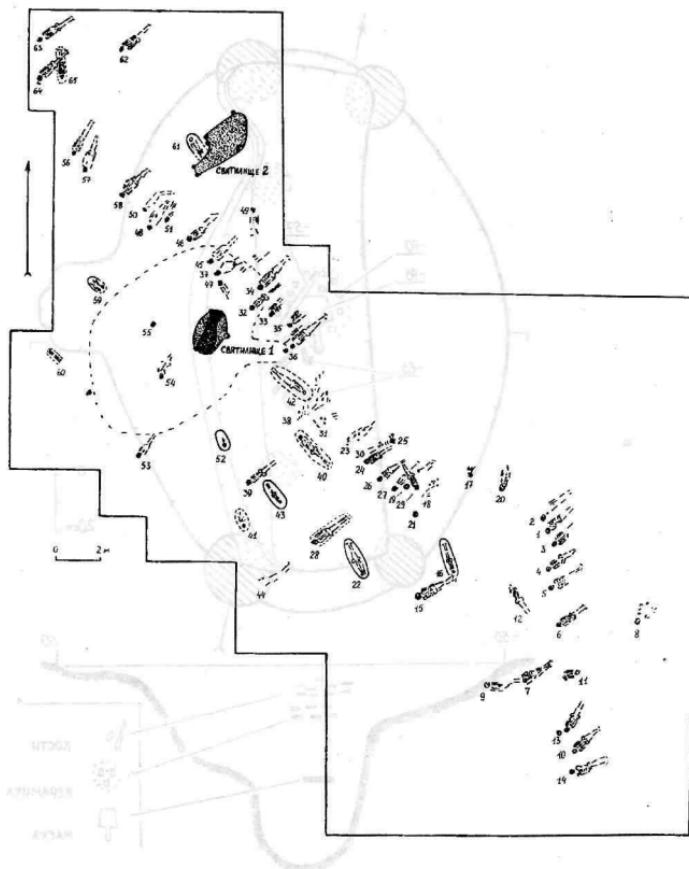

Рис.1 Стоянка Сахтыш IIа: сводный план раскопа.

Fig.1 The site Sakhtysh 2a: General plan of the excavation.

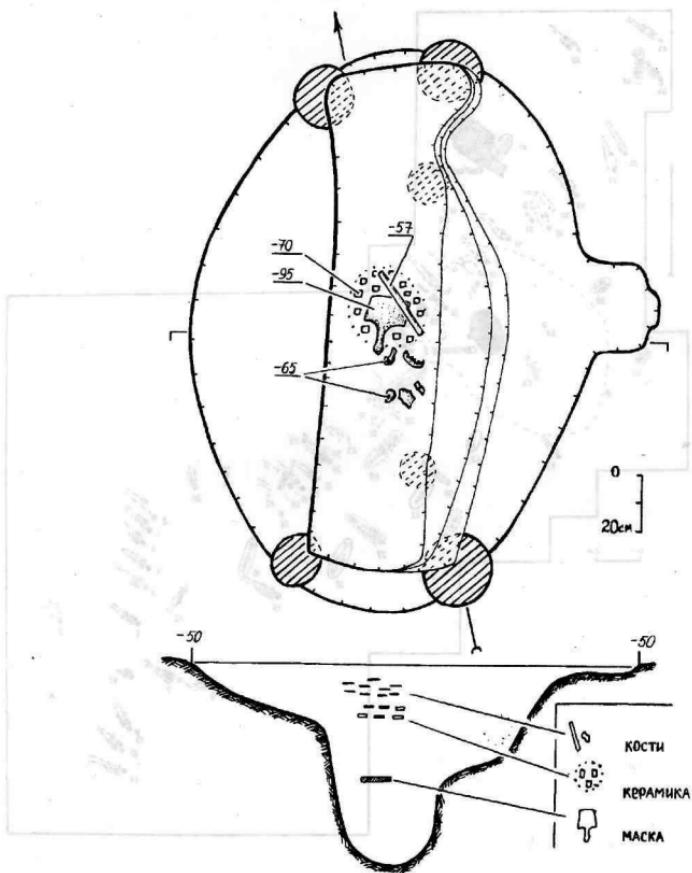

Рис.2 Стоянка Сахтыш IIa: план первого "святилища"
Fig.2 The site Sakhtysh 2a: plan of the first "sanctuary":

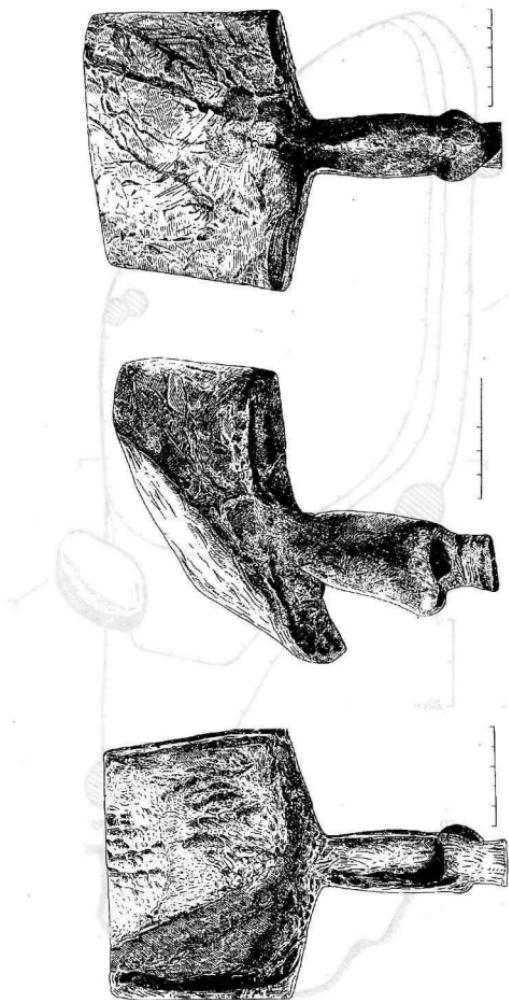

Рис.3 Стоянка Сахтыш IIа: маска из первого "святилища",
Fig.3 The site Sakhnysh 2a: a mask from the first "sanctuary".

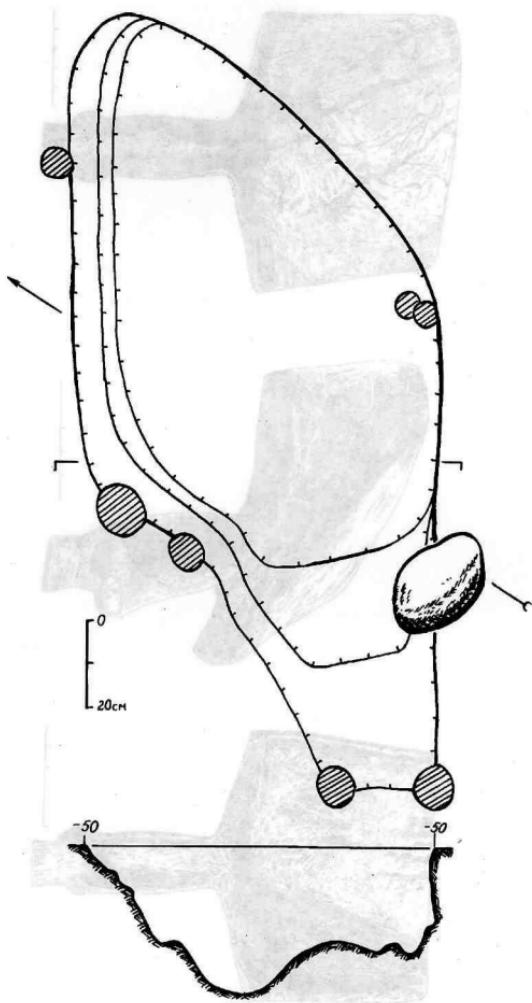

Рис.4 Стоянка Сахтыш IIа: план второго "святилища".
Fig.4 The site Sakhtysh 2a: plan of the second "sanctuary".

РАСКОПКИ СКИФСКОГО "ЦАРСКОГО" КУРГАНА НА ЮГЕ СИБИРИ*

Г.Н.КУРОЧКИН.*

В 1954-56 гг. С.В.Киселевым был исследован один из крупнейших курганов евразийской степной зоны - Большой Салбык под г.Абаканом, скрывавшийся под насыпью высотой 12 м и диаметром 160 м мегалитическую ограду 70 x 70 м из камней весом до 50 т. Единственная погребальная камера 5 x 5 x 1,8 м, содержащая останки 7 человек, оказалась ограбленной еще в старицу (Киселев 1956; Дзвлет 1976). В 70-е годы были открыты первые курганы скифской эпохи на юге Сибири, которые содержали серии золотых изделий - Колок-3 и Табат, однако во всем остальном (небольшие размеры, стандартный набор заупокойной утвари и т.п.) эти погребальные памятники ничем не отличались от многочисленных рядовых курганов среднего этапа тагарской культуры (Пшеницына, Поляков 1989).

В 1984 г. у пос.Толстый Мыс Новоселовского района Красноярского края был раскопан Большой Новоселовский курган, который из всех раскопанных тагарских курганов уступает лишь Салбыку (Курочкин 1986; 1989). Исследования показали, что насыпь высотой 4,5 м и диаметром 70 м представляет собой оплывшие остатки довольно сложного архитектурного сооружения - трехступенчатой пирамиды (рис.1). Нижняя ступень пирамиды-мавзолея была облицована кладкой из плитняка с 18-ю вертикальными стелами - угловыми и промежуточными. Эта кладка-крепида имела размеры 35 x 35 м при высоте около 1,7 м. Пространство внутри ограды было заложено дерном заподлицо, образуя нижнюю ступень пирамиды, какое-то время оставалось незаложенным только пространство перед входом в могильу - "вестибюль". Вторая ступень, также сложенная из кусков дерна, имела размеры 19 x 17 м при высоте около 2 м. Существовала, видимо, и третья ступень, непосредственно над могильной ямой размером 5 x 5 или 6 x 6 м и высотой около 2 м.

В юго-западном углу ограды практически на поверхности, перед закладкой пространства внутри ограды дерном, было совершено ритуальное умерщвление и захоронение молодой женщины, руки которой были связаны в запястьях, а череп у переносицы и в затылочной части был пробит (рис.2).

Центральная могила имела размеры 6 x 6 м и глубину 3 м. Пол могильной ямы был выстлан берестой и вымощен горбылем. Стены укреплены тыном из вертикально поставленных плах, а углы - массивными бревнами-стойками. Затем был сооружен невысокий (до 1 м) сруб из плах в 4 венца (рис.4). Перекрытие могильной ямы было многослойным. Нижний накат из мощных бревен положен в направлении восток-запад. Верхние три наката положены поперек - в направлении север-юг. Бревенчатое перекрытие и поверхность земли вокруг ямы выстланы берестой. Затем на бересту былложен войлок, придавленный решеткой из жердей. Потом снова положена береста, а поверх нее связки хвороста, придавленные жердями (рис.3).

К западу от могильной ямы расчищен наземный вход в погребальную камеру, через который заносили покойников. На древней поверхности сначала были уложены полубревна выпуклой стороной вверх (рис.4,А), затем поверх настила были поставлены два "пилона" из бревен высотой 1,6 м, с проходом между ними шириной 1 м, перекрыты полубревнами. Конструкции входа обложены берестой. После того, как склеп перестал функционировать, вход закупорили каменной "пробкой", а "вестибюль" засыпали землей.

Склеп был ограблен дважды. Первые грабители проникли в камеру, прорубив потолок входа, когда перекрытие еще не сгнило и не просело в полость ямы, а внутренние конструкции - тын, сруб - уже рухнули и осыпались края ямы, скрыв часть золотого убранства стен погребальной камеры. Второй раз курган был ограблен много лет спустя, ориентировочно в XVII-XVIII вв., "воронкой" через верх насыпи.

На полу и частично в заполнении погребальной камеры сохранились только разрозненные человеческие кости, в том числе, остатки четырех черепов (рис.5). Три принадлежали мужчинам

* Россия, Санкт-Петербург 191065, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел Средней Азии и Кавказа.

зрелого возраста, а четвертый (сохранилась задняя часть черепа) - молодому человеку, пол которого не определен. Все черепа трепанированы в затылочной части (признак мумификации). Найдены также несколько костей и череп козы или овцы. Кости людей и животных сосредоточены на участке пола у входа, через который проникли первые грабители. Останки еще одного взрослого человека найдены в заполнении у входа, они как бы "стекали" в яму из входа по мере осыпания стен могильной ямы. Из входа попал в яму и череп коня. Второй конский череп найден с наружной стороны входа и первоначально лежал на kostяке у входа. Кроме того, в заполнении входа обнаружен череп взрослого мужчины (телохранителя?). Череп не имел нижней челюсти и, видимо, также был смещен со своего первоначального места.

В центральной, наиболее потревоженной, части камеры почти не осталось погребального инвентаря, за исключением нескольких фрагментов двух котловидных глиняных сосудов и бронзового зеркала с петелькой на оборотной стороне в юго-западном углу. В ходе раскопок сложилось впечатление полной ограбленности могилы, но когда были подняты сплющенные плахи упавшего сруба, под ними было обнаружено большое число украшений и аппликаций из золотого листа. На полу камеры, у входа, найден бронзовый нож длиной 18 см, рукоять которого обложена золотой фольгой.

В юго-западном углу могилы обнаружен массивный бронзовый сосуд с большими ручками (рис.8). С наружной стороны днища имеются следы утраченного поддона. На боковых стенах кое-где видны следы ремонта - нашлепки "заплатки". Видимо, котелок использовался на протяжении длительного времени, пока не был помещен в могилу с последним владельцем. На дне сосуда - толстый слой массы синеватого цвета. Этот слой накипи, более тутоплавкий, чем материал котелка, по определению В.А.Галибина, имеет довольно сложный состав (в %): SiO₂ - основа, Al₂O₃ - 3,9; Na₂O - 0,44; K₂O - 4,2; CaO - 6,0; MgO - 1,6; Fe₂O₃ - 3,6; TiO₂ - 0,9; MnO - 0,07; PbO - 0,016; CuO - 6,6; SnO₂ - 0,01. Аналогичный котелок был обнаружен в Туве в кургане 7 могильника Ховужук V-III вв. до н.э. (Маннай-оол 1970: 42,рис.5). Наиболее же близок нашему сосудику (по размерам, пропорциям, наличию поддона) котелок-курильница с остатками обугленной конопли из 2-го Пазырынского кургана второй половины Vв. до н.э. (Руденко 1953: табл. XXIV,2). Похожие котелки-курильницы известны также на Памире, в Казахстане и у сарматов Поволжья, где их обычно датируют V-IVвв. до н.э.

Погребальная камера содержала большое число золотых украшений и их фрагментов - по уточненным подсчетам более 300. Большая часть этих изделий расположена по внутреннему периметру камеры, на полу, под упавшими плахами сруба; некоторое количество - в заполнении ямы, особенно у западной ее стены, непосредственно перед входом, и часть - в самом входе. На плоских плахах сруба с лицевой стороны сохранились кое-где следы красной краски или мастики: красной обмазкой был покрыт сруб, либо же краска перешла на сруб от истлевших органических покрытий (войлока или тканей), которыми была декорирована погребальная камера. Первоначальное убранство сруба было очень богатым; сильная деформированность сохранившихся украшений, а также сосредоточение разнотипных украшений у западной стены камеры, поблизости от наиболее раннего грабительского лаза свидетельствуют о том, что грабители выдергивали из-под упавшего и засыпанного землей сруба куски полуистлевшей материи с закрепленными на ней украшениями и вытаскивали их через прорубленное ими отверстие в стене камеры.

У восточной стены могилы найдено 50 золотых предметов и их фрагментов, среди них больше всего одно- и двухсторонних пламевидных накладок и зубчатых полос (рис.7:3,5,6,8). Среди находок под упавшими плахами южной стороны сруба (№№ 51-97, на плане - рис.5), наибольший интерес представляют фигуры стоящих и лежащих баранов аргали и стоящего кошачьего хищника (рис.6:1-3). Здесь же найдено большое число бесформенных обрывков золотой фольги, некоторые, возможно, являются накладками на какой-то крупный предмет (№№ 93-95). Среди обнаруженных у западной стены камеры изделий (№№ 98-125) заслуживают упоминания рельефное украшение, напоминающее по форме "запятую", большая ажурная аппликация, рельефная накладка с изображением голов грифов "валетом" (рис.7:1,11; 6:8). У северной стены найдены золотые кружки, обломок ажурной накладки и т.д. (№№ 126-137) (рис.7:9,12).

За исключением небольшого количества бисера, все золотые изделия в Большом Новоселовском кургане, изготовлены из фольги различной толщины. Более всего геометрических украшений - рельефных и плоских. Рельефные геометрические украшения представлены "пуговицами" и "запятыми". Из плоских геометрических украшений наиболее простыми являются

РАСКОПКИ СКИФСКОГО "ЦАРСКОГО" КУРГАНА НА ЮГЕ СИБИРИ

зубчатые полосы, а также пламевидные орнаменты. Найдены также разнообразные ажурные накладки, которые очень характерны для курганов Алтая пазырыкского времени. Среди человеческих костей найдено только одно золотое изделие - золотая полоска вблизи локтевой кости, возможно, обкладка браслета (рис.7:13).

Изображения животных представлены, в основном, золотыми бляшками, прикрепленными к какой-то основе, от которой остался только порошок серого цвета. Пять бляшек в форме лежащего архара найдены рядом с бронзовым зеркалом и, вероятно, украшали чехольчик для зеркальца. В Большом Новоселовском кургане найдены рельефные бляшки, изображавшие идущих кошачьих хищников, характерные для сако-сарматского искусства VI-V вв. до н.э. (рис.6:5-6).

Часть находок связана со входом. Здесь обнаружена ажурная, скомканная грабителями накладка в виде оленя (рис.6:4). Позднее среди обломков золотой фольги подобрался хорошо сохранившийся фрагмент в форме ноги и стало ясно, что олень был стоящим. Близкая аналогия этому изображению имеется в 1-м Тузкинском кургане (Руденко 1960:112, рис.60).

Уникальны две бляшки, также найденные в заполнении входа. По абрису они напоминают хорошо известные поясные бляхи и застежки хуннского времени, но там обычно изображается борьба зверей - сюжет не свойственный для тагарского искусства. На бляшках из Большого Новоселовского кургана изображен фантастический персонаж, как бы состоящий из трех частей - туловище кошачьего хищника, голова козла и головки хищных птиц, обрамляющие морду и рога козла (рис.6:7).

Во входе был найден также железный нож, целиком вместе с лезвием обернутый в золотую фольгу.

Большой Новоселовский курган относится к концу сарагашенского этапа тагарской культуры и к лепешкинскому этапу этой же культуры. Сарагашенский этап первоначально был датирован М.П.Грязновым IV-III вв. до н.э. без каких-либо оснований. Эта дата не выдержала проверки временем и фактическим материалом и убедительнее всего была опровергнута самим М.П.Грязновым, после того, как в раскопанном им в Туве "царском" кургане Аржан - VIII в. до н.э. - были обнаружены характерные раннетагарские вещи, ранее "твердо" датировавшиеся VI в. до н.э. По трем линиям синхронизации: I - ранний тагар = Аржан = черногоровские комплексы Восточной Европы; II - ранний тагар = Уйгарак = Имирлер (Турция); III - ранний тагар = Аржан = оленевые камни Монголии - северокочевнические элементы в культуре Западного Чжуоу - можно довольно уверенно относить начальную дату тагарской культуры ко времени не позднее VIII в. до н.э. (Грязнов 1983; Курочкин 1991). Соответственно, встает вопрос о и об удревнении среднего, сарагашенского этапа тагарской культуры, который нами, после раскопок богатого Большого Полтавского кургана с многочисленными импортами и аналогиями в хорошо датированных памятниках, датируется теперь VI-IV вв. до н.э. (Курочкин 1990; 1991). В Большом Новоселовском кургане найдены также предметы, характерные для последнего, лепешкинского этапа тагарской культуры III в. до н.э. - уменьшенные котовидные керамические сосуды, железный нож. Таким образом, наиболее обоснованная дата Большого Новоселовского кургана - IV-III вв. до н.э. Коллективное захоронение в кургане не было одноразовым. Это был династийный склеп тагарской племенной знати, который функционировал на протяжении 100-150 лет.

- ГРЯЗНОВ, М.П. 1983. Начальная дата развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири: 3-18. Кемерово: Кемеровский государственный университет.
- ДЭВЛЭТ, М.А. 1976. Большой Салбыкский курган - могила племенного вождя // Из истории Сибири 21: 146-152. Томск: Томский государственный университет.
- КИСЕЛЕВ, С.В. 1956. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954-1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения истории и археологии ИИМК, посвященной итогам археологических экспедиций 1955 г.: 155-156. Москва-Ленинград:Наука.
- КУРОЧКИН, Г.Н. 1986. Раскопки на юге Красноярского края // Археологические открытия 1984 года: 184-186. Москва:Наука.
1989. Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана // Краткие сообщения Института археологии 1986: 166-172.
1990. "Золотой" курган сибирских скифов // Природа 10: 60-64.
1991. Начальная дата тагарской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: 103-105. Барнаул:Сибирское отделение АН СССР.
- МАННАЙ-ООЛ, М.Х. 1970. Тува в скифское время. Москва:Наука.

ПШЕНИЦЫНА, М.Н., А.С.ПОЛЯКОВ. 1989. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Краткие сообщения Института археологии 196: 59-66.

РУДЕНКО, С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва-Ленинград:АН СССР.

1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Москва-Ленинград:АН СССР.

G.N.KUROCHKIN. THE EXCAVATION OF A SCYTHIAN TSAR'S BARROW IN SOUTHERN SIBERIA.

Summary.

In 1984 during the Middle Yenisei expedition the Large Novoselovsky barrow containing a great number of golden ornaments was studied. The site is situated 220 kilometres south of the town Krasnoyarsk. The grave-mound (4,5 metres high) represented the remains of a large three-stepped pyramid of turf. The lower step of the pyramid - mausoleum is faced with brickwork, this is a wall measuring 35 x 35 metres and 1,7 metres high (fig.1).

A large grave-pit measuring 6 x 6 x 3 metres was uncovered under the grave-mound. The burial-chamber had a complex design: the walls were reinforced with trimmed beams set vertically, then a floor and a timber-chamber were built (fig.4). The grave is covered with three rows of thick beams, above them there are several rows of birch bark, thick felt, a grating consisting of thin poles, again birch bark and branches of trees (fig.3). Interment was carried out through a special entrance.

Separate bones of 4 deceased persons were found on the floor of the burial-chamber (fig.5). The grave had been robbed at least twice. However, about three hundred golden ornaments and their fragments remained on the floor and in the grave filling by a lucky chance. Most of these articles are situated along the walls of the grave-pit, some - in the pit filling, especially by its western wall, immediately in front of the entrance, and some - in the very entrance. There are some traces of red paint on the right side of flat boards of the timber-chamber. The original decoration of the chamber was very rich; the fact that the ornaments which have remained are greatly deformed and the ornaments of different types are concentrated by the western wall of the chamber, close to the earliest hole used by the robbers, suggests that the latter used to pull out pieces of half-rotten cloth with ornaments fastened to it from under the timber-chamber collapsed and covered with earth and then take those pieces of cloth out through the hole in the chamber wall.

But for a small amount of beads, all the golden articles from the Large Novoselovsky barrow are made of thin golden sheeting. Relief geometric ornaments are represented by "buttons" and "commas". Of all the flat geometric ornaments toothed stripes and flamelike ornaments are the simplest. The barrow also contains various open-worked laps which are very characteristic of rich Altai barrows of the Scythian period (fig.7). Animal images are mainly represented by relief golden plates. Five plates in the form of a he-goat were found next to a bronze mirror and must have decorated a cover in which the mirror was kept. Besides, the barrow contained plates bearing the images of walking feline predators, which is characteristic of the art of the Saka and Sauromatian tribes of the 6th-5th centuries B.C. (fig.6).

Some finds were excavated in the entrance, such as an openworked lap in the shape of a deer, which had been broken by the robbers. The entrance filling contained two unique plates. They resemble well-known Hunnish clasps. However, the latter usually bore the scenes of fight between animals - the subject not characteristic of the art of the South Siberian Scythians. A fantastic character is represented on the plates from the Novoselovsky barrow. It consists of three parts: a feline predator's body, a he-goat's head and heads of birds of prey around the goat's muzzle and horns.

The entrance also contained an iron knife wrapped up in gold foil together with the blade.

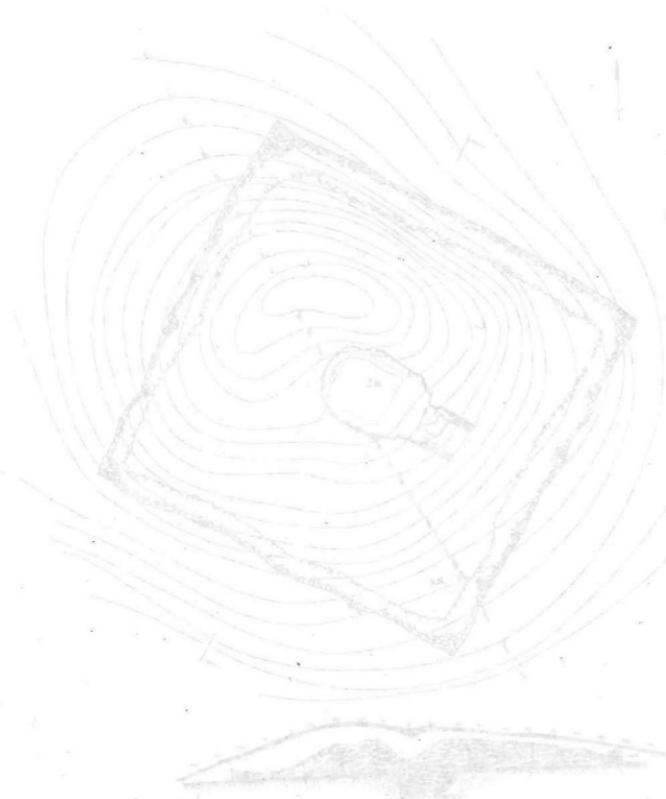
A small bronze vessel with large horizontal handles was found in the corner of the grave (fig.8). There are traces of a lost ring-base on the outer side of the bottom. The walls show some traces of repair- "patches". This vessel must have been used for a long time before it was put into the grave with its last owner. Comparable with the vessel considered is a bronze pot with the remains of charred hemp from the second Pazyryk barrow in the Altai. Similar ritual vessels are also known in the Pamirs in Kazakhstan, the South Urals. They usually date from the 5th-3rd centuries B.C.

Fragments of two clay vessels in the form of small kettles with handles were excavated on the floor of the burial chamber.

РАСКОПКИ СКИФСКОГО "ЦАРСКОГО" КУРГАНА НА ЮГЕ СИБИРИ

By the fence of the barrow, on the ancient surface a young woman with her hands tied in carpi was sacrificed and buried (fig.2).

The barrow's age is established according to its parallels in Central Asia, Kazakhstan, and especially, in rich Altai barrows of the Scythian period. In keeping with these parallels the barrow can be dated the 4th - the beginning of the 3rd centuries B.C. (the Tagar culture).

...и вновь вспоминается о том, что в древности на территории Сибири существовали различные племена, которые жили в землянках и занимались земледелием. Важно отметить, что эти племена имели развитую культуру и создали множество интересных архитектурных сооружений, таких как курганы и землянки.

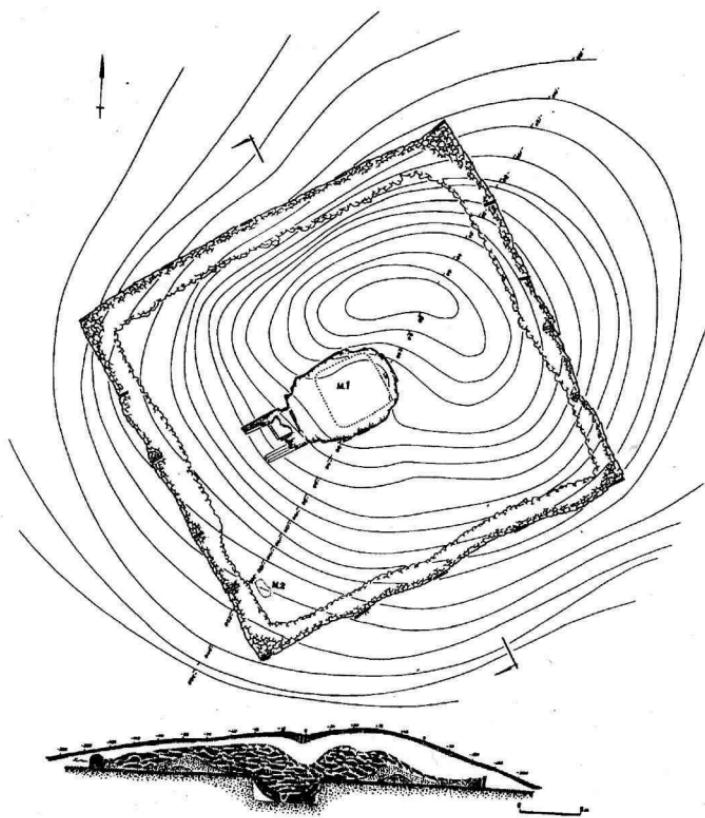

Рис.1 Большой Новоселцовский курган. План и разрез насыпи и подкурганного сооружения.
Fig.1] The Large Novoselovsky barrow. Plan and section of the barrow and the construction under it.

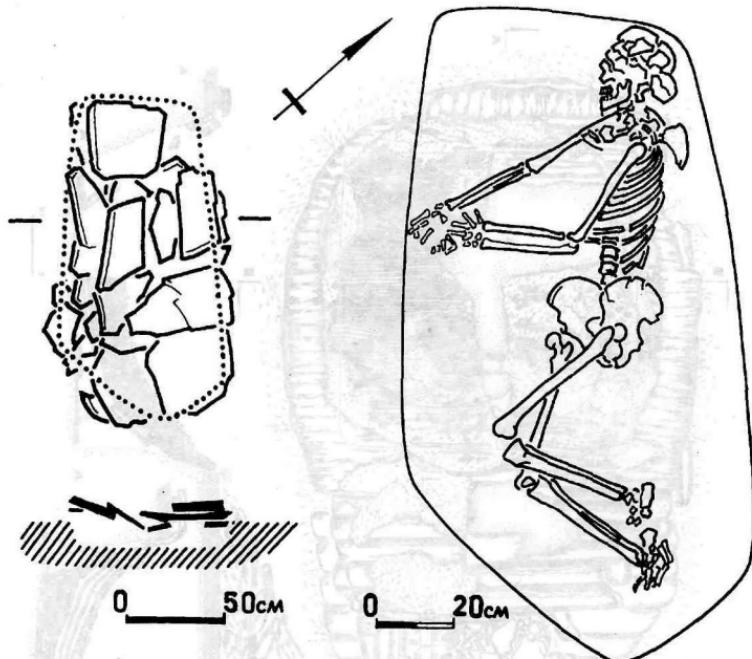

Рис.2 Большой Новоселовский курган. Безинвентарное захоронение в углу ограды - закладная жертва (могила 2).

Fig.2 The Large Novoselovsky barrow. The burial containing no grave goods, in the corner of the fence (grave 2).

справа изображена личинка гусеницы. Время создания: конец XIX - начало XX века. Материал: дерево и палки. Изделие в виде креста, выполненного из дерева. На кресте изображены различные символы, такие как кресты, звезды и другие геометрические фигуры. Крест был найден в земле на территории бывшего села Новоселово.

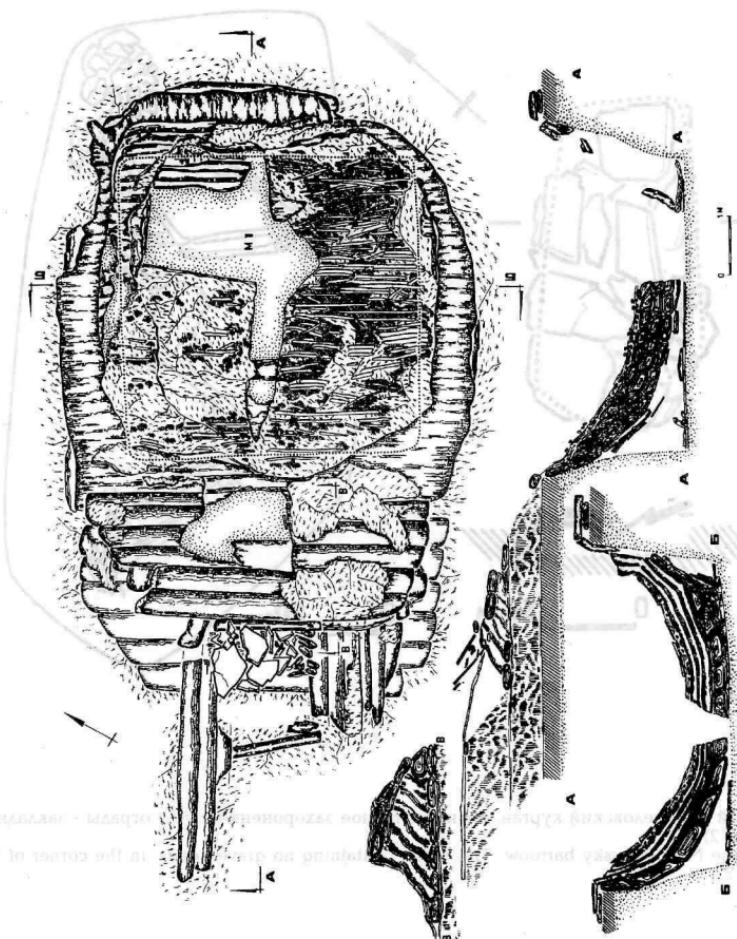
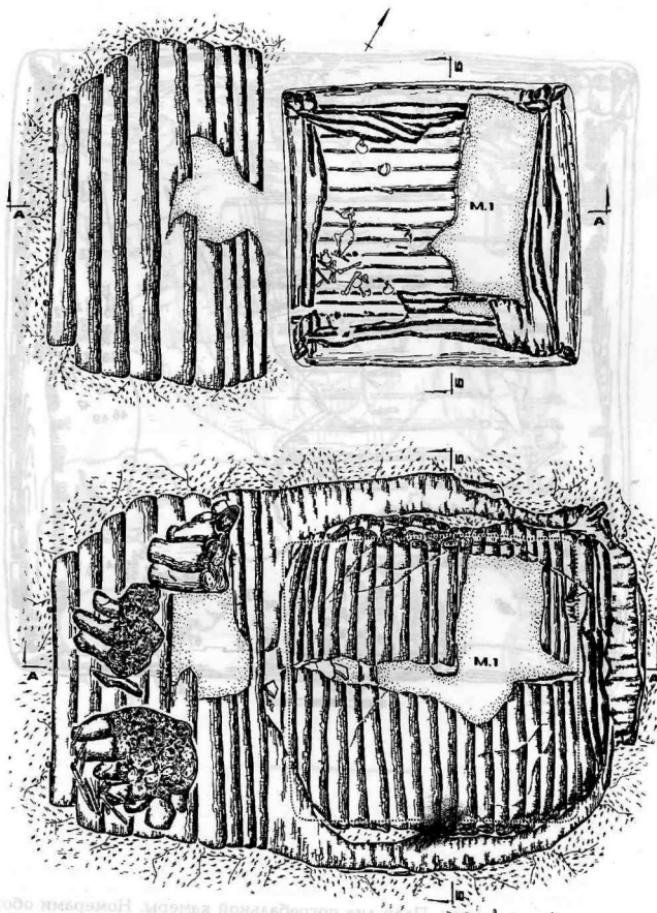

Рис.3 Большой Новоселовский курган. Погребальная камера. Верхняя оболочка перекрытия из бересты, войлока, жердей и хвороста. План и разрезы.
Fig.3 The Large Novoselovsky barrow. A funeral chamber. The upper cover of the roof is made of birch bark, thick felt, poles and brushwood. Plan and sections.

Большой Новоселовский курган. Бревенчатые конструкции погребальной камеры и входа в нее (А); пол входа и план дна с остатками сруба (Б).
 № 30 находка из глиняного горшка с изображением лодки с фигурами скирпичного судостроения. № 113 и № 74 - фигуры скирпичного судостроения. Надгробие из золота - золото.

Рис.4 Большой Новоселовский курган. Бревенчатые конструкции погребальной камеры и входа в нее (А); пол входа и план дна с остатками сруба (Б).
 Fig.4 The Large Novoselovsky barrow. Log constructions of the funeral chamber and entrance into it (A); the floor of the entrance and the plan of the bottom with the remains of the frame (B).

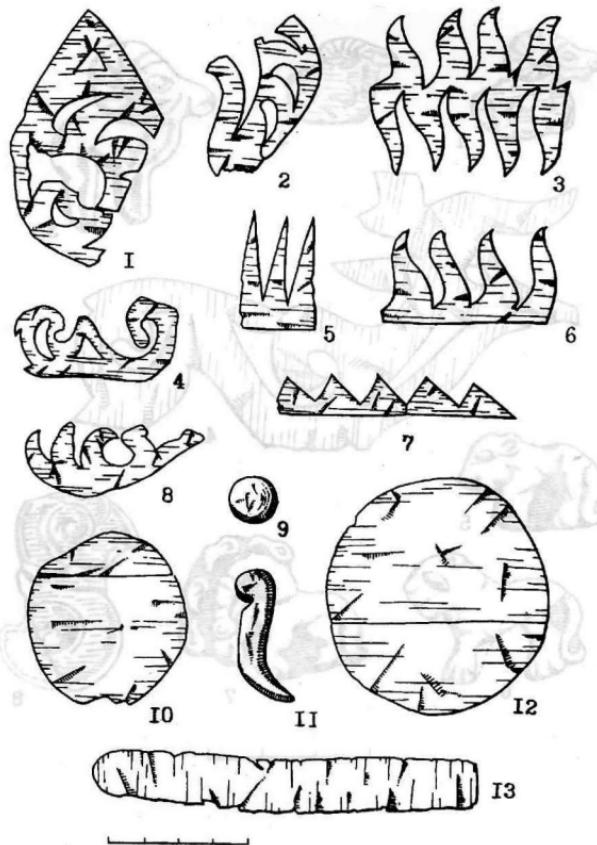
Рис.5 Большой Новоселовский курган. План дна погребальной камеры. Номерами обозначены находки золотых изделий и некоторых других вещей, уцелевших под упавшим срубом.

Fig.5 The Large Novoselovsky barrow. Plan of the bottom of the funeral chamber. Numbered are the finds of golden articles and some other objects which spared by the collapse of the frame.

Рис.6 Большой Новоселовский курган. Изображения животных; золото. 1-2. Лежащие архары, украшавшие чехольчик бронзового зеркала (обозначено на рис.5 буквой А); 3 - стоящий архар (№ 58 на Рис.5); 4 - изображение оленя, найденное во входе; 5-6 - идущие кошачьи хищники (№№ 113 и 79); 7 - фигурка синкремтического существа, найденная во входе; 8 - золотая накладка с изображением голов грифов (№ 113 а).

Fig.6 The Large Novoselovsky barrow. Images of animals; gold. 1-2. Laying wild rams decorating the cover of a bronze mirror (marked with letter A in Fig.5); 3 - a standing wild raw (N 58 in Fig.5); 4 - the image of a deer found in the entrance; 5-6 - walking Felidae predators (NN 113 and 79); 7 - the figure of a syncretic creature found in the entrance; 8 - a golden plate with the image of griffon - heads (N 113 a).

Иллюстрации №-5 отображают геометрические золотые украшения из Большого Новоселовского кургана, а также - № 122 на плане № 130 и № 133,135 на плане № 133.

Рис.7 Большой Новоселовский курган. Золотые украшения геометрической формы. 1 - соств. № 122 на плане (Рис.5); 2 - на плане № 130; 3 - на плане № 2; 4,7 - находки в заполнении могильной ямы; 5 - на плане № 98; 6 - на плане № 13; 8 - на плане № 30; 9,12 - на плане №№ 133,135.

Fig.7 The Large Novoselovsky barrow. Golden ornaments of geometric shape. 1 - corresponds to N 122 on the plan (Fig.5); 2 - N 130 on the plan; 3 - N 2 on the plan; 4,7 - finds in the filling of the grave pit; 5 - N 98 on the plan; 6 - N 13 on the plan; 8 - N 30 on the plan; 9,12 - NN 133,135 on the plan.

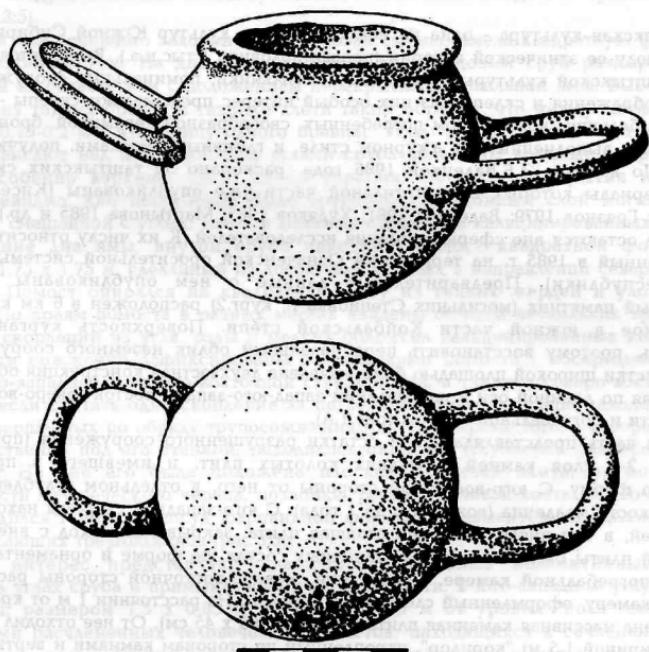

Рис.8 Большой Новоселовский курган. Бронзовый котелок-курильница пазырыкского типа.
Fig.8 The Large Novoselovsky barrow. A bronze pot - censer of the Pazyryk type.

ТАШТЫКСКИЙ СКЛЕП СТЕПНОВКА II НА ЮГЕ ХАКАССИИ

А.Г.САВИНОВ*

Таштыкская культура - одна из наиболее ярких культур Южной Сибири, относящейся к сложному периоду ее этнической истории (первая половина I тыс.н.э.). Выделяется несколько видов памятников таштыкской культуры - грунтовые могильники, поминальные сооружения, поселения, наскальные изображения и скелепы. Из них особый интерес представляют скелепы - монументальные усыпальницы с большим количеством погребенных, своеобразной керамикой, бронзовыми деталями поясных наборов, выполненным в ажурном стиле, и глиняными масками, получившими широкую известность. По данным Э.Б.Вадецкой 1986 года, раскопано 55 таштыкских скелепов (Вадецкая 1986:131), материалы которых в значительной части уже опубликованы (Киселев 1951:393-484; Кызласов 1960; Грязнов 1979; Вадецкая 1981; Худяков 1985; Мартынова 1985 и др.). Однако, многие памятники еще остаются вне сферы внимания исследователей. К их числу относится и таштыкский скелеп, раскопанный в 1985 г. на территории Означенской оросительной системы (Бейский район Хакасской республики). Предварительные данные о нем опубликованы (Савинов 1987). Рассматриваемый памятник (могильник Степновка II, кург.2) расположен в 6 км к северо-западу от пос.Новокурское в южной части Койбальской степи. Поверхность кургана неоднократно перепахивалась, поэтому восстановить первоначальный облик наземного сооружения трудно. В процессе расчистки широкой площадью была выявлена двухчастная конструкция общим размером 10 х 5 м, вытянутая по длиной оси в направлении запад-юго-запад - восток-северо-восток и состоящая из входной части и погребальной камеры (рис.1.А).

Входная часть представляла собой остатки разрушенного сооружения (примерно 4 x 4) из уложенных в 2-3 слоя камней и мелких колотых плит, и имевшего в прошлом, видимо, прямоугольную форму. С юго-восточной стороны от него, в отдельном углублении, обнаружены разрозненные кости младенца (возрастом до 1 года). С юго-западной стороны находилось несколько крупных камней, в том числе, наклонно стоящая плита, закрывавшая вход с внешней стороны. У основания этой плиты были вкопаны два глиняных сосуда, по форме и орнаментации аналогичных найденным в погребальной камере. Посередине северо-восточной стороны располагался вход в погребальную камеру, оформленный следующим образом. На расстоянии 1 м от края могильной ямы была установлена массивная каменная плита (размером 65 x 45 см). От нее отходил короткий (длиной около 1 м и шириной 1,5 м) "коридор", укрепленный по сторонам камнями и вертикально стоящими столбиками (по 4 с каждой стороны). Спуск в погребальную камеру вырублен в материке в виде трех широких, к моменту раскопок оплывших, ступеней. Внизу вход был еще раз перегорожен горизонтально лежащими деревянными плахами, остатки которых сохранились с внешней стороны сруба (рис.1.Б). На всех деревянных частях входа имелись следы горения.

Перекрытие погребальной камеры на уровне древней поверхности представляло собой двойной накат из расположенных перпендикулярно друг к другу деревянных жердей, от которых сохранились только концы, выходящие за границу могильной ямы. Судя по ним, перекрытие имело квадратную форму (5 x 5 м). Все деревянные части перекрытия также носят следы горения. Скорее всего, такая сохранность надмогильного сооружения объясняется тем, что погребальная камера была подожжена, когда могильная яма еще не была заполнена землей. Часть перекрытия, находящаяся над скелепом, сгорела и незначительные остатки ее обрушились вниз, а концы стволов, лежащие на краях, только обуглились (рис.1.А). Посередине ямы на глубине 0,1-0,35 м находилась разрушенная каменная выкладка (или часть наземного просевшего покрытия?). Непосредственно под ней располагалось захоронение женщины в возрасте 45-50 лет, без инвентаря. Она лежала на левом боку, со слегка согнутыми и перекрещенными ногами, головой на северо-северо-запад (рис.1.Б).

В заполнении могильной ямы на разном уровне встречены фрагменты керамики, аналогичные найденным на ее дне, которые позволяют предполагать, что основное погребение было ограблено.

* Россия. Санкт-Петербург, 199034. Менделеевская линия 5. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

Кроме того, обнаружены обломки плах и куски обгоревшего дерева, расположенные по сторонам от осевой линии сооружения, а также фрагменты обгоревшей бересты - остатки опустившегося в заполнение могильной ямы наземного сооружения. Не исключено, что между ограблением склепа и захоронением в верхней части заполнения могильной ямы имеется определенная связь. Во всяком случае, последнее было совершено тогда, когда яма уже заполнилась землей. При этом могли быть разбиты и выброшены наверх часть керамических сосудов, находившихся на дне погребальной камеры. Из них следует отметить половину плоского глиняного блюда без орнамента, диаметром около 30 см (рис.3:5).

Могильная яма основного захоронения (котлован склепа) имела квадратную форму, размером 4,5 x 4,5 м и глубиной 1 м. На дне ямы находился трехвенцовый сруб размером 4,2 x 4,2 м, ориентированный в соответствии с положением перекрытия и могильной ямы. Высота сруба 0,7-0,8 м. Сруб сложен из тонких бревен в технике клети таким образом, что между смежными бревнами оставался зазор 0,15-0,2 м (в толщину одного бревна). Углы клети сложены без остатка, верхние венцы слегка нависают над нижними. Под углами сруба положены крупные опорные камни. Все венцы сруба, особенно верхние, носят следы горения. Остатки перекрытия и пол сруба не обнаружены; очевидно, дно погребения было грунтовое. Придонный слой могильной ямы был заполнен землей, смешанной с углем, золой и мелкими обломками кальцинированных костей.

На середине дна ямы, внутри сруба находился помост квадратной формы, размером приблизительно 1,75 x 1,75 м, сделанный из досок, расположенных в направлении северо-северо-запад-юго-юго-восток. Помост опирался на квадратную раму из тонких жердей и расположенные на дне плоские камни. По краям помоста в разных местах найдены остатки нескольких трупосожжений в виде небольших скоплений из угля, золы и мелких обломков кальцинированных костей (всего - 7). Такие же остатки сожжений зафиксированы за пределами помоста - посередине с внутренней стороны у северо-западной и северо-восточной стенок сруба, а также в северо-восточном углу его. Таким образом, если считать одно скопление за погребение, всего в склепе находились остатки 11 захоронений, совершенных по обряду трупосожжения (рис.1:В). Кроме того, в северо-восточном углу сруба, непосредственно под его стенкой, находилось овальное углубление размером 0,8 x 0,5 м и глубиной 0,4 м. На дне его была положена плоская каменная плита, на которой найдены раздавленные кости человеческого черепа, позвонки, ребра и лучевая кость. В юго-восточной части углубления находился глиняный сосуд шаровидной формы с орнаментом из сделанных овальными вдавлениями свисающих треугольников (рис.3:3).

Большой интерес представляют два сопроводительные коллективные захоронения, расположенные в углах сруба и примыкающие к входной части. В юго-западном углу находилась яма округлой формы, размером 1,5 x 0,85 м и глубиной 0,5 м от уровня "пола" склепа. Яма была заполнена частями расчлененных человеческих скелетов, находящихся в сочленениях (спинные и поясничные отделы позвоночника с тазовыми костями, кости рук и ног с тазом и т.д.). Общее количество погребенных, судя по числу черепов, - 4. На дне ямы найдены ребра лошади. В северо-западном углу находилась яма такой же формы, размером 0,6 x 0,7 м, глубиной 0,4 м. Также как и предыдущая, она была заполнена частями человеческих скелетов (черепа, тазовые кости, длинные кости ног; более мелкие кости - ребра и позвонки). Общее количество погребенных - 3. На дне ямы лежали кучкой более 20 астрагалов мелкого и крупного рогатого скота (рис.2). Судя по визуальным наблюдениям, люди, предварительно расчлененные и затем похороненные в этих ямах, - мужчины и женщины, были сравнительно молодого возраста - от 25 до 35 лет. Имеются все основания полагать, что они были принесены в жертву при сооружении склепа (так называемые закладные жертвы). Следует отметить, что подобного рода жертвоприношения в памятниках таштыкской культуры встречены впервые. Это неожиданное и яркое свидетельство весьма сложных социальных отношений и идеологических представлений населения Минусинской котловины в период существования здесь таштыкской культуры (Савинов 1987а). Не исключено, что такие случаи могли иметь место и раньше, но были пропущены при исследовании других таштыкских склепов. Во всяком случае, теперь на возможность выявления таких закладных жертвоприношений следует обратить особое внимание.

Предметы сопроводительного инвентаря, найденные на дне склепа, четко не локализованы, но, в основном, сосредоточены на площади, непосредственно прилегающей к помосту. Здесь были найдены несколько глиняных сосудов, целых и во фрагментах - чашка, сделанная из поддона крупного сосуда; придонная часть сосуда баночкой формы; сосуд шаровидной формы, украшенный по плечикам горизонтальными и наклонными рядами серповидных вдавлений (рис.3:1);

красноглиняный сосуд с выпуклым туловом на низком поддоне с кружковым орнаментом по венчику (рис.3:4); стенка и дно орнаментированного тремя рядами вдавлений треугольников сосуда со сливом и двумя ручками (рис.3:6). Отсюда же происходят бронзовые детали поясного набора - две пряжки с выступающим язычком на длинных щитках, одна пряжка такого же типа с круглым ажурным щитом и обломок подвески (рис.4:1). Из других находок следует отметить два бронзовых амулета с головками коней, выполненными в характерном таштыкском стиле (рис.4:2) и звено проволочных железных удил. Вместе с ними вокруг помоста были разбросаны отдельные кости животных (лопатки, ребра и астрагалы коров и баранов). В других частях площади скелепа, между помостом и стенками сруба, находок сделано не было. Поэтому, можно предполагать, что размещение немногочисленных предметов сопроводительного инвентаря и костей животных соответствует нормам погребального обряда - скорее всего, они были "общими" для всех находящихся на помосте трупосожжений. Другая группа находок, очевидно, переброшенных грабителями, была обнаружена за северо-западной стенкой сруба, где были найдены глиняный сосуд шаровидной формы, такой же как один из найденных около помоста, но дополнительно украшенный четырьмя выпуклыми шишечками на тулове (рис.3:2); обломок изображения нижней части лица (подбородок) взрослого человека из обожженной глины; хорошо сохранившаяся лицевая маска девочки (рис.5). Следует отметить, что в обширной галерее таштыкских масок изображение детского лица, пожалуй, встречается впервые. Обращает на себя внимание не совсем обычное сочетание в нем признаков монголоидности и европеоидности, хотя окончательно судить об антропологическом типе по данному изображению, конечно, трудно.

Как показали многолетние исследования, каждый таштыкский склеп по-своему индивидуален. Существенным своеобразием отличается и степновский склеп (кстати, один из самых южных из всех раскопанных на территории Минусинской котловины). К таким чертам своеобразия, в первую очередь, относятся: совмещение "поминальника" (стела с вкопанными у ее основания сосудами) с входной частью сооружения; спуск в погребальную камеру, оформленный в виде лестницы со ступенями; сруб в виде клети, представляющей собой, по сути дела, обрамление стенок могильной ямы; устройство специального помоста, на котором находились остатки трупосожжений; закладные жертвы с расчлененными телами людей, расположенные симметрично у входа в погребальную камеру; лицевая глиняная маска девочки.

По своим размерам степновский склеп относится к категории "малых" склепов таштыкской культуры. Как отмечает Э.Б.Вадецкая, "причина разнообразия таштыкских склепов до сих пор остается неясной. Отражает ли оно хронологические этапы культуры или ее этнические и социальные компоненты?" (Вадецкая 1981:59). Наиболее вероятно первое, хотя это не исключает и взаимодействия других факторов. По отмеченным выше конструктивным особенностям, степновский склеп представляет собой результат эволюции и упрощения ранее известных традиций, и в этом отношении типологически может считаться одним из поздних в ряду других склепов таштыкской культуры. С точки зрения хронологии, по всем предметам сопроводительного инвентаря он может быть отнесен к выделенному М.П.Грязновым тепсейскому этапу таштыкской культуры, датировка которого определяется III-V вв.н.э. (Грязнов 1971). Однако, учитывая такую хронологическую и культурную принадлежность, необходимо сделать некоторые уточнения, которые одновременно касаются крайне важного и окончательно не решенного вопроса о верхней хронологической границе существования таштыкской культуры.

Обычно граница между культурами - таштыкской и енисейских кыргызов - проводится в V в. н.э., что в значительной степени обусловлено соображениями общесторического характера, в первую очередь, образованием в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата. Между тем, традиционное развитие таштыкской культуры вряд ли могло быть прервано политическими событиями, происходившими в Центральной Азии. С другой стороны, неясны истоки и начальный период формирования культуры енисейских кыргызов, несомненно, впитавшей многие таштыкские традиции (Евтихова 1948:6-9). В этой ситуации, пожалуй, наиболее показательны аналогии между таштыкской культурой и культурой СILLA (Корея, V-VI вв. н.э.), представляющие целый ряд сходных культурных элементов (Боробьев 1961). К ним относятся: седа с широкими арочными луками (в таштыкской культуре - берестяная обкладка седла из Уйбатского чаатаса), поясные наборы с бронзовыми ажурными пряжками и подвесками, горизонтально "лежащие" боченки с пробкой посередине, железные проволочные удила, изображения всадников с котлом, укрепленном на крупе коня (в таштыкской культуре - наскальные изображения из Хызыл хая) и др. Интересны и более

частные совпадения. Например, под седлом на ритуальном сосуде в виде всадника культуры Силя (Вайнштейн, Крюков 1984; рис.12) показана дополнительная лопасть (рис.6.4.9), такая же как на изображении бегущего оседланного коня на одной из известных телесейских пластин (Грязнов 1979; рис.61). По сути дела, если не все, то, во всяком случае, многие, элементы развитой таштыкской культуры находят себе параллели в материалах культуры Силя (рис.6). Отдельные аналогии можно привести и из памятников этого же времени поздней курганной эпохи в Японии (Воробьев 1958).

Конечно, с территориальной точки зрения все они достаточно удалены друг от друга. Однако, подобная синхронизация на фоне очень слабой степени изученности археологических памятников промежуточных территорий не противоречит сложившимся представлениям о восточных элементах, сыгравших определенную роль в сложении таштыкского культурного комплекса. Так, в работах С.В.Киселева и А.Р.Кызласова содержится ряд наблюдений о центрально-восточноазиатских параллелях некоторым материалам таштыкской культуры, к которым относятся: форма склепов под усеченно-пирамидальными насыпями с боковым входом-дромосом, отдельные типы керамики и приемы ее орнаментации, погребальные статуэтки животных, остатки церемониальных зонтиков и др. (Киселев 1951:460,464-466 и др.; Кызласов 1960:48-50,63-64 и др.). К ним же относится интересное наблюдение Э.Б.Вадецкой о том, что "найденные в склепах разрозненными остатки зонтов, фигурок людей и коней составляли ранее единые модели повозок, клавшихся погребенным, по типу китайских" (Вадецкая 1986:139). В более позднее время (после 460 года) к этому может иметь отношение создание на Среднем Енисее раннетюркского владения Цигу (одна из ранних фонетических транскрипций этнического наименования "кыргыз"), которое по времени и месту образования идентифицируется с телеским этапом таштыкской культуры (Савинов 1988). Культурно-генетические корни создавших это владение тюрок Ашина в предшествующий ганьсуйско-гаочанский период их истории были тесно связаны с восточными районами Азии (Кляшторный 1965). В целом, восточная линия ориентации таштыкского культурогенеза в настоящее время представляется наиболее вероятной и в этом отношении приведенные параллели между материалами двух культур - таштыкской и Силя - имеют право на существование.

Исходя из всего сказанного, датировка культуры Силя (V-VI вв. н.э.) может быть принята для определения позднего этапа таштыкской культуры, к которому относится и рассмотренный выше склеп на могильнике Степновка II. Очевидно, памятники этого времени, которые известны сейчас (Усть-Тесь и Кривинское, Михайловский могильник, Абаканский и Арбанский ча-тасы) и будут еще раскопаны, следует выделять в качестве особого этапа таштыкской культуры, следующего за телеским и характеризующего таштыкскую культуру в начальный период становления государства енисейских кыргызов.

ВАДЕЦКАЯ, Э.Б. 1981. Малый таштыкский склеп на реке Дальняя Чея // Краткие сообщения Института археологии 167:59-65.

1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград:Наука.

ВАЙНШТЕЙН, С.И., М.В.КРЮКОВ. 1984. Седло и стремя // Советская этнография 6:114-130.

ВОРОБЬЕВ, М.В. 1958. Древняя Япония. Москва:Восточная литература. 1961. Древняя Корея. Москва:Восточная литература.

ГРЯЗНОВ, М.П. 1971. Миниатюры таштыкской культуры (Из работ Красноярской экспедиции 1968 года) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 13:94-106. Ленинград.

1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Телсей на Енисее:86-146. Новосибирск:Наука.

ЕВТЮХОВА, Л.А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан:Советская Хакасия.

КИСЕЛЕВ, С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири (изд.2-е). Москва:АН СССР.

КЛЯШТОРНЫЙ, С.Г. 1965. Проблемы ранней истории племен турк (Ашина) // Новое в советской археологии (памяти С.В.Киселева). Материалы и исследования по археологии СССР 165:278-281. Москва.

КЫЗЛАСОВ, А.Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины.

Москва:Московский государственный университет.

МАРТЬНОВА, Г.С. 1985. Таштыкские племена на Кие. Красноярск:Красноярский государственный университет.

САВИНОВ, Д.Г. 1987. Раскопки таштыкского склепа на юге Хакасии // Археологические открытия 1985 года:279-280. Москва.

1987а. О социальном аспекте исследований некоторых погребений Минусинской котловины (по материалам Среднеенисейской экспедиции 1985 года) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции:220-222. Москва.

1988. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири:64-74. Абакан.
 ХУДЯКОВ, Ю.С. 1985. Новые данные по археологии Котупекской долины // Археологические исследования в районах новостроек Сибири:180-194. Новосибирск.

D.G.SAVINOV

THE TASHTYK FUNERAL CHAMBER STEPNOVKA-II IN SOUTH KHAKASSIA.

Summary.

The Tashtyk Culture is one of the most significant cultures of South Siberia in the first millennium A.D. According to the 1986 data 55 funeral chambers of the Tashtyk Culture have been excavated. The material they contained has been published incompletely. A funeral chamber at the cemetery of Stepnovka-II in the south of the Minusinsk Hollow (the Khakass Republic) was one of those excavated; it was studied in 1985. This study presents three plans of the funeral chamber: from the ancient ground surface (fig.1,a), the filling of the grave pit (fig.1,b) and the bottom of the burial chamber (fig.1,c). The funeral chamber consisted of an entrance part and a burial chamber. At the entrance which was rectangular in shape a stone slab was installed. Two clay pots were buried under it; scattered/disarticulated bones of an infant (under 1) were excavated in a small pit not far from the entrance. The entrance consists of a staircase with wide steps reinforced with wooden poles on both sides. At the foot of the stairs the entrance was partitioned by horizontally-positioned wooden blocks. In the burial chamber a log hut was built, and in the middle of it at the bottom of the grave pit there was a special burial platform. After the funeral the burial chamber was set on fire and all wooden parts of the construction burnt down, part of the roof having come down. In all, the funeral chamber contained the remains of 11 cremation burials: 7 burials on the platform and 4 in the north-eastern part of the log hut. In the north-eastern corner of the log hut under its wall human bones and a clay pot were found in a small pit on a stone plate. The funeral chamber was plundered in ancient times. However, most of the grave goods have remained in place. Round the platform there were goods intended for all the deceased persons: ornamented clay pots of various shapes (fig.3); decorated bronze belt fittings of elaborate style (fig.4.1); amulets in the form of a horsehead (fig.4.2); etc. Of particular interest is the first (in the Tashtyk Culture) finding of a clay mask with the image of a girl's face (fig.5). Two pits filled with the remains of disarticulated human skeletons were found beside the entrance to the funeral chamber and in the corners of the log hut (4 skeletons in the one pit; 3 - in the other). One of the pits contained ribs of a horse, the other - astragali of neat and small cattle. These are most likely to have been sacrifices made during the construction of the funeral chamber (fig.2). These are the first finds of such sacrifices in the burials of this period; they point to complex social relations among the population of the Tashtyk Culture. The structural features of the funeral chamber at Stepnovka-II represent a result of the evolution and simplification of some traditions known before and can be typologically considered as one of the latest of the Tashtyk funeral chambers. According to its grave goods the funeral chamber belongs to the Tepsej stage of the Tashtyk Culture (3rd-5th century A.D., most likely, to the end of this stage and even a later period. This is supported by numerous similarities between the developed Tashtyk Culture and the Silla Culture in Korea (5th-6th century A.D.). We refer here to saddles, decorated belts, bits, images of riders with a pot. If the oriental orientation of Tashtyk cultural genesis and the insufficient study of archaeological sites in intervening territories are considered, the above-mentioned parallels between the materials of the two cultures - the Tashtyk and the Silla Cultures - are quite valid (fig.6). The Stepnovka-II funeral chamber can be dated to the same time (5th-6th century A.D.). It is apparent that the sites of this period which have already been excavated and will be further studied should be recognized as belonging to a special stage of the Tashtyk Culture following the Tepsej stage. These sites are typical of the Tashtyk Culture at the early period of the formation of the Yenisei Kirghiz state.

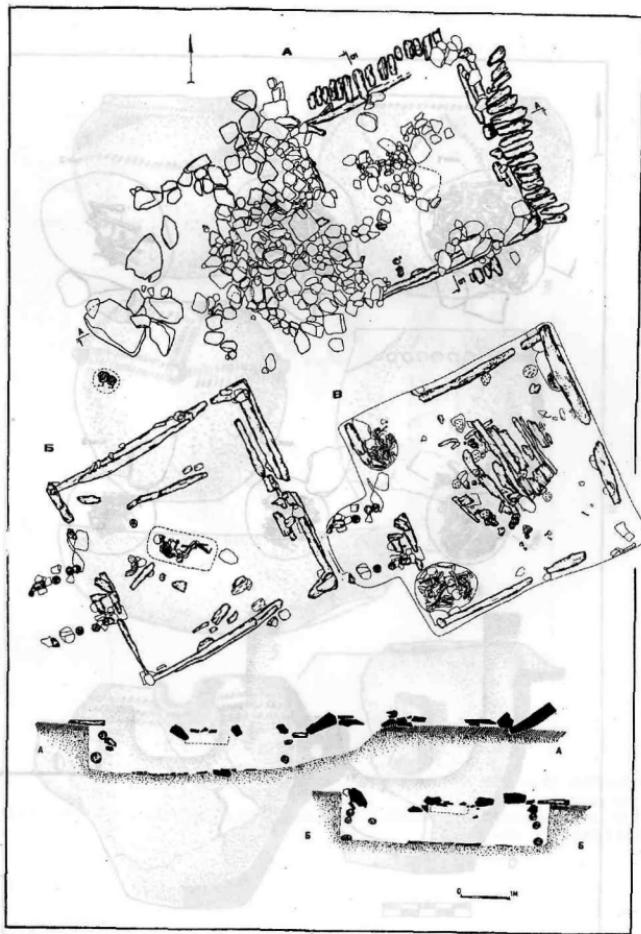

Рис.1 Планы таштыкского склепа на могильнике Степновка II: А - на уровне древней поверхности; Б - на уровне заполнения могильной ямы; В - на уровне дна склепа. Внизу разрезы по линии АА и ББ.

Fig.1 Plans of the Tashtyk funeral chamber at the cemetery Stepnovka-II: A - from the ancient ground surface; B - the filling of the grave pit; C - the bottom of the funeral chamber. At the bottom - sections along line AA and BB.

1986. Кладение Енту джанатырской культуры и пахтаковской культуры // Историко-культурные связи Маркса Южной Сибири в VI-VI вв. Абакан.
ХУЛКОВ, Г.С. 1985. Новые данные по пахтаковской археологии // Археологические исследования в районах новостроек Сибирского и Дальневосточного.

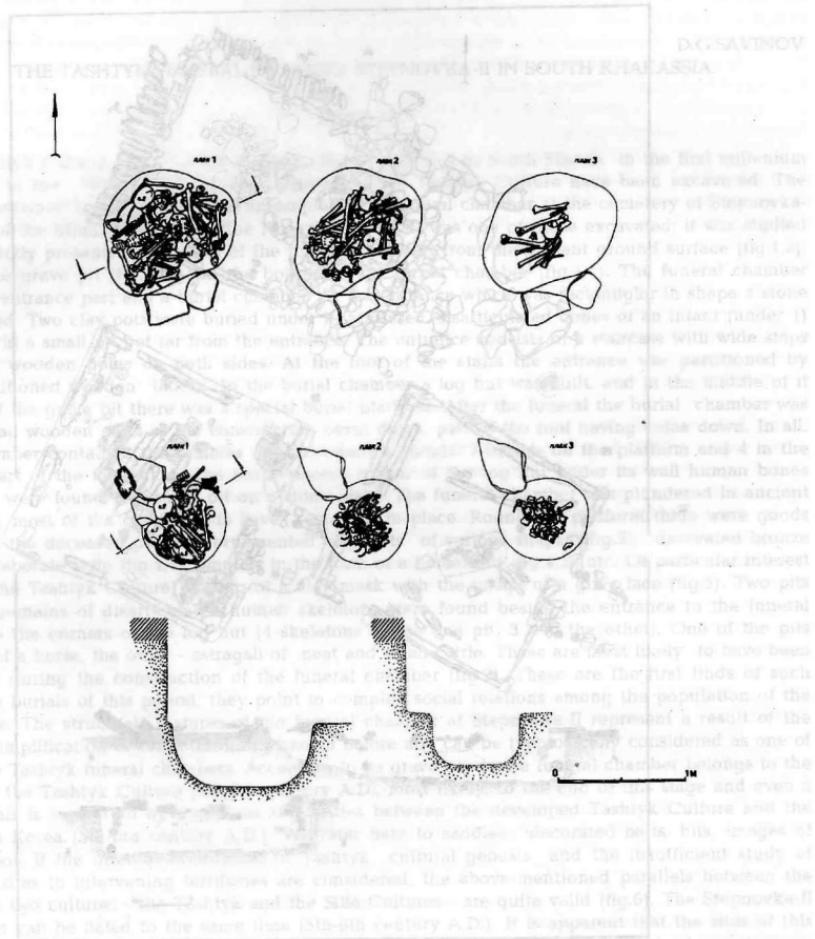

Рис.2 Последовательные этапы расчистки ям с человеческими жертвоприношениями внутри склепа Степновка II. Вверху - яма в юго-западном углу склепа, посередине - яма в северо-западном углу склепа, внизу - разрезы ям.

Fig.2 Stages of cleaning the pits with human sacrifices inside the funeral chamber Stepnovka-II. At the top - the pit in the South-Western corner of the chamber, in the middle - the pit in the North-Western corner of the chamber, at the bottom - sections of the pits.

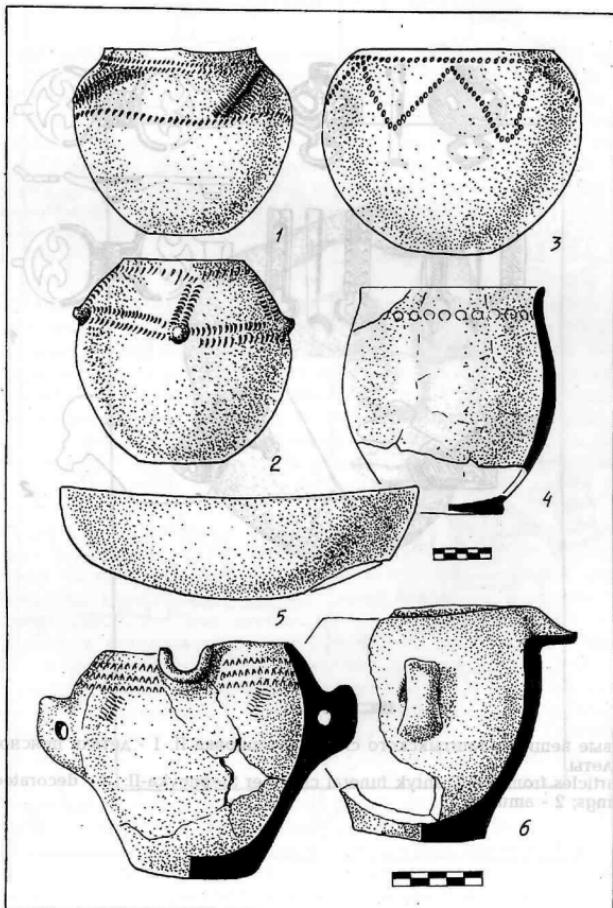

Рис.3 Керамика таштыкского склепа Степновка VI, курган 2.
Fig.3 Pottery from the Tashtyk funeral chamber Stepnovka-II.

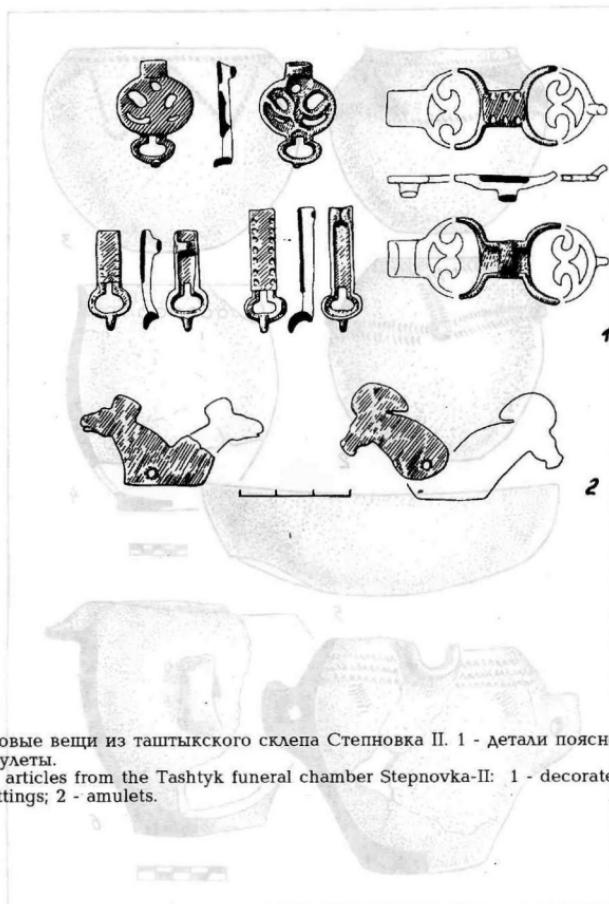

Рис.4 Бронзовые вещи из таштыкского склепа Степновка II. 1 - детали поясного набора; 2 - амулеты.

Fig.4 Bronze articles from the Tashtyk funeral chamber Stepnovka-II: 1 - decorated bronze belt-fittings; 2 - amulets.

НОВЫЕ НАХОДКИ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ В ДЫРЕСТУЙСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

А.В.ДАВЫДОВА, С.С.МИНДЕР

Дырестуйский могильник находится на юге Западного Саябкала, по рекам берегу р.Джиды (левый приток р.Салмы) в 1 км выше села Дырестуй. Он был открыт в 1960 г. Ю.Д. Талько-Грицевским, раскопавшим здесь 74 погребения (Талько-Грицевич 1962; 1963а; Соколовский 1935; Коновалов 1976). С 1984 г. работы на могильнике продолжила Забайкальская экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) (Миндин 1986; 1987).

К настоящему времени принципиально воронковые курганы Дырестуйского могильника изучены также существенно лучше, чем холмистые. К тому же в ходе раскопок в Дырестуйском могильнике применяется серия наборных поясов. Первое описание оказалось в статье А.В.Давыдовой, опубликованной в 1987 г.

Конструкции погребальных комплексов иркутско-хакасских курганов отличаются от признаков (обнаружены в Дырестуйском могильнике) существенно. В частности, в Дырестуйском могильнике не выделяются цветом и размерами погребальные сооружения - гроб из дерева или камня, а также погребальная скамья, на которой лежали на спине с вытянутым руками погребенные. Для погребальной скамьи характерно наличие ящиков для хранения предметов, а также ящики для хранения пищи, но наиболее интересны ящики для хранения наборных поясов.

Могила 40 (рис.1). Была расположена в ряду с могилами 38, 39. Краем узкой южной стороны могильника. В могиле находились кремневые подвески у лицевой части скамьи, на которых находилась кирка крестообразной формы, костяные браслеты (рис.1-2), 2 х бронзовых подвесок из кости (рис.1-3-4), 2 х когтевидных подвесок из хвощёвника (рис.1-5-6), пластика бисера (рис.1-7-8), глиняная маска девочки (рис.1-9), служившая ведомом композиционным центром погребального набора, и краевая часть восточной сундука (размер 45 x 2 см) из голубого флюорита (рис.1-10). Погребение было обильно обсыпано белым из пагата, сарсеника, флюорита, глиняного мазеллика (рис.1-11-12) и золоту из краевых стеклянных и сердоликовых бус (рис.1-13-20). На скамье у правой бедренной кости (рис.1-1) погребенного находился предмет типа кети из бронзы с красной бахромой. Кроме того, в погребении обнаружен большой количества (1 800 единиц) мелкого бисера (рис.1-21), встречавшегося по всему склепу, но более всего около ложного юбки. Всегда же в могиле найдено 2-4 шт. бус и бисера.

Могила 49 (рис.2,3). Расположена у юго-восточного угла склепа 36 (в один ряду с могилами 51 и 52). В могиле поклонена женщина 20-25 лет с длинным бюстом, у подъязычной кости ноги овцы и ребра малого рогатого скота из кости левой руки (рис.2,1).

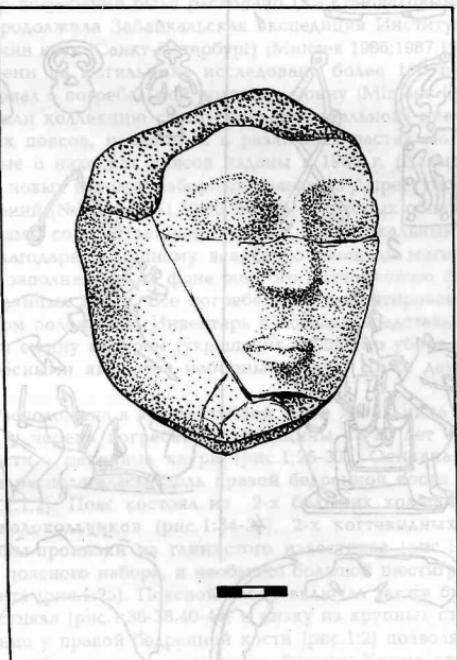
Пояс состоял из двух ногтей погребенной женщины (рис.2,2), он состоял из пары кольца глиняного известника (рис.2-12,3-18), пары медных колец из глиняного известника и гравета, (рис.2-19) и гравета (рис.2-20) и пластика золотистой египетской фаянсовой керамики (рис.2-21). Края ящика из кости (рис.2-22) обшиты краевыми бусами из золота (рис.2-23-24) и сердолика (рис.2-25-26). Края ящика обшиты краевыми бусами из золота (рис.2-27-28) и сердолика (рис.2-29-30). Края ящика обшиты краевыми бусами из золота (рис.2-31-32) и сердолика (рис.2-33-34-35).

Рис.5 Глиняная маска девочки из таштыкского склепа Степновка II.

Fig.5 Clay mask with the image of a girl's face from the Tashtyk funeral chamber Stepnovka-II.

Российская академия наук. Институт истории материальной культуры. Ученые записки. Серия 1. Археология. Том 10. № 1. 1987. С. 53-55.

Средней Азии и Балкан.

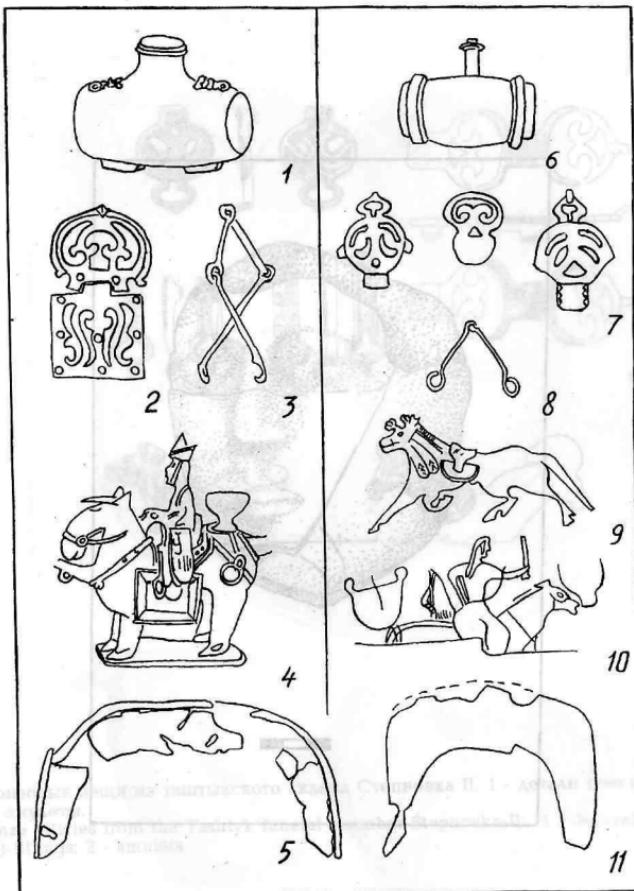

Рис.6 Сравнительная таблица материалов таштыкской культуры (№№ 6-11) культуры Силла (№№ 1-5). 1-3,5 - по М.В.Воробьеву, 4 - по С.И.Вайнштейну и М.В.Крюкову, 6-8 - по Л.Р.Кызласову, 9 - по М.П.Грязнову, 10 - по И.Л.Кызласову, 11 - по С.В.Киселеву.

Fig.6 Comparative table of the materials on the Tashtyk Culture (NN 6-11) and the Silla Culture (NN 1-5), 1-3,5 - according to M.V.Vorobiev, 4 - according to S.I.Vainshtein and M.V.Kriukov; 6-8 - according to L.R.Kyzlasov, 9 - according to M.P.Griaznov, 10 - according to I.L.Kyzlasov, 11 - according to S.V.Kislev.

Fig.6 Comparative table of the materials on the Tashtyk Culture (NN 6-11) and the Silla Culture (NN 1-5), 1-3,5 - according to M.V.Vorobiev, 4 - according to S.I.Vainshtein and M.V.Kriukov; 6-8 - according to L.R.Kyzlasov, 9 - according to M.P.Griaznov, 10 - according to I.L.Kyzlasov, 11 - according to S.V.Kislev.

НОВЫЕ НАХОДКИ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ В ДЫРЕСТУЙСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

А.В.ДАВЫДОВА, С.С.МИНЯЕВ*

Дырестуйский могильник находится на юге Западного Забайкалья, на левом берегу р.Джиды (левый приток р.Селенги) в 8 км выше села Дырестуй. Он был открыт в 1900 г. Ю.Д.Талько-Гринцевичем, раскопавшим здесь 24 могилы (Талько-Гринцевич 1902, 1902а; Сосновский 1935); впоследствии еще несколько погребений было раскопано П.Б.Коноваловым (Коновалов 1976). С 1984 г. работы на могильнике продолжила Забайкальская экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург) (Миняев 1986;1987;1988).

К настоящему времени на могильнике исследовано более 100 погребений, которые дали принципиально новый материал о погребальной практике сюнну (Minjaev 1989). Раскопки могильника также существенно пополнили коллекцию сюннского погребального инвентаря. Особое внимание привлекает серия наборных поясов, найденных в различных частях могильника в неграбленых погребениях. Первые данные о находках поясов изданы в 1988 г. (Давыдова, Миняев 1988). Цель данной статьи - публикация новых находок наборных поясов из Дырестуйского могильника.

Конструкции погребений (№№ 40,49,51,52,80,99,100), в которых обнаружены пояса, однотипны: прямоугольные могильные ямы со скругленными углами и вертикальными стенками без внешних признаков (обнаружены благодаря сплошному вскрытию площади могильника, могильные пятна четко выделялись цветом и заполнением на фоне желтого материкового суглинка, внутримогильное сооружение - гроб из деревянных досок. Все погребенные, ориентированные на северный сектор, лежали на спине в вытянутом положении. Инвентарь в могилах представлен, как правило, обычным для погребальной практики сюнну набором (украшения головного убора, глиняные сосуды, мясная пища), но наиболее интересными являются наборные пояса. Ниже дается описание найденных поясов.

Могила 40 (рис.1). Расположена в юго-восточной части могильника на краю террасы (рядом с могилой 38). Кроме пояса у черепа погребенной женщины 18-20 лет обнаружено 6 бирюзовых подвесок, у нижней челюсти - раковина каури (рис.1:26-33). Основная часть поясного набора находилась ниже крестца и располагалась вдоль правой бедренной кости, часть предметов - между бедренными kostями (рис.1:1,2). Пояс состоял из 2-х больших колец из глинистого известняка (рис.1:2), 2-х бронзовых колокольчиков (рис.1:34-35), 2-х коттевидных подвесок из халцедона (рис.1:46,47), плоской бусины-пронизки из глинистого известняка (рис.1:45), служившей, видимо, композиционным центром поясного набора, и необычно большой шестигранной бусины (размер 4,5 x 2 см) из голубого флюорита (рис.1:25). Поясной набор включал также бусы из гагата, серпентина, флюорита, глинистого известняка (рис.1:36-38,40-44) и низку из крупных стеклянных и сердоликовых бус (рис.1:3-20), их положение у правой бедренной кости (рис.1:2) позволяет предположить наличие здесь предмета типа четок, либо мешочка, расшитого бусами. Кроме этого, обнаружено большое количество (1 800 единиц) мелкого бисера (рис.1:21-24), он встречался по всему скелету, но более всего около поясного набора. Всего же в могиле найдено 2 417 шт. бус и бисера.

Могила 49 (рис.2,3). Расположена у юго-восточного угла кургана 36 (в одном ряду с могилами 51 и 52). В могиле похоронена женщина 20-25 лет с глиняным сосудом, у правой кисти погребенной - кость ноги овцы и ребра мелкого рогатого скота на кисти левой руки (рис.2,1).

Пояс положен на левую ногу погребенной женщины (рис.2:2), он состоял из пары колец глинистого известняка (рис.2:28;3:38), пары маленьких колец из глинистого известняка и гагата (рис.2:19;3:43), округлой пряжки из гагата (рис.3:46), покрытой красной лаком и золотой фольгой, двух коромыслообразных подвесок из глинистого известняка (рис.2:23;3:12), 6-ти коттевидных подвесок из халцедона (рис.2:20-22;3:13-15). Кроме этих крупных предметов на поясе имелись подвески из бирюзы (рис.3:39), бусы разной формы и из различного материала (рис.2:3-18,24-27,29-33;3:1-10,16-37,40,42,44,45, всего 115 единиц). Следует отметить, что крупные предметы (кольца,

* Россия, Санкт-Петербург, 191065. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Средней Азии и Кавказа.

подвески) найдены в четном количестве (2,4), что определялось их симметричным расположением в композиции украшений, центром которых, видимо, служила округлая пряжка из гагата (рис.3:46).

Могила 51 расположена, как и могилы 49 и 52, у юго-восточного угла кургана 36. В могиле без гроба лежали останки ребенка 5-6 лет (рис.4:22), большой глиняный сосуд (высота 17,5 см), ребра и голень мелкого рогатого скота (они находились в области таза погребенного), среди костей грудной клетки найдена одна стеклянная бусина.

Пояс, обнаруженный на линии таза погребенного, состоял из бронзового кольца и 25 стеклянных бусин (рис.4:26-31).

В **могиле 52** найдена женщина 18-20 лет, под ее черепом лежали - железное колечко и низка бус (36 штук из стекла, сердолика, гагата - рис.4:16-21). Пояс, расположенный в области коленей (рис.4:1), состоял из 2-х пластин-пряжек из глинистого сланца, одна из них орнаментирована (рис.4:2), стеклянных бус (рис.4:4-11) и низки костяных бусин (рис.4:3).

Могила 80 (рис.4:23) расположена у кургана 78. В могиле обнаружен скелет - ребенок 6 лет (может быть мальчик); 2 глиняных сосуда (один имел высоту 18 см), железный наконечник трехперой стрелы. Пояс, лежащий на линии крестца - тазовых костей, состоял из 2-х фигурных бронзовых пряжек (рис.4:32,33), двух простых прямоугольных бронзовых пряжек (одна из них с железным язычком (рис.4:24,25) и железного ножа с деревянной рукояткой.

Могила 99. В могиле погребен мужчина 30-40 лет, ему положили черепа и части ног животных, что, видимо, имитировало стадо, кости лежали в свободном пространстве между стенкой гроба и восточной стеной могильной ямы (рис.5:1): 1) фаланги и череп лошади (у зубов - железные удила); 2) фаланги и череп второй лошади; 3) в ряд - 5 черепов овцы. Кроме того, на левом плече погребенного - длинная кость мелкого рогатого скота. Пояс лежал на линии крестца - тазовых костей. Он состоял из 2-х железных пряжек с язычком (рис.5:6,11), 2-х железных фигурных пряжек (рис.5:15), 2-х бронзовых пряжек (рис.5:16,17), пяти бронзовых колец с остатками кожаных ремешков (рис.5:8,12-14,20), пяти бронзовых ложечковидных пряжек (рис.5:3-5,9,10), 2-х бронзовых пуговиц (рис.5:18,19), железного ножа с деревянной рукояткой (рис.5:7), берестяного предмета, имитирующего нож, предмета из рога оленя, полого внутри, с хорошо отполированной поверхностью и резным изображением головы животного (рис.5:2,2a).

Могила 100 (рис.6:1). В могиле погребен мужчина 70 лет, на левом плече - голень мелкого рогатого скота, пояс лежал на линии нижней части тазовых костей. Он включал овальную в плане ажурную бронзовую пластину-пряжку (10 x 7 см) с изображением фантастического зверя, заглатывающего, видимо, цветок? (рис.6:9), три фигурные бронзовые пряжки (рис.6:2,4,6), 5 бронзовых ложечковидных пряжек (рис.6:3,5,7), мелкие ажурные бронзовые пряжечки, от которых сохранились только мелкие обломки (рис.6:8).

Рассмотренные выше поясные наборы из погребальных комплексов Дырестуйского могильника позволяют сделать ряд выводов.

1) При всем разнообразии деталей поясов, наблюдается общий для них композиционный прием: симметричное расположение основных частей, входящих в набор. Центром всей композиции является самый крупный и самый значимый предмет (пряжка из бронзы в могиле 100, две пряжки из глинистого сланца в могиле 52, крупная бусина-пронизка в могиле 40 и др.). Справа и слева от центра располагаются другие предметы (кольца, подвески, колокольчики, ложечковидные пряжки и др.). Кожаная основа таких поясов сохраняется лишь в отдельных фрагментах и поэтому лишь предположительно можно судить о характере расположения нашитых на пояс бус, бисера, раковин каури, их имитаций и других мелких украшений. Возможно, они образовывали на кожаной основе орнаментальные мотивы.¹

2) Особенностью Дырестуйского могильника, которая была обнаружена при раскопках памятника сплошной площадью, является размещение могил группами, каждая из которых состоит из комплексов погребений (основное и сопроводительное) и отдельно расположенных могил (Миняев 1989). Рассматриваемые нами погребения делятся на сопроводительные, связанные в единые погребальные комплексы с курганами (погребения 49,51,52 - с курганом 36; погребение 80 - с

¹ Примером тому являются нашитые на пояс в шахматном порядке имитации раковины каури на поясах из могилы 190 Иволгинского могильника.

курганом 78) и расположенные отдельно, вне комплексов (погребения 99 и 100).² Состав поясных наборов, обнаруженных в этих погребениях, коррелирует с полом, возрастом, а также социальным положением погребенных, которое нашло свое отражение в месте расположения могилы на площиади комплекса.

Проиллюстрируем подробнее сделанный вывод. В группе сопроводительных погребений (№№ 49, 51, 52 и 80) захоронены женщины и дети, то есть люди зависимые, но инвентарь могил и, главным образом, их поясные наборы не одинаковы, и отличия, видимо, определяются характером отношения к "хозяевам", погребенным в курганах 36 и 78. У кургана 36 - три сопроводительные могилы, две из них женские и одна детская. Следует отметить, что в женских могилах пояс лежал не там, где ему необходимо было лежать: у одной он свинути ближе к коленям (рис.4:1), а у второй вообщеложен на левую ногу (рис.2:1). Пока трудно объяснить этот явно "дискриминационный" момент, он впервые обнаружен в погребальной практике сюнну. Нельзя связать этот факт и с возрастом женщин: в одном ряду с ними погребена девочка 5-6 лет, пояс у которой лежал на месте (на тазовых kostях).

В сопроводительных погребениях 49 и 52 обнаружены молодые женщины (18-20, 20-25 лет). У старшей поясной набор богаче (рис.2,3), ей положили также глиняный сосуд и мясо овцы. У младшей не было ни сосуда, ни мяса, на пояссе многое меньше украшений, хотя и имеются две редкие пряжки из глинистого сланца (рис.4:2). Еще меньше украшений на пояссе погребенной в могиле 51 девочки 5-6 лет, на нем представлены бронзовое кольцо и 25 стеклянных бусин (рис.4:26-31).

Таким образом, прослеживается связь между возрастом погребенных и составом поясного набора. Однако, возраст был не единственным фактором, определявшим качество и количество деталей пояса. Не менее важную роль играл социальный статус того лица, которого хоронили в основном захоронении комплекса, в кургане. Это обстоятельство можно доказать сравнением двух детских погребений: № 51 из комплекса кургана 36 и № 80 из комплекса кургана 78.

В погребении 80 похоронен ребенок 6 лет с двумя глиняными сосудами, на его пояссе - 4 бронзовые пряжки и железный нож (рис.4:24, 25, 32, 33), то есть этот набор несравненно богаче, чем у его ровесника из могилы 51, и эта разница, на наш взгляд, дает основание усматривать причину в различном социальном статусе погребенных в курганах 36 и 78.

Ко второй группе относятся погребения 99 и 100, которые не связаны напрямую с курганами. Это мужские погребения, и состав их поясов отличается от рассмотренных выше женских наличием значительного количества металлических предметов.

Если общественное положение погребенных в сопроводительных могилах определяется, прежде всего, их местоположением в погребальных комплексах совместно с курганами, то определение статуса погребенных в могилах, напрямую не связанных с курганами, в настоящий момент затруднительно. Для анализа подобных погребений несомненно нужен более значительный материал, связанный с исследованием всей площиади могильника.

Оба мужские погребения (№№ 99 и 100) имеют богатый инвентарь, который позволяет ставить похороненных здесь людей на более высокую общественную ступень по сравнению с категориями лиц, рассмотренных выше. Но при определении статуса мужчин из могил №№ 99 и 100 следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) их могилы грунтовые, что указывает на более низкую ступень, по сравнению с теми, кого хоронили в курганах; 2) в могилах №№ 99 и 100 не было оружия, что является обязательным для мужских погребений сюнну (Давыдова 1985:29-30). В связи с этим, следует обратить внимание на то, что в могиле 80, где погребен, вероятно, мальчик 6 лет, лежал железный наконечник трехперой стрелы. Указанные обстоятельства не позволяют поставить погребенных в могилах 99 и 100 на высокие ступени общественной лестницы, но предположительно, учитывая богатство и разнообразие погребального инвентаря в их могилах, их положение выше рядового.

Различие в инвентаре погребений 99 и 100, видимо, связано с возрастом умерших. В могиле 99 - мужчина 30-40 лет имел пояс с большим количеством железных и бронзовых предметов (рис.5), и, кроме того, в могиле были остатки двух лошадей и пяти особей мелкого рогатого скота.

² Погребение 40 из анализа исключено, поскольку трудно определить характер его связи с остальными погребальными комплексами. Могила 40 расположена на краю террасы, там, где площиада могильника основательно разрушена осыпями. Вместе с тем, необходимо отметить, что по ряду признаков погребение 40 ближе всего к сопроводительному погребению.

В могиле 100 мужчина 70 лет обладал поясом с меньшим количеством предметов, но они представлены высокохудожественными образцами, которые обычно встречаются только в самых привилегированных могилах сюнну. В этой могиле нет частей жертвенных животных.

Таким образом, рассмотренные материалы являются ценнейшим источником для характеристики общественных отношений оставившего их общества. Они не только подтвердили сделанные ранее по материалам Иволгинского могильника заключения о роли пояса как важнейшего признака социального статуса его обладателя (Давыдова 1982), но и показали еще более сложный характер социальных связей сюнну, чем это было установлено ранее.

3). В могилах 99 и 100 обнаружены новые образцы искусства сюнну. В могиле 99 изображение головы животного вырезано на поверхности рогового предмета (рис.5:2а), в могиле 100 найдены ажурные бронзовые пряжки (рис.6:2,4,6,9).

Резьба по кости является широко распространенным приемом в искусстве сюнну. Имеется широкая серия бытовых предметов (роговые пластины-накладки, пуговицы и др.) с орнаментированной поверхностью (Давыдова 1985:101, рис.Х:4,7,10; табл.Х1Х:17,21), менее известны рисунки животных на роговых предметах (Давыдова 1985:101, рис.Х:1). Голова животного, вырезанная на роговом предмете из могилы 99 Дырестуйского могильника (рис.5:2,2а), по стилю изображения напоминает рисунок головы лосихи на гагатовой пластине из Иволгинского городища (Давыдова 1985:101, рис.Х:2). Нельзя не отметить выразительность обоих рисунков при скучности использованных средств (одна контурная линия). Не исключено, что оба изображения служили знаком личной принадлежности, об этом, прежде всего, говорят исключительно малые размеры рисунков (7 х 3 мм, 1,7 х 1,6 см), не расчитанные на обозрение.

В состав поясного набора из могилы 100 Дырестуйского могильника включены три изящные бронзовые ажурные пряжки (рис.6:2,4,6), их общий контур напоминает орнаментальные мотивы на костяных пластинах-накладках из Иволгинского городища (Давыдова 1985:101, рис.Х:4,7).

Особую ценность в поясном наборе из могилы 100, безусловно, имеет большая пластина-пряжка с изображением фантастического животного (рис.6:9). Его мягко подвернутые лапы напоминают кошачьего хищника, он широко раскрыл пасть и что-то заглатывает. Стиль изображения соответствует нормам искусства сюнну. Нам известны три аналогичные пластины-пряжки, одна находится в Минусинском музее (инв.№ 9095 - случайная находка у д.Марьясовой Енисейской губ.) (Дэвлет 1980:табл.28:114); вторая, также случайная находка в Северном Китае или Монголии (Rostovzeff 1929: табл.XXV:4) и третья пластина найдена в Китае в могильнике Сичагоу (провинция Ляонин, уезд Сифэн)(Сунь Шоудао 1960:33, рис.4).

Для крупных пластин-пряжек сюнну использовали сюжеты, связанные с изображениями животных (лошадей, быков, оленей, горных козлов, верблюдов, птиц), борьбы животных, как правило, хищников и травоядных (Дэвлет 1980:6-8, рис.1-3); реже на них встречаются орнаментальные мотивы (волнистые линии и так называемые "решетки", а также сюжеты, связанные, по мнению исследователей, с героическим эпосом (Грязнов 1961).

Изображение на пластине-пряжке из могилы 100 Дырестуйского могильника отличается от этих основных сюжетных линий. Представленное здесь животное заглатывает что-то растительное, скорее всего, цветок. Если это так, то выявляется еще одна сюжетная линия в искусстве сюнну.

ГРЯЗНОВ, М.П. 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 3:7-31.

ДАВЫДОВА, А.В. 1982. Некоторые вопросы социальной истории населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // Советская археология 1:132-142.

1985. Иволгинский комплекс - памятник хунну в Забайкалье. Ленинград:Ленинградский государственный университет.

ДАВЫДОВА, А.В., С.С.МИНЯЕВ. 1988. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Советская археология 1:230-233.

ДЭВЛЕТ, М.А. 1980. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. - I в. н.э. // Свод археологических источников Д. 4-7. Москва:Наука.

КОНОВАЛОВ, П.Б. 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ:Бурятское книжное издательство.

МИНЯЕВ, С.С. 1986. Раскопки Дырестуйского могильника // Археологические открытия 1985 года:266-267. Москва:Наука.

1987. Работы на Дырестуйском могильнике // Археологические открытия 1986 года:277. Москва:Наука.

1988. Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике // Краткие сообщения Института археологии 194:99-103.
1989. "Социальная планиграфия" погребальных памятников сюнну // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Тезисы всесоюзной конференции 114-117. Кемерово.
- СОСНОВСКИЙ, Г.П. 1935. Дырестуйский могильник // Проблемы истории докапиталистических обществ 1-2:168-176. Ленинград.
- СУНЬ-ШОУ ДАО. 1960. Исследование могил "сюннуской культуры Сичагу" // Венъу 7-8:25-32 (на китайском языке).
- ТАЛЬКО-ГРИНЦЕВИЧ, Ю.Д. 1902. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества за 1900 г., III (2,3):21-34. Иркутск.
- 1902a. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества за 1901 год, IV(2):35-41. Москва.
- MINIAEV, S.S. 1989. Neues zur Archologie der Xiongnu // Das Altertum 35(2):118-125.
- ROSTOVTEFF, M.I. 1929. The animal style in South Russia and China. Princeton: University Press.

A.V.DAVYDOVA, S.S.MINIAEV,

NEW FINDS OF DECORATED BELTS FROM THE DIRESTUJSKIJ CEMETERY.

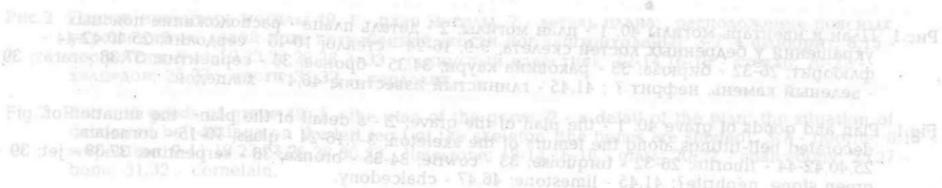
Summary.

This article deals with the recent finds of decorated belts from the Direstujskij cemetery (the Dzhidinskij region of the Buryat Republic). The cemetery is situated on the left bank of the Dzhida (the left tributary of the Selenga). It is of Hunnish origin. The grave goods in more than 100 burials so far excavated included several decorated belts. One of them has already been published (Davydova, Miniaev 1988). In the present article new finds of decorated belts are published.

The graves which contained decorated belts (N 40,49,51,52,80,99,100) are of the same type. They consist of grave pits with no structure above ground. The decorated belt-fittings were situated either on the pelvic bones or along the femurs of the skeleton. Out of 7 graves with decorated belts, 2 contained adult men (N 99 - fig.5); N 100 - fig.6), 3 young women (N 40 - fig.1, N 49 - fig.2,3; N 52 - fig.4) and in the other 2 graves 5-6-year-old children were buried (N 51 - fig.4:22; N 80 - fig.4:23). The qualitative and quantitative composition of the decorated belts shows some correlation with the sex and the age of the deceased persons. In the children's and women's graves dozens of beads and buckles made of stone occurred; in the men's graves iron and bronze items including rare pieces of high quality bronze are prevalent in belt-fitting. Moreover, the location of the graves with belts in the cemetery area (which are systematically arranged in groups including the main and the accompanying burials) allows us to establish the social status of the deceased in each group and thus once more emphasize correlation between the composition of decorated belts and the status of the deceased person in society. This was also the case with the materials from the Ivolginskij cemetery (Davydova 1982).

The main parts of the belts are placed symmetrically. The centre of the whole composition is the largest and the most significant item (a bronze buckle in grave 100; two shale buckles in grave 52; a large bead in grave 40, etc.). Other items (rings, pendants, hand-bells, spoon-shaped buckles) are placed to the right and to the left of the centre. Beads, cowries and other small decorations were sewn into belts. They may have formed ornamental motifs on a leather background. In the women's graves the belt does not lie in the place where it should be. In grave 52 it is displaced to the knees (fig.4:1), in grave 49 it is put on the left leg (fig.2:1). At present there are no data available for the interpretation of this fact.

Rare pieces of Hunnish art have been found in all the burials considered: belt plates - buckles made of bronze and stone engraved images of an animal head, beads and pendants made of stone.

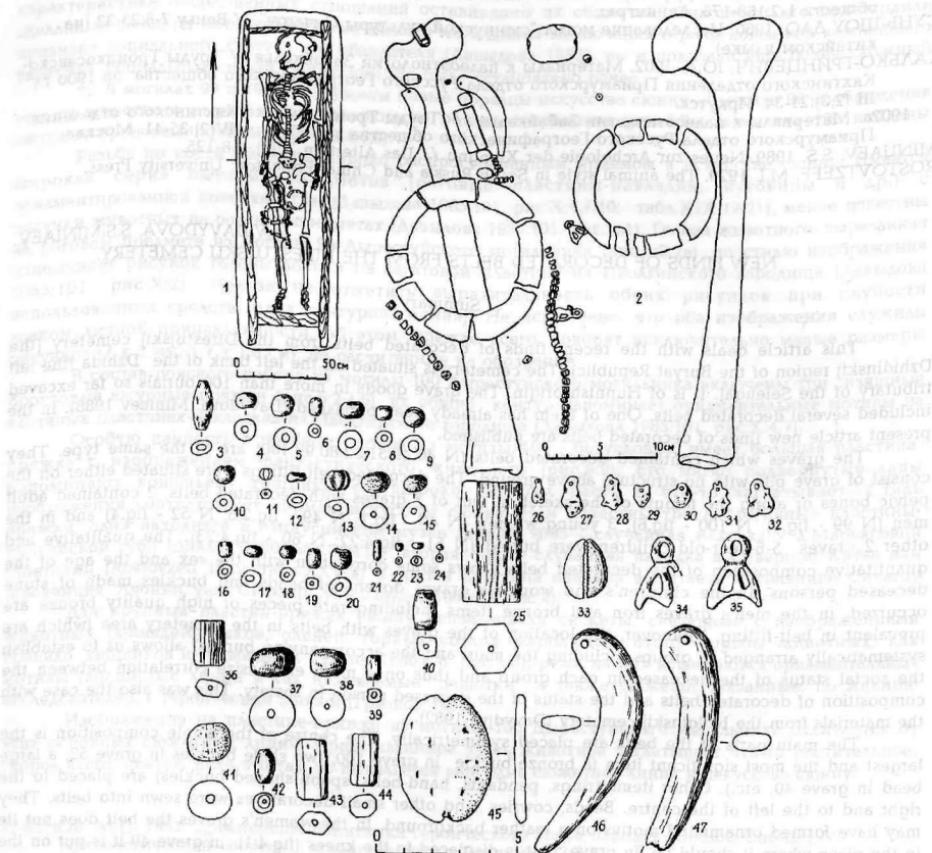

Рис.1 План и инвентарь могилы 40. 1 - план могилы; 2 - деталь плана - расположение поясных украшений у бедренных костей скелета; 3-9, 16-24 - стекло; 10-15 - сердолик; 25,40,42-44 - флюорит; 26-32 - бирюза; 33 - раковина каури; 34-35 - бронза; 36 - серпентин; 37,38 - гагат; 39 - зеленый камень, нефрит?; 41,45 - глинистый известняк; 46,47 - халцедон.

Fig.1 Plan and goods of grave 40. 1 - the plan of the grave; 2 - a detail of the plan - the situation of decorated belt-fittings along the femur of the skeleton; 3-9, 16-24 - glass; 10-15 - cornelain; 25,40,42-44 - fluorite; 26-32 - turquoise; 33 - cowrie; 34-35 - bronze; 36 - serpentine; 37,38 - jet; 39 - green stone, nephrite?; 41,45 - limestone; 46,47 - chalcedony.

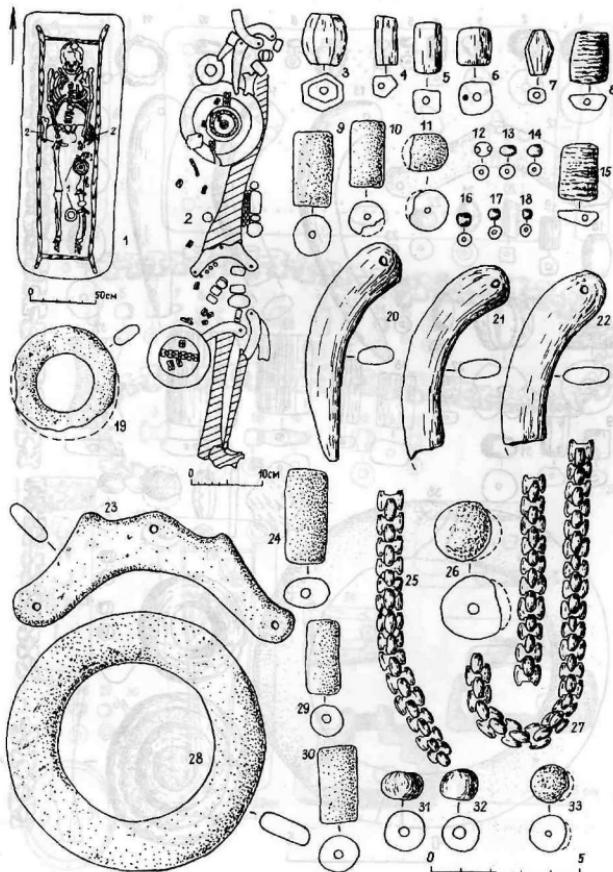

Рис.2 План и инвентарь могилы 49. 1 - план могилы, 2 - деталь плана: расположение поясных украшений на левой ноге погребенной (кости ног заштрихованы); 3-7 - флюорит; 8,15 - серпентин; 9-11,19,23,24,26,28-3,33 - глинистый известняк; 12-14,16-18 - стекло; 20-22 - халцедон; 25,27 - кость; 31,32 - сердолик.

Fig.2 Plan and goods of grave 49. 1 - the plan of the grave, 2 - a detail of the plan: the situation of decorated belt-fittings on the left leg j of the skeleton (the bones are shaded); 3-7 - fluorite; 8,15 - serpentine; 9-11,19,23,24,26,28-30,33 - limestone; 12-14,16-18 - glass; 20-22 - chalcedony; 25,27 - bone; 31,32 - cornelain.

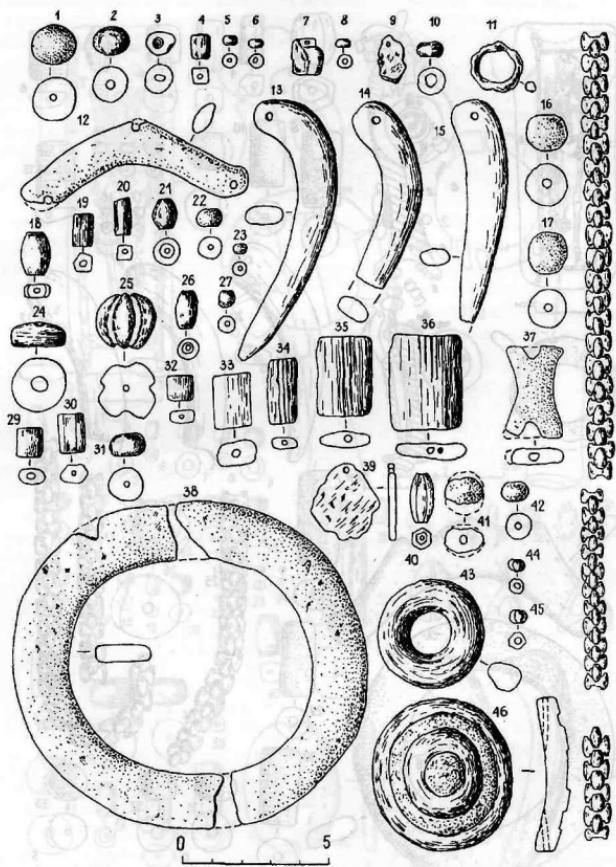

Рис.3 Инвентарь могилы 49. 1,12,16,22,27,28,37,38,41,42 - глинистый известняк; 2,44,45 - сердолик; 3,4,8,10,18,20,21,40 - стекло; 5,6,17,23 - кость; 7,9,39 - бирюза; 11 - железо; 13-15 - халцедон; 19,24,43,46 - гагат; 25 - хрусталь?; 26,29-33 - флюорит; 34-36 - серпентин.

Fig.3 Goods from grave 49. 1,12,16,22,27,28,37,38,41,42 - limestone; 2,44,45 - cornelain; 3,4,8,10,18,20,21,40 - glass; 5,6,17,23 - bone; 7,9,39 - turquoise; 11 - iron; 13-15 - chalcedony; 19,24,43,46 - jet; 25 - crystal?; 26,29-33 - fluorite; 34-36 - serpentine.

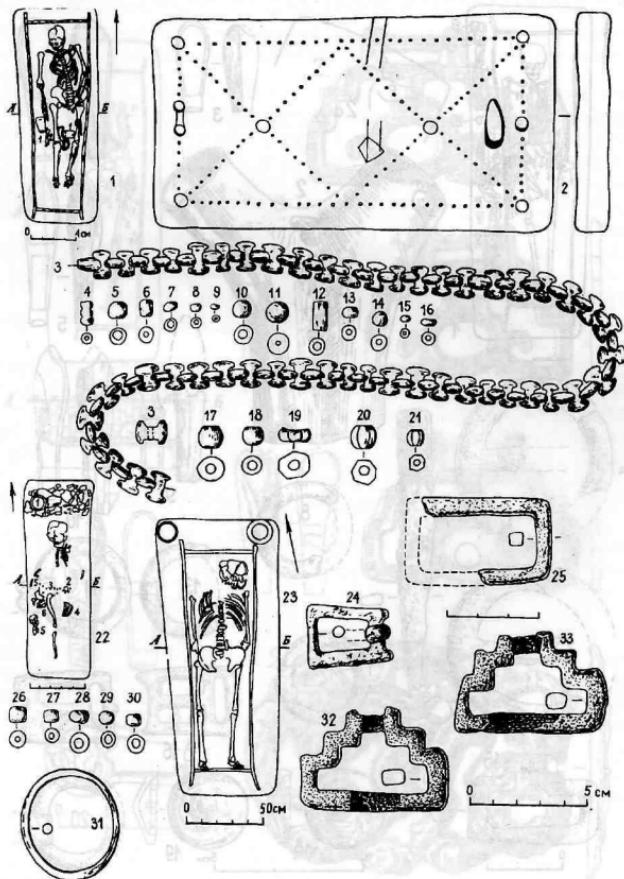

Рис.4 Планы и инвентарь могил 51, 52, 80. 1-21 - могила 52; 22,26-31 - могила 51; 23-25,32,33 - могила 80. 2 - глинистый сланец; 3,12-16 - кость; 4-11,26-30 - стекло; 17-21 - сердолик; 24,25,31-33 - бронза.

Fig.4 Plan and goods of graves 51,52,80. 1-21 - grave 52; 22,26-31 - grave 51; 23-25,32,33 - grave 80. 2 - shale; 3,12-16 - bone; 4-11,26-30 - glass; 17-21 - cornelian; 24,25,31-33 - bronze.

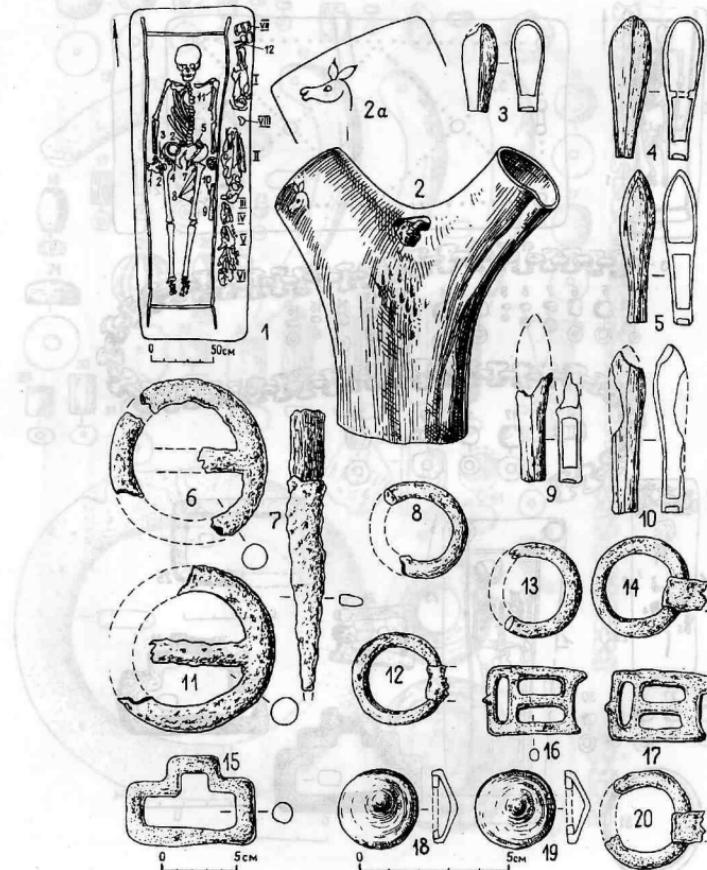

Рис.5 План и инвентарь могилы 99. 1 - план могилы; 2 - роговой предмет с изображением головы животного, 2а - увеличенное изображение головы животного на роговом предмете; 3-5,8-10,12-14,16-20 - бронза; 6,7,11,15 - железо.

Fig. 5 Plan and goods of grave 99. 1 - the plan of the grave; 2 - an artefact carved from horn with the image of an animal's head, 2a - an enlarged of the animal's head on the horny article; 3-5,8-10,12-14,16-20 - bronze; 6,7,11,15 - iron.

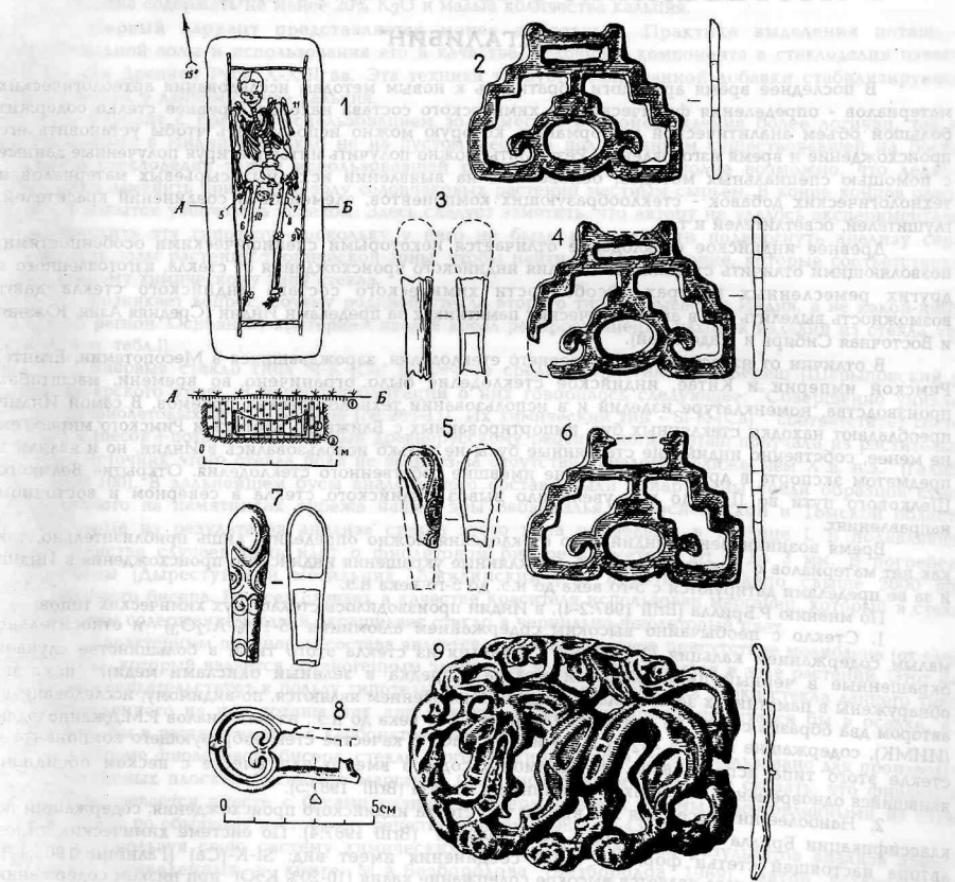

Рис.6 План и инвентарь могилы 100. 1 - план могилы, 2-9 - бронза.

Fig.6 Plan and goods of grave 100. 1 - the plan of the grave, 2-9 - bronze.

НАХОДКИ ИНДИЙСКИХ СТЕКЛЯННЫХ БУС В ПОГРЕБЕНИЯХ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

В.А.ГАЛИБИН*

В последнее время археологи обратились к новым методам исследования археологических материалов - определения физического и химического состава находок. Древнее стекло содержит большой объем аналитической информации, которую можно использовать чтобы установить его происхождение и время изготовления. Результаты можно получить интерпретируя полученные данные с помощью специальных методов, основанных на выявлении исходных сырьевых материалов и технологических добавок - стеклообразующих компонентов, элементов и соединений красителей, глашителей, осветлителей и т.д.

Древнее индийское стеклоделие отличается некоторыми специфическими особенностями, позволяющими отличить стеклянные изделия индийского происхождения от стекла, изготовленного в других ремесленных центрах. Особенности химического состава индийского стекла дают возможность выделить его в археологических памятниках за пределами Индии (Средняя Азия, Южная и Восточная Сибирь и Индокитай).

В отличии от известных школ древнего стеклоделия, зарождавшихся в Месопотамии, Египте, Римской империи и Китае, индийское стеклоделие было ограничено во времени, масштабах производства, номенклатуре изделий и в использовании технологических приемов. В самой Индии преобладают находки стеклянных бус, импортированных с Ближнего Востока и Римского мира. Тем не менее, собственно индийские стеклянные бусы не только использовались в Индии, но и являлись предметом экспорта в другие регионы, не имевшие собственного стеклоделия. Открытие Великого Шелкового пути во II в. до н.э. увеличило вывоз индийского стекла в северном и восточном направлениях.

Время возникновения индийского стеклоделия можно определить лишь приблизительно, так как нет материалов с узкой датировкой. Стеклянные украшения индийского происхождения в Индии и за ее пределами датируются с 5-го века до н.э. до 5-го века н.э.

По мнению Р.Брилла (Brill 1987:2-4), в Индии производилось стекло двух химических типов:

1. Стекло с необычайно высоким содержанием алюминия (5-10% Al_2O_3) и относительно малым содержанием кальция (2-4% CaO). Изделия из стекла этого типа, в большинстве случаев окрашенные в черный цвет окислами железа (изредка в зеленый окислами меди), пока не обнаружены в памятниках за пределами Индии. Исключением являются, по-видимому, исследованные автором два образца стекла из Арташата (Армения) I-го века до н.э., из материалов Р.М.Джанаполадян (ИИМК), содержащие по 15% Al_2O_3 и 2,3 и 2,5% CaO . В качестве стеклообразующего компонента в стекле этого типа использована, по-видимому, сода, а вместо или вместе с песком обсидиан, явившийся одновременно источником алюминия и железа (Brill 1987:5).

2. Наиболее интересен для нас второй тип стекла индийского происхождения, содержащий по классификации Брилла "много калия и мало кальция" (Brill 1987:4). По системе химических типов автора настоящей статьи формула этого соединения имеет вид: Si-K-(Ca) (Галибин 1985:17). Особенностью его состава является высокое содержание калия (10-20% K_2O) при низком содержании натрия (меньше 1% Na_2O) и кальция (3-1,5% CaO , редко больше 3%). В отличие от стекла первого типа, в котором при столь низком содержании кальция стабилизатором является алюминий, в стекле второго типа единственным стабилизатором является кальций. Для содового стекла таких малых содержаний кальция было бы недостаточно, чтобы оно было химически устойчиво. В стекле же с использованием в качестве стеклообразующего компонента калия даже 1-2% его достаточно, чтобы оно практически не подвергалось патинизации.

Возникает вопрос об источнике калия в стекле второго типа. Здесь возможны по крайней мере три варианта:

* Россия. Санкт-Петербург 191065, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН.
Лаборатория археологической технологии.

1. В качестве щелочного компонента используется поташ (K_2CO_3), извлекаемый из растительной золы местного происхождения, которая в таком случае должна содержать много калия, мало натрия и любое количество кальция.

2. Использование растительной золы без предварительного выделения поташа. В этом случае зола должна содержать не менее 20% K_2O и малые количества кальция.

Первый вариант представляется менее вероятным. Практика выделения поташа из растительной золы и использования его в качестве щелочного компонента в стеклоделии известна лишь для Древней Руси X-XIII вв. Эта техника требует дозированной добавки стабилизирующего компонента, в данном случае кальция.

Вариант с прямым использованием золы местного происхождения более логичен, так как стеклоделие в Индии возникло не на пустом месте, а под влиянием существовавшей на Востоке школы стеклоделия также использовавшей растительную золу. Вполне возможно, что делались попытки заменить привозную золу солончаковых растений местным сырьем. В конце концов одна из таких попыток увенчалась успехом. Здесь следует заметить, что автору не удалось экспериментально подтвердить эту гипотезу, поскольку у него не было возможности подвергнуть анализу серию образцов золы растений тропической зоны, чтобы найти среди них такие, которые соответствовали бы данному химическому типу стекла.

Возникает вопрос, почему родиной стекла второго типа называется Индия, а не какой-нибудь другой регион. Основным критерием явился ареал распространения находок изделий из стекла этого типа (см. табл. I).

Впервые стекло типа Si-K-(Ca) встречено среди бус могильника Береш (Шарыповский р-н Красноярского края). В первой публикации о них говорилось следующее: "Совершенно уникален состав фиолетовых бус из Береша (№ 266-11). Их химический тип - Si-K-(Ca) - соответствует составу шихты (песок + поташ), аналогичный древнерусскому рецепту, когда поташ получали из растительной золы. Источник этого стекла пока не ясен из-за отсутствия аналогии ближе, чем X в. н.э." (Галибин 1983:99-100). В дальнейшем бусы аналогичного состава были обнаружены среди образцов стекла, найденного на памятниках рубежа нашей эры Забайкалья, Новосибирской и Томской областей. Некоторые из результатов анализа стекла этого типа приведены в таблице I. В подавляющем большинстве случаев речь идет о фиолетовом бисере диаметром от 1 до 3 мм. В погребении женщины (Дырестуйский могильник, Джидинский р-н, Бурятия) найдено свыше 2000 штук фиолетового бисера. Во всех случаях в качестве красителя использован марганец, который в стеклах с высоким содержанием калия окрашивает стекло в чернильно-фиолетовый цвет.

Характерным признаком состава является также неизменное присутствие молибдена (от следов до 0,01%), который является органическим элементом и часто встречается в золе растений. Этот факт еще раз свидетельствует в пользу гипотезы об использовании золы для варки стекла данного типа, а не выделенного из нее поташа, так как при его выделении молибден остался бы в осадке, а не перешел бы в раствор вместе с карбонатом калия.

Кроме фиолетового бисера, стекло этого же химического типа использовано для производства шестигранных плоских бусин без марганца (но с молибденом!). Следует сказать, что фиолетовый бисер встречается вместе с бусами разного размера, цвета и формы, изготовленными из стекла, сваренного по обычному восточному рецепту (Галибин 1985а:40-43, табл. I).

Используя свою систему химических типов для обработки результатов анализа древнего стекла, приведенных в книге М.А. Безбородова (Безбородов 1969), автор установил, что М.А. Безбородов упоминает об образцах стекла такого же типа из памятников Индии (табл. I, №№ 13-15). Это стекло синего и фиолетового цвета имело марганец в качестве красителя, высокое содержание калия и малое содержание кальция. Результаты анализа были взяты Безбородовым из статьи Б.Лала, посвященной исследованию некоторых образцов стекла, найденного в Индии (Lal 1952). Еще два анализа стекла этого же типа приведены в докладе Р.Брилла на XIV Международном Конгрессе по стеклу в 1986 г. в Нью Дели (Brill 1987). Речь идет об образцах №№ 433 и 1058 (табл. I). Автор доклада, справедливо отметив, что такое стекло чрезвычайно редко встречается в это время в Европе и Среднем Востоке, "склонен считать, что оно сделано в Индии" (Brill 1987:4). Образец 433 из Гастинапура датируется временем 500-150 гг. до н.э., а № 1058 из Каушамби - 2-м в. до н.э.-2 в. н.э.

В таблице I приведены данные об образцах стекла этого же типа из памятников Алтая (Пазырык), Узбекистана (Ташратват) и Вьетнама. Среди них наряду с фиолетовым бисером встречаются образцы массивных браслетов треугольного сечения.

Таким образом, на основании имеющихся данных о составе и форме стеклянных изделий можно сделать вывод об особенностях индийской школы стеклоделия, существовавшей на рубеже нашей эры. Основная масса изделий из стекла второго химического типа представлена бусами, главным образом, фиолетовым бисером. Особняком стоят браслеты из Вьетнама, состав которых полностью соответствует этому же химическому типу, что говорит об одинаковых источниках щелочного стекла. Не исключено, однако, что браслеты были изготовлены в мастерской, расположенной в Индокитае, хотя более вероятно, что они попали во Вьетнам морским путем из Индии.

Фиолетовый бисер и аналогичные по химическому составу 6-гранные бусы (Восточная Сибирь и Забайкалье) находят, главным образом, в погребениях хунну 2 в. до н.э.-2 в. н.э. Вполне возможно, что хронологический интервал бытования стекла данного типа в Сибири совпадает со временем функционирования Шелкового пути, одно из отвлечений которого проходило через Индию. Находки стекла этого типа в памятниках Индии датируются примерно тем же временем. На Алтай и в Среднюю Азию фиолетовый бисер попадал и до начала функционирования Шелкового пути.

Ремесленные центры, выпускавшие стекло второго химического типа, существовали только в Индии. Они характеризуются относительно малыми масштабами производства, узкой номенклатурой изделий, ограниченностью технологических приемов. В качестве красителя зарегистрировано использование преимущественно марганца. В значительно меньшей степени меди и, возможно, железа. Эти признаки свидетельствуют о начальной стадии развития изолированного центра стеклоделия, существование которого было ограничено во времени. Об этом говорит тот факт, что даже в Индии находки стекла второго химического типа представлены единичными образцами. Находки стекла первого химического типа с высоким содержанием алюминия представлены в большем количестве. Основная масса стеклянных изделий является импортом из стран Ближнего и Среднего Востока и Средиземноморья, который попадал в Индию морским путем через Красное море и Персидский залив.

- БЕЗБОРОДОВ, М.А. 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск:Наука и техника.
- ГАЛИБИН, В.А. 1983. Состав стекла из памятников Красноярского края (V в. до н.э.-I в. н.э.) // Древние культуры Евразийских степей:98-100. Ленинград:Наука.
1985. Особенности состава фаянсовых и стеклянных украшений из памятников Южной Сибири V в. до н.э.-I в. н.э. // Краткие сообщения Института археологии 184:14-21.
- 1985a. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника хунну // Древнее Забайкалье и его культурные связи:37-46. Новосибирск:Наука.
- LAL, B.B. 1952. Examination of some ancient Indian glass specimens // Ancient India 8. New Delhi.
- BRILL, R.H. 1987. Chemical analyses of some early Indian glass // Proceedings of the XIV International Congress on Glass. 1986. New Delhi. India:1-25. Calcutta: Indian Ceramic Society.

V.A.GALIBIN.

ANCIENT INDIAN GLASS BEADS IN BURIALS OF SIBERIA AND MIDDLE ASIA.

Summary.

Ancient glass contains a great amount of analytical information which can be used to establish the time and place of its manufacture.

Ancient Indian glass-making has some specific features enabling scientists to distinguish its articles from glass articles originating from other centres of glass-making. The same features of Indian glass composition make it possible to distinguish it among glass finds at sites outside India.

Unlike the Egyptian and Roman centres of glass production, Indian glass-making is limited as regards the time and scale of production, the nomenclature of articles, and the use of technological methods. Therefore, beads from the Near East and the Mediterranean are most numerous among glass finds from the sites of India itself. Nevertheless, Indian beads were exported to neighbouring regions where local glass-making was not developed. The Silk Road intensified Indian beads export northwards and eastwards.

The period of the existence of ancient Indian glass-making makes up nearly 1000 years: the 5th century B.C. - the 5th century A.D.

The famous researcher of ancient glass Robert Brill recognizes two types of Indian glass according to its composition:

1. Glass having unusually high aluminium content (4% Al_2O_3) and relatively low lime content (4,5% CaO). Pulverised obsidian might have served well as quartz sand. Natural soda must have been used as a glass-forming agent (Brill 1987:2-5).

2. Most interesting for us is the second type of Indian glass having potassium content (10-20% K_2O) and low calcium content. Its chemical formula is Si-K-(Ca) (Galibin 1985:17).

The question arises as to the source of potassium in the glass of the second type. Two versions are possible here.

First, potash is used as an alkaline component. Secondly, plant ash of the torrid zone is used as a glass-forming agent. We are inclined to believe that the second version is correct, though it requires verification by the analysis of plant ash samples from the torrid zone.

Glass of the Si-K-(Ca) type was first found among the beads from the Beresh cemetery (Beresh, the Krasnoyarsk Territory) (Table I). I have made a series of tests of this type of beads from many sites in East Siberia. In most cases there were violet beads, in two cases hexahedral flat beads of different color were found. The results of some tests are presented in Table I. Over 2000 examples of violet beads were excavated in one of the interments of the Derestouysky cemetery. Table I presents the results of the test of beads having the same chemical type from Indian sites (NN 13-17). Three analyses have been taken from the article "Examination of some ancient Indian glass" written by Lal (Lal 1952); the other two - from the paper read by Brill at the 14th International Congress on Glass (The 14th International Congress on Glass. 1986, New Delhi). Brill believes that "the glass of these features, in particular, could provide men for identifying glasses made in India" (Brill 1987:2).

Violet beads of the same composition have been also found in the cemeteries Pasryk in the Altai and Tashravat in Uzbekistan.

Of special interest are the results of the analyses of bracelets from Vietnam, which composition fully corresponds to the second chemical type. The fact suggests a common source of raw materials. However, it is not inconceivable that they were made at a workshop somewhere in Indo-China, though they are most likely to have been brought to Vietnam by sea from India.

Таблица I. Химический состав образцов стекла индийского происхождения (%)
Table I. Chemical composition of ancient Indian glass (%)

Примечание: Результаты анализа №№ 12-17 озаружены из двух значений цифр.
"Следует пропустить картку - нет данных."

#	Набор	Могильник, памятник	Географ. положение	Время(вв.)	Название	Цвет	Химический тип	Литература
					предмета	стекла	стекла	
I	266-II	Берес	Краснояр. край	2 до н.э.- I н.э.	Бисер	Фиолетовый	Si-K-(Ca)	Галибин 1985а:40-41
2	310-27	Быст- ровка	Новосибир. обл.	3-2 до н.э.	"	"	Si-K-(Ca)	"
3	310-23	"	"	"	Бусина	Янт.-Кор.	Si-K-(Ca)	" 6-гр.
4	427-39	Дарес-	Бурятия туйский	2 до н.э.- I н.э.	Бисер	Фиолетовый	Si-K-Ca	"
5	293-39	Иволгин- ский	"	"	"	"	Si-K-(Ca)	"
6	412-29	Тютрин-	Тюмен.обл. ский	I-2 н.э.	"	"	"	"
7	337-44	"	"	"	Бусина	Бесцветная	Si-K-Ca	" 6-гр.
8	445-27	Ташратав	Узбекистан	2-5 н.э.	Бисер	Синий	"	"
9	500-46	Пазырык	Алтай	5 до н.э.	Бисер	Фиолет.	Si-K-Ca,M	"
10	412-II		Вьетнам	2 до н.э.- 2 н.э.	Браслет	Бирюзовый	Si-K-(Ca)	"
II	.412-I2	"	"	"	Голубой	Si-K-Ca	"	"
I2	412-I3	"	"	"	Бирюзовый	"	"	"
I3	440	Каудамби	Индия	Др.Индия	Бусина	Голубой	Si-K(Ca)-Ca	Безбородов
I4	595	Арикаме-	"	"	Фиолет.	Si-K-(Ca)	"	1969:222, 232,236
I5	622	"	"	"	"	"	"	"
I6	433	Гастинा-	"	5-2 до н.э.	кусочек	Голубой	Si-K-Ca	Br.II 1987:
		пур						
I7	1058	Каузамби	"	2 до н.э.- 2 н.э.	Бусина	"	Si-K-(Ca)	" 18,20

Таблица I. Найденные стеклянные изделия индийского происхождения.
Table I. Finds of ancient Indian glass.

Unlike the Egyptian and Roman centres of glass production, Indian glass-making is limited as regards the time and scale of production. The manufacture of 'aglets' and the use of technological methods (shaping, beads from the Near East, and the Mediterranean) are most numerous among glass finds from the sites of India itself. Nevertheless, Indian beads were exported to neighbouring regions where local glass-making was not developed. The Silk Road intensified Indian beads export northwards and eastwards. The period of the existence of ancient Indian glass-making makes up nearly 1000 years: the 5th century B.C. - the 5th century A.D.

	Al ₂ O ₃	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Fe ₂ O ₃	MnO	PbO	CuO	CoO	NiO
I	0,6	0,3	T2	1,9	0,2	0,8	4,5	0,008	0,054	0,06	сл.	
2	1,0	0,5	T3	4,0	0,3	2,3	2,6	-	0,015	0,01	сл.	
3	1,1	0,2	T1	3,0	0,1	0,7	0,013	-	0,002	-	сл.	
4	0,9	0,4	T8	3,2	0,4	0,9	7,5	0,006	0,006	0,05	сл.	
5	0,9	0,2	T7	2,4	0,2	0,8	5,0	0,008	0,007	-	-	
6	0,3	0,1	T3	2,1	0,1	0,3	2,5	-	0,001	0,05	сл.	
7	0,9	0,1	T1	3,7	0,4	0,6	0,017	-	0,001	-	0,003	
8	2,0	0,8	T3	3,5	0,4	5,5	5,0	0,05	0,01	0,55	сл.	
9	1,4	0,5	T0	5,0	2,7	2,5	3,0	-	0,005	0,014	-	
10	1,3	0,2	T8	2,8	0,5	0,8	0,5	0,007	1,3	-	сл.	
11	0,9	0,2	T2	7,0	0,8	1,2	0,11	-	0,005	-	сл.	
12	0,6	0,2	T0	4,0	0,8	2,2	0,021	-	0,002	-		
13	2,4	4,1	T0	3,1	0,6	1,2	1,4	0,28				
14	1,1	0,2	T4	2,9	0,7	6,5	2,0	0,07				
15	1,4	1,3	T3	2,0	0,3	3,8	5,0	0,07				
16	0,8	0,8	T1	3,9	0,5	2,6	0,01	-	0,07	-		
17	2,5	0,7	T4	2,0	0,9	T4	1,5	0,001	0,01	0,08		

Таблица II. Химический состав образцов стекол индийского происхождения (%).

Table II. Chemical composition of ancient Indian glass (%).

Примечание: Результаты анализов №№ 13-17 округлены до двух значимых цифр; "сл"-следы; пустая клетка - нет данных.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЮЖНОАРАВИЙСКОМ ПОРТЕ КАНА (I-VI вв. н.э.)

Ю.А. ВИНОГРАДОВ*

Руины древнего хадрамаутского порта, знаменитой Каны, расположены в Йемене (недалеко от современного селения Бир-Али) на мысу, вдающемься в Индийский океан. Мыс завершается величественным останцом Хусн аль-Гураб, на вершине которого находилась цитадель, а обширный нижний город примыкает к его подножью. Остатки древних построек, занесенные песчаными отложениями, хорошо видны на всей поверхности городища.

Вполне очевидно, что археологическое изучение порта имеет принципиальное значение для задач научной реконструкции системы экономических, политических, культурных и иных контактов Хадрамаута. Понимая это, крупный знаток южноаравийских древностей Б. Доу мечтал о том времени, когда "на это древнее городище будет послана небольшая экспедиция" (Doe 1964:16). Не располагая археологическими материалами, происходящими из раскопок, он сумел дать весьма сжатую схему развития Каны. В своих построениях английский исследователь опирался, прежде всего, на данные письменной традиции и сведения, содержащиеся в двух надписях, высеченных на вершине Хусн аль-Гураба. Так, Б.Доу полагал, что есть возможность относить возникновение Каны к глубокой древности (Doe 1971:181), но расцвет порта, несомненно, был связан с развитием морской торговли Римской Империи с Индией в I-II вв. н.э. Не случайно в "Перипле Эратосфенского моря" Кана именуется главным портом Хадрамаута (Doe 1971:184). К концу III в. н.э. его активная роль в международной торговле, по мнению Б.Доу, сходит на нет, а в VI в. н.э. завершает функционировать и цитадель на Хусн аль-Гурабе (Doe 1971:185).

Приведенная гипотеза вполне отвечала имеющимся на тот момент археологическим материалам, полученным в результате сборов на поверхности городища (Harding 1964:46-47). Ни в коей мере ее не изменили и разведочные раскопки, проведенные на вершине вулканического останца в 1972 г. (Ширинский 1977). Это и не удивительно, - для серьезного изучения столь крупного памятника, каким является Кана, необходимо было проведение более масштабных полевых исследований.

С 1985 г. на городище начаты систематические работы археологического отряда Советско-Йеменской комплексной экспедиции, который провел к настоящему времени шесть раскопочных сезонов (Седов 1989:136-137; Грязневич, Виноградов 1991). Полученные материалы позволяют не только конкретизировать схему Б.Доу, наполнить ее археологическими данными, но и внести ряд весьма существенных дополнений и изменений.

Прежде всего, порт Кана активно функционировал в I-VI вв. н.э. Его культурный слой достаточно четко разбивается на три горизонта: I-II вв., III-IV вв. и V-VI вв. Пока не обнаружено каких-либо материалов, позволяющих отнести дату основания порта ко времени ранее конца I в. до н.э. В I-II вв. Кана являлась важным пунктом на пути морских коммуникаций между Средиземноморьем и Индией, с одной стороны, и на трансаравийском пути благовоний, с другой. В этом отношении очень показательны остатки крупного склада ароматических смол I-II вв., сгоревшего в сильном пожаре и раскопанного у подножья Хусн аль-Гураба. Порт отнюдь не потерял своего значения в III-IV вв., хотя об активных связях с Индией для этого времени говорить вряд ли уместно. Не захирел он и позднее. Правда, площадь городища, примыкающая к Хусну, в V-VI вв. по каким-то причинам пустовала, зато западная, северо-западная и северо-восточная части были плотно застроены. Исследованные на различных участках постройки этого времени отличаются размерами, планировкой, тщательностью возведения и т.п.

Один из сравнительно некрупных строительных комплексов V-VI вв. был раскопан в северо-восточной прибрежной части городища (участок V); его характеристика, в основном, и посвящена настоящая статья. Здание (рис.1) длинной осью было ориентировано по линии юго-запад - северо-восток, его размеры - 12 x 7-9 м, общая площадь составляет около 95 кв.м. В комплекс входило

* Россия. Санкт-Петербург, 191065, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

четыре основных (I-IV) и два пристроенных позднее помещения (V-VI). Стены всех помещений построены из довольно крупных, грубо отесанных камней бальзата на глинистом растворе, что вообще характерно для домостроительства Каны.

Каких-либо деталей интерьера или находок значимых для определения функциональной принадлежности помещений выявлено не очень много. Так, в помещении I на полу был обнаружен обломок каменного жернова, а в южном углу - вкопанная горлом вниз верхняя часть амфоры (рис.3,1), внутренняя часть которой заполнена золой идревнесным углем. Это, как будет показано ниже, обломок обычной для Каны V-VI вв. амфоры, обычна и конструкция подобного рода. Как представляется, вкопанные в пол горлом вниз крупные обломки амфор и других сосудов служили очагами или, точнее, очажными подставками, на которые ставились круглодонные керамические кастрюли, а вокруг разводился огонь. Иными словами, есть веские основания полагать, что помещение I являлось кухней.

На полу помещения IV была обнаружена нижняя часть зира на кольцевом поддоне (рис.3:12). Эти крупные сосуды использовались для хранения зерна и т.п. Не вызывает особых сомнений, что дно зира сохранилось здесь *in situ*. Учитывая эту находку, а также сделанные поблизости находки каменных терочников, можно предположить, что помещение IV предназначалось для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, прежде всего, зерна. Подчеркну, что зерно здесь могло быть только привозным. Никакое земледелие в окрестностях Каны с характерными для ландшафта вулканами и полями застывшей лавы невозможно.

О функции других помещений здания судить невозможно. Однако, любопытно, что в пристроенном помещении VI, небольшом по площади и весьма невзрачном на внешний вид, был обнаружен клад. Клад был зарыт в небольшой ямке, вырытой в песчаном полу около юго-восточной стены. В него входили: три шкатулки из слоновой кости с крышками (рис.2:1,2,4); флакон из слоновой кости с пробкой (рис.2:3); фрагментированный стеклянный шаровидный сосуд с реберчатыми стенками и невысоким узким горлом (рис.2:9); заколка бронзовая с круглым навершием, украшенным четырьмя отверстиями (рис.2:5); обломок костяной заколки (рис.2:6); костяная ложечка (рис.2:8); обломок бронзового зеркала (?) на железной рукояти (рис.2:7); связка бус из последовательно соединенных бусин из золота, коралла и стекла и полудрагоценных камней; кристалл горного хрусталя (возможно, вставка от перстня) и пр. Клад, как видим, в основном состоял из украшений и различных косметический принадлежностей. Скорее всего, он принадлежал женщине и был закопан ею в минуту опасности на заключительном этапе существования города (начало VII в.).

О наличии какой-то внешней угрозы, вероятно, может свидетельствовать и факт возведения каменных стен поперек улиц на окраинах поселения. Эти стены-заклады открыты на нескольких раскопочных участках, в том числе, и на участке V, стратиграфически они, безусловно, возведены позднее зданий V-VI вв. Заклады построены небрежно, наспех, они сравнительно тонки (0,6 м в ширину) и по этим причинам, конечно, не могли служить серьезным препятствием для вражеских войск. В какой-то степени они могли гарантировать жителей Каны от проникновения мелких групп неприятеля и не более того. Оборона города всегда базировалась на цитадели, которая, как уже говорилось, находилась на вершине Хусн аль-Гураба.

Для понимания своеобразия развития Каны на позднем этапе очень показателен вещевой материал, полученный при исследовании характеризуемого здания. Он состоит, в основном, из фрагментов керамических сосудов. Прочие находки-обломки стеклянной посуды, изделия из металла, камня и т.д. немногочисленны. Обнаружена всего одна сильно протертая, неопределенная бронзовая монета.

Керамический комплекс здания насчитывает 2402 фрагмента различных сосудов. При его статистической оценке фиксируется преобладание керамической тары (амфоры и т.д.), на долю которой приходится 55%. Такая картина вполне закономерна, - амфоры, как известно, использовались при морской транспортировке различных грузов (вино, зерна, соленой рыбы и т.п.) и преобладание этой категории керамики в культурных отложениях хадрамаутского порта легко объяснимо. В составе керамической тары, в свою очередь, доминируют обломки сероглининных реберчатых сосудов с цилиндрическим горлом, полукруглыми в сечении ручками и характерным выступом под краем с внутренней стороны, возможно, предназначенным для крепления крышки (рис.3:1). Место производства этих сосудов не вполне ясно. По типологическим особенностям, прежде всего, по выступу под краем с внутренней стороны, и по характеру керамического теста эти находки сопоставимы с амфорами, производившимися в Северной Африке. Фрагменты подобных сосудов,

происходящие из Карфагена, датируются приблизительно 600 г. (Fulford, Peacock 1984:131,133, fig.40,66,67). Если это предположение верно, то можно полагать, что основной поток продуктов в амфорной таре в V-VI вв. шел в Кану с африканского побережья Средиземноморья через Египет и Красное море.

Находки амфор других типов очень редки. Среди них выделяется группа, которую можно четко связать с Палестиной. Производство части амфор, находки которых засвидетельствованы на многих памятниках Палестины VI в., можно локализовать в районе Антиохии (Tubb 1986:55, fig.2,4-5). Другая часть (рис.3:2) производилась в Газе (Riley 1975:27-32, fig.12; Tubb 1986:51-54, fig.1:1-6, 2:1-3). Считается, что последние использовались для транспортировки белого вина Газы, производство которого хорошо известно и документировано источниками V-VI вв. (Tubb 1986:54).

К комплексу тарной керамики также следует относить сосуды с характерным черным смолистым покрытием внутренней поверхности стенок, смолистые подтеки иногда имеются и на лицевой стороне (рис.3:3-5). Внешний их вид легко реконструируется - это изделия с округлыми стенками, сужающимися к чуть отогнутому наружу краю, без ручек и с ножкой в виде усеченного конуса. Центр производства этих сосудов не известен. Дж.А.Райли, справедливо относя подобные находки из Цезареи, в основном, к VI в., именует их позднеримскими унгвентариумами (Riley 1975:37, NN 39,40). Но сосуды, на которые он ссылается, все-таки имели меньшие размеры. Это керамические фляконы высотой 18-20 см, регулярно открываемые в слоях VI-VII вв. (500/520-650 гр.) на различных памятниках Восточного Средиземноморья. Х.Хейс, выделивший этот тип сосудов, отмечал, что, возможно, они изготавливались в Палестине и использовались для транспортировки священного масла или воды из реки Иордан (Hautes 1971:246). Канские находки, как и образцы из Цезареи, крупней этих фляконов, к тому же, вероятнее всего, в них перевозились какие-то смолы, а не масло или вода. Однако, практическая синхронность близких по форме, но различающихся по размерам сосудов, в общем, очевидна. Допустимо и предположение об их производстве в Палестине.

В наборе столовой посуды представлены различные типы кувшинов, мисок и т.д., изредка поливных. Особенно характерны для слоя V-VI вв. красноглиняные сосуды с округлым туловом, цилиндрическим горлом и валиком по краю, украшенные проведенными по сырой глине гребешком пучками пересекающихся прямых и волнистых линий (рис.3:6). Кухонная керамика представлена типом круглодонной кастрюли с довольно широким туловом, иногда имеющим излом в центральной части, и выделенным горлом с отогнутым наружу краем (рис.3:7). Подавляющее число кухонных сосудов имели неплохое красное или черное лощение.

Достаточно многочисленная категория керамических материалов относится к большим толстостенным сосудам, предназначенным для хранения различных продуктов. Среди них нередко встречаются формы местного южноаравийского производства, так называемые зиры, для которых, в частности, характерна грубая, порой рыхлая, пористая керамическая масса, образовавшаяся в результате выгорания органических добавок. В типологическом отношении для южноаравийской керамики очень показательны кольцевые поддоны (рис.3:12). Помимо зиров, прочие сосуды местного производства, к примеру, миски (рис.3:11) в поздних слоях Каны встречаются крайне редко. В общей сложности, на южноаравийскую продукцию (зиры и пр.) в керамическом комплексе здания, если исключать материалы амфорной тары, приходится всего 10%.

Несколько большую долю (11,5%) составляет лепная посуда. Несмотря на достаточно примитивный способ изготовления, эта керамическая продукция отличается высоким качеством формовки, хорошим обжигом, тонкими стенками, часто великолепным лощением. Целый лепной сосуд (рис.3:10), обнаруженный в помещении II, имеет шаровидную форму с невысоким цилиндрическим горлом и отогнутым наружу краем. Сосуд покрыт прекрасным черным лощением, нижняя часть сильно затерта, под горлом на плечиках прочертено граффити, возможно, изображающее рыб. Однако, самый распространенный тип лепной керамики - сосуд с высоким цилиндрическим горлом, округлым туловом и уплощенным дном, часто с некоторой вогнутостью внутрь (рис.3:8,9). На переходе от горла к плечикам эти сосуды часто имеют валик, порой украшенный наколами, насечкой и т.п. Сходные керамические формы происходят из Эфиопии (Anfay 1967: pl.XXIII, 3220, XXVII, 3219, XXXIII, 3272), хотя, вероятно, характерны и для более отдаленных районов Африки (Археология Центральной Африки 1988:189,2:196,1-2;199; Shinnie 1967:122, pl.58,59). Есть веские основания полагать, что лепная посуда, открытая при раскопках Каны, может быть связана с культурой населения Восточной Африки, прежде всего, Эфиопии. Равным образом можно считать, что выходцы из этих районов проживали в Кане, по крайней мере, в V-VI вв. Этот

археологический факт хорошо согласуется с исторической ситуацией, сложившейся в Йемене в VI в., важным элементом которой, как известно, было усиление здесь эфиопского влияния, вторжения эфиопских войск и пр. (Пиоторовский 1985: 21 сл.).¹

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, нет сомнения в том, что порт Кана активно функционировал в V-VI вв. и прекратил свое существование, вероятно, в начале VII в. Чрезвычайно своеобразна его материальная культура, которую кратко можно охарактеризовать как смешанную, интернациональную, что характерно не только для V-VI вв., но и для более раннего времени. Очень показательны в этом отношении надписи, сделанные на разных языках на штукатурке храма, относящегося к IV в. (Виноградов, Седов 1989). Элементов, определяющих облик южноаравийской цивилизации, здесь мало. Как говорилось, очень немногочисленна даже группа местной керамики. В этой связи уместно поставить вопрос о существовании в пределах Хадрамаута, а может быть и других южноаравийских государств, двух культур - достаточно традиционной культуры внутренних районов и прибрежной, где эти традиции, если и проявляются, то в весьма приглушенном виде.

- АРХЕОЛОГИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ.** 1988. Москва:Наука.
ВИНОГРАДОВ, Ю.Г., А.В.СЕДОВ. 1989. Греческая надпись из Южной Аравии // Вестник древней истории 2:162-169.
ГРЯЗНЕВИЧ, А.П., Ю.А.ВИНОГРАДОВ. 1991. Некоторые итоги изучения древне-йеменской цивилизации // Древние культуры и археологические изыскания. Материалы к Пленуму Института истории материальной культуры:31-32. С.-Петербург.
ПИТОРОВСКИЙ, М.Б. 1985. Южная Аравия в раннем средневековье. Москва:Наука.
СЕДОВ, А.В. 1989. Археологические исследования в вади Хадрамаут // Вестник древней истории 2:135-142.
ШИРИНСКИЙ, С.С. 1977. Новый памятник арабской архитектуры I в. до н.э. // История и культура античного мира:202-205.
ANFRAY, F. 1967. Mattara // Annala d'Ethiopie VII:33-88.
DOE, B.B. 1964. Husn al-Ghurab and the site of Qana // Antiquities, 3:14-16. Aden.
1971. Southern Arabia. London. Thames and Hudeon.
FULFORD, M.G., D.P.S.PEACOCK. 1984. The pottery and other ceramic objects from the site excavation at Carthage // The British Mission. 1(2).
HARDING, L.G. 1964. Archaeology of the Aden Protectorates. London.
HAYES, H.W. 1971. A new type of the early christian ampulla // The Annual of the British School at Athens> 66:243-248.
RILEY, J.A. 1975. The pottery from the first session of excavation in the Caesarea Hippodrom // Bulletin of American School of Oriental Research. 218:25-63.
SHINNIE, P.L. 1967. Meroe. A civilization of the Sudan. New York, Washington, Praeger.
TUBB, J.N. 1986. The pottery from the byzantine well near Tell Fara // Palestine Exploration Quarterly. Jan-June:51-65. London.

¹ Можно высказать предположение, что африканцами в Йемене оставлены памятники типа Субр и Аль Курайт. Сходство найденной здесь керамики с лепной посудой Каны и, разумеется, Эфиопии вполне очевидно. А.Хардинг относил эти памятники к VI-V вв. до н.э. (Harding 1964:20-21). Однако, эта дата может быть спорна. К примеру, среди материалов Аль Курайт (Harding 1964:pl.V,30-41) представлены обломки типичной для поздних слоев Каны керамики, орнаментированной пучками прочерченных линий (ср. рис.3:6).

IV в эпоху и в южноаравийской гавани Кана (южная часть Ю.А.ВИНОГРАДОВ. NEW FACTS ABOUT THE SOUTHERN-ARABIAN PORT OF QANA DURING THE 1st-6th CENTURIES A.D.

Summary.

The port of Qana, being a part of Hadramaut, was an important point on sea routes between the Mediterranean sea and India, on the one hand, and on the transarabian incense route, on the other hand. The excavations of the Soviet-Yemen expedition which have been carried on since 1985 have shown that the port functioned in the 1st-6th centuries A.D. The cultural layer is divided into three strata. Each of them covers about two centuries: 1-2, 3-4, 5-6 centuries.

One of the latest constructions (5th-6th centuries) in the north-eastern part of the site close to the port was studied in detail in 1988. It is a building about 95 sq.m. consisting of six rooms (fig.1). Room I must have served as a kitchen, room IV - as a pantry. Room VI contained a hoard (fig.2) consisting of adornments (two strings of beads, several pins, etc.) and cosmetic accessories (three caskets, and ivory bottle, a glass vessel, etc.). The hoard must have been buried at a moment of danger during the final stage of the port's existence (the beginning of the 7th century). Fragments of amphora were the most numerous pieces of pottery (55%) excavated in the ruins of the building. Most of them belong to a vessel which must have been manufactured in Northern Africa (fig.3:1). A small number of amphora are of Palestinian origin - from Gaza (fig.3:2), etc. Vessels with a rounded body without handles and with a leg in the form of a truncated cone (fig.3:3-5) are of the same origin. Other ceramics are of quite a different origin. Hand-made earthenware (fig.3:8-10) has good analogies in Eastern Africa (Ethiopia). On the basis of these finds we can assume that people from Ethiopia lived in Qana, especially during the late stage of its history. The ceramics of local South Arabian manufacture are comparatively rare (fig.3:11,12). There are very few other local materials among the finds. Thus, it can be assumed that cultures co-existed in Hadramaut - a traditional culture of the inner regions and a coastal culture where these traditions are expressed rather weakly.

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

HAROLD MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

CHARLES MC. D. S. PEACOCK 1984 The pottery and glass ceramics of the site excavated by

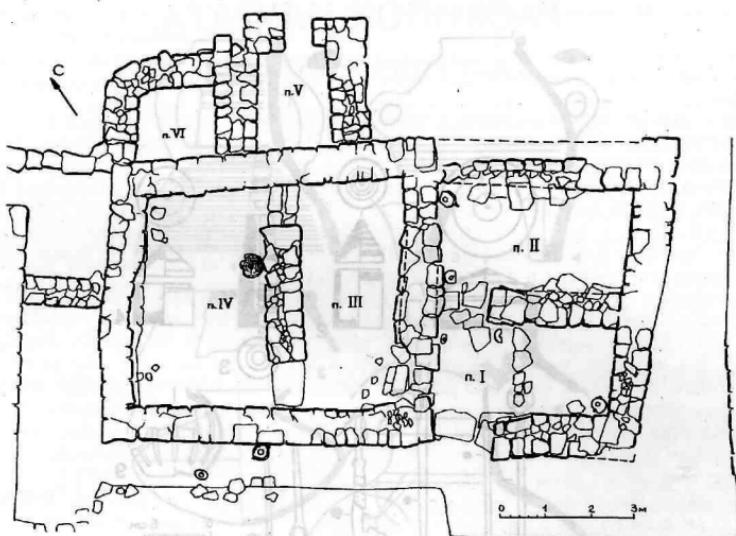

Рис.1 План здания V-VI вв.

Fig.1 Plan of a building, the 5th-6th century.

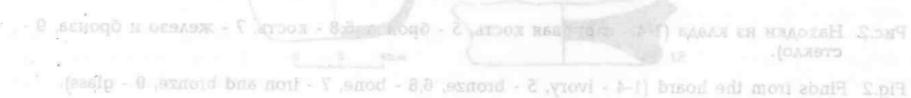

Рис.2 Керамические находки

Fig.2 Pottery finds.

NEW FACTS ABOUT THE SOUTHERN-ARABIAN PORT OF QANA DURING THE 1st-5th CENTURIES AD.

The port of Nejd, being a part of Harranica, had always been a link between the Mediterranean sea and India, on the one hand, and empires situated to the east of the land. The excavations of the Soviet-Syrian expedition which took place in 1982 have shown that the port functioned in the first four centuries AD. This is the period of their maximum activity about two centuries.

One of the finds from the port was studied in 1988. It must have served as a kitchen, room for storage of foodstuffs, ornaments, fine strings of beads, bottles, glass vessels, etc. In view of the port's existence there were many pieces of pottery from various local workshops which must have been manufactured in origin from Gaza (fig. 1). Vases of a truncated cone shape were made from sand-mould earthware (fig. 2). From the finds we can assume that people here used bone vessels of local South Arabian manufacture. There are very few other local materials among the finds. The ceramic culture of Nejd and its surroundings is very close to the traditional culture of Palestine - a traditional culture of the Bedouins in Nejd - a culture which has survived until now.

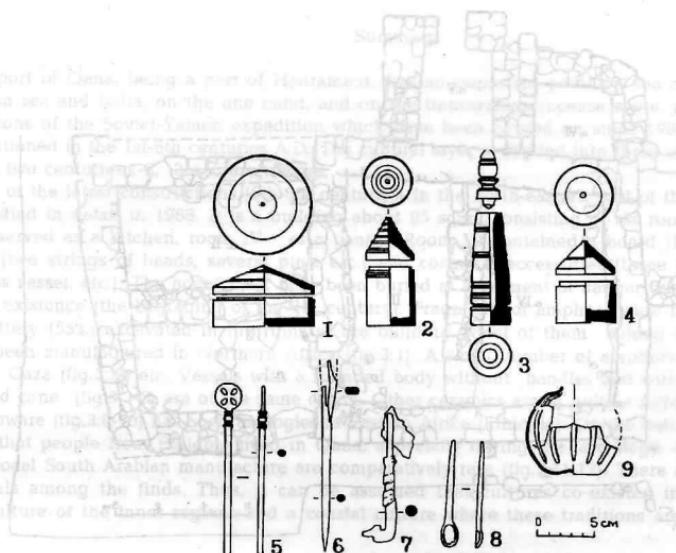

Рис.2 Находки из клада (1-4 - слоновая кость, 5 - бронза, 6,8 - кость, 7 - железо и бронза, 9 - стекло).

Fig.2 Finds from the hoard (1-4 - ivory, 5 - bronze, 6,8 - bone, 7 - iron and bronze, 9 - glass).

Наличие в центральном изображении Афродиты, подчеркивающее в том, что здесь

Стремимся к тому, чтобы в наших магазинах было все, что нужно для полноценного отдыха на природе.

2

1 3 4

The image shows two views of a fragment from a vessel, labeled 'С'. The left view shows the fragment from above, revealing a decorative band with wavy lines. The right view shows the fragment from the side, highlighting its profile and the decorative band.

ИМПОРТ ВОДЫ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРОДУКТОМ МАССОВЫХ АКЦИЙ ТОВАРНОЙ ТЕХНИКИ И СПАСАЮЩИЙ

BRUNNEN CAY MEAN BY TOSAOTI
HINDUISM'S NEWEST RELIGION
BY ROBERT L. BROWN

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПО РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ И КОМПЕТЕНТНОСТИ

An illustration of a woman's profile facing left. She has long dark hair and is wearing a white headband with a large, dark, ribbed bow on top. The drawing is done in a simple, elegant style.

9
10

C THERAPY HYPNOTHERAPY CLOTHESPIN THERAPY CLOTHESPIN THERAPY CLOTHESPIN THERAPY

11

A scale bar at the bottom left shows markings for 0, 5, and 10 cm. To its right is a large identification number '12'.

Рис.3 Керамические находки

Fig.3 Pottery finds.

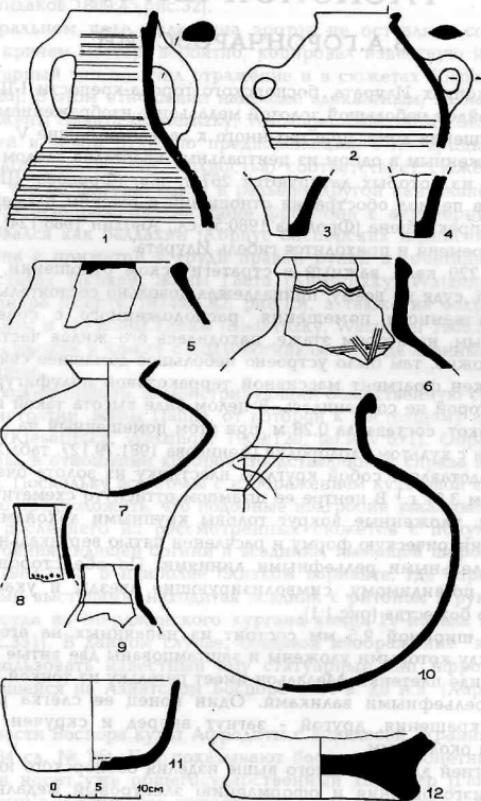

Рис.3 Керамические находки

Fig.3 Pottery finds.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН III В. Н.Э. ИЗ РАСКОПОК ИЛУРАТА

В.А.ГОРОНЧАРОВСКИЙ*

В 1984 г. при раскопках Илурата, боспорского города-крепости I-III вв. н.э. (18 км к юго-западу от г.Керчи), был найден небольшой золотой медальон с изображением женского божества. Он происходит из слоя разрушения дома, пристроенного к западной башне V. Термин post quem для него определяется обнаруженным в одном из центральных кварталов кладом боспорских биллоновых статеров, самые поздние из которых датируются 267 г. н.э. (Фролова, Шургая 1982:91 сл.). Если учесть, что в 268-274 гг. в период обострения отношений с горским племенным союзом, монетная чеканка на Боспоре была прекращена (Фролова 1980:58 сл.; Анохин 1986:124), то можно предполагать, что на этот промежуток времени и приходится гибель Илурата.

Дом площадью в 220 кв.м, важный в стратегическом отношении, поскольку с его двора открывался вход в башню, судя по всему, принадлежал довольно состоятельному хозяину. Медальон найден на полу хозяйственного помещения, расположенного с северо-восточной стороны домовладения, над которым, на втором этаже, находилась его жилая часть, откуда в слой попали отдельные находки. Возможно, там было устроено небольшое домашнее святилище, так как рядом с медальоном был обнаружен фрагмент массивной терракотовой полуфигуры богини, вылепленная отдельно правая рука которой не сохранилась. В целом виде высота такой промоты, как показывает одна из илуратских терракот, составляла 0,28 м, при этом помещенный на лоне плод круглой формы свидетельствует о ее связи с культом плодородия (Денисова 1981:79,127, табл.XXIV в.).

Сам медальон представляет собой круглую пластинку из золота очень высокой пробы (990) диаметром 2,85 см и весом 3,81 г.¹ В центре ее штампом оттиснуто схематичное изображение бюста богини, волосы которой, уложенные вокруг головы крупными локонами, ниспадают на плечи. Головной убор имеет цилиндрическую форму и расчленен пятью вертикальными выступами. Складки одежды переданы параллельными рельефными линиями. По обе стороны бюста находятся две шестиугольные розетки, по-видимому, символизирующие звезды и указывающие на небесный характер представленного божества (рис.1:1).

Рамка медальона шириной 2,5 мм состоит из напаянных на его внешнюю поверхность золотых проволочек, между которыми уложены и заштампаны две витые проволочки, образующие орнаментальный пояс в виде плетенки. Медальон имеет петельку из тонкой полоски листового золота с тремя продольными рельефными валиками. Один конец ее слегка распущен и напаян на внутреннюю сторону украшения, другой - загнут вперед и скручен, образуя отверстие для подвешивания диаметром около 5 мм.

Ближайшей аналогией для описанного выше изделия боспорского ювелира является сходный по размерам, технике изготовления и оформлению электровый медальон из поселения Ново-Отрадное (в 30 км к западу от г.Керчи), также связанный со слоем разрушения данного памятника в III в. н.э. (Кругликова 1974:18,рис.64). Возможно, оба медальона относятся к продукции одной мастерской, хотя изображения оттиснуты разными штампами. В трактовке образа женского божества из Ново-Отрадного обращает на себя внимание более пышная прическа и отсутствие звездообразных розеток над плечами, в остальном - совпадение полное (рис.1:2).

Какая же богиня представлена на илуратском медальоне? В этом отношении может помочь еще одна довольно близкая аналогия - случайно найденный в Прикубанье золотой медальон, отличающийся от двух предыдущих большей тщательностью исполнения. В данном случае рамка в виде плетенки дополнена по внешнему краю 43 миниатюрными золотыми шариками. В центральной части штампом оттиснуто уже не погрудное изображение, а вся фигура целиком (рис.1:3). Богиня сидит в кресле со спинкой, имеющей крестообразные выступы. На голову ее накинуто покрывало,

* Россия, Санкт-Петербург, 191065, Дворцовая набережная 18, Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

¹ Хранится в фондах Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Инвентарный номер И/84-12.

спускающееся на плечи; в левой руке, прижатой к груди, какой-то плод круглой формы. Кресло изображено с подставкой для ног, по обе стороны которой небольшие фигурки эротов. Внутреннее поле медальона дополнительно украшено полуудрагоценными камнями в гнездах из рельефных валиков, обработанных в рубчик. Между ними расположены S-видные волюты из напаянных проволочек (Голстай, Кондаков 1889:45, рис.32).

Наличие в центральном поле медальона эротов не оставляет сомнений в том, что здесь изображена Афродита, причем мастер, вероятно, копировал известную на Боспоре статую богини. Отметим, что этот статуарный тип получил отражение и в сюжетах боспорских надгробных стел I-II вв. н.э. (Иванова 1961:120). В этом отношении наиболее адекватным, на наш взгляд, является рельеф надгробия Метрофилы, жены Эванта (Kieseritzky, Watzinger 1909: тaf.XV:215; Иванова 1961:рис.12), где образ богини, держащей в левой руке, по предположению Г.Кизерицкого и К.Ватцингера, плод граната (Kieseritzky, Watzinger 1909:38), полностью соответствует сюжету кубанского медальона. Весьма существенно то, что ее фигура, как и в рельефе другой пантиканской стелы, без надписи (Иванова 1961:133, рис.75), изображена на фоне фронтона с акротериями, который отдельными исследователями трактовался как балдахин (Корпус боспорских надписей 1965:296, № 470). Другой вариант статуарного типа с прижатой к груди правой рукой в сочетании с креслом характерной формы мы видим на стелах Психеи, жены Гаста (Kieseritzky, Watzinger 1909:38, тaf.XIV:210) и Феофили, жены Александра (Марти 1934:81,82, рис.15), а также на сохранившейся нижней части надгробия центуриона Дизы и его жены Елены (Kieseritzky, Watzinger 1909:31, тaf.XV:208). В последнем случае женская фигура, сидящая в кресле с подлокотниками в виде львиных фигур, помещена в нишу с полуциркульным завершением.

Пожалуй, самый яркий пример, демонстрирующий божественную сущность рассматриваемого образа - это стела Каллистратии, жены Паппа, от которой к настоящему времени сохранился только центральный фрагмент (Kieseritzky, Watzinger 1909:120, тaf.XIV:671). Обращают на себя внимание размеры сидящей фигуры, в отношении которой представленный справа всадник с горитом и луком едва достает ей до плеча. Поскольку все стелы с изображением культовой статуи связаны с женскими погребениями, допустимо предположить, что подобные надгробия заказывались для жриц Афродиты.

Очевидна связь последнего из рассмотренных сюжетов с популярной в греко-скифском искусстве сценой представления сидящей богини и всадника, имеющей широкие аналогии от Пазырька до Фракии (Бессонова 1983:142). В наиболее близком варианте, где справа от богини, сидящей в кресле с крестообразными выступами, находится всадник с ритоном в руке, эта сцена представлена на золотой пластине сосуда из Мерджанского кургана конца IV-начала III вв. до н.э. близ Анапы (Артамонов 1966:77, рис.331). В данном случае, создавая изображение "великой богини", местный мастер вполне мог использовать известный ему статуарный тип Афродиты Урании, владычицы Алатура, весьма почитавшейся на Азиатском Боспоре с VI в. до н.э. (Харко 1946:136 сл.; Марченко 1977:122).

На европейской части Боспора культ Афродиты с эпиклесой "Урания" засвидетельствован со II в. до н.э. (Корпус 1965:84 сл. № 75). Как показывают боспорские монетные типы, с конца II в. н.э. культ Афродиты Урании носит уже общегосударственный характер (Гайдукевич 1949:337). Самое позднее, в том же столетии в Пантиканее существовал храм Афродиты в виде пятиколонного здания ионического ордера, изображенный на рельефе стелы со сценой возлияния (Харко 1950:197 сл.; Пичикиян 1984:221; Рельефы 1990:65 сл.). Интересно отметить, что тимпан фронтона украшает бюст богини с распущенными волосами в башнеобразном убore с тремя вертикальными выступами. В левой руке она держит предмет, напоминающий скипетр.

Представляется вероятным, что мастер, изготовивший рассмотренные выше медальоны, в одном случае использовал в качестве прототипа рельеф фронтона столичного храма Афродиты Урании, в другом - таковым послужила находившаяся там культивированная статуя. Сами медальоны, возможно, играли какую-то роль в честь этой богини и одевались лишь в соответствующих случаях. Показательно, что все они изготовлены из золота, магического "небесного" металла, согласно представлениям скифов и других иранских народов, несомненно, бытовавшим и на Боспоре (Christensen 1934:128 ff.; Бессонова 1983:18 сл.). Видимо, не случайно именно это украшение подчеркнуто выделено в четырех происходящих из Илурата терракотах, изображающих, очевидно, ту же Афродиту Уранию, почитавшуюся здесь, прежде всего, как божество плодородия животного и растительного мира.

Таким образом, илуратский медальон в определенной степени отражает воздействие образов боспорского монументального искусства на производство предметов, связанных с культовой практикой, и дает новый материал для реконструкции религиозных представлений сельского населения Боспора первых веков нашей эры.

- АНОХИН, В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев:Наукова думка.
- АРГАМОНОВ, М.И. 1966. Сокровища скифских курганов. Прага:Артия.
- ГАЙДУКЕВИЧ, В.Ф.1949. Боспорское царство. Москва-Ленинград:АН СССР.
- ДЕНИСОВА, В.И.1981. Коропластика Боспора. Ленинград:Наука.
- ИВАНОВА, А.П. 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев:Мистецтво.
- КОРПУС 1965. Корпус боспорских надписей. Москва-Ленинград:Наука.
- МАРТИ, Ю.Ю. 1934. Новые эпиграфические памятники Боспора // Из истории Боспора. Известия Государственной академии истории материальной культуры 104:57-89. Москва-Ленинград:АН СССР.
- МАРЧЕНКО, К.К. 1977. О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира:121-126. Москва:Наука.
- ПИЧКИЯН, И.Р. 1984. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. Москва:Наука.
- РЕЛЬБЕФФ 1990. Боспорские надгробные рельефы. Ленинград:Государственный Эрмитаж.
- ТОЛСТОЙ, И.И., Н.П.КОНДАКОВ. 1889. Русские древности в памятниках искусства 2. Санкт-Петербург.
- ФРОЛОВА, Н.А. 1980. История правления Рискупорида V (242-276 гг. н.э.) по numизматическим данным // Советская археология 3:58-76.
- ФРОЛОВА, Н.А., И.Г.ШУРГАЯ. 1982. Илуратский клад монет Рискупорида V // Вестник древней истории 1:91-97.
- ХАРКО, А.П. 1946. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XIII:136-141.
1950. О пятнколонном храме, изображенном на пантикеапейских монетах I в. // Вестник древней истории 1:197-203.
- KIESERITZKY, G., C.WATZINGER. 1909. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin.
- CHRISTENSEN, A. 1934. Les types du premier homme et le premier roi dans l'histoire legendaire des iraniens 2. Stockholm.

V.A.GORONCHAROVSKY.

A GOLDEN MEDALLION OF THE 3rd CENTURY A.D. FROM THE EXCAVATIONS OF ILURATON.

Summary.

The article gives a detailed description of a golden medallion from the recent excavations in Iluraton, a Bosporan fortress of the 1st-3rd centuries A.D. (the Eastern Crimea, 18 km. south-west of Kerch). It was found in the destruction layer of a house which like the whole fortress ceased to exist in the third quarter of the 3rd century A.D. This ornament is likely to have been connected with a small home sanctuary as a fragment of a solid terracota bust of a goddess was found next to it. Its total height, judging from the parallels, amounted to 0,28 m.

The medallion itself is a plate 2,85 centimetres in diameter, with a schematic bust representation of a goddess whose hair, arranged in large curls round the head, falls into her shoulders. Her headdress takes the form of a cylinder with five vertical projections. Above the shoulders there are two six-ray rosettes which symbolize stars suggesting the heavenly nature of this deity.

The author discusses an electrum and a golden medallion of the same size and the same technique of manufacture. These pieces also come from the Bosphorus area (the settlement of Novo-Otradnoe, 30 km. from Kerch and casual find in the Near Kuban region) and are most likely to be products of one of the Panticapeum workshops. The images on the medallions originate from and are influenced by sculptural representations of Aphrodite Urania whose cult had assumed national dimensions in Bosphorus since the end of the 2nd century A.D. By that time there was a temple of Aphrodite in Panticapeum - a five-columned building of the Ionic order. It is portrayed on the relief of a gravestone stele bearing a libation scene. It is notable that in the present case the tympanum of the pediment was decorated with a bust of a goddess with loose hair in a tower crown with vertical projections on the right-hand side. It is not inconceivable that it is

this bust that became the prototype of the Iluraton medallion which, in precisely the same way as other articles of this kind, must have played some kind of role in Aphrodite Urania rites. It was worn only on such occasions. It is significant that all the medallions are made of gold - a magic "heavenly" (divine) metal according to the ideas of a number of Iranian peoples. These ideas must have been widespread in Bosporos. Thus we have discussed the four terracottas found in Iluraton which must represent the same Aphrodite Urania. Here she was above all revered as the goddess of fertility in the animal kingdom and the vegetable world.

В.РУДОЛЬФ (США)*

В 1971 г. при раскопках "парского" стирского кургана Томстай Мотын в г. Орджоникидзе на юге Украйны была найдена золотая пектораль (погрудное украшение). Изготовленная около 300 г. до н.э. Пектораль из Томстай Мотын является одним из наиболее выдающихся произведений скифского искусства раннего времени.

В ходе нашего исследования удалось установить, что она хорошо известных произведений тореотов была создана в мастерской одного мастера. Судя по всему, помимо пекторалам из Томстай Мотын относятся также иные погрудные украшения из золота и сердолика - самого большого из "парских" бургундов европейской части в распоряжении античных авторов в несколько десятках альбометров от г. Орджоникидзе.

Золотые изделия скифской школы из земель Триполья и территории Северного Причерноморья представляют собой единичную группу из золотого инвентаря из археологической зоны скифской знати, которые подверглись систематическому разграблению во протяжении многих столетий. В настоящее время может быть единственным источником для изучения золотых ювелирных изделий, вышедших из мастерской античного тореота, является пектораль, условно называемый "сердоликовым ювелиром мастером". Среди них большая группа пекторалей из золота. Мотын является наиболее значительным произведением искусства, более всего соответствующим в своем ряду с македонским ювелиром из золотыми знаменитыми ювелирными изделиями из земель Триполья и Фабержé.

В этой статье побуждаются к изучению этого погрудного украшения, которое я и мои коллеги демонстрируют технику и стиль, характерные для этой школы.

Пектораль выполнена из золота 900 пробы. Она имеет ширину 30,5 см и вес 146 г. Учитывая, что золотое количество неизвестно, то первоначальный вес может достичь 1,200 г. Эти утраты являются результатом длительного ношения пекторали, так как следы (особенно на растительном фризе) указывают на то, что пектораль которую могли носить в дракониках, была серьезно повреждена и, возможно, потому подвергна в могилу отдельно от других вещей, как погребавшиеся в римите.

Пектораль имеет три изображительных фриза, которые обозначены нами А, В, С [сверху вниз]. Для создания ансамблей было использовано более 160 основных элементов, не считая декоративной проволоки: две застежки, оканчивающиеся дискурами львиных голов, две большие пуговицы, 3 ступаки, 32 соединенные короткими цепочками, 2 ступаки в форме трапеций, 4 скрученные цепочки обруча (так называемые А-д, склеру язов), золотая полоса в форме полукруга, 50 лягушек (фигурок людей и животных), а также для горита - типично скифских футура для лука и стрел. Всего, по меньшей мере 44 растительных элеменка украшают фриз А. Судя по соединительным с более чем 20-ю пластиками отсутствуют выраженные цепочки. Количества растительных элементов расположены в одинаковых соотношениях.

Почти все части пекторали созданы из золота 900 пробы. Каждый из трех изображительных фризов содержит 40 единиц золота с одинаковым весом. Погрудное украшение было создано из золота 900 пробы, но оно не было изготавлено из золота 900 пробы, а из золота 900 пробы. Гравии постоянно увеличиваются в диаметре от верхней к самой нижней. Большой диаметр верхней триады потребовала дополнительного стебельзатора в виде Гобразной в разрезе подошвы золота по верху этой гривы.

*Перевод А. Г. Кудашева (ИИМК РАН). Эта статья является исправленной и расширенной версией работы, которая впервые появилась в журнале Metalimic (1991), vol. II, № 4, pp.30-36.

* Department of Art History, Indiana University, Bloomington, Indiana 47405-3501 U.S.A.

БИЛІКІН А.М. Древнегреческие медальоны из золота и серебра // Вестник древней истории. 1969. № 1. С. 10-18.
 БУХАНОВИЧ, В.А. 1966. Монеты и медальоны // Культура античного Боспора. Краснодар. Альбом.
 АРТАМОНОВ, Н.И. 1966. Сокровища античной культуры. Гераса-Арена. Альбом.
 БАНДУКЕВИЧ, В.Ф. 1949. Восточные монеты // Материалы для истории античного искусства. АН СССР.
 АДИССОВА, В.И. 1951. Египетские монеты. Египетское наследие.
 БРАНОВА, А.Д. 1951. Золотые и серебряные монеты. Египетское наследие.
 ПОРПУС. 1965. Король Флорида. Альбом.
 МАРТИН. 1970. 1974. Новые золотые боспорские находки истории Боспора // Известия Государственной академии истории и археологии культуры античного мира: 121-126. МАРЧЕНКО, К.К. 1971. О культуре Африканской Азии // История культуры античного мира: 121-126. Москва-Наука.
 БИРДИКИН, И.Р. 1984. Материалы по истории античной культуры и науки. Москва-Наука.

РЕДЕБЕФЫ 1930. Боспорские надгробия из гробниц и захоронений // Сборник Эрмитажа. КОЛСТОЙ И.И., Н.П.КОНДАКОВ Т.А. 1970. Древнерусское золотое и серебряное искусство 2. Санкт-Петербург.
 ФРОЛОВА, Н.А. 1980. История древних земель Южного Кавказа // История Южного Кавказа по памятникам археологии. Алания // Советская археология. № 2. КОЛСТОЙ И.И., Н.П.КОНДАКОВ Т.А. 1970. Древнерусское золотое и серебряное искусство 2. Санкт-Петербург V // Вестник древней истории: 1971-1977.
 ХАРКО, А.П. 1946. Культ Афродиты на Боспоре // История античной культуры Боспора. Краткие сообщения Института истории материальной культуры XIII: 1945-1946. Каспийский полуостров. № 1. Боспор. монетах I в. // Вестник древней истории Боспора: 1977-203.
 КИШЕРИЦКИЙ, Г. С. УВАЦИНГЕР. 1909. Гравюры из античных золотых и серебряных монет // Russland. Berlin.
 CHRISTENSEN, А. 1934. Les types de peinture murale dans l'histoire légendaire des tunisiens 2. Stockholm.

A GOLDEN MEDALLION OF THE 3RD CENTURY A.D. FROM THE EXCAVATIONS OF ILLURATON.

Summary

The article gives a detailed description of a golden medallion from the recent excavations in Illuraton, a Bosporan town of the 1st-3rd centuries A.D. (the Eastern Crimea, 30 km. south-west of Kerch). It was found in the destruction layer of a house which like the inhabitants ceased to exist in the third quarter of the 3rd century A.D. This ornament is likely to have been connected with a small, home treasury as a fragment of a larger ensemble made of a golden foil. Its diameter is 18 mm. In its total height, judging from the parallels, amounted to 1.5 cm.

The medallion itself is 15 mm. in diameter with a schematic bust representation of a female deity. The head is turned to the right, her hair is in a bun, and she wears a diadem. Her hands are joined in front of her chest, and her fingers are bent. The eyes are represented by dots. The nose is straight, the mouth is slightly open. The bust is set on a large circular base decorated with a stylized floral ornament. The entire medallion is surrounded by a decorative border consisting of two rows of stylized volutes. The outer row is decorated with a band of small circles.

Рис.1 Боспорские золотые медальоны III в. н.э.: 1 - из Илурата; 2 - из сельского поселения Ново-Оtradное; 3 - случайная находка в Прикубанье.

Fig.1 Bosporan golden medallions of the 3rd century A.D. 1 - from Illuraton; 2 - from the settlement Novo-Otradnoe; 3 - a casual find in the Kuban region.

The medallions themselves are 15 mm. in diameter with a schematic bust representation of a female deity. The head is turned to the right, her hair is in a bun, and she wears a diadem. Her hands are joined in front of her chest, and her fingers are bent. The eyes are represented by dots. The nose is straight, the mouth is slightly open. The bust is set on a large circular base decorated with a stylized floral ornament. The entire medallion is surrounded by a decorative border consisting of two rows of stylized volutes. The outer row is decorated with a band of small circles.

БОЛЬШАЯ ПЕКТОРАЛЬ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ: РАБОТА "ЧЕРТОМЛЫЦКОГО МАСТЕРА" И ЕГО ШКОЛЫ¹

В.РУДОЛЬФ (США)*

В 1971 г. при раскопках "царского" скифского кургана Толстая Могила в г.Орджоникидзе на юге Украины была найдена уникальная золотая пектораль (нагрудное украшение), изготовленная около 300 г. до н.э. Пектораль из Толстой Могилы является одним из наиболее выдающихся произведений скифского искусства эпохи раннего эллинизма.

В ходе нашего исследования удалось установить, что серия хорошо известных произведений торевтики была создана в одной ювелирной мастерской. К этой серии, помимо пекторали из Толстой Могилы, относится также знаменитая серебряная амфора из Чертомлыка - самого большого из "царских" курганов европейской Скифии, расположенного всего в нескольких десятках километров от г.Орджоникидзе.

Золотые изделия скифской эпохи, найденные на территории Северного Причерноморья представляют собой ничтожную часть богатейшего погребального инвентаря из курганов скифской знати, которые подвергались систематическому разграблению на протяжении многих столетий. В настоящее время может быть идентифицировано около дюжины ювелирных изделий, вышедших из мастерской анонимного торевтика, которого мы предлагаем условно называть "чертомлыцким мастером". Среди них большая пектораль из Толстой Могилы является наиболее значительным произведением искусства, более того, ее можно поставить в один ряд с наиболее выдающимися изделиями знаменитых ювелиров, таких как Б.Челлини и П.Фаберже.

В этой статье публикуются первые результаты исследования о школе "чертомлыцкого мастера", сделавшего пектораль из Толстой Могилы, которая ярко демонстрирует технику и стиль, характерные для этой школы.

Пектораль изготовлена из золота высокой пробы. Она имеет ширину 30,5 см и вес 1 145 г. Учитывая, что большое количество мелких деталей пекторали ныне утрачено, ее первоначальный вес мог достигать 1 200 г. Эти утраты являются результатом длительного ношения пекторали, так как следы (особенно на растительном фризе) указывают на то, что пектораль, которую могли носить в сражениях, была серьезно повреждена и, возможно, потому положена в могилу отдельно от других вещей, как нуждающаяся в ремонте.

Пектораль имеет три изобразительных фриза, которые обозначены нами А, В, С (сверху вниз). Для создания ансамбля было использовано более 160 основных элементов, не считая декоративной проволоки: две застежки, оканчивающиеся фигурами львиных голов, две большие петли, 4 втулки, 32 соединенные короткие цепочки, 2 втулки в форме трапеции, 4 скрученные полые обруча (обозначенных А-Д, сверху вниз), золотая полоса в форме полумесяца, 50 литых фигурок людей и животных, а также два горита - типично скифских футляра для лука и стрел. Вдобавок, по меньшей мере 44 растительных элемента украшают фриз В, будучи соединенными с более чем 20-ю (часть их отсутствует) вырезанными цветами. Большинство растительных элементов расположено в два яруса.

Почти все части пекторали собирались сначала из нескольких деталей или элементов в определенной последовательности. Например, скрученные жгутом гривны были собраны из длинных полосок золота с выпуклой поверхностью и закручены в жгут, а затем скреплены в образовавшихся швах. В паз между скрученными полосами была вмонтирована полоска расклепанной проволоки. Гривны постепенно увеличиваются в диаметре от верхней к самой нижней. Большой диаметр наружной гривны потребовал дополнительного стабилизатора в виде I-образной в разрезе полосы золота по верху этой гривны.

¹ Перевод Г.Н.Курочкина (ИИМК РАН). Эта статья является исправленной и расширенной версией работы, которая впервые появилась в журнале *MetalSmith* 1991, vol. 11, № 4, pp.30-36.

* Department of Art History, Indiana University, Bloomington, Indiana 47405-3501 U.S.A.

Для фигурной отливки "чертомлыцкий" мастер использовал открытую литейную форму. Фигуры, однако, смонтированы в высоком рельефе. Для того, чтобы пектораль удобнее лежала на груди владельца, тыльные выпуклые части фигур на фризах А-С были соответственно подработаны, то есть был убран лишний металл, так что фигурушки сзади стали вогнутыми.

Техника изготовления пекторали была простой, но эффективной. Она включала вырезку из золотого листа, пайку, изготовление литейных форм, отливку и холодную обработку металла, производство нескольких видов проволоки - простой, расклепанной, скрученной. Штамповка была использована для изготовления язычковых узоров на фронтальной стороне I-образной в сечении полосы над гривной 4. Вставки из цветного стекла использованы для цветочных лепестков. Зернь в основном не сохранилась, не считая крупных гранул на некоторых розетках фриза В.

В каждом из трех промежутков между гривнами, помещен фриз. Верхний (А) и нижний (С) фризы несут фигурные сюжетные изображения, тогда как средний (В) показывает изобилие растительности, среди которой, в центре фриза сидят голуби.

Фриз В имеет декоративный характер и служит посредником между верхним и нижним фризами, на которых изображены сцены плодородия и смерти. На фризе А мирно существуют животные, сосущие вымы матери, и 4 человеческих фигуры между ними. На нижнем фризе С преобладают сцены терзания животных львами и грифонами. Более сильные животные несут гибель более слабым.

Почти все 50 отлитых фигур замечательны по изысканному исполнению. Подобные миниатюрные изображения, несущие массу психологических деталей, очень редко встречаются на ювелирных изделиях. В центральной части, например, лица двух вождей выполнены с такой точностью, что, скорее всего, являются изображениями реальных людей. Левый персонаж, кроме того, носит головную повязку, символ высокого социального ранга у斯基фов. Подобные наблюдения справедливы и для двух молодых людей, доящих кобылиц. Лица молодых мужчин сильно отличаются друг от друга. Создавая фигурушки зверей, художник обнаруживает хорошее знание особенностей их образа жизни. Это знание демонстрируется индивидуальным, почти фотографическим изображением каждого животного. Так обстоит дело со скульптурой вепря или несчастного оленя. Последний почти опрокинут пантерой и львом. Детали оленевой шкуры и рогов включают полоску кожи, свисающую с рогов на лоб оленя. Это лоскут тонкого эпидермиса, который покрывает только что отросшие рога. Таким образом, сцена терзания могла иметь место весной или ранним летом, что подтверждается фигурами жеребят на фризе А. Их изображения в правой и левой части этого фриза имеют возрастные различия, которые мог воспроизвести только человек, постоянно наблюдавший за ростом животных. "Чертомлыцкий мастер" выполнил не просто серию блестящих индивидуальных портретных работ и удачно объединил отдельные части каждого фриза в единый композиционный ансамбль. Он также создал особое настроение центральной сценой с фигурами двух коленоопреклоненных мужчин, шедших одеждами из овечьей шерсти, которая поддавалась под металлические латы и впитывала пот.

При создании пекторали "чертомлыцкий мастер" преодолел затруднения, связанные с неизбежным уменьшением размера изображенных на ней фигур по мере удаления их от центра к сужающимся концам фризов и усугубленные необходимостью разместить их по кругу. Для решения этой задачи пектораль была тщательно размечена, фриз В занял центральное место в композиции. Растительные завитки фриза рассредоточены на отрезки, сооcтнесенные с центром круга, размещенного на средней оси пекторали. На осиях, радиально расходящихся от центра круга, помещены завитки виноградной лозы в точных промежутках, отделенных сериями углов, уменьшающихся от центра к сторонам. Приведенная ниже диаграмма показывает последовательность размеров этих углов для одной половины пекторали, другая ее половина идентична первой. Усики виноградной лозы обозначены как А-К.

При создании пекторали "чертомлыцкий мастер" преодолел затруднения, связанные с неизбежным уменьшением размера изображенных на ней фигур по мере удаления их от центра к сужающимся концам фризов и усугубленные необходимостью разместить их по кругу. Для решения этой задачи пектораль была тщательно размечена, фриз В занял центральное место в композиции. Растительные завитки фриза рассредоточены на отрезки, сооcтнесенные с центром круга, размещенного на средней оси пекторали. На осиях, радиально расходящихся от центра круга, помещены завитки виноградной лозы в точных промежутках, отделенных сериями углов, уменьшающихся от центра к сторонам. Приведенная ниже диаграмма показывает последовательность размеров этих углов для одной половины пекторали, другая ее половина идентична первой. Усики виноградной лозы обозначены как А-К.

При создании пекторали "чертомлыцкий мастер" преодолел затруднения, связанные с неизбежным уменьшением размера изображенных на ней фигур по мере удаления их от центра к сужающимся концам фризов и усугубленные необходимостью разместить их по кругу. Для решения этой задачи пектораль была тщательно размечена, фриз В занял центральное место в композиции. Растительные завитки фриза рассредоточены на отрезки, сооcтнесенные с центром круга, размещенного на средней оси пекторали. На осиях, радиально расходящихся от центра круга, помещены завитки виноградной лозы в точных промежутках, отделенных сериями углов, уменьшающихся от центра к сторонам. Приведенная ниже диаграмма показывает последовательность размеров этих углов для одной половины пекторали, другая ее половина идентична первой. Усики виноградной лозы обозначены как А-К.

Пектораль: фриз В.

Виноградные завитки: А	В	С	D	E	F	G	H	I	K
Показатель градусов: 6	8	10	12	14	16	18	20	22	24
				30..
					30
					30
					30

Начиная от центра с углом в 24° , углы уменьшаются, отступая вниз с каждым разом на 6° . Вся система базируется на интервале в 12° или долях этого интервала. Вместе с градусами в противоположных концах и в направлении внутрь (A + K, B + I и так далее) сумма двух углов всегда равна $30^\circ = 2,5 \times 12 \cdot 30^\circ$ - это $1/12$ часть полного круга 360° . Декоративная секция также расчитана на двенадцатиречную систему. Каждая половина имеет угловой размер 150° , а всего 360° . Из них, однако, нужно вычесть 12° , так как они дважды сосчитаны в центре, по одному с каждой стороны. Остаток составляет 288° , которые являются суммой $2 \times 144 = 2 \times 12 \times 12$. Эта система объясняет, по крайней мере частично, подход "чертомлыцкого мастера" к разметке пекторали. Становится ясным, что эта точность разметки и ее семантическое обоснование является феноменом, который следует искать и в других работах мастерской.

Пектораль из Толстой Могилы - наиболее сложное произведение "чертомлыцкого торевта" и его мастерской. Она также демонстрирует наиболее точно стиль его работы и его гений в создании миниатюрной скульптуры. Наряду с большим количеством других золотых шедевров пектораль вышла из ювелирной мастерской, действовавшей в пору наивысшего подъема скифской власти и могущества. Наличие этих золотых изделий в памятниках, которые интерпретируются как царские гробницы, свидетельствует о том, что ювелир и его ателье обслуживали правящую элиту, которая заказывала дорогие вещи для своих нужд. Зная о любви скифов к золоту, как об этом свидетельствует греческий историк V в. до н.э. Геродот, и о связи золота с высоким социальным статусом, это не кажется удивительным.

Анонимный торевт раннеэллинистического периода привнес в традиционное искусство Скифии свое особое видение, что выразилось, в частности, в портретном воспроизведении людей и натуралистическом изображении животных. Стилистические, иконографические и технические атрибуты свидетельствуют о происхождении некоторых известных скифских древностей из мастерской талантливых ремесленников, руководимых выдающимся мастером.

С первого взгляда формальный эстетический язык этой школы кажется таким же, как и в классической Греции, но сюжеты изображений являются скифскими. Кроме того, анонимный художник выработал стиль, который имел мало общего с идеализированным искусством Греции, особенно Афин. Таким образом, он как бы поставил перед скифскими вождями, понимающими толк в лошадях, своеобразное зеркало, в котором они узрели, вероятно с большим удовлетворением, их собственный мир. Они увидели художественный образ окружающего их мира, легко узнаваемый и близкий им. Пектораль свидетельствует о таланте художника, имя которого до нас не дошло.

Отличительным признаком всех золотых предметов, вышедших из мастерской "чертомлыцкого" торевта, является миниатюрная скульптура. Наиболее поразительны точные наблюдения природы, в сочетании с высокоразвитым чувством композиции и ритма. К этому следует добавить использование орнамента и цветных стеклянных накладок. Индивидуальный стиль "чертомлыцкого мастера" проявляется отчетливее всего в скульптурных изображениях, но также в очень живой, довольно натуралистической передачи растительности (фриз В). Слегка различающиеся стилистические приемы показывают различия почерков в рамках одной мастерской.

Например, орнаменты на тулове серебряной амфоры из Чертомлыка (№ 2 списка), хотя и следуют основным стилистическим принципам мастерской, были отточены рукой другого художника, который предпочитал более классическую передачу орнамента. На небольшой пекторали (№ 5 списка) животные изображены в манере, отличной от стиля "чертомлыцкого мастера". Использование различных стилей может быть объяснено двумя причинами: электризмом греческого искусства, проявившегося в конце IV в. до н.э. и желанием заказчиков ювелирных изделий. Период работы золотых дел мастеров длился примерно полвека (359/340 по 300/290 гг. до н.э.). За это время было

создано много шедевров, сделанных, видимо, не одним поколением ювелиров, среди которых "Чертомлыцкий мастер" был наиболее выдающимся и самостоятельным.

Наиболее важные отождествления изделий "Чертомлыцкого тореята":

1. Пектораль из Толстой Могилы, Орджоникидзе, золото, эмаль: люди, животные и грифоны запечатлены на двух скульптурных фризах. Растительный орнамент и птицы изображены на третьем. "Чертомлыцкий мастер".

2. Амфора из Чертомлыцкого кургана, золоченое серебро: люди и кони представлены на одном скульптурном фризе, тулове украшено растительными мотивами в сочетании с изображениями птиц; животное и грифон помещены на плечах амфоры, в нижней части которой есть три носика. "Чертомлыцкий мастер" и его школа.

3. Грифина из Куль Обы, золото, эмаль: протомы двух скифских всадников. "Чертомлыцкий мастер".

4. Гребень из кургана Солоха, золото: три скифа сражаются, один верхом на лошади, двое пешие. "Чертомлыцкий мастер".

5. Пектораль из кургана Большая Близница, могила третьей жрицы, золото, эмаль: молодые животные. Чертомлыцкая мастерская.

6. Пара браслетов из Большой Близницы, бронза, золотая обкладка, эмаль. Две львицы в прыжке. "Чертомлыцкий мастер" и его школа.

Из указанной мастерской возможно просходят три оселка в золотой оправе:

7. Точильный камень из Талалаевского кургана (Симферополь), золотая окантовка. Чертомлыцкая мастерская.

8. Точильный камень из Куль Обы, золото. Чертомлыцкая мастерская.

9. Точильный камень из Малой Близницы (Кубань), золото. Чертомлыцкая мастерская.

Идентификация других произведений искусства, вышедших из рук "Чертомлыцкого тореята" и его школы и анализ произведений искусства продолжается. В будущем исследовании предполагается рассмотреть как металлическую столовую посуду, так и ювелирные изделия. Подобно другим великим мастерам тореяти, "Чертомлыцкий мастер" создавал как сосуды, так и личные украшения, и был гением в том, и в другом. Равным образом важно исследовать, как этот ремесленник, связанный по происхождению с районом Северного Причерноморья, сумел создать совершенные скинфские шедевры, которые выглядят как классика греческого художественного языка.

W.RUDOLPH.

THE GREAT PECTORAL FROM THE TOLSTAJA MOGILA. A WORK OF THE CERTOMLYK MASTER AND HIS STUDIO.¹

In 1971 excavations in a kurgan named "Tolstaja Mogila" in the city of Ordzonikidze in the southern Ukraine discovered a golden pectoral in the underground grave of a warrior, dating to Ca. 300 B.C.

In the course of the analysis it became possible to show that one goldsmith and his studio were responsible for the creation of a number of well-known pieces. It is then for the largest of these royal tombs, the Certomlyk-kurgan, only some twenty miles away from Ordzonikidze, where an equally well known, huge silver-gilamphora was found, that the anonymous goldsmith has been named the Certomlyk-Master.

The pectoral from Tolstaja Mogila has three friezes, which have been labelled A,B,C from top to bottom. To complete assemblage consist of more than one hundred sixty principal elements which were necessary to construct the pectoral, not counting the assorted decorative wires. A short survey of its parts gives some idea of the enormous complexity of planning and production process: two lionhead-finials, four box-settings, thirty two short lengths of loop-in-loop chain, two large hinges, two trapezoidal box-settings, four twisted hollow hoops (labelled A-D from top to bottom), one sheet of gold, cut in a lunula shape, one double-T strip, fifty cast figures of humans, animals and two gorytoi, typical Scythian bow and arrow

¹ This is a slightly revised and expanded version which first appear in Metalsmith Fall 1991, vol.11 no4, pp.30-36.

containers. In addition, at least forty four floral elements for frieze B were cast, coupled with more than twenty - an undetermined number is missing now - of cut-out flowers, most of them double-tiered.

Almost all of these parts in turn required several parts first and often complex preliminary production steps.

For figure casting the Certomlyk Master used an open mold. The figures, however, are modelled in a rather high relief, appearing almost three dimensional.

The techniques used were rather straightforward but extremely effective, and included sheet-gold cutting, mold making, casting and extensive cold working, production of varying wires, such as plain, beaded, or spiral twisted. Stamping has been used for the tongue pattern on the frontal side of the double-T bar on torque 4, and glass-inlay occurs on the flower leaves.

In each of the three interstices between the box-mounted torques a frieze was placed. The top (A) and the bottom (C) one carry figurative scenes, while the middle one (B) displays an exuberant growth of greenery in whose center five doves are perched in the thicket. Frieze B refrains from telling a story and thus remains neutral. Thus it serves as a mediator between the upper and lower ones, between the depiction of growth and destruction. In frieze A the peaceful togetherness of suckling mother animals and four human figures between them is the domineering theme. By contrast, fierce fighting prevails in frieze C as animals of all sizes and mythic griffins battle each other, the stronger ones reaping relentless havoc and death upon the weaker ones.

All of the nearly fifty cast figures are remarkable for their exquisite execution, miniature sculptures of such nuances and details are very rare indeed in the history of goldsmithing. In the central scene, for example, the keen observation of the two chieftains faces renders them as individual portraits. The left prince, in addition, wears a head-band, a highly unusual insignia among Scythians and certainly a status symbol. Similar observations hold true for the other two young milkers, who both are very distinct.

Like with humans, the treatment of the animals reveals the artist's intimate knowledge of certain species in their often hostile coexistence, as is demonstrated in the almost personal, snapshot-like characterization of each animal. Such is the case with the wild boar or the hapless stag. The latter is just being brought down by a panther and a lion. The minutiae of the stag's pelt and antlers include a strip of skin dangling from the antlers over its forehead. This constitutes a shred of the fine epidermis which covers the regrowing antler during the yearly regrowth. Thus, this deadly fight takes place in spring or early summer. There again, the nuances sketching the slight age differential between the calf on the right and the one on the left. This is genre at its best, based on keen observations of everyday details.

The Certomlyk Master, instilled a special atmosphere through the intimate interaction of the two kneeling men sharing in the sewing a sheep-fleece garment, a sweat absorbing undershirt to be worn under metal armor.

To compose the pectoral, the Certomlyk Master had to overcome the quandary of the inexorably diminishing size of the figures from the center to the narrow corners, made even more difficult by the necessity to space them convincingly on a circle. To solve this problem satisfactorily the pectoral was carefully laid out and planned using frieze B as the center. The floral scrolls are placed in intervals relating to the center of a circle, placed on the middle axis of the pectoral. On axes radiating from the circle's center the cores of the vine-scrolls in frieze B are placed precise interstices determined by a series of angles diminishing from the center towards the sides. The following diagram gives the sequence for one half of the pectoral, the other is identical. The vine-tendrils are labelled A-K.

Beginning from the center with a 24° angle, the angles diminish by 2° degree each step down to 6° degrees. The whole system is based on a sequence of 12° or fractions there, since adding together the degrees, at opposite ends and moving inward, ($A+K$, $B+I$ etc.) the sum of these two angles always equals $30^\circ = 2,5 \times 12$, 30° in turn are one twelfth of a full 360° circle. The decorated section in itself also relies on a duodecimal system. Each half measures 150° , for a total 300° . From these, however, has to be subtracted one unit of 12 degrees, since it has been counted twice in the center, once for either side. This leaves 288° which is the sum of $2 \times 144 = 2 \times 12 \times 12$. This system explains at least in part the manner in which the Certomlyk-Master approached the planning of the pectoral. There seem to be other regular numerical relationships between portions of the pectoral, which remain yet to be clarified in more detail. But it is already clear, that this precision and sophistication of planning is a phenomenon, which occurs also in other works of the studio.

This anonymous goldsmith of the early Hellenistic period brought to the established art of Scythia a distinct vision, manifest especially in his emphasis on a naturalistic portrayal of humans and animals.

Stylistic, iconographical and technical attributes establish a common origin within a group of gifted craftsmen, led by one outstanding master.

One hallmark of the gold objects of all the studio is the miniature sculpture. Most striking is the exact observations of nature, coupled with a highly developed sense of composition and rhythm. To this contributes the use of ornament and colored glass inlays to emphasize surface patterns. The Certomlyk Master's personal style emerges most clearly in the sculptures, but also in the lively, relatively natural rendition of the floral frieze B. Other, slightly differing styles manifest further hands within the studio.

Thus it appears that the ornaments on the body of the silver amphore from Certomlyk (No 2 bellow), while following the general stylistic framework of the studio, were designed and executed by another hand, namely by an artist who preferred a slightly more classicizing rendition of ornament. Similarly, the same holds true for the small pectoral from the Bolschaja Blisnitsa (No 5 bellow), whose animals were formed by a sculptor distinct from the Certomlyk Master. The use of such varying styles had two apparent reasons. One is that during the end of the fourth century a certain eclecticism prevailed already throughout Greek art, the second is that the influence of those who commissioned the jewelry could well have dictated some of the choices of stylistic expression. The working period of the studio spans the time from ca. 350/340 B.C. to ca 300/290, leaving the possibility open that, in fact, the oeuvre represents more than one generation of goldsmiths, among whom the Certomlyk Master was the most outstanding and independent.

The most important objects identified are:

1. Pectoral from the Tolstaja Mogila, Ordzonikidze, gold, enamel (Scythian Art, figs.118-121): Men, Animals, and Griffins represented in two sculptured friezes, plus one floral frieze with birds. (Certomlyk-Master).

2. Amphore from the Certomlyk Kurgan, gilded silver, (Scythian Art, figs.265-268) Men and horses represented in one sculptured frieze, body with floral with birds, animal and griffin fights on shoulder, three plastic spouts on lower body. (Certomlyk-Master and Studio).

3. Torqque from Kul Oba kurgan, gold, enamel (Scythian Art, figs.126-127) Two Scythian riders on horses protomai, (front halves only). (Certomlyk Master).

4. Comb from the Solocha Kurgan, gold (Scythian Art, figs.128-129). Three Scythians fighting, one mounted, two on foot. (certomlyk Master).

5. Pectoral from the Bolschaja Blisnitsa kurgan, tomb of the 3rd lady, gold, enamel (Scythian Art, figs.255-256). Young animals. (Certomlyk Studio).

6. Pair of bracelets from Bolschaja Blisnitsa, bronze, gold foil, enamel (Scythian Art, fig.234). Two suckling lionesses jumping. (Certomlyk Master and Studio).

Based upon the technique of decoration and the doigns used, the following three whetstones are also to be considered as stemming from this workshop:

7. Whetstone from Talajev kurgan (Simferopol), gold, (Scythian Art, fig.175) (Certomlyk Studio).

8. Whetstone from Kul Oba kurgan, gold (Scythian Art, fig.175). (Certomlyk Studio).

9. Whetstone from Malaja Blisnitsa (Kuban), gold (Scythian Art, fig.177). (Certomlyk Studio).

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОГДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕНДЖИКЕНТЕ

Б.И. МАРШАК, В.И. РАСПОПОВА, В.Г. ШКОДА*

Археологические исследования городища древнего Пенджикента, расположенного на южной окраине современного таджикского города того же названия, планомерно ведутся уже 45 лет (Беленицкий, Маршак, Распопова 1981). Основателем экспедиции был член-корреспондент АН СССР, заведующий сектором Средней Азии и Кавказа ИИМК АН СССР, заведующий Отделом Советского Востока Государственного Эрмитажа А.Ю. Якубовский. Им был создан коллектив ученых, связавших свою научную судьбу с этим замечательным памятником. Сменялись поколения, но преемственность в этом коллективе не прерывалась. А.Ю. Якубовского сменил М.М. Дьяконов, а с 1954 г. экспедицию возглавил А.М. Беленицкий, под руководством которого выросло нынешнее поколение исследователей Пенджикента. За эти годы раскопано около половины территории древнего города, который возник в V в. и прекратил свое существование в 70-ые гг. VIII в. Пенджикент - эталонный памятник доисламской согдийской культуры. Это единственный раннесредневековый город Среднего Востока столь полно исследованный. Здесь открыты дворцы и жилые дома, улицы и базары, храмы и крепостные стены. Работы в Пенджикенте постоянно проводят совместная экспедиция ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР), Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии имени А.Дониша АН Таджикистана.

Пенджикент состоит из четырех структурных частей: обширной цитадели, шахристана или собственно города (13,5 га), пригорода и некрополя (Распопова 1990: рис.71-3). В 1989-1991 годы работы велись во всех частях.

В нижней северной части цитадели находился основной источник питьевой воды. Неподалеку от него в VI в. был построен дворец. Часть дворца уничтожена современными постройками и каналом. В сохранившемся восточном участке наибольший интерес представляет прямоугольная комната с очагом-алтарем, стены которой были расписаны. Вход в нее шел с запада и проходил через тамбур, выгороженный у южной стены. Тамбурная стена высотой в человеческий рост имела со стороны помещения сюжетную роспись. На других стенах представлена орнаментальная живопись. Сцена на тамбурной стене сохранилась почти полностью (рис.1). На ней изображены два всадника с луками, скачущие друг за другом. Передний стреляет, задний держит лук наготове. Под ногами несущихся в "летящем галопе" коней лежит убитый горный баран. Перед всадниками гора, на фоне которой видны еще четыре горных барана: выше - два убегающих, ниже - два агонизирующих. Наверху навстречу всадникам летят фазан и нагой путто с крыльями, в руках которого венок (?) со свисающими лентами и цветком, похожий на цветок, изображенный на горе между бегущими и погибающими баранами.

Вероятно, это единственная сюжетная композиция в восточной части дворца, и, следовательно, ей придавалось особое значение. Охотничья удача всегда означала удачу вообще. Дарованная высшими силами царская удача - хварса царя - одна из главных религиозно-политических концепций иранских народов, в том числе и согдийцев. Воплощением хварены можно считать летящие навстречу всадникам фигуры. Надо отметить, что горный баран также был одним из воплощений хварены. Знаменитые сасанидские серебряные блюда, на которых царь-охотник изображен в короне и со всеми регалиями, очевидно связаны с концепцией царской хварены. В искусстве Средней Азии конная охота известна уже в древности. Можно назвать костяные пластины из Тахти-Сангин (Oxus 1989:50, N 22) и Орлатского могильника (Пугаченкова 1985), а также золотую пряжку из Саксанахура (Oxus 1989:53, N 25). Пенджикентская роспись обнаруживает известную преемственность с этими памятниками, связанными, прежде всего, с азиатской кочевой традицией. Надо отметить, что красно-охристый колорит этой росписи близок к цветовому решению

* Б.И. Маршак и В.Г. Шкода. Россия. Санкт-Петербург, 191065, Дворцовая наб.34. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока.

В.И. Распопова. Россия. Санкт-Петербург, 191065, Дворцовая наб.18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

знаменитых пазырьских ковров ахеменидского времени. Однако, в пенджикентской росписи имеются и признаки, сближающие ее с произведениями сасанидского искусства Ирана: парность убегающих и гибнущих животных, летящие существа. Роспись из дворца, в отличие от произведений кочевников, прокламативна. Можно думать, что два всадника, головные уборы которых не сохранились, это владетель Пенджикента и его наследник. В римском и сасанидском искусстве известны такие совместные изображения государей и наследных принцев, которые должны были подчеркивать династическую преемственность. Сцена охоты из Пенджикента - редкий памятник светского искусства Согда VI в.

На западной сцене хорошо сохранились два слоя глиняной штукатурки с росписью, нижний из которых выполнен одновременно со сценой охоты. Здесь изображены тюльпаны и маки. Художник второго слоя росписи, повторив мотивы своего предшественника, нашел для них более свободное решение. Тюльпаны и маки связаны с праздником весны "гули-лола", который хорошо известен этнографии Таджикистана. Все росписи были одновременно покрыты слоем глиняной штукатурки с побелкой и простым орнаментом "гармоникой" внизу. Это показывает, что в VI в. в Пенджикенте было мало художников, так как позднее даже в частных домах стены обильно украшали росписями.

Работы последних лет показали, что к западу от северной части цитадели имелось поселение, возникшее не позднее начала VI в. и просуществовавшее дольше самого города. Раскопки вели научный сотрудник ИИМК РАН Н.Ф.Саввониди. Большой интерес представляет слой IX в., датированный монетами первых Саманидов, в котором еще нет поливной керамики, но обнаружены фрагменты котлов с арабскими надписями. Одна из них содержит имя "Ибрахим", другая благожелательная. Имя может быть именем мастера, хотя обычно по-арабски имя мастера дается в сочетании со словами "сделано" или "изделие". Арабские географы X в. знают Пенджикент, как единственный согдийский город к востоку от Самарканда. К сожалению, верхние слои поселения к западу от цитадели уничтожены местным населением, но в подъемном материале имеются фрагменты керамики X-XII вв.

Раскопками наука на холме к югу от цитадели завершены исследования пенджикентского некрополя. Этот одиночный наус на мощной пирамidalной платформе, возможно, двухэтажный, плохо сохранился и не дал никаких материалов. Расположение и монументальность постройки позволяют предположить, что это семейная усыпальница владетелей Пенджикента.

Основные раскопки велись на территории шахристана. Большое значение для понимания градостроительной структуры Пенджикента имеют работы в центре города, ведущиеся много лет научным сотрудником ИИМК РАН Д.Абдуллоевым. Он раскалывает улицу, идущую в широтном направлении, и застройку по ее сторонам. Такое же направление имеет улица, связывающая храм с цитаделью (улица цитадели); стена между двумя храмами; улица к северу от храма II (северная улица). Расстояние между вновь открываемой южной улицей и улицей цитадели равно 62,5 м. Такое же расстояние между улицей цитадели и стеной, разделяющей храмы, а также между этой стеной и северной улицей. Таким образом, выявляется определенная регулярность планировки, которая, вероятно, восходит к первоначальному шахристану V в. Следует отметить, что южная улица исследована пока по горизонтам VIII в. Сохранность этой улицы дает хороший материал для реконструкции фасадов и устройства самих улиц с их тротуарами и водостоками. Очевидно, что эта улица, как и другие в Пенджикенте, не предназначалась для гужевого транспорта.

Между улицей цитадели и южной идут несколько переулков. Вдоль одного из них раскалывался жилой квартал, состоявший из рядовых домов, принадлежавших людям разного достатка. Хорошо сохранились сводчатые помещения с антресолями, вестибюли с очагами неподалеку от входа в улицы.

В южной части города ведется исследование крепостной стены, в которой были главные ворота города, а также улица, идущая вдоль стены, и выходящие на нее дома VII-VIII вв. Разрез стены показал, что в ее истории выявляются три строительных периода. Наиболее ранняя стена глиняная с галькой, включавшая в себя останки материкового галечного конгломерата. Ее толщина у основания 5,5 м, кверху стена сужается. Точное время возведения стены на этом участке не устанавливается. Хорошо прослеживается, что стена сильно разрушена и превратилась в покатый вал, на вершине которого в VII в. возведена стена II периода. Дата устанавливается по находкам монеты (Смирнова 1963:87, № 298) и керамики в уличных насыпях, примыкающих к стене. Вторая стена была тоньше - около 5 м в основании и также сужалась кверху - на высоте 1,5 м от верха вала ее толщина 1,8 м,

что исключает устройство боевого хода на ее вершине. Как и предыдущая, стена VII в. состоит из более плотного пахсового панциря с обоих фасадов и слоистого рыхлого заполнения из глины с галькой внутри. Напольный фасад этой стены хорошо сохранился, поскольку он был защищен приставленной к нему утолщающей кладкой III периода приблизительно метровой ширины. Данных для точной датировки этой пристройки нет. Она сложена из рыхлых слоев глины с галькой и имеет тонкую сырцовую облицовку. Стена третьего периода допускает устройство боевого хода. По-видимому, она относится ко времени разрушения стен первого шахристана. В VII в. стена была лишь пассивной преградой, не приспособленной к обороне против сколько-нибудь значительной армии противника.

В последние годы ведется интенсивное изучение восточной приуличной части храмов (рис.2). Напомним, что каждый храм имел два двора: восточный с входным портиком, обращенным к улице, и западный с главным зданием храма. Молящиеся проходили последовательно через портики обоих дворов, чтобы увидеть поднятый на стилобат портик главного здания. Храмы функционировали с V в. по начало VIII в. и планировка их естественно менялась и усложнялась. Сейчас определена строительная история примыкающей к улице части храма II (объект X), которая состояла из двенадцатиколонного портика (помещение 13) и расположенных к северу и югу от него залов (14 и 15) со своими кулуарами (помещения 3 и 16). Такая структура сложилась уже в VI в. в обоих храмах со сравнительно небольшими различиями в деталях планировки.

Помещение 13 - одно из самых больших раскопанных в Пенджикенте - его длина 22,5 м, а ширина 8,5 м, то есть 191,25 кв.м. Посередине его западной стены был широкий проход во двор, закрывавшийся деревянными дверями. Колонны располагались двумя рядами, по шести в каждом. Пролеты между ними шире перед проходом, что показывает, вероятно, повышение потолка в средней части портика. С восточной стороны находилась улица, от которой портик был отгорожен низкой стенкой. В виде отпечатков в полу и в завале сохранились пирамидальные основания баз деревянных колонн. Вдоль стен шли высокие суфы, а у северной стены выше суфы сохранился прямоугольный подиум. Портик был богато украшен - стены были расписаны, по верху шел фриз из глиняных рельефных дисков, окрашенных ультрамарином и позолотой. Над входом во двор было крупномасштабное изображение божества, от которого в завале сохранился фрагмент с изображением кисти руки. Повышение средней части потолка позволяло хорошо разместить это изображение над входом. На стенах сохранились остатки росписей очень плохой сохранности с фигурами, выполненнымными в меньшем масштабе. В северо-западном углу был нарисован щит с изображением танцовщицы на нем, на западной стене изображен кафтан, возможно, подношение богам, а на северной - стоящая фигура бога, около ноги которого помещен лук. На ногах божества согдийские надписи. Одна из них, как будто, читается как имя божества Арыман. Это индоиранское божество, с функциями целителя, божественного свата и покровителя гостеприимных хозяев. В согдийских текстах это имя до сих пор не встречалось. По стилю и изображенными тканям с кругами перлов живопись может датироваться не раньше VII в. К югу от входа на западной стене также сохранился фрагмент живописи. Судя по колориту он относится к тому же периоду, но различить что-либо здесь еще труднее. Виден лишь орнамент внизу и лапа идущего льва. Здесь на суфе перед почти исчезнувшей росписью поместили глиняную статую богини Нанай, сидевшей на оседланном стоящем льве. Общая высота скульптурной композиции достигала 4 м. От статуи сохранились *in situ* огромные львиные лапы и множество обломков в завале, позволивших выполнить графическую реконструкцию (рис.3). Статую раскрашена: сначала лев имел розовый цвет, позднее - желтый с прописанными красным прайдами щерсти. Одежда богини, в основном, розовая. Подпруга на льве черная. Голова льва обращена к дверному проему. Ко времени начала разрушения храма в 720-х гг. статуя была частично перекрашена. Следовательно, она сделана в конце VII в. или в начале VIII в. После сооружения статуи под животом льва загрунтовали белым квадратный участок стены и написали охотничью сцену: всадник стреляет из лука в газелей. Это вотивное изображение очень мелко, оно выполнено для скромного заказчика, который таким образом, видимо, благодарил богиню за ниспосланную ему удачу. Конная охота - занятие знати. Здесь она дана метафорически как зримый образ удачи.

Культ Нанайи засвидетельствован и в шестиколонном зале (помещение 14) к северу от портика (рис.4). Там в торцовой стене была ниша с глиняной статуей этой богини на лежащем оседланном льве (Marshak 1990:300-302, Fig.1). Справа от раскрашенной скульптуры на стене было живописное панно со стоящим богом в полном вооружении и агонизирующим демоном, которого он победил.

Сохранилась только нижняя часть этой композиции. Еще хуже сохранность живописи слева от ниши. Там были видны остатки ног, груди и седла коня со сбруей, украшенной кистью, идущего на фоне какого-то здания с ковриком, свисающим из окна (?) в стене; части голени человека, стоявшего за конем; верх предплечья и голени, пронзенные стрелами, от фигуры клонящегося к земле раненого демона, который находился между конем и нишей. Сюжет всей композиции, которая, в основном, поддается реконструкции - торжество Нанайи, как предводительницы богов в битве с демонами. Эта тема засвидетельствована в росписях помещения 6 объекта III в Пенджикенте (Belenitskii, Marshak 1981:67, Fig.32) и Малого зала Шахристана, где Нанайя на спокойно стоящем льве находится среди сражающихся богов, людей и демонов (Негматов 1973:192-194, рис.8-9). Бог в доспехах, повергший демона, в пенджикентских росписях, изображен на одной стене с Нанайей. Возможно, это Срош - божество религиозной дисциплины.

Ниша и связанные с ней росписи относятся к последнему периоду функционирования храма в 1-й четверти VIII в. или немного ранее. Во время Деваштича, правившего в это время Пенджикентом, даже местная монета выпускалась от имени "Госпожи Нанайи" - городской богини или поименованной по этой богине жены государя, но без упоминания самого Деваштича. Нанайя, как показал Ф.Грене, была богиней и основного храма Самарканда в VII в. (Bernard, Grenet, Isamidinov 1990:371).

Зал с нишей сообщался через коридор только с храмовым двором и поэтому его можно считать особой капеллой Нанайи, инкорпорированной в храм II. Однако, в VII в. в той же капелле поклонялись иному божеству. Ниже пола ниши со статуей за подиумом сохранились остатки его изображения в виде монохромного рисунка, выполненного, когда ниши еще не было. Слой глиняной штукатурки с этим рисунком уходит под слой с росписями, о которых только что шла речь. Рисунок был нанесен черной краской по белому грунту и практически погиб уже в древности. Его удается проследить по белым останцам грунта, не потерянного только там, где его прикрывал от разрушения черный рисунок, линии которого при этом почти везде исчезли. Художники - реставраторы Эрмитажа Т.С.Василенко и В.Фоминых сумели прорисовать изображение овального ковра, каких-то цветов, ног и пол одежды сидевшего на ковре божества, конец ножен его меча и другие атрибуты. Овальный ковер встречен в росписи VI в. из другой капеллы того же храма как основание драконовидного трона другой богини. Однако, рисунок в помещении 14 моложе, поскольку на нем обувь божества остроносая, появившаяся в Согда лишь в VII в.

Под слоем с этим рисунком открылась первоначальная штукатурка с двумя последовательно сменявшими друг друга монохромными рисунками, разделенными лишь слоем белого грунта (рис.5). Более поздний из них нарисован черной краской, а более ранний - красной, чернеющей на свету. Расчленить рисунки удалось лишь благодаря исключительному мастерству реставраторов Р.М.Беляевой и В.А.Фоминых. Сюжет обоих рисунков: Нанайя сидит на лежащем льве. Ее ноги даны в сасанидской царской позиции, что характерно для наиболее архаичных ее изображений в Хорезме и Согда. С более ранним рисунком одновременно фигура донатора в характерном согдийском костюме VI в. Фигура его супруги по другую сторону от льва была написана (или переписана) одновременно со вторым рисунком. Возможно, она заказала второй рисунок, уже став вдовой.

Сопоставление рисунков на один сюжет и столь близких по времени показывает индивидуальные различия мастеров: композиция лучше у первого, а второй весьма выразителен и динамичен в деталях.

Таким образом, в северной капелле, в VI в. и в начале VIII в. молились Нанайе, но в VII в. ее культ был временно вытеснен почитанием какого-то иного божества.

В южной капелле (помещение 15) ниша против входа четырехколонного зала сначала была пуста, а вернее, приготовлена для переносной статуи из дерева или металла. Позднее там стояла, видимо, глиняная статуя, покрытая белым грунтом. Ее обломки вместе с фрагментами керамики и костями обнаружены в теле статуарной группы, занявшей нишу в последний период существования храма не ранее конца VII в.

Таким образом, дата сохранившейся здесь позднейшей скульптуры с изображением Шивы и Парвати (Ума-Махешвара), сидящих на лежащем быке Нанди, определяется как начало VIII в. Перед запусканием Пенджикента в 20-х гг. в связи с борьбой согдийцев с арабскими завоевателями, почитатели Шивы закрыли нишу глиной. В результате разрушилась только та часть группы, которая была наверху выше сохранности стен.

Южная капелла с самого начала сообщалась с улицей, но тогда уже был и проход во двор, который заложили, скорее всего, одновременно с созданием скульптуры Шивы. На закладке со стороны двора роспись на чисто зороастрискую тему: Фраваши - своего рода "валькирии зороастризма" с их упомянутыми в "Авесте" "поднятыми знаменами" и золотым оружием (здесь это золотые <желтые> булавы с головами драконов и зверей) (Marsak 1990: Fig.9). Таким образом, капелла была выделена в совершенно изолированное святилище шиваитов.

Шива сидит на быке Нанди в позе отдыха (алалитасана), его левая нога подогнута, правая опущена вниз (рис.6). На нем короткие сапожки, брахманский шнур и ахот, под которым подчеркнуто обозначен эректирующий лингам божества. В правой руке, покоящейся на бедре, Шива держит круглый предмет, возможно, лимон, символизирующий космос, в левой за спиной Парвати - древко, по всей видимости, трезубца. Как правило, Шиву изображали многоруким. Сохранность до торса не позволяет судить о первоначальном количестве рук изображенного божества. Парвати в широкой юбке и короткой кофте, подпоясанной на талии, сидит на левой ноге Шивы. За спиной шарф, конец которого в левой руке богини. Локоть правой руки поднят до уровня плеча. На левом плече видны пряди волос, окрашенные черной краской без грунта. Целиком скульптура никогда не была окрашена. Бык изображен лежащим. Отчетливо видны крупный хвост, брюхо, подогнутые передние и задние ноги. Изгиб шеи со складками шкуры позволяет предполагать, что голова животного была повернута к сидящим на нем персонажам.

Открытие этой скульптурной группы в Пенджикенте оказалось совершенно неожиданным. Это шедевр согдийского искусства и первая находка такого рода к северу от Амудары. До сих пор самое северное изображение Шивы и Парвати на быке было на стенной росписи четвертого периода в храме Дильберджина (Кругликова 1986:66-67, рис.60). По всей вероятности, помещение 15 со скульптурой, отсеченное от основной площади храма и имевшее отдельный вход с улицы, представляло собой небольшой храм приверженцев Шивы. Это позволяет судить о веротерпимости сторонников основного культа. Надо учесть при этом, что согдийцы одного из богов своего пантэона Вешпаркара отождествляли с Шивой, что могло облегчить контакты адептов местной религии с шиваитами (Marsak 1990:307-308).

В заключение надо сказать о том, что каждый новый сезон в Пенджикенте приводит к новым и неожиданным открытиям, существенно обогащающим наши знания о Согде и его культуре, и, что пожалуй, еще важнее, возвращает мирозданию казалось бы навсегда погибшие шедевры согдийского искусства.

БЕЛЕНИЦКИЙ, А.М., Б.И.МАРШАК, В.И.РАСПОПОВА. 1981. Согдийский город в начале средних веков (итоги и методы исследования древнего Пенджикента) // Советская археология 2:94-110.
 КРУГЛИКОВА, И.Т. 1986. Дильберджин - храм Диоскурсов. Москва:Наука.
 НЕГМАТОВ, Н.Н. 1973. О живописи дворца афининов Уструшаны // Советская археология 3:183-202.
 ПУГАЧЕНКОВА, Г.А. 1985. Новое о художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983:521-531. Ленинград:Наука.

РАСПОПОВА, В.И. 1990. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации).
 Ленинград:Наука.

СМИРНОВА, О.И. 1963. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-56 гг.).
 Москва:Восточная литература.

BELENITSKII, A.M., B.I.MARSHAK. 1981. The Paintings of Sogdiana // G.Azarpay. Sogdian painting. The pictorial epic in oriental art. Berkeley, Los Angeles, London:University of California Press.

BERNARD, P., F.GRENET, M.ISAMIDINOV et leurs collaborateurs. 1989. Fouilles de la mission Franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab): première campagne // Comptes rendu des séances de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres:356-380. Paris:avril-juin.

MARSAK, B. 1990. Les fouilles de Pendjikent // Comptes rendu des séances de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres:286-313. Paris:Janvier-mars.

OXUS, 1989. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Zürich: Museum Rietberg.

NEW INVESTIGATIONS OF THE SOGDIAN CULTURE IN PENDJIKENT (TAJIKISTAN).

Summary.

Monuments investigated during the last seasons of these excavations include a palace dating from the 6th century in the northern part of the stronghold of Pendjikent, a settlement of the 6th-9th centuries in the west of the former site and a naus to the south as well as temples, dwellings and walls of the city.

Excavated within the palace was a room containing a chimney-like fire altar. The walls of the room were decorated with ornaments in the form of tulips and poppies. Only one wall in this room was painted with a hunting scene with a horseman (Fig.1). This wall separated the room from the entrance hall and was built to the height of a man.

In the eastern part of temple 2 a porch constructed of 12 columns was excavated. This was served as the entrance to the temple yard from the street (Fig.2). Within the porch a clay statue of Nana seated at a recumbent lion created during the late 7th century/early 8th century was found. Preserved within the demolished layer was a large amount of this 4 m high statue including its paws. Below its belly was found a fragment of wall painting with an equestrian hunting scene (Fig.3).

Situated to the south of the portico was a hall and located in a niche opposite the entrance to it was a clay sculpture of a group of Uma-Mahesvara (Fig.6). Originally a passage existed from the hall along the corridor to the temple yard outside but then it was blocked in the 8th century when the statue was created. This may have led to the separation of a special saiva shrine from the main territory of temple 2.

To the north of the porch and leading off from the yard was another shrine consisting of a hall and corridor (Fig.4). Two layers of white ground with a monochrome outlines were found in the hall on the lower layer of clay plaster (6th century) on the wall opposite the entrance. The subject of both paintings is Nana on the recumbent lion (Fig.5). By her sides are a man and a woman with votive offerings. A later scene here shows a god seated on an oval carpet and armed with a sword. The decor was renovated once more at the beginning of the 8th century. During this time a clay statue of Nana and the lion was placed in a new niche flanked on both sides by paintings. One scene on the right depicts a standing god with a defeated demon at his feet. On the left of the niche the scene shows a man or god with a horse and what is probably a wounded demon falling.

Сопоставляя эти две находки можно предположить, что в первой из них изображена богиня Нана на льве, а во второй — богиня Ума-Махесвара на льве. Следует отметить, что обе находки были обнаружены в различных частях храма и неизвестно, какая из них является более ранней. Наиболее ранней могла быть находка в храме № 2, так как она расположена в зоне, где не было обнаружено никаких следов перестройки или ремонта. Вторая находка, расположенная в зоне, где были обнаружены следы перестройки, может быть более поздней. Однако, это предположение не является окончательным, так как还需要更多的考古学证据来支持。

Таким образом, для сохранявшихся здесь погребений скелетов с изображением Шивы и Парвати (Ума-Махесвары), стоящих на лежащем льве Нане, определяются как начало VIII в. Первая находка датируется в 70-х гг. в связи с борьбой соплеменников с арабскими завоевателями, почитатели Шивы закрыли нишу гробниц. В результате разрушилась только та часть гробницы, которая была поверху выше сохранности стены.

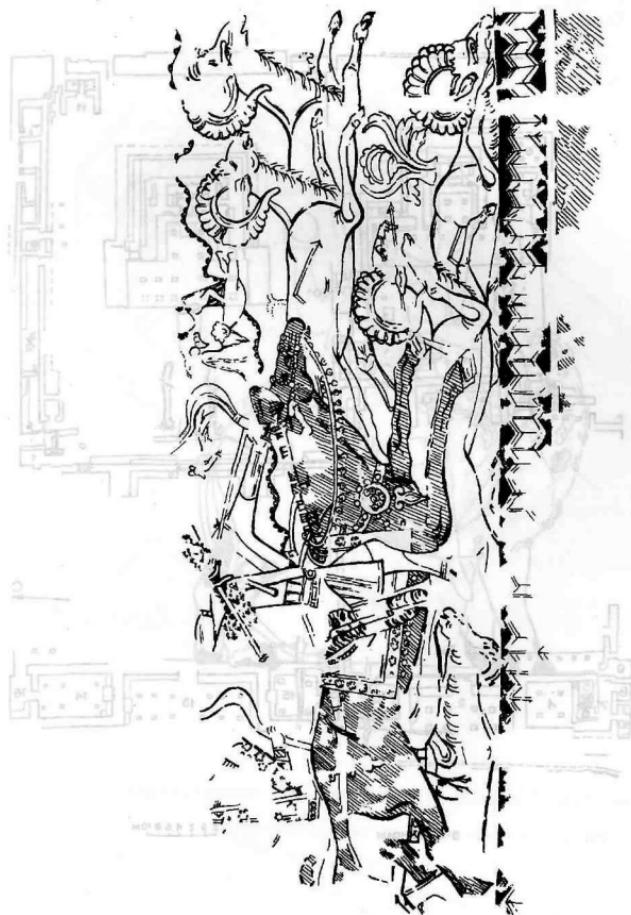

Рис.3 Пенджикент. Храм II (объект №), помещение 13. Накий на льве. Реконструкция. Выдвинуты воспринимающие фрагменты

Fig.3 Pendjikent. Temple II (object #), room 13. Nekiy on a lion. Reconstruction. The projecting fragments are marked.

Рис.1 Пенджикент. Дворец VI в. Сцена конной охоты. Прорисовка Т.С.Василенко.

Fig.1 Pendjikent. The palace, the 6th century. Hunting scene with a horseman. Drawing by T.S.Vasilenko.

Рис.3 Пенджикент. Храм II (объект X), помещение 13. Нанайя на льве. Реконструкция. Выделены сохранившиеся фрагменты.

Fig.3 Pendjikent. Temple II (object X). Room 13. Nanaiz seated on a lion. Reconstruction. Specially marked are the fragments preserved.

Рис.3 Пенджикент. Храм II (объект X). Зал 13. Нанаиз сидит на льве. Реконструкция. Выделены сохранившиеся фрагменты.

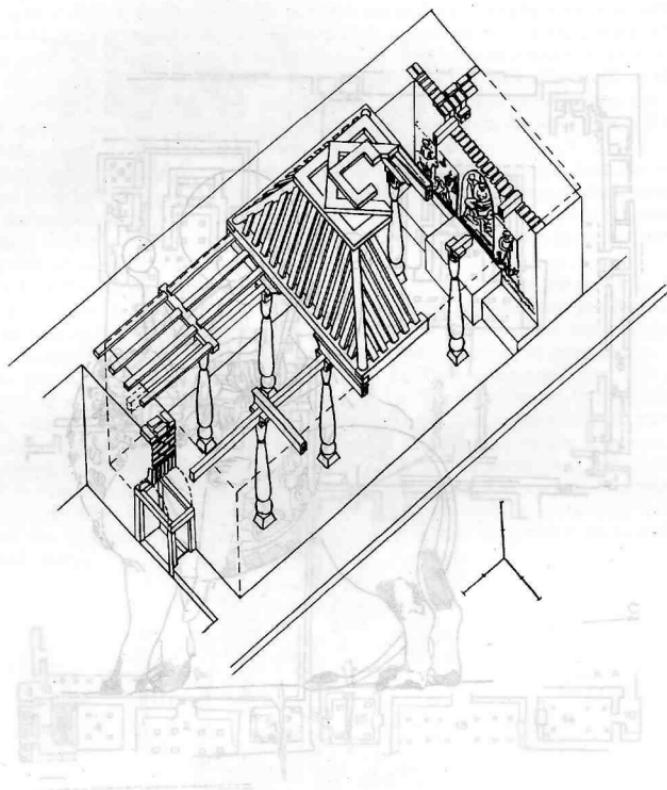

Рис.4 Пенджикент. Храм II (объект X). Помещение 14. Реконструкция.

Fig.4 Pendjikent. Temple II (object X). Room 14. Reconstruction.

Пенджикент Храм II (объект X). Помещение 14. Реконструкция. Pendjikent Temple II (object X). Room 14. Reconstruction.

Пенджикент Храм II (объект X). Помещение 14. Реконструкция. Pendjikent Temple II (object X). Room 14. Reconstruction.

Пенджикент Храм II (объект X). Помещение 14. Реконструкция. Pendjikent Temple II (object X). Room 14. Reconstruction.

ПАРФЯНСКИЕ НАДПИСИ НА БУЛЛАХ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ

В 1952 г. в селе Старая Ниса в окрестностях города Сырдарьи были обнаружены остатки парфянской крепости. На территории крепости было найдено множество парфянских надписей на булахах. Ниже приводится одна из них.

Надпись из Старой Нисы – это булах, посвященный Азанту, который все погибшие воспринимают как своих предков. В надписи изображены парфянские булахи (Бакинская 1954). Эта надпись предположительно имеет значение: «Все погибшие воспринимают Азанту как своего предка».

В 1954 г. булахи из Старой Нисы в Общественной экспозиции музея им. А.Н. Тарасова были показаны на выставке «Культура древних народов Центральной Азии». Многие отечественные и зарубежные исследователи обратили внимание на изображение на булахах, изображающее

старца с длинной бородой, сидящего на скамье. На скамье изображены различные предметы быта, а также изображение лошади.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса, и что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

На старце изображены надписи, в которых говорится о том, что он – старец из села Старая Ниса.

А.В. НИСИ

из ассирийского языка. На северо-востоке Азии, в том числе и на территории Средней Азии, а также в Китае, в древности было распространено письмо на булахах. На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

На булахах изображены различные предметы быта, а также изображения животных и людей.

Рис.5 Пенджикент. Храм II (объект X). Помещение 14, южная стена. Рисунок VI в., нижний слой. Прорисовка Т.С.Василенко, В.В.Фоминых.

Fig.5 Pendjikent. Temple II (object X). Room 14. The southern wall. Painting the 6th century, the lower layer. Drawing by T.S.Vasilenko and V.V.Fominykh.

Рис.6. Пенджикент. Храм II (объект X). Помещение 15, северная стена. Скульптурная группа Шивы и Парвати.

Fig.6 Pendjikent. Temple II (object X). Room 15, the northern wall. Sculptural group of Shiva and Parvati.

Рис.8. Пенджикент. Храм II (объект X). Помещение 15. Рельефные изображения на северной стенах.

Fig.8 Pendjikent. Temple II (object X). Room 15. Relief images on the northern walls.

Fig.9 Pendjikent Temple II (object X). Room 15. The northern wall painted the gilt ceiling. The tower

ПАРФЯНСКИЕ НАДПИСИ НА БУЛЛАХ ИЗ СТАРОЙ НИСЫ

А.Б.НИКИТИН*

В 1950-1951 гг., при раскопках северного комплекса помещений так называемого "квадратного дома" на городище Старая Ниса, были найдены глиняные буллы с оттисками парфянских печатей. На отдельных булах было до семи оттисков. От многих булл сохранились только небольшие фрагменты. 64 буллы найдены в помещениях VI, XVI, XVII и XX, на полах, в обмазках полов и под закладками проходов. Еще одна булла была найдена в 1953 г. в закладке прохода из помещения XX в помещение XXI.

Буллы из Старой Нисы были опубликованы в 1954 г. (Массон, Пугаченкова 1954). Эта публикация посвящена, главным образом, анализу сохранившихся на оттисках изображений. Почти все оттиски воспроизведены только в прорисовках. На многих оттисках, наряду с изображениями, имеются парфянские надписи. Чтение некоторых из них было предложено М.М.Дьяконовым (Дьяконов 1954). В 1964 г., основываясь только на опубликованных прорисовках, Я.Харматта предложил новые чтения нескольких надписей (Harmatta 1964:219-220). Еще одна надпись по-новому интерпретирована В.А.Лившицем (Лившиц 1980:236, прим.16).

В 1984 г. буллы из Старой Нисы, хранившиеся до этого в Ташкенте были переданы в Ашхабад, в Объединенный историко-краеведческий музей, где автор этой статьи имел возможность поработать с ними в марте 1992 г., предварительно ознакомившись с материалом по фотографиям, сделанными сотрудником Южнотуркменской археологической экспедиции АН Туркменистана С.Д.Логиновым. Удалось уточнить чтения нескольких надписей; оказалось, что воспроизведения надписей в опубликованных прорисовках не всегда верны - по этой причине неверными оказались и некоторые чтения, сделанные по этим прорисовкам.

Эта статья не является попыткой рассмотреть все вопросы, связанные с буллами из Старой Нисы: археологический контекст находки, иконография парфянских печатей и другие; она посвящена исключительно надписям. Принятая здесь нумерация оттисков печатей соответствует использованной в публикации 1954 г., нумерация булл - их полевых шифрам:

№ 2. Шесть оттисков (буллы 33, 3,8,28,39,40,52), все - фрагментарно сохранившиеся. Всадник на коне, скакущий вправо, поражает копьем льва, поднявшегося на задних лапах. Внизу надпись: тутуд = Tiridat (чтение М.М.Дьяконова (Дьяконов 1954:172) - распространенное иранское теофорное имя, буквальное значение - "созворенный (божеством) Тир".

№ 9 (рис.1:1). Один оттиск (булла № 60). Лежащий олень вправо, голова повернута назад, на его крупье сидит птица, сверху надпись: twsr/ky = Tosar или Tosag. Ср. в парфянской версии надписи Шапура I (SKZ), в среднеперсидской - twslk' "сын Тосара". (Gignoux 1972:65; 1986:168; Nos 910,911). Имена с неясным пока по значению компонентом до сих пор не встречались в парфянской антропонимике, при том, что известны среднеперсидские имена с этим компонентом.

№ 11. Один оттиск (булла № 64). Птица (орел?), сидящая на крупье какого-то животного. В настоящее время сохранилась только верхняя часть оттиска. Справа, по краю - следы надписи, видны только конечные буквы:]tk/g.

№ 15. Один оттиск (булла № 23). Лев вправо, нападающий на горного козла, вверху надпись: mtr = Mihr, распространенное иранское теофорное имя, очевидно, гипокористик от "Миhr-дат", "созворенный Митрой" (Gignoux 1972:58).

№ 16 (рис.1:2). Один оттиск (булла № 20). Кобыла вправо, под ней - сосущий ее жеребенок, справа - надпись: ssn = Sasan (чтение Я.Хараматта), распространенное теофорное имя (Harmatta 1964:219; Лившиц 1977:93-97; 1980:236).

№ 17 (рис.1:3). Один оттиск (булла № 13). Стоящий бык-зебу вправо, сверху надпись: mtrss(n) = Mihr-Sasan. Это теофорное имя уже встречалось в текстах парфянских остраков из Нисы

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб. 34. Государственный Эрмитаж, отдел Востока.

(Gignoux 1972:58). М.М.Дьяконов и Я.Хармата читали здесь *mtrynk* = Mihrenag (Дьяконов 1954:172; Harmatta 1964:219,220).

№ 25. Два оттиска (булла № 39 и булла 1953 г.). Крылатый грифон с длинной изогнутой шеей вправо. Справа и внизу надпись, плохо сохранившаяся. Отчетливо читается только последний компонент имени владельца печати: ...] mtr = ... [- Mihr.

№ 26. Один оттиск (булла № 5, сохранилась только правая половина оттиска). Афина(?), держащая копье и щит влево, внизу - греческая надпись:] AICINOY. Очевидно, имя владельца печати.

№ 27 (рис.1:4). Два оттиска (буллы №№ 14,57). Обнаженная женская фигура влево, облокачивается на колонну, в правой руке, протянутой к стоящему у ее ног алтарю, держит венок. Справа надпись: mtr hstr(p) = Mihr xsahrap. Титул xsahrap - Сатрап, неоднократно встречается в текстах остраков из Нисы (Gignoux 1972:53). Я.Хармата читал здесь:] rtwhst [k = Ard wahistag (Harmatta 1964:219), с чем трудно согласиться.

№ 28 (рис.1:5). Два оттиска (булла № 10 и булла 1953 г.). Стоящая Афина влево. Справа - следы надписи(?), слева: mtrdt = Mihrdat (чтение Я.Хармата) (Harmatta 1964:219).

№ 29 (рис.1:6). Один оттиск (булла № 43). Стоящая женская фигура (Афина?) влево, правая рука вытянута вперед. Справа надпись: ssn(d)t = Sasandat, имя образованное от теонима Sasan - "соторвенный Сасаном".

№ 32. Известна только по прорисовке, оттиск, вероятно, не сохранился. Стоящая фигура, сзади - антилопа вправо, голова повернута назад. Справа, по краю - надпись.

№ 33. Четыре оттиска (буллы № 3 - два оттиска, 8,58), все сохранились фрагментарно. Сидящий Эрот вправо, натягивающий лук, по краю - следы надписи не поддающейся прочтению.

№ 34-35 (рис.1:7). Три оттиска (буллы №№ 17,29,37). Стоящая фигура вправо, в диадеме, с ниспадающими за спиной лентами. По краю, сверху и слева, надпись: wrtrgnssn rst(n) = Warhragn-Sasan Rasten (Rasten ag?) имя владельца печати и, вероятно, патроним. Имя wrtrgnssn, образованное от имен двух иранских божеств - Вертрагны и Сасана, содержится в тексте одного из Нисийских остраков (Gignoux 1971:66), также на оттисках еще одной печати на булах из Нисы (№ 38-40). Имя rstn, если это чтение верно, также встречается в тексте одного из парфянских остраков (Gignoux 1972:63). М.М.Дьяконов читал здесь: 'tr BYT p's???, Я.Хармата: 'tr BYTH ['lskn "огонь дома Аршака" (Дьяконов 1954:173; Harmatta 1964:220).

№ 36-37. Четыре оттиска (буллы № 2,53 - два оттиска, 54). Крылатая Ника вправо, с венком в правой руке, слева - надпись: 'tr(?)...tr(?) I..I d/ktk/t. Первый компонент этого имени можно было бы читать как 'tr[w] - "огонь".

№ 38-40 (рис.1:8). Девять оттисков (буллы № 19,23,28,34,35,36,39,41,50). Крылатая Ника влево, с венком в правой руке и пальмовой ветвью в левой. Слева надпись: (w)rtrgnssn = Warhragh-Sasan (чтение В.А.Лившиц) (Лившиц 1980:236, прим.16), (ср. оттиски № 34-35).

№ 42-44 (рис.1:9). Пять оттисков (буллы № 19,23,28,32, булла 1953 г.). Всадник на коне вправо, перед ним - Ника протягивающая ему диадему, слева вверху надпись: tuy = Tir, теофорное имя, гипокористик от "Тирдат, Тиридат" (Gignoux 1986:167, N 896) (последняя буква - в зеркальном начертании). Я.Хармата, читая по прорисовке, видел на оттиске № 42 имя ssp, а на оттиске № 44 - tuy, не подозревая, что это оттиски одной печати (Harmatta 1964:219).

№ 46. Один оттиск (булла № 45). Всадник на коне вправо, перед ним - Ника с венком в руке, внизу - следы надписи, едва различимы три буквы.

№ 47. Два оттиска (буллы № 23,27). Всадник на коне вправо, слева по краю - следы надписи: tr/kd/rp/t (?).

№ 48. Один оттиск (булла № 17). Всадник на верблюде влево, справа по краю - следы надписи. Я.Хармата предложил чтение: r[m] up[k] = Ramyanaq (Harmatta 1964:219).

А. Не упомянута в публикации. Один оттиск (булла № 15). Лев идущий вправо, сверху надпись: wrtr[gn] = Warhragn.

Б. Не упомянута в публикации. Один оттиск (булла № 55). Бык-зебу вправо, сверху - следы надписи (но не mtrssn, как № 17).

Авторы первой публикации датировали буллы из Нисы II - началом III в. н.э., а печати, которыми были сделаны оттиски - I и, в основном, II в. н.э. (Массон, Пугаченкова 1954:161,168). Палеография надписей говорит, однако, в пользу более ранней даты: они гораздо больше напоминают "квадратное" арамейское письмо ахеменидского времени (известное по печатям и по монетам ахеменидских сатрапов IV в. до н.э.) нежели парфянские надписи на аршакидских монетах II в. до

н.э. и на ранних сасанидских печатях III в. Наиболее вероятная их дата - I в. до н.э. - начало I в. н.э., при том, что даже в сравнении с письмом современных им парфянских остраков, надписи на оттисках печатей выглядят довольно архаично. В целом, почти весь набор личных имен на печатях находит параллели в текстах парфянских документов из Нисы.

- ДЯКОНОВ, М.М. 1954. Надписи на парфянских печатях из Древней Нисы // Вестник древней истории 4:169-173.
- ЛИВШИЦ, В.А. 1977. Парфянский теоним Сасан // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIII годичная сессия Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР:93-97. Москва.
1980. Парфянские остраки из Коша-депе // Советская археология 4:232-243.
- МАССОН, М.Е., Г.А.ПУГАЧЕНКОВА. 1954. Оттиски парфянских печатей из Нисы // Вестник древней истории 4:159-169.
- GIGNOUX, Ph. 1972. Glossaire des inscriptions phlebites et parthes. Corpus inscriptionum iranicarum. London:Lund Humphries. Supplement series I.
1986. Noms propres sassanides en moyen-perse epigraphique // Iranische Personennamen buch II. Mitteliranische Personennamen 2. Wien:Verlag des Österreichische Akademie der Wissenschaften.
- HARMATTA, I. 1964. Die sassanidischen Sigilinschriften als geschichtliche Quellen // Acta antiqua academiae scientiarum Hungariae XII:217-230. Budapest.

A.B.NIKITIN.

PARTHIAN INSCRIPTIONS ON BULLS FROM OLD NISA.

Summary.

In 1950-1951-s clay bullae with the impressions of Parthian seals were found as a result of the excavations of the "square building" at the site Old Nisa near Ashkhabad. Many of them remained only in fragments. Some of the bullae had up to seven impressions. The bullae from Old Nisa were published in 1954, almost all the impressions reproduced in drawings. Many impressions include Parthian inscriptions besides images. Their interpretation was suggested by M.M.Dyakonov (Dyakonov 1954), Ja.Harmatta (Harmatta 1964) and V.A.Livshits (Livshits 1980).

In 1992 I acquainted myself with the collection of the bullae from Old Nisa. The reproductions of some inscriptions in the drawings published have turned out quite correct. I tried to make the reading of some inscriptions more exact.

The seals by means of which the impressions were made date from the 1st century B.C. - the beginning of the 1st century A.D.

На изображении № 1 видно, что на квадратной краеверхней части имеется греческий атрибутивный элемент, представляющий собой букву Δ (Лапин 1951:191 слд. 2гиста 1:22). У 1:54 также присутствует также греческая буква Δ , но в виде атрибутивного элемента такого рода с фрако-македонским инионом (Барбаков 1960; Красильников 1970:331; Альбукерке 1963:25, №71; Robert 1963:323 и др.). Стволы ветвей изображают греческие мотивы в Малой Азии и южной Европе с изодиомами в Северном Притернеморье». Отсюда же № 1:50 и № 1:53. На изображении № 1:53 также можно заметить, что одного лишь присутствия этого имени ветвей, но и монограммы триффа (РВ. Министерство, №6), т.е. греческого элемента ЮГ. Западный (107-145 сл.), недостаточно для признания его греческим. Однако, если же вariantом случая ветвей атрибутируют в пользу греческой атрибуции АИ является суффикс $-o-$, $-os-$, который во-втором месте не может служить показателем этнической принадлежности АИ (Смирнов 1957:22 сл.; Степанянков 1964:11). Арийские имена не $-os-$, хотя я не стала застать, ни присутствуют в греческой астрономии, присущими к разряду Космической, например: Ἑλέκτων , Ἑλάρκος , Ἥπαρκος , Ἄριστος , Ἄριστος , Ἄριστος , Ἄριστος , и др. Всегда подобные имена у Ария и Арийской достаточно сомнительны (Надеждин, Domkeff 1992).

Имена из овец образуют в греческом особую группу Каменатов, где суффикс $-os-$ заменяется в краткие имена на $-eu-$ (εὐθύνομος, εὐθύνων, εὐθύκον, εὐθύκην, εὐθύνη, εὐθύνη, εὐθύνη, и другие) (РВ:27; Freiheit 1938: 163-7 II, gr. Loxos 1932:143). Так же суффиксальный

* Россия, Самаркандский 1910/8. Дворецкая наб. 18. Институт археологии и этнографии имени Комарова Академии наук СССР.

девятнадцатом и двадцатом веках до н.э. в Старой Нисе. В Древней Греции и Египте аналогичные изображения встречаются на керамике и в скульптуре. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 26 Одни оттиски (буль № 16) изображают правую половину головы быка с широкими рогами и коротким хвостом. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 27 (буль № 17) изображает голову быка с короткими рогами и длинным хвостом. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 28 (буль № 18) изображает голову быка с короткими рогами и длинным хвостом. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 29 (буль № 19) изображает голову быка с короткими рогами и длинным хвостом. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 30 Известно также по прописке, оттиски на булах из Старой Нисы. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 31 Четыре оттиска (буль № 20) изображают фигуру, сидящую на стулке, правую голову быка с короткими рогами и длинным хвостом. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 32 Известно также по прописке, оттиски на булах из Старой Нисы. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 33 Четыре оттиска (буль № 21) изображают фрагментарно сидящую фигуру, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 34, 35 (буль № 22) изображают фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 36 (буль № 23) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 37 (буль № 24) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 38 (буль № 25) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 39 (буль № 26) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 40 (буль № 27) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 41 (буль № 28) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 42–44 (буль № 29) изображают фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 45 (буль № 30) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 46 (буль № 31) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 47 (буль № 32) изображает фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

№ 48 Одни оттиски (буль № 33) изображают фигуру, сидящую на стулке, сидящую на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

А. На упомянута в публикации Одни оттиски (буль № 34). Ани (античный) выражение сверху поднимать - Wachdragn.

Б. Не упомянута в публикации. Одни оттиски (буль № 35). Бык-зебу коровы, сверху - сидящий на стулке. Справа в книге нарисованы оттиски на булах из Старой Нисы.

Литература. Вероятно публикации датированы булями из Ниси II – началом III в. н. э. в первых категориях были сделаны оттиски Э. в основном П. и. и. Массон Пугаченков 1954-1955 гг. Полько Рис.1 Оттиски на булах из Старой Нисы.

Fig.1 Impressions on bulls from Old Nisa.

НЕСКОЛЬКО ЛИЧНЫХ ИМЁН В ГРЕЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА

В.Ф.СТОЛБА*

С момента выхода в свет хорошо известной знатокам северопонтийской античной археологии и истории монографии чешского лингвиста А.Згусты (Zgusta 1955) херсонесский антропономический материал не явился, по существу, за очень редким исключением (Masson 1982), предметом специального исследования. Между тем, число эпиграфических документов, содержащих личные имена, благодаря интенсивным раскопочным работам как на территории самого городища Херсонеса, так и на поселениях его аграрной зоны, растет с каждым годом. В этом смысле особый интерес, в силу своего неформального характера, представляют херсонесские граффити, высвечивающие наиболее глубокие пласти просопографического материала и оставшиеся, по разным причинам, наряду с данными нумизматики и керамических клейм, вне поля зрения А.Згусты. Эти моменты, а также наметившаяся в отечественной археологической литературе тенденция автоматически атрибутировать то или иное имя как "негреческое" (читай: "варварское"), если оно не принадлежит к числу банальных греческих личных имён, либо не имеет прозрачной этимологии из греческого, обусловили необходимость остановиться на некоторых именах из надписей Херсонеса более подробно. Две надписи из рассматриваемых ниже ранее не издавались.

I. *Βατάκον*, gen. *Βατάκωντος*.

Известно по граффито конца IV - начала III в. до н.э., найденному в 1980 г. в Северо-Западном Крыму на поселении херсонесской хоры Панское I (ТЭ-80 У7/26, оп.146/50). Имя прочерчено в форме gen.: *Βατάκωντος* на донышке амфоры, использованном вторично в качестве пробки для кувшина. Безусловно, имя владельца сосуда. Можно сравнивать его с личным именем *Βάτακος* (IPE.1². 201, 1, 44 <Ольвия>; Sundwall 1913:60 <Ликия>; Münsterb.:90 <Эрифры>, 24 <Аполлония Понт.>?), *Βατάκης* (КБН:750; РВ; CIG:4122 <Фриг.>); (Anderson 1898:123, N 71 <Вост.Фриг.-Пис.>; Petersen, Luschan 1889:212 <Кибира>; оно же, возможно, на боспорских черепичных клеймах: διὸς Βατά(κου) (Блаватский 1951:248; Гайдукевич 1947:25).

Об иранской принадлежности этих имен высказывались Вс.Миллер и М.Фасмер, сопоставляя их с осетинским *bättäg* (Миллер 1886:246; Vasmer 1923:35, см. Hinz 1973:50). На том основании, что *Βάτακος* имеет "ярко выраженный иранский суффикс -акос", относит его к числу варварских и Ю.Г.Виноградов (1981:135, 145 сл.; см. Книпович 1956:126). Ряд исследователей придерживались греческой атрибуции данных имен (РВ; IPE.1²:219, прим.; Білецький 1957:21-22; Лапина 1961:191 сл.; Zgusta 1964:122, § 156-4). Существует также мнение о связи антропонимов такого рода с фракомалоазийским миром (Sundwall 1913:60; Kretschmer 1970:331; Anderson 1898:123, N71; Robert 1963:533 sq. <только *Βατάκης*; идентифицирует это имя в Малой Азии с подобными в Северном Причерноморье>; Откупчиков 1980:45 сл.; см. Zgusta 1964:681). Несомненно, что одного лишь присутствия личного имени *Βάτακος* на монетах Эрифр (РВ; Münsterb.:90), как резонно заметил Ю.Г.Виноградов (1981:145 сл.), недостаточно для признания его греческим. Однако, едва ли в данном случае веским аргументом в пользу иранской атрибуции ЛИ является суффикс -ак-, -ако-, который, по-видимому, вообще не может служить показателем этноязыковой принадлежности ЛИ (См.: Білецький 1957:22 сл.; Откупчиков 1988:103; Тохтасьев 1984:137). Личные имена на -акос хотя и не столь часты, но присутствуют в греческой антропонимии, принадлежа к разряду *Kosenamen*, например: *Ἴπλακος*, *Φίλλακος*, *Πύρρακος*, *Ἀδήνακος*, *Αρίστακος*, *Θαύμακος*, *Ερπάκος* и др. Выборка подобных имен у Хансена и Дорнзайфа достаточно солидна (Hansen, Dornseiff 1957).

Имена на -акон образуют в греческом особую группу *Kosenamen*, где суффикс -ак- вклинивается в краткие имена на -он: *Δεινάκων*:*Δεινόν*, *Εύδαιμάκων*:*Εύδαιμόν*, *Ξενάκων*:*Ξενόν*, *Φιλάκων*:*Φίλον*, и другие (FB:27; Fränkel 1935: 1637 ff.; см. Locker 1932:142). Тот же суффиксальный

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

конгломерат выступает и в нашем имени: *Βάτ+* + *ακ* + *ων*, происходящем от довольно широко распространенного *Βάτων*, где *Βάτ-* восходит, очевидно, к греческому *βαίνω* (FB:78;ср. Bechtel 1902:105; Kretschmer 1970:245 f.; Білецький 1957:22; Crusius 1892:89; Masson 1976:84-98). Среди херсонесских граффити III в. до н.э. фиксируется и форма *Βάτας* (ГАХ: № 442; Яйленко 1987:239), восходящая, по-видимому, к той же основе. Сюда же, следует добавить и известное на пантикопейском надгробии *Βάττας Πολυδόξου Χερσονήστης χένος* (КБН:243 III в. до н.э.; ср. КБН:172, IV в. до н.э.; СИГ.III. add. 3870b <Фригия>), отмеченное экспрессивной геминацией последнего согласного основы *ττ* <*τ*: *Βάττας* <*Βάτας* (IG XII.3 32; ГАХ: № 442). Ср. *Βάττος* (SEG.I:352-I; IG.VII.1556: Preisigke 1967:72) <*Βάτος* (ИРЕ.1²:85). Таким образом, у нас нет сколько-нибудь веских оснований сомневаться в греческом происхождении имени, встреченного на граффито из Панского I.

2. *Ηρόκας*, gen. *Ηροκά*

В III в. до н.э. это имя фиксируют в Херсонесе как керамические: *Ηροκά* (ГАХ: № 893-895), *Ηροκᾶς Ηρότιμον* (Махов 1912: № 43; Кац 1985:109, гр.2A), так и лапидарные надписи: *Σωτῖος Ηροκᾶς* (Соломоник 1969:69 сл., № 30, рис.35; НЭПХ II: № 164). В словарях греческих личных имен этот антропоним не отмечен. Э.И.Соломоник и авторы каталога "Граффити античного Херсонеса" (ГАХ), сравнивая его с боспорским *Ηράκας* (КБН: 1053: *Ηράκας Ποντικὸς ἀρχερπιγεὺς Ἀλόνῶν* . Тамань, III в. н.э.; ср. впрочем, *Σάτυρος Ηράκου* : ИАК 1905:105, № 12, Херсонес, II в. н.э., а также *Ηράκων* во многих центрах: Syll.³, Index), относят к разряду иранских (Соломоник 1969:70; 1983:75; НЭПХ:170; ГАХ: №№ 893-895).¹ Б.Н.Граков полагал, что *Ηροκά* в кляймах - ошибка резчика, и следует читать *Ηροκ(ρ)ά(τεος)* (Граков 1955:92). По поводу боспорского *Ηράκας* А.Зуста замечает, что оно однозначно хорошо объяснимо как с греческого (со ссылкой на Э.Зиттига), так и с иранского (Zgusta 1955:96 f., § 110; ср. Sittig 1912:22,24). И.Ф.Миллер, М.Фасмер, В.И.Аббаев, объясняя это имя через иранскую этимологию, устанавливали его принадлежность к именам от древнеиранского **ātīga* (Миллер 1913:94 сл.; Vasmer 1923:39; Аббаев 1949:156,192; ср. Hartmann 1951:291).

Принимая во внимание греческую традицию передачи от родителей к детям элементов имени (Fränkel 1935:1624 f.; FB:XL85,102 иа.; Bechtel 1913:150 f., 159; Sittig 1912:156 sq.), выступающий на херсонесских кляймах вместе с *Ηροκᾶς* патронимик *Ηρότιμον* убеждает нас в греческом происхождении как личного имени *Ηροκᾶς*, так и его носителя. Обращает на себя внимание также та деталь, что в имени сына Герока второй элемент заимствован из имени деда: *Σώτιος*; *Ηρότιος*. Полную морфологическую параллель интересующему нас херсонесскому имени представляют гипокористические формы *Θευδᾶς* (PB: КБН 447; SGDI. 5715-4); *Αντιλᾶς* (FB:62; SGDI. 5727a,51), *Παμφᾶς* (SGDI.5470c-16; FB:229); *Ζωτᾶς* (FB:113; Syll.³. 1014-135), *Μηνογᾶς* (Robert 1938:177) и подобные, где второй элемент композита сокращен до одного звука, плюс суффикс *-ᾶς* (Cр. Fränkel 1935:1616; Schwzter 1939:461; Locker 1932:146; Solmsen, Fränkel 1922:122; FB:16 ff.). Являясь, таким образом, обычным гипокористиконом, *Ηροκᾶς* могло соответствовать таким полным именам как *Ηρόκριτος* (SGDI. 5661,26; IGA.23 <Коринф>; Münsterb..22 <Абдера?>), или *Ηρόκράτης* (PB: FB:137; Münsterb.:109 <Хиос>; Preisigke 1967:124). Примечательно, что такое довольно редкое полное имя как *Ηρόκράτης* также встречено в Херсонесе, и именно в III в. до н.э. (Придик 1917:89 №№ 576-577; Кац 1985:109 № 4).

3. *Μόλοπρος*, gen. *Μόλοπρο*.

Зафиксировано в форме генетива на граффито 2-й половины IV в. до н.э. на дне чернолаковой чашки из раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича 1904 г. на городище Херсонеса. Имя владельца сосуда. Литеры π и ρ о даны в лигатуре. В сборнике "Граффити античного Херсонеса" (№ 1231) надпись ошибочно интерпретирована издателями как "аббревиация двух имен Моло- и Про- (второе могло быть патронимиком)" (ГАХ 1978:94). В.П.Яйленко склонен видеть здесь *Μόλοπρο*, снабжив его следующим комментарием: "может быть это незасвидетельствованное м е с т н о е (разряда наша - В.С.) имя *Μόλοπρος*, но не исключено, что здесь надо читать греческое имя *Μόλο(βρος)*, бытавшее, например, в лакедемонской среде" (Яйленко 1987:242, прим.22). Последний исследователь, как кажется, ближе к изобретателей подошел к пониманию надписи, однако, предложенное им *Μόλοπρος*, несомненно, следует заменить на *Μόλοπρος*, где, как уже отмечалось, π и ρ о даны в лигатуре, что явствует из прориси и хорошей фотографии, сопровождающей издание граффито (ГАХ: табл.XX, фот.8).

¹ Отнесение А.С.Голенцовым к разряду иранских и личного имени *Σωτῖος* (Голенцов 1983:60, № 21) - результат недоразумения.

В такой форме это личное имя в словарях не отмечено, между тем, есть все основания сопоставить его с греческим личным именем Μόλοβρος, известным как из нарративных (отец спартита Эпитета, командовавшего на Сфактерии в 425 г. до н.э.: Thuc. IV. 8,9; Poralla 1913:94, N 539; HPN:502), так и из эпиграфических источников (спартит, V в. до н.э.: IGA.69b-7=IG.V:I:N. I. 8-9; то же лицо, что и в Thuc.IV.8,9 /?). Наблюдающаяся в данном случае смена смычно-взрывных β-π для греческого хорошо документирована: ср. βρυτανεύοντων = πρυτανεύοντων, Ἀμπρακία = Ἀμφρακία, πούλιουν для βουλίου и др. (Meyer 1886:202,203, Ann: 1896:273; Frisk 1960:164; Furnee 1972:142-158; Teodorsson 1974:132). Все это не дает, таким образом, оснований предполагать в нашей надписи *lapsus scribendi* и исправлять имя вслед за В.П. Яйленко как Μόλο(β)ρος, позволяя сохранить исходную форму памятника: Μόλοπρος.

Связь антропонима Μόλοβρος с апеллятивом μολόβρος, встречающимся уже в эпосе (Od.17.219; 18.29; ср. Lyc.775) не вызывает сомнений. Однако трудностями этимологизации данной лексемы (См.: Boisacq 1923:643 sq.; Hofmann 1949:204; Frisk 1970:250 f.; Chantraine 1974:709) определяются известные сложности с интерпретацией имени. Ф.Бехтель, следуя этимологии А.Фика (Fick 1904:97), встреченной, однако, без энтузиазма Г.Фриском и П.Шантреном (Frisk 1970:251; Chantraine 1974:709; здесь же см. другие гипотезы): μολόβ- < *μελέβε- < βλάβε- (с заменой μλ <βλ) от βλάβεται в связи с выступающим у Гомера βλάβεται δέ τε γούνατ' ὄντι (См.: Bechtel 1914:239 f.), объясняет имя как Spitzname со значением "соня" (HPN:502; см. также РВ; ср., однако, FB:317).

В настоящее время эта интерпретация едва ли приемлема. Принимая во внимание традиционный, восходящий к древним объяснениям перевода, занимающего нас апеллятива как "обжора, бродяга" (см.: μολόβρος μολίσκον επὶ τὴν βρών. Τούτοις παρόπιτος, γαστρίμαρφος, ἐποίητς, καὶ ὁ ἔρχομενος φαγεῖ *<Hes. Cr. также Sch. Lyc.775>*, ο πτωχός *<Suid.;>*; ср. βιβρώσκω) (Wiedasch 1831:435;451; Passow 1852; Krauze 1880:338; Дрбоглав 1894:166; Berard 1924; Prellwitz 1892:203; LSJ; Вейсман 1899; Дворецкий 1958 и др.) и дериваты μολόβριον "молодой кабан" (Ael. N.A. 7:47), μολόβριτης σύς "кабан" (Нирроп.114b) для херсонесского Spitzname следует скорее ожидать значения "обжора, попрошайка, бродяга, поросенок, блодолиз". Это находит также поддержку в новой оригинальной этимологии для μολόβρος (< морόβρος : морόν + βιβρώσκω), предложенной А. ван Виндекенсом (van Windekens 1986:157).

4. Κοτυτίων, gen. Κοτυτίωνος.

В греческой ономастике это имя очень редко. Оно упоминается в керамическом письме IV в. до н.э. из Херсонеса (Соловоник 1987:126 сл.). В генетивной форме Κοτυτίωνος встречено еще в одной, ожидающей публикации, керамической надписи середины IV в. до н.э., найденной на херсонесской горе в 1987 г. при раскопках поселения Панское I (ГЭ-87, оп.172/155). В конце 70-х - 60-х гг. III в., в соответствии с хронологией В.И.Каца, Κοτυτίων Ἀριστόνος появляется на амфорных клеймах Херсонеса (Кац 1979:144, № 64; 1985:105, № 6). В III в. до н.э. это имя засвидетельствовано в Горгиппии (КБН 1137А.1,29. А.26,30. Б.1,48), куда оно вместе с группой дорийских имен (Латышев 1896:257) могло быть занесено херсонесскими переселенцами (ср. Тохтасьев 1988:115; см., однако, Берзин 1961:121; Кац 1974:61, прим.54).

Наряду с такими херсонесскими именами как Βάφων, Νάνων, Σκύδας и др., занимающее нас личное имя традиционно относится к числу "варварских" антропонимов (см.: Борисова 1949:92; Граков 1947:81; Белов 1948:63,66). Как негреческое, варварское имя атрибутирует его и В.Н.Даниленко, добавляя при этом следующее: "Наличие варварского элемента в составе населения Херсонеса несомненно и доказывается рядом фактов. Имена херсонеситов негреческого происхождения не только лишний раз подтверждают это положение, но и свидетельствуют о том, что некоторые варвары могли входить в число правящей верхушки города" (Даниленко 1966:168). Анализ херсонесской антропонимии показывает, однако, что цитированное только что положение не имеет под собой никаких оснований (Столба 1990:5). Не составляет исключения в этом смысле и личное имя Κοτυτίων, с которым, безусловно, следует сближать другое херсонесское имя, встреченное на надгробии конца IV-начала III вв. до н.э.: Κοτύχα Δαματρίου γυνά (НЭПХ. II:156). Наряду с известными греческими именами: Κοττίνας, Κοττίνη, Κοττίων, Κοττίς, Κότταλος, Κόττας, Κότταριον, Κότταρος и др. (РВ; Robert 1963:283, нот.2,3; Foraboschi 1971:171) последнее входит в круг родственных антропонимов с основой *Kot(t)-*, восходящей, очевидно, к фрако-фригийскому теониму Κόττω=Κότύς < равнозначная форма *Kotut(t)ō* (Sittig 1912:152); ср. личное имя Κοτυττάρης (РВ) > (Rapp 1890-1897:1398; Tomaschek 1898:50). Из северопонтийского ареала сюда же можно добавить личное имя Κοττίων, известное в начале новой эры на Боспоре (КБН 653. 1135,28?).

Фракийский в своей основе культ Котуто вместе с оргиаистическими празднествами τὰ Κοτύτια, имевшими много общего с экстатическим культом Диониса (Rapp 1890-1897:1399), рано был перенесен на греческую почву (Tomaschek 1894:50; Nilsson 1906:433; Kern 1935:239-240). О почитании ее дорийцами свидетельствуют Schol. Theokr.VI-40; cp. Hesych.s. Κοτύτῳ Suid.s. Κότυς и Θισσώτης (см.: Schwenn 1922:1551). Производное, скорее всего, от Festname τὰ Κοτύτια посредством форманта -ιων< cp. Ἀνδεστίου, Σωτηρίων, Θαργήλιος, Θυίων и другие (FB:297-300; HPN:523,524)>, херсонесское личное имя Котутыон, наряду с упоминавшимся Коттида, позволяет предположить, что празднества и куль Котуто получили, по-видимому, какое-то распространение и в Херсонесе Таврическом.

- АБАЕВ, В.И. 1949. Осетинский язык и фольклор. I. Москва-Ленинград.
- БЕЛОВ, Г.Д. 1948. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Ленинград.
- БЕРЗИН, Э.О. 1961. Горгийский агионистический каталог // Советская археология 1:111-127.
- БІЛЕЦЬКИЙ, А.О. 1957. Про власні імена з ольвійських написів // Археологія XI:21-34. Київ:Наукова думка.
- БЛАВАТСКИЙ, В.Д. 1951. Разведки в Анапе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 37:245-248.
- БОРИСОВА, В.В. 1949. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса // Вестник древней истории 3:86-92.
- ВЕЙСМАН, А.Д. 1899. Греческо-русский словарь. 5-е изд. С.-Петербург.
- ВИНОГРАДОВ, Ю.Г. 1981. Варвары в просопографии Ольвии VI-V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации:131-148. Тбилиси.
- ГАЙДУКЕВИЧ, В.Ф. 1947. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 17:22-27.
- ГАХ: Граффити античного Херсонеса. 1978. Киев.
- ГОЛЕНЦОВ, А.С. 1983. Граффити из Керкиниди // Краткие сообщения Института археологии 174:56-62.
- ГРАКОВ, Б.Н. 1947. Термин "Σκυθας" и его производные в надписях Северного Причерноморья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 16:79-88.
1955. Корпус с керамических клейм Северного Причерноморья (ІРЕ III), сост. Е.М.Придик и Б.Н.Граков: Херсонес Таврический: клейма на ручках и горлах амфор и на черепицах. Архив Института археологии РАН. Р.2, № 2181.
- ДАНИЛЕНКО, В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV-II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // Античная древность и средние века. Ученые записки Уральского государственного университета 53:серия исторических наук 4:136-178.
- ДВОРЦЕЦКИЙ, И.Х. 1958. Древнегреческо-русский словарь. Москва.
- ДРБОГЛАВ, И. 1894. Словарь к Одиссею Гомера в порядке стихов. Тифлис.
- ИАК 1905. Известия Археологической Комиссии 14. С.-Петербург.
- КАДЕЕВ, В.Н. 1974 Об этнической принадлежности носителей имени Σκυθας в Херсонесе Таврическом // Советская археология 3:56-63.
- КАЦ, В.И. 1979. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // Вестник древней истории 3:127-146. 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // Вестник древней истории 1:87-113.
- КБН: Корпус боспорских надписей. 1965. Москва-Ленинград.
- КНИПОВИЧ, Т.Н. 1956. Население Ольвии в VI-I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // Материалы и исследования по археологии СССР 50:119-153.
- КРАУЗЕ, В. 1880. Гомеровский словарь (к Илиаде и Одиссею). С.-Петербург.
- ЛАПИН, В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- ЛАТЬШЕВ, В.В. 1896. Агионистический каталог из Горгиппии // ПОНТИКА (1909):244-258. С.-Петербург.
- МАХОВ, И. 1912. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов // Известия Таврической ученой архивной комиссии 48:150-183.
- МИЛЛЕР, В.Ф. 1886. Эпиграфические следы иранства на Юге России // Журнал министерства народного просвещения (октябрь):232-283. 1913. К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях // Известия Археологической Комиссии 47:80-95.
- НЭПХ II: Э.П.Соломник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. 1973. Киев.
- ОТКУЩИКОВ, Ю.В. 1980. О фракийско-малоазийской ономастике Северного Причерноморья // Античная балканистика. Тезисы докладов:45-46. Москва. 1988. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. Ленинград.
- ПРИДИК, Е.М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петроград.

- СОЛОМОНИК, Э.И. 1969. Памятники с надписями // Сообщения Херсонесского музея 4:55-77. 1983. Из эпиграфики Херсонеса // Вестник древней истории 4:66-87. 1987. Два античных письма из Крыма // Вестник древней истории 3:114-131.
- СТОЛБА, В.Ф. 1990. Херсонес и скифы в V-II вв. до н.э. (Проблемы взаимоотношений). Автограф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.
- ТОХТАСЕВ, С.Р. 1984. Scythica в "Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)" // Вестник древней истории 3:133-143. 1988. О дорийском компоненте в составе населения Горгиппии первой половины III в. до н.э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тезисы докладов: 113-116. Севастополь.
- ЯЙЛЕНКО, В.П. 1987. К публикации свода херсонесских граффити // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья: 221-245. Москва.
- ANDERSON, J.G.C. 1898. A Summer in Phrygia: Part II // Journal of Hellenic Studies 18:81-128.
- BECHTEL, F. 1902. Die attischen Frauennamen nach ihrem System dargestellt. Göttingen. 1913. Eretrische Namen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (begründ. von A.Kun) 45:147-155. 1914. Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung Homerischer Wörter. Halle a.d.S.
- BERARD, V. 1924. Homere. L'Odyssee. Texte établi et traduit par V.Berard. Collection Guili. Bude. Paris.
- BOISACQ, E. 1923. Dictionnaire étymologique de la langue grecque 2.ed. Heidelberg-Paris.
- CHANTRAIN, P. 1974. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. III. Paris.
- CIG: Corpus inscriptionum Graecarum. (ed. A.Boeckh)
- CRUSIUS, O. 1892. Untersuchungen zu den Mimiamben des Herondas. Leipzig.
- FB: Fick A. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklär und systematisch geordnet. 2. Aufl. (bearbeitet von F.Bechtel und A.Fick). 1894. Göttingen.
- FICK, A. 1904. Hesychglossen // Beiträge zur Kunde indogermanischen Sprachen (ed. A.Bezzenberger) 28:84-111.
- FORABOSCHI, D. 1971. Onomasticon alterum papyrologicum Supplemente al Namenbuch di F.Preisigke. Milano-Varese.
- FRÄNKEL, E. 1935 // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft XVI/2:1611-1670.
- FRISK, H. 1960. Griechisches etymologisches Wörterbuch. I. Heidelberg. 1970. Griechisches etymologisches Wörterbuch. II. Heidelberg.
- FURNEE, E.J. 1972. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague-Paris.
- HANSEN, B., F.DORNSEIFF. 1957. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin.
- HARMATTA, J. 1951. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia // Acta Orientalia I/2-3:261-314.
- HINZ, W. 1973. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden (=Göttinger Orientforschungen. 3. Reihe: Iranica I).
- HOFFMANN, J.B. 1949. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München.
- HPN: Bechtel F. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. 1917. Halle a.d.S.
- IG: Inscriptiones Graecae.
- IGA: Inscriptiones graecarum antiquissimae.
- IPE: Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.
- KERN, O. 1935. Die Religion der Griechen. 2. Berlin.
- KRETSCHMER, P. 1970. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. 2. unveränd. Aufl. Göttingen.
- LOCKER, E. 1932. Die Bildung der griechischen Kurz- und Kosenamen // Glotta XXI/1-2:136-152.
- LSJ: Liddel H.G., R.Scott, Y.S.Jones. A Greek-English Lexicon. A New Edition. 1966. Oxford.
- MASSON, O. 1976. Le nom Battos, fondateur de Cyrene, et un groupe de mots grecs apparentes // Glotta 54:84-98. 1982. Quelques noms de magistrats monétaires grecs // Revue Numismatique VIe Ser. XXIV:228-239.
- MEYER, G. 1886. Griechische Grammatik 2. Leipzig.
- MÜNSTERB: R.Münsterberg. Die Beamtennamen auf den griechischen Münzen geographisch und alphabetic geordnet // Numismatische Zeitschrift. 1911. XLIV(2):69-132; 1912-1913. XLV (1-2):1-111.
- NILSSON, M. 1906. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der attischen. Leipzig.
- PASSOW, F. 1852. Handwörterbuch der griechischen Sprache begründet von Franz Passow. 5. Leipzig.
- PB: W.Pape, G.E.Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen 3. Braunschweig: 1863-1870. Bd.I; 1884. Bd.2.
- PETERSEN, E., F.LUSCHAN von. 1889. Reisen im Lykien, Milyas und Kibyritis. Wien.
- PORALLA, P. 1913. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexander des Grossen. Inaugural-Diss. Breslau.
- PREISIGKE, F. 1967. Namenbuch, enthaltend alle griechische, lateinische, ägyptische, hebräische usw. Menschennamen ..., Ägyptens sich vorfinden (Heidelberg 1922); reprint: Amsterdam.
- PRELLWITZ, W. 1892. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen.
- RAPP, A. 1890-1897. Kotys // Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie (hrsg. von W.H.Roscher) II/1:1398-1403.
- ROBERT, L. 1938. Etudes épigraphiques et philologiques. Paris. 1963. Noms indigènes dans l'Asie Mineure greco-romaine. I. Paris.
- SCHWENN, 1922. Kotys // Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft XI,2:1549-1551.

- SCHWYZER, ed. 1939. Griechische Grammatik. I. München.
 SEG: Supplementum epigraphicum graecum.
 SGDI: Sammlung der griechischen Dialektinschriften (hrsg. von H.Collitz und F.Bechtel). 1884-1915.
 Göttingen.
- SITTIG, E. 1912. De Graecorum nominibus theophoris, Dissertationes Philologicae Halenses XX/I.
 SOLMSEN, F., E.FRÄNKEL. 1922. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte.
 Heidelberg: Indogerman. Bibl. IV.2.
- SUNDWALL, J. 1913. Die einheimische Namen der Lykier nebst einen Verzeichnisse Kleinasiatische Namenstämme. Beiheft XI. Klio.
- SYLL3: Syllago inscriptionum graecarum (ed. W.Dittenberger) 3. ed. 1915-1924. Lipsiae.
- TEODORSSON, S.-T. 1974. The Phonomic System of Attic Dialect 400-340 B.C. Studia Graeca et Latina. Gothoburgensis XXXII.
- TOMASHEK, W. 1894. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung II/2. Die Sprachreste. 2. Hälfte: Personen und Ortsnamen. Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien 131/I: Philos.-hist. Klasse.
- VASMER, M. 1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Leipzig: Die Iranier in Südrussland.
- WIEDASCH, E. 1831. Homer's Odyssee metrisch übersetzt von E.Wiedasch. Stuttgart.
- WINDEKENS, A.J. van. 1986. Dictionnaire étymologique complémentaire de la langue grecque. Lueven.
- ZGUSTA, L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha. 1964. Kleinasiatische Personennamen. Praha.

V.F.STOLBA.

SOME PERSONAL NAMES IN GREEK CERAMIC INSCRIPTIONS FROM CHERONESOS.

Summary.

The article deals with a number of personal names found in the Chersonesos graffiti of the 2nd half of the 4th to the 1st half of the 3rd century B.C. and traditionally interpreted as "local barbarian" in Soviet literature. Two of the inscriptions considered, from the recent excavations at Panskoje I (agrarian zone of Chersonesos, The North-Western Crimea) have not been previously published (fig.1). It has been shown that all the names analysed may rightfully be attributed to Greek Namengut.

The first of them - Βατάκον (1) (known from graffiti in Panskoje I) should be considered as a derivative of a well verified Greek name Βάτων. The second name - Ἡρόκας (2) is represented well in Chersonesos both in ceramic and lapidary inscriptions of the 4th-3rd centuries B.C. Though this form has not found outside the Western Crimea it can be referred to as a usual Greek hypocoristica like Αὐτίπας, Μηνογάς etc. where the second element of a composite is contracted to one sound, plus suffix -άς. Among possible words corresponding to this name Ἡρόκριτος or Ἡρόκράτης may be named among Vollnamen. The latter is registered in Chersonesos by the 3rd century B.C.

The PN Μόλοπρος (3) corresponds to the name of the owner of a vessel in graffiti dating from the 2nd half of the 4th century. The author considers it as corresponding to the lakedaimonian Spitzname Μόλοβρος with the alternation of plosive β-π (Thuc.IV. 8,9; IG. V,1,8-9) which is proposed to be interpreted as a "glutton, beggar, tramp, toady, pig" taking the ancient tradition and the latest ethymology of the initial appellative into account (van Windekens 1986:157).

The last of the names considered - Κοτύτιον (4) has been recorded four times for the Chersonesos of the 4th-3rd centuries B.C. Outside the polis it is found seldom. It must go back to the Festname τὰ Κοτύτια (from the theonym Κοτύτ(ρ)ιό) (compare Ανθεστιόν, Σωτηριόν, Θύιόν).

The PN Κοτύχα found on a Chersonesos gravestone of the late 4th-early 3rd centuries B.C. allows us to suppose that the cult and festivities of Kotyto were spread in Chersonesos of Taurida.

- SCHWYZER, ed. 1939. Griechische Grammatik. I. München.
 SEG: Supplementum epigraphicum graecum.
 SGDI: Sammlung der griechischen Dialektinschriften (hrsg. von H.Collitz und F.Bechtel). 1884-1915. Göttingen.
 SITTIG, E. 1912. De Graecorum nominibus theophoris, Dissertationes Philologicae Halenses XX/I.
 SOLMSEN, F., E.FRÄNKEL. 1922. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg: Indogerman. Bibl. IV/2.
 SUNDWALL, J. 1913. Die einheimische Namen der Lykier nebst einen Verzeichnisse Kleinasiatische Namenstämme. Beiheft XI. Klio.
 SYLL.3: Sylloge inscriptionum graecarum (ed. W.Dittenberger) 3. ed. 1915-1924. Lipsiae.
 TEODORSSON, S.-T. 1974. The Phonemic System of Attic Dialect 400-340 B.C. Studia Graeca et Latina. Gothoburgensia XXXII.
 TOMASHEK, W. 1894. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung II/2. Die Sprachreste. 2. Hälfte: Personen und Ortsnamen. Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien 131/I: Philos.-hist. Klasse.
 VASMER, M. 1923. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Leipzig: Die Iranier in Südrussland.
 WIEDASCH, E. 1831. Homer's Odyssee metrisch übersetzt von E.Wiedasch. Stuttgart.
 WINDEKENS, A.J. van. 1986. Dictionnaire étymologique complémentaire de la langue grecque. Lueven.
 ZGUSTA, L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha. 1964. Kleinasiatische Personennamen. Praha.

V.F.STOLBA

SOME PERSONAL NAMES IN GREEK CERAMIC INSCRIPTIONS FROM CHERSONESOS.

Summary.

The article deals with a number of personal names found in the Chersonesos graffiti of the 2nd half of the 4th to the 1st half of the 3rd century B.C. and traditionally interpreted as "local barbarian" in Soviet literature. Two of the inscriptions considered, from the recent excavations at Panskoje I (agrarian zone of Chersonesos, The North-Western Crimea) have not been previously published (fig.1). It has been shown that all the names analysed may rightfully be attributed to Greek Namengut.

The first of them - Βατάκων (1) (known from graffiti in Panskoje I) should be considered as a derivative of a well verified Greek name Βάτων. The second name - Ἡροκάς (2) is represented well in Chersonesos both in ceramic and lapidary inscriptions of the 4th-3rd centuries B.C. Though this form has not found outside the Western Crimea it can be referred to as a usual Greek hypocoristica like Ἀντιπᾶς, Μηνογᾶς etc. where the second element of a composite is contracted to one sound, plus suffix -ᾶς. Among possible words corresponding to this name Ἡρόκριτος or Ἡροκράτης may be named among Vollnamen. The latter is registered in Chersonesos by the 3rd century B.C.

The PN Μόλοπρος (3) corresponds to the name of the owner of a vessel in graffiti dating from the 2nd half of the 4th century. The author considers it as corresponding to the lakедaimonian Spitzname Μόλοβρος with the alternation of plosive β-π (Thuc.IV. 8,9; IG. V.1,8-9) which is proposed to be interpreted as a "glutton, beggar, tramp, toady, pig" taking the ancient tradition and the latest ethymology of the initial appellative into account (van Windekens 1986:157).

The last of the names considered - Κοτυτών (4) has been recorded four times for the Chersonesos of the 4th-3rd centuries B.C. Outside the polis it is found seldom. It must go back to the Festname τὰ Κοτυτία (from the theonym Κοτυτ(τ)ώ) (compare Ἄνδεστίαν, Σωτηρίαν, Θύτων).

The PN Κοττίχα found on a Chersonesos gravestone of the late 4th-early 3rd centuries B.C. allows us to suppose that the cult and festivities of Kotyto were spread in Chersonesos of Taurida.

НЕСКОЛЬКО ЛИЧНЫХ ИМЕН В ГРЕЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ ИЗ ХЕРСОНЕСА.

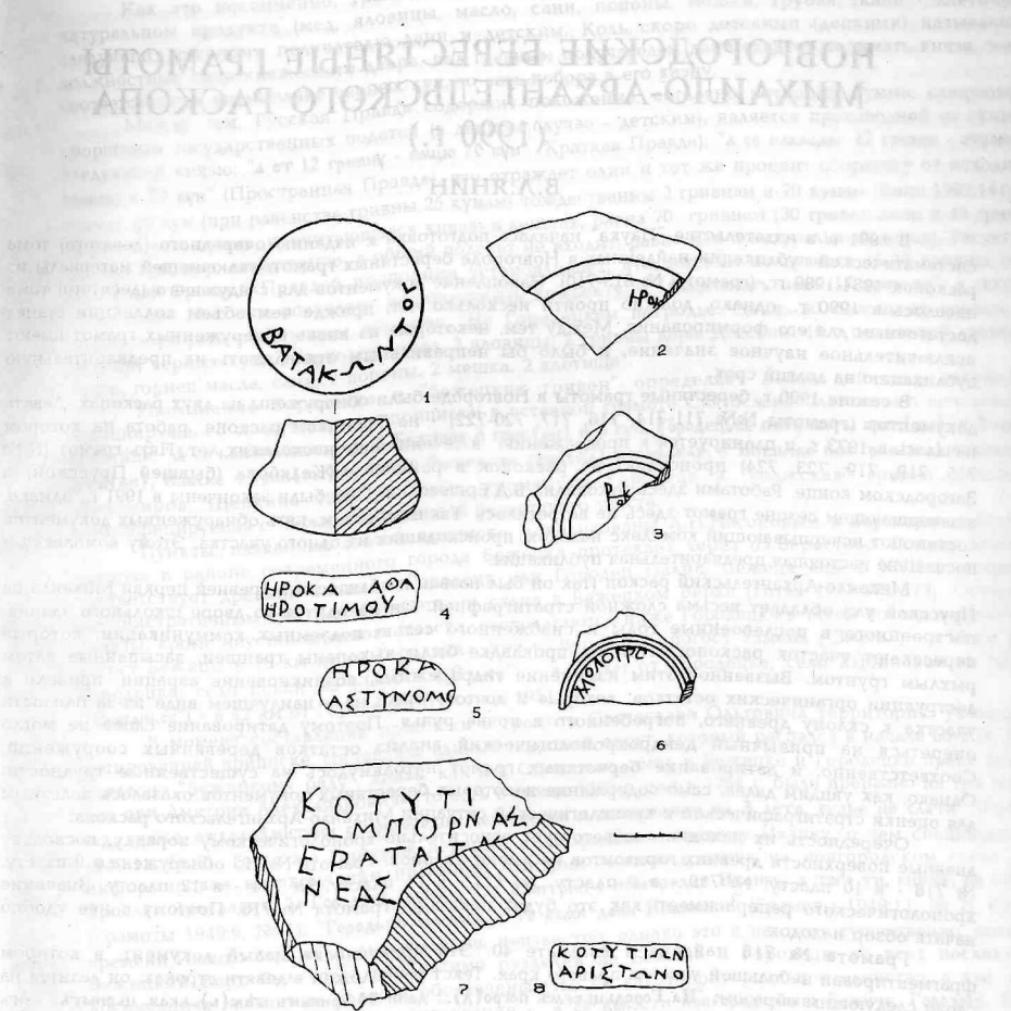

Рис.1 Личные имена в греческих керамических надписях из Херсонеса.

Fig.1 Personal names in Greek ceramic inscriptions from Chersonesos.

SCHWYZER, ed. 1939. Griechische Grammatik. I. München.

SEG: Papyri et tablettes grecques.

SCDE: Catalogue des documents égyptiens.

STTIC: Catalogue des tablettes cunéiformes.

SOLMEN: Catalogue des tablettes assyriennes.

Nekemius: Catalogue des tablettes grecques.

SUNDWALL, J. 1913. Die althellenischen Schriftzeugnisse der Vetus Testamentum. Verzeichnisse Kleinasien, Griechenland und Italien.

Naufragium: Catalogue des tablettes grecques.

SYLL3: Sylloge Inscriptionum Graecarum.

TEODORSEN, S.-J. 1974. The Catalogue of the Greek Inscriptions Select 400-340 B.C. 5th-2d Graeca et Latina.

Graeco-Hellenistic: Catalogue des tablettes grecques.

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОГО РАСКОПА (1990 г.)

В.Л.ЯНИН*

В 1991 г. в издательстве "Наука" началась подготовка к изданию очередного (девятого) тома систематической публикации найденных в Новгороде берестяных грамот, включившей материалы из раскопов 1984-1989 гг. (грамоты № 615-710). Накопление документов для следующего (десятого) тома началось в 1990 г., однако, должно пройти несколько лет, прежде чем объем коллекции станет достаточным для его формирования. Между тем, некоторые из вновь обнаруженных грамот имеют исключительное научное значение, и было бы неправильным откладывать их предварительную публикацию на долгий срок.

В сезоне 1990 г. берестяные грамоты в Новгороде были обнаружены на двух раскопах. Девять документов (грамоты №№ 711-714, 716, 717, 720-722) - на Троицком раскопе, работа на котором началась в 1973 г. и планируется к продолжению в течение еще нескольких лет. Пять грамот (№№ 715, 718, 719, 723, 724) происходят из раскопок в районе ул. Желябова (бывшей Прусской) в Загородском конце. Работами здесь руководил Б.Д. Ершевский. Они были закончены в 1991 г., однако, в завершающем сезоне грамот здесь не встретилось. Таким образом, пять обнаруженных документов составляют исчерпывающий комплекс находок, происходящих из одного участка. Этому комплексу и посвящена настоящая предварительная публикация.

Михаило-Архангельский раскоп (так он был назван по близости к древней церкви Михаила на Прусской ул.) обладает весьма сложной стратиграфией. Он находится во дворе школьного здания, построенного в послевоенные годы и снабженного сетью подземных коммуникаций, которые пересекают участок раскопов. При их прокладке были выкопаны траншеи, засыпанные затем рыхлым грунтом. Вызванное этим изменение гидрорежима, возникновение аэрации, привели к деструкции органических остатков, которые и до того были не в наилучшем виде из-за близости участка к склону древнего, погребенного в почве ручья. Поэтому датирование слоев не могло опереться на привычный дендрохронологический анализ остатков деревянных сооружений. Соответственно, и датирование берестяных грамот натолкнулось на существенные трудности. Однако, как увидим далее, само содержание некоторых берестяных документов оказалось полезным для оценки стратиграфической и хронологической ситуации Михаило-Архангельского раскопа.

Очередность их находки соответствует относительно-хронологическому порядку, поскольку дневные поверхности древних горизонтов не имеют уклонов. Грамота № 715 обнаружена в 9 пласту, № 718 - в 10 пласту, № 719 - в 9 пласту, № 723 - в 11 пласту, № 724 - в 12 пласту. Значение хронологического репера имеет, как это будет показано, грамота № 718. Поэтому с нее удобно начать обзор находок.

Грамота № 718 найдена в квадрате 40. Это практически целый документ, в котором фрагментирован небольшой участок правого края. Текст расположен в девяти строках; он делится на слова следующим образом: "На Городыцкемъ погро(д)... дани 30 гривынъ вѣжъ(ъ)..ккая, цѣрынъхъ квіть 40, мѣдъ 3 вѣрхоньске, яловице 3, даръ 2 гривыне. Дѣцькымъ (ъ)....(гр)ывнѣ, полты 2, г(....)ицъ масла, сани, 2 попоны, 2 мѣха, 2 клетица" (рис.1:1).

Как и в следующих текстах, буква "я" заменяет юс малый; в скобках помещены буквы, видимые частично; количество точек на фрагментированных участках текста соответствует количеству несохранившихся знаков.

Некоторые конъюнктуры здесь очевидны. "Погрод.." реконструируется как "погрье"; в форме "погородие" этот термин известен из уставной смоленской записи о размерах поступления доходов, где он означает доход с городов (Уставы 1976:146). "Бѣжъ..ккая" - "бежъкская". "Г....ицъ масла", - по-видимому, "горньицъ масла".

* Россия. Москва. 119899, Ленинские горы, Московский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

Как это несомненно, грамота № 718 является записью о величине сумм в деньгах и натуральном продукте (мед, яловицы, масло, сани, попоны, мешки, грубая ткань - клетище), следующих главному получателю дани и детским. Коль скоро детскими (децкими) назывались должностные лица княжеского двора, под главным получателем дани следует понимать князя, чему соответствует и упоминание черных кун, то есть побора в его казну.

Между тем, Русская Правда содержит положение, согласно которому сумма, следующая сборщикам государственных податей (в данном случае - детскими), является производной от суммы, следующей князю: "а от 12 гривнъ - емце 70 кун" (Краткая Правда); "а се наклады: 12 гривен - отроку 2 гривны и 20 кун" (Пространная Правда), что отражает один и тот же процент сборщику от исходной суммы: 70 кун (при равенстве гривны 25 кунам) тождественны 2 гривнам и 20 кунам (Янин 1982:144). В нашем тексте сумма, причитающаяся князю в деньгах, равна 70 гривнам (30 гривен дани и 40 гривен черных кун; дар, естественно, в общий подсчет не входит, равно как и натуральный доход). Расчет по указанной Русской Правдой пропорции устанавливает, что детскими полагается 16,33 гривны (или округленно 16,5, что позволяет предположить конъектуру "дѣцкысъмъ полъ 17 гривнъе", а текст в целом понимать следующим образом: "На Городецком погрдье. Дани: 30 бежецких гривен, 40 (гривен) черных кун, 3 берковска меда, 3 яловицы, 2 гривны дара. Детским: 16 с половиной гривен, 2 полти, горнец масла, сани, 2 попоны 2 мешка, 2 клетища".

Упоминание Городецка и "бежецких гривен" определяет место действия документа, ассоциируясь со свидетельством приписки к уставной грамоте Святослава Ольговича о епископской десятине: "А се бежичьский ряд. В Бежичих 6 грив(ен) и 8 кун, Городецкое полъ пятты грив(ны), в Змены 5 грив(ен), Езыске 4 грив(ны) и 8 кун, Рыбанске грив(на) волъжская, в Йизыске полъ грив(ны) волъжская" (Тихомиров, Щепкина 1952:21). Здесь упомянуты Городецк и "волжская" гривна, очевидно, идентифицируемая с "бежецкой" гривной берестяного текста.

Пункты, названные в этой приписке, локализованы А.Н.Насоновым в верховьях р.Мологи, которая в районе современного города Бежецка протекает через оз.Верестово. Городу Бежецку соответствует древний топоним Городецк или Городец Палиц. Бежецк еще в XVII в. оставался административным центром Городецкого стана в Бежецком Верхе (Готье 1937:372-373). Остальные пункты, кроме неустановленного Изыска, располагаются ниже Городецка в такой последовательности: погост Бежицы в 10 км ниже Городецка, при оз.Верестово; погост Узмень ("Змены") - в 18 км ниже Городецка; село Езыск на Мологе ("Езыск") - в 25 км от Городецка; село Рыбинское на Мологе ("Рыбанско") - в 42 км от Городецка (Насонов 1951:21).

В момент составления приписки в грамоте Святослава Ольговича территория, указанная в цитированной приписке, составляла единый податной округ, который распался в начале 60-х гг. XIII в. Согласно "Бежицкому ряду", князь, как и в Обонежье, имел в Бежецке и Городецке право суда, но оно при Дмитрии Александровиче, то есть в конце 1263 г. или в 1264 г. было прервано на три года: "А съд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичианом и обонежаном на 3 лета, съдъе не слати" (Грамоты 1949:11, № 2). Тогда же Городецк перешел в кормление к некоему Иванку, о чём специально был информирован в докончании преемника Дмитрия Александровича на новгородском столе князь Ярослав Ярославич: "а Городець, княже, дал Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти" (Грамоты 1949:9, № 1); "Городыць Палиць, а то есми дали Иванкови" (Грамоты 1949:11, № 2). Сколько времени Иванко был на этом кормлении, неизвестно, однако это и не столь существенно, поскольку Бежицкий Верх был тогда необратимо разделен на Бежецк и Городецк: во всех последующих докончаниях названные волости обозначены уже не как территориальное единство, а как особые территориальные и податные образования - "а се волости новгородьские: Бежиче, Городец, Палиць, Мелечи, Шипино, Егна" и т.д. Для датировки грамоты № 718 важно выяснить, написана она до или после разделения волостей.

До разделения волостей с Бежецкого Верха, согласно "Бежицкому ряду", ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун (6 гривен и 8 кун с Бежиц + 4,5 гривны с Городецка + 5 гривен с Узмени + 4 гривны и 8 кун с Езыска + 1 гривна с Рыбанска + 0,5 гривны с Изыска). После же разделения Городецк, очевидно, давал традиционные 4,5 гривны. Грамота № 718 оперирует суммой в 86,5 гривен (70 гривен князю и 16,5 гривен детскими). Но эта сумма ровно в четыре раза превышает годовую сумму податей, следующих с Бежецкого Верха по "Бежицкому ряду". Следовательно, речь в грамоте идет о получении четырехлетней недоимки с единой территории Бежецкого Верха, а грамота, таким образом, не может быть датирована временем более поздним, нежели начало 60-х гг. XIII в.

Между тем, само наличие этой четырехлетней недоимки является еще одним датирующим элементом грамоты. В зиму с 1224 на 1225 гг. новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода III) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привел к перемене на новгородском столе, владеть которым был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, "и бысть лъгкъ по волости Новгороду". Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил, однако, заявил новгородцам: "не хощо у вас княжити, иду Църнилову; гость ко мне пускант, а яко земля ваша, тако земля моя. Новгородци же много чумаша и, молячеся, и не могоща его умолити, и тако проводиша и с цѣлью" (Летопись 1950:64,268-269). В результате новгородцы были вынуждены послать за князем в Переяславль и взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырехлетнее правление которого эпизодически вызывало в Новгороде недовольство, приведшее к тому, что в зиму с 1228 на 1229 гг. князь Ярослав получил ultimatum: "закожицье отложи, сѹде по волости не слати; на всен воли нашеи и на въсех грамотах Ярослава ти нашъ князь; или ты сѹбе, а мы сѹбе" (Летопись 1950:67,273). Последовавший разрыв с Ярославом вернул на новгородский стол Михаила Всеволодовича, который в конце апреля 1229 г. пришел в Новгород "и целова крест на всен коли новгородъстен и на въсех грамотах Ярославиц; и вда скводу смырдам на 5 лет данни не плати, кто скежал на чюю землю, а сии покеле, къто сде живеть, како uestакли передени князи, тако платите дань" (Летопись 1950:68,274). Очевидно, что имеется в виду льгота тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, то есть четыре года тому назад, и решение о сборе четырехлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 г., таким образом, логично относить и нашу берестянную грамоту, фиксирующую сбор именно четырехлетней недоимки.

Если эта дата действительно соответствует времени рассмотренного документа, то она образует хронологический рубеж, по одну сторону которого расположены несколько более поздние грамоты №№ 715 и 719, а по другую - более ранние грамоты №№ 723 и 724.

Грамота № 715. Обнаружена в квадрате 27. Это целый документ, текст которого, расположенный в трех строках, делится на слова следующим образом: "Тридевято анеело, тридевя ароханело, изгави раба (бо)жая Михея трасавиче молитвами святых Богородичи" (рис.1:2). Слово "тридевя" ("тридевято", "тридева"), разумеется, не имеет цифрового значения, а обозначает сонм ангелов ("анеело") и архангелов ("ароханело"), которые призывают избавить раба божия Михея от лихорадки ("трасавиче") силой молитв святой Богородицы. Это на момент находки древнейший ставший известным заговор; знания о заговорах до сих пор базировались почти исключительно на этнографических записях. В Пайсевом сборнике конца XIV - начала XV вв. имеется следующий любопытный в этой связи текст: "Недуги лечат чарами и наузы, немощного беса, глаголемаго трасцио, мнятся прогоняюще некими ложными письмами проклятых бесов" (Срезневский 1912:стб.1030). Как и следующий документ, грамота датируется второй четвертью XIII в.

Грамота № 719 обнаружена в квадрате 14. Это два обрывка двухстрочного письма, относящиеся соответственно к правому и левому краям листа, утратившего, к сожалению, среднюю часть:

Покланяниe Ш Дома...
возяти. А сыно ти мъ...

...дынику. Годъ ти съло
... (ъде)лнне восоли

Для комментирования текста слишком мало данных. Однако, обращает на себя внимание то обстоятельство, что грамота, несомненно, была адресована посаднику, фрагмент титулования которого сохранился в адресной формуле. Следует заметить, что во второй четверти XIII в. посадниками в Новгороде были только представители боярства Прусской улицы: в 1230-1243 гг. Степан Твердиславич (Летопись 1950:70,79,278,297), а с 1243 до 1255 гг. сначала Сбыслав Якунович, а затем Анания Фефилович (Летопись 1950:81,164,308,472). Один из них и был получателем этой грамоты.

Грамота № 723 найдена в квадрате 104. Это целое письмо, текст которого написан в четырех строках на внешней стороне листа и разделяется на слова следующим образом: "+ Покланяниe Ш тo душинъ ко Нясть. Шиль ти есьмъ Күчкъву. Ажъ ти хъти жъдати, али ти нъ хъти жъдати, а оу Фъдокъ, обрѹц ее коддя, свое възъмъ" (рис.1:3).

Душила сообщает Нисте, что он свое возьмет вне зависимости от того, хотят или не хотят ждать, вернув Федоке ее "обруч". Под "обручем" возможно понимать браслет или кольцо, но также и залог (в том числе обручальный, брачный). Обстоятельства действия Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключительное значение в связи с сообщением ее автора о том, что он отправляется "Кучкъвъ", то есть "в Кучково", под которым может подразумеваться только населенный пункт. Между тем, такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 г., когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, "идоша с ними до Кучкова, рекше до Москвы" (Полное собрание. 1908: стб. 600). Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV в. К XVII в. относится запись легенды об основании Москвы, повествующая о боярине Кучке. Следовательно, грамота № 723 является пока единственным свидетельством XII в., подтверждающим, что тогда наименование "Кучков" еще не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от имени первоначального владельца местности.

Относить грамоту к последней четверти XII в. позволяет ее стратиграфическая близость к следующему документу - грамоте № 724.

Грамота № 724 найдена в квадрате 88. Это целое письмо, написанное на обеих сторонах сильно потертого берестяного листа. Текст начинается на внешней стороне коры, где он состоит из 13 строк, и продолжен на внутренней стороне, где в верхней части листа располагаются еще 4 строки. Грамота написана мелким почерком; текст местами еле различим, и прочтение документа потребовало длительных коллективных усилий, предпринятых более всего А.А.Зализняком (но также П.Г.Гайдуковым, А.А.Гиппиусом, Т.В.Рождественской, Е.А.Рыбиной и В.Л.Яниным). Он разделяется на слова следующим образом:

"**С**авы покланяне к браты и држине. Оставили мя были людье. **А** остати дани исправити было ить д(о) осени, а по первому вѣти послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья, къ вѣре ѣрокъ: не дантъ Савѣ ни одного песца хотя на нихъ емати, самъ вѣ томъ. **А** вѣ томъ ли ся не исправилъ вѣ борзѣ, ни кѣ вали, ни тѣ ти быль. **А** вѣ томъ есь осталъ. По томъ пришли смерди, **и** Аньдрѣя мужъ прияли; и dane шилю людье. И осмь высягъ что о Тѣдоре. Поразѣмѣти, браты, емъ, да че что вѣ то емъ състане тягота тамъ и съ држине еть.

А селечному ско(и)мъ кънязъ самъ от Волокъ (и) отъ Мѣстѣ Участокъ водаде. Аче ли ти, браты, вини людье на мя не ищуть. **А** добрѣока вѣде, то же нынца рада быхъ послале грамотъ".

Упоминание песцов служит указанием на местонахождение автора письма Савы Песцы (иначе - полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тundрах. Сава находится где-то на севере новгородских владений для получения дани с тамошних жителей. Упоминание в заключительной части письма Волок заставляет вспомнить, что центральным пунктом поступления заволоцкой дани была Онега, о которой говорится в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г.: "Того деля uestавиа есьмъ святон Софы, атъ ематъ письмъ за десятину от вир и продажъ 100 гривен новыхъ кун, иже выдаваетъ домажирич из Онега. Аче не будеть полна ста у домажирича, а осьдесятъ выдасть, а дополнокъ вѣзметъ 20 гривен у князя ис клети" (Уставы 1976:148). Логичным представляется видеть в Саве именно онежского домажирича: он не возглавляет подвижной отряд сборщиков дани, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда "по первому пути" "люди" должны послать собранную "до осени" дань, а затем отбыть прочь. Между тем, "люди" оставили Саву.

Вряд ли фразу "оставили мя были людье" следует понимать как сообщение о бегстве от Савы его помощников. Глагол "оставити" имеет много значений, в том числе: отказаться, отречься, отступиться, отложить и т.п. Речь, надо полагать, идет об отказе местных "людей" выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать "до осени". Уместно напомнить "льстивые речи" югорских князьков в 1194 г.: "сбираем среко и сюоле, и иная үзорочна, а вы и губите нас, своихъ смердов и своихъ дани" (Летопись 1950:40-41,232-233). Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захары, который клятвенно сообщил ("в вѣре ѣрокъ"): "Не позволяйте Саве хотя бы одного песца братъ, сам этим займусь". Между тем, о таком распоряжении не был извещен своевременно ни сам Сава, ни его адресаты ("братья и дружина" в Новгороде); на территории же, подведомственной Саве, Захария лично не был. "А в том есь осталъ" - с тем я и остался, - пишет Сава.

дело, однако, на этом не кончилось. Затем пришли смерды (то есть плательщики дани, как это следует из летописной терминологии рассказа 1194 г.), приняли мужа от Андрея, и люди (то есть сборщики дани Андреева мужа) брали дани в его пользу. Восьмь человек, предводительствуемые Тудором ("что о Т'доре") "высияла", выскочили, сумели уйти. "Подумайте, братие, как ему будет трудно с дружиною там, где он теперь оказался". Не лишним будет указать, что в грамоте Святослава Ольговича 1137 г. дважды фигурирует Тудор: "На Т'дорове погосте два сорочки", "у Т'дора сорочек" (Уставы 1976:148).

Текст оборотной стороны письма вносит определенную ясность в статус неподчинившихся Савы плательщиков дани. Сава напоминает: "А сельчанам своим князь сам дал участки от Волока и от Мсты". Иными словами, речь идет о княжеских поселенцах, колонизующих северные владения Новгорода, а не об аборигенном населении тамошних мест. Термин "сельчанин" неоднократно фигурирует в источниках в связи с их княжеской принадлежностью, например: "А в город послати ми сконъ наместников, а теже своего наместника, ине очистятъ и холововъ и сельчан по отца моего животе по князя великого", "Имати им таинга и церковная пошина и пятно с великого князя сельчан и с великие княгине сельчан" (Срезневский 1912:стб.331). Мста и Волок в некоем двуединстве дважды фигурируют в новгородских летописях. Впервые под 1196 г.:

НЛ, Синодальный список

...Ярослав княжаще на Търъжъку .
в сконъ волости, и дани понима по
всему върху и Мъсте, и за Воло-
ком възьми дань...
(Новгородская Первая летопись, с.43)

НЛ, Комиссионный список

...Ярослав княжаще на Търъжъку в
сконъ волости, и дани понима
ко всен волости: по Върху Мъсте
и за Волочком возме дань...
(там же, с.235).

При наличии разнотений предпочтительным следует признать текст, сохраненный в Новгородской 4 летописи: "...Ярослав княжаще на Торжку ко сконъ волости, и дани понима в сконъ волости: по Верху Мъсте, и за Волоком възьми дань..." (Полное собрание 1915:177). Если бы в протографе Верх и Мста обозначали бы разные территории, грамматически правильно было бы повторение предлога: "по сконъ върху и по Мъсте", тогда как замена Волока на Волочек в Комиссионном списке кажется хотя и неверной, но аргументированной: Волочек (Вышний Волочек) находится как раз в верховых Мсты.

Во второй раз Мста и Волок вместе фигурируют под 1434 г.: "Тои осени въыхи из Новагорода князь Василий Юрьевич и много пограби, едици по Мъсте и по Бежичкому върху и по Заволочью" (Летопись 1950:417). Возможно предположить, что грамота № 724 отражает этап освоения новгородской данью территорий, непосредственно примыкающих к восточным рубежам метрополии Новгорода.

"Пусть же, братие, вины на мне не ищут", - пишет далее Сава. - Если же будет расследование ("док'едка"), то хоть сегодня рад послать объяснительную грамоту. Описанная в письме Савы ситуация типична для середины XII-начала XIII вв., когда северные дани были предметом постоянного спора между Новгородом и Суздалем. В 1149 г. новгородские данники отправились в поход "в мале"; узнав об их малочисленности, князь Юрий Владимирович Долгорукий отправил против них князя Берладского с войнами. В 1169 г., когда Даниил Лазутинич с новгородской дружиной пошел за Волок данником, "присла Андрен пълк свои на ны, и бишася с ними, и беше новгородцы 400, а сужданцы 7000; и пособи бог новгородцем, и паде их 300 и 1000, а новгородцы 15 муж; и отступиша новгородцы, и опять короткъшияся, възяша всю дань, а на сужданъскихъ смидахъ другую", что, как известно, послужило прелюдией к знаменитой битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. В 1219 г. "понде тяя зими Святыи Емин в 4-х съех на Томокары, и не пусты ии Гюрги, ии Ярослав сквозе сконъ землю" (Летопись 1950:28,33,59,215,221,260). В перечисленных случаях летопись освещает столкновения из-за даней в дальних - печенских и югорских - землях, куда высыпались специальные отряды сборщиков дани. Грамота № 724 повествует о сходном конфликте в ближних землях, где на Двине и Ваге новгородские и ростово-суздальские владения располагались чересполосно.

Рассматривая грамоту N 724 как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта из-за северных даней, мы под "мужем Андрея" можем понимать только сборщика дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, убитого в 1174 г. Если документ датируется временем ранее указанного года, то имеется возможность идентифицировать и

упомянутого в письме Савы Захарию, который, как мы уже видели, обладает правом распоряжаться даньями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г. (Летопись 1950:31-32,218-220), что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми гг. XII в.

В этой связи небезынтересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Савой своей братье и дружине. Адресаты письма находились на Прусской улице. Между тем, расправа с посадником Захарием в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгнанного новгородцами князя Святослава Ростиславича, вступившего в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Савы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывают их главные противники.

ГОТЬЕ, Ю.В.1937. Замосковный край в XVII в. Москва:Соцэкиз.

ГРАМОТЫ. 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ред.С.Н.Валк). Москва-Ленинград:АН СССР. ЛЕТОПИСЬ. 1950. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (ред.А.Н.Насонов).

Москва-Ленинград:АН СССР.

НАСОНОВ, А.Н. 1951. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства.

Москва:АН СССР.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ. 1908. Полное собрание русских летописей П. С.-Петербург.

1915. Полное собрание русских летописей IV (изд.2-е). Часть 1 (вып.1). Петроград.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам 3. С.-Петербург.

ТИХОМИРОВ, М.Н., М.В.ЩЕПКИНА. 1952. Два памятника новгородской письменности.

Москва:Госкультпросветиздат.

УСТАВЫ. 1976. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. (ред.Л.В.Черепнин). Москва:Наука.

ЯНИН, В.Л. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. Москва:Наука.

V.L.YANIN.

NOVGORODIAN BIRCH-BARK DOCUMENTS FROM THE SITE OF ST.MICHAEL THE ARCHANGEL (1990).

Summary.

In 1990 five birch-bark documents dated from the 12th-13th centuries were found in uncertain stratigraphic conditions during excavations in Novgorod near the contemporary street known as "Prussian street" at the site of St.Michael the Archangel. The site was directed by B.D.Ershevsky. The analysis of the contents of some of these texts allowed us to date them more accurately.

Birch-bark document N 718 contains a record of the money and the payment collected levied as state tax from the territory of Gorodetsk: 30 "bezhetsk grivnas" and 40 grivnas of "chernye kuny" as well as 3 "berkovskis" (1 berkovsk = 10 pouds) of honey, 3 heifers and 2 grivnas of gift were all collected in favour of the state (i.e. the prince); a certain sum of grivnas (the place in the text where their number was indicated is fragmentary), 2 halves of a carcass, a pot of butter, a sledge, two horse-blankets, two sacks, and two lengths of coarse fabric in favour of the tax collectors.

As the collectors of tribute and tax received a certain percent of the whole sum in their favour (the rate is known from the Russian Pravda) it is possible to restore the fragmented text: "16,5 grivnas". However, according to the supplement to the Decree of Prince Sviatoslav Olegovich concerning the amount of church tithes, the annual tribute from Gorodetsk (Bezhetsk) made up 21 grivnas 16 kuns. The sum indicated in birch-bark document N 718 is four times this rate. This fact allows us to state that the birch-bark document contains information on the tax for 4 years. This took place only in 1229, hence the year of drawing up the document.

At the same stratigraphic level the birch-bark document N 715 was found which contains the text of a charm for fever: "Angels and archangels! Save Mikhey, a servant of God, from fever by the Virgin's prayers". Up to now such charms have been known only from ethnographic folklore records.

The same level contained badly fragmented birch-bark document N 719 addressed to a posadnik (governor) whose name has not remained. However, the social character of the addressee itself enables us to consider the whole complex as belonging to a boyar's family.

The other two birch-bark documents were excavated at an earlier level and are dated from the second half of the 12th century. The birch-bark document N 724 is one of the most significant from the point of view both of the length of the text and the contents of the documents on the birch-bark. It is covered with writing on both sides (13 lines on the one side, 4 lines - on the other side). The document contains information on a conflict which took place during the collection of tribute in the North (polar foxes inhabiting the continental tundra are mentioned as the object of tribute). The author of the message, Sava, reports to Novgorod that the payers refused to give him the collected values referring to the order of Zakharija and gave these values to Andrei's servants. The characters of the birch-bark document are identified with posadnik Zakharij (he was killed in 1167 having been in alliance with Suzdal prince Andrei Bogoliubsky) and prince Andrei Bogoliubsky was killed in 1174. It is well known that Russian princes headed by Andrei Bogoliubsky organized a campaign against Novgorod after the conflict between Suzdal and Novgorod because of northern tributes. The birch-bark document is therefore evidence of one of the events resulting in this campaign which the Novgorodians won. They were headed by the boyars of Prussian street (it is they who are addressed to in this document) in the battle of 1170 which resulted in this victory.

Birch-bark document N 723 was found in a layer of the 1170's to 1190's. Its historical significance resides in the fact that Kuchkov is mentioned in the text. Such was the original name of Moskow which had previously only been known from the Ipatiev chronicle in the edition of the 15th century.

Сміє в 4-х ст. на Тверській, і не єсти ли Гостя, ии Житлак съїде сюсъ землю" (документ 1190:28.13.28.21.22.23.24). В первоначальном слогах текста упоминает посланник князя дани в Аланы. Затерян и потерян уможе, куди висильают сподельные отряды бородинских дани. Грамота № 724 подтверждает о склоне конфликте в Гайдуки, чимале, где на Алане и Ваге новгородские и ростов-суздальские князя распорядились переносом.

Рассматривая грамоту N 724 как свидетельство самого из описанных новгородско-сузальского конфликта между северных дани, мы видим, что князь Андрей Моголибокий воевать только сброда дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Ефросиньского, убитого в 1174 г. Если документ датируется временем ранее указанного года, то является возможность канонизировать.

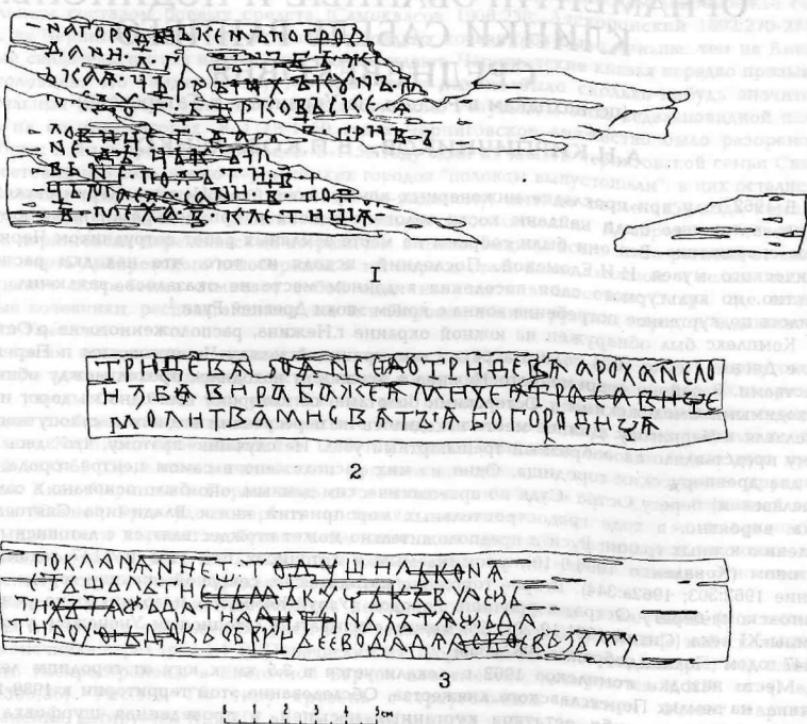

Рис.1 Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа. 1 - прорись грамоты № 718; 2 - прорись грамоты № 715; 3 - прорись грамоты № 723.

Fig.1 Novgorodian birch-bark documents from the site of St.-Michael the Archangel. 1 - drawing of birch-bark document N 718; 2 - drawing of birch-bark document N 714; 3 - drawing of birch-bark document N 723.

2 По мнению А.Н.Коломийца, восточноевропейские берестяные грамоты, как и папирусные, состоялись в западной части Европы в VIII - IX вв. в период времени, когда в Восточной Европе еще в VIII - IX вв. господствовали викинги. А.Н.Коломийцем предполагается, что на Балтийском полуострове в VIII - IX вв. существовало значительное количество поселений викингов, что и способствовало распространению берестяных грамот в восточной части Скандинавии.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ И ПОДПИСНЫЕ КЛИНКИ САБЕЛЬ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(по находкам в России, на Украине и в Татарстане)

А.Н.КИРПИЧНИКОВ, В.П.КОВАЛЕНКО*

In 1962 five
strauchiile condit
street" at the site of
contexts of some of
Bisch-Bark.

В 1962 году при прокладке инженерных коммуникаций в г.Нежине Черниговской области Украины, в траншее были найдены кости человека и коня и при них различное вооружение и конское снаряжение. Все они были собраны на месте земляных работ сотрудником Черниговского исторического музея И.И.Едомахой. Последний, исходя из того, что находки располагались компактно, но культурного слоя поселения в данном месте не оказалось, заключил, что здесь находилось подкурганное погребение воина с конем эпохи Древней Руси.¹

Комплекс был обнаружен на южной окраине г.Нежина, расположенного на р.Остер, левом притоке Десны. После 1054 года эта река стала границей между Черниговским и Переяславским княжествами. В районе современного Нежина в древности находился проход между обширными и непроходимыми Смолежскими и Остерскими болотами, по которому шла одна из дорог из Киева и Переяславля к Чернигову. Данное место находилось на пересечении водного и сухопутного путей и поэтому представляло своеобразный транспортный узел. Не случайно поэтому, что здесь оказалось сразу два древнерусских городища. Одно из них расположено в самом центре города, на левом (переяславском) берегу Остра. Судя по археологическим данным, оно было основано в самом конце X века, вероятно, в ходе градостроительных мероприятий князя Владимира Святославича по укреплению южных границ Руси и предположительно может отождествляться с летописным городом Нежатином (Коваленко 1988:9-10), упоминаемым в летописях под 1135 и 1147 годами (Полное собрание 1962:303; 1962а:344). Второе городище находится на северной окраине города, на правом (черниговском) берегу Остра, в урочище Городок (Узрый-Коммуна) и возникло не ранее второй половины XI века (Ситий 1991:19-20). Его можно связывать в летописным Уненежем, упоминаемым под 1147 годом (Полное собрание 1962а:358).

Место находки комплекса 1962 г. локализуется в 3,5 км к югу от городища летописного Нежатина, на землях Переяславского княжества. Обследование этой территории в 1989-1990 гг. не выявило здесь каких-либо остатков курганных насыпей, а проведенная шурфировка - следов культурного слоя. Да и расстояние до городища заставляет усомниться в возможности находления на таком удалении городского некрополя. Однако, вероятность расположения здесь одного или нескольких несохранившихся курганов исключить нельзя. Учитывая характер обнаруженного комплекса, здесь мог быть погребен один из так называемых "своих поганых", находившихся на службе у переяславских или черниговских князей. Где-то в Черниговском Задесенье и в бассейне Остра располагались места обитания этих, переселившихся сюда из степи, людей.

Исторические источники указывают, что в Среднеднепровском левобережье находились тюркоязычные торки переяславские (упомянуты под 1080 годом) и коуи черниговские (названы при описании событий 1185 года) (Расовский 1933:10,16). Там же, а также в пределах левобережной части Киевского княжества, проживали более мелкие группы осевших на землю кочевников, например, турпеи и печенеги. Основное ядро вассальных русским князьям степняков располагалось в Поросье, где в середине XII века они оформились в союз черных клобуков. Представление о материальной культуре, быте, верованиях, воинских обычаях этого объединения дают 120 археологически изученных черноклобуцких погребений, относящихся к XII - первой половине XIII вв. (Плетнева

* А.Н.Кирпичников. Россия. Санкт-Петербург. 191065, Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

В.П.Коваленко. Украина. Чернигов. 250000. ул.Ленина 13, исторический факультет Черниговского государственного педагогического института им.Т.Г.Шевченко, кафедра истории и археологии Украины.

¹ Остатки насыпи и какие-либо погребальные конструкции зафиксировать не удалось. Вещи поступили в Черниговский исторический музей. Информация о некоторых из найденных предметов: Кирпичников 1971:82, № 36; 1973:31-32 и сл.

1973). Обращает внимание, что эти захоронения изобилуют различным вооружением. Вписывается в этот ряд и нежинское погребение, едва ли не единственное в Днепровском левобережье со столь выразительным составом боевых средств (Самоквасов 1908:238; Ляскоронский 1892:270-271). По-видимому, на Черниговщине и Переяславщине оседых кочевников было меньше, чем на Киевщине. Летописные свидетельства это наблюдение подтверждают. Черниговские князья нередко призывали на помощь половцев, что свидетельствует о том, что у них не было сколько-нибудь значительных вспомогательных сил вроде киевских черных клобуков. Результаты этой недальновидной политики оказались на ее инициаторах. В 1148-1159 годах Черниговское княжество было разорено из-за междуусобных войн и призывов половцев. В 1159 году один из князей черниговской семьи Святослав Ольгович сетовал, что семь южно-черниговских городов "половцы выпустошили", в них остались жить лишь княжеские псари (Расовский 1940:119). По-видимому, именно после 1159 года компактные группы степняков стали более активно, чем раньше, расселяться на Днепровском левобережье, особенно в черниговско-переяславском пограничье, в целях защиты всего этого региона от половцев. Этническая карта Днепровского левобережья в тот период стала более сложной, и нельзя исключить, что нежинское погребение отмечает собой один из участков бассейна Остра, где появились замиренные кочевники, располагавшиеся, как и в Поросье, вблизи русских городов, в данном случае Нежатина и Уненека.

Во время монгольского нашествия, а точнее в 1239-1240 гг., киевские, черниговские и переяславские кочевники-федераты, составлявшие иноплеменную часть русского войска, разделили его общую участь. Они были или уничтожены, или обращены в рабов и изгнаны со своих мест. Рашид Эдин сообщал, что монголы при захвате Киева напали на черных шапок (черных клобуков - авт.), а Плано Карпини, проезжавший в 1246 г. Поросье, описывал его как безлюдную пустыню (Расовский 1933:62-63). Каток монгольского погрома прошелся не только по таким крупнейшим городам, как Киев, Чернигов и Переяславль, но и захватил их области. Масштабы тотальной военной катастрофы Южной Руси удостоверяют не только письменные источники, но и археология. В частности, древности черных клобуков, найденные в их курганах, датируются не позже первых четырех десятилетий XIII века и в дальнейшем уже не встречаются. Это заключение относится также и к нежинскому погребению и определяет его верхнюю дату.

Обратимся к характеристике находок нежинского погребения, заключавшего в себе набор вооружения и конского снаряжения (рис.1-2). В этом наборе оказалась сабля (о ней скажем ниже), четыре наконечника стрел (рис.1:1-4). Перечислим их. Форма лезвия листовидная (рис.1:1), плавная по очертаниям. Распространены в Восточной Европе повсеместно, датируются X-XIV вв. (Медведев 1966:табл.305,36). Рис.1:2. По типу срезень с треугольным лезвием. Имеет евразийское распространение, датируется XIII-XIV вв. На лезвии заметно ребро, что встречается редко (Медведев 1966:табл.24,11). Рис.1:3.² Лезвие имеет удлиненно-треугольную форму. Плечики угловаты. Стрелы этого типа употреблялись в XII веке и позже, по своему распространению евразийские. На Руси встречены повсеместно и в основном датируются XII - первой половиной XIII вв. (Медведев 1966:табл.20,27). Рис.1:4. Пере в поперечном сечении трехлопастное. Для XII-XIII вв. такие стрелы нехарактерны, они свойственны более раннему времени, а поэтому находки этих стрел на памятниках XII - первой половине XIII вв. единичны. Относится это и к русским городам, погибшим во время татаро-монгольского нашествия (Медведев 1966:61). Итак, рассмотренные стрелы географически имели весьма широкое распространение и датируются, в основном, XII - первой половиной XIII вв.

Наличие в погребении сложного лука удостоверяется деталями из кости. К таковым относятся три части односторонней срединной накладки рукояти (рис.1:14-16). Составленные вместе, они по длине достигали 28 см, при этом боковые приставки (их концы обломаны) имели покрытые бороздами концы для лучшей склейки с обмоткой из бересты или сухожилий. Разделенность срединной накладки на составляющие, способствовала более эластичному сжатию и растяжению луковища без деформации самой жесткой костяной обкладочной конструкции рукояти. Обнаружение в Восточной Европе подобных трехчастных держателей рукоятей лука (Медведев 1966:11, табл.6,6) позволяет высказать одно наблюдение. Луки с односторонними срединными костяными накладками

² По мнению А.Ф.Медведева, эти стрелы в русских находках вариант монгольских наконечников. Это не согласуется с утверждением того же автора о том, что предшественники данных наконечников известны в Восточной Европе еще в VIII - первой половине IX вв.

фиксируются для VII-X вв. В XII-XIII вв. эти накладки стали изготавляться или из одной части³ или, как видно на нашем примере, из трех. Описанные детали нежинского лука дополняет костяная петля для привешивания наручья (рис.1:13).

Среди находок оказалась свернутая кольчуга. Удалось разобрать, что ее плетение состояло из мелких колец диаметром 8 мм, толщиной 1 мм. Кольца были попеременно склеаны и сварены. Наличие кольчуги в погребениях южнорусских кочевников - признак состоятельности и высокого социального положения ее владельца. Такое определение можно отнести и к "нежинскому" воину, обладавшему дорогими вещами и, в том числе, деталями конского снаряжения, украшенного серебром.

Назовем здесь железные посеребренные фигурной ковки детали оголовья коня: два разделителя ремней с тремя подвижными обоймами (рис.1:6-7,10). Они помещались у висков коня и соединяли шейный и нащечный ремни. Им соответствовали еще два тройника, в нашем случае, неподвижно соединявших наносный и нащечные ремни (сохранился один тройник - рис.1:11). К оголовью относился также еще один ряд деталей, в том числе, железная подвеска лунница (рис.1:8-9,12).

Легкая узда без сбруйных бляшек с металлическими соединительными тройниками в средние века использовалась в легкой коннице грузин, персов, китайцев, татар. В казацкой кавалерии она дожила до наших дней. Южнорусские находки этот перечень дополняют. Для XII-XIII вв. аналогии, близкие нежинскому оголовью, трижды археологически обнаружены в курганах кочевников, вассальных русским князьям, а именно, у Юрьева-Польского Владимира областей и в Киевском Поросье (Кирпичников 1973:31, рис.15 и табл.XII, там же: каталог находок - удила №№ 179,233,275, стремена № 265). Соединительные части этих оголовий выполнены из посеребренной меди, и по форме почти совершенно тождественны нежинскому. Все наши аналогии относятся к XII - первой половине XIII века, при этом нижняя дата может быть приближена к середине и второй половине XII века. В отношении верхней даты появилось одно уточнение. Оголовная лунница с несомкнутыми концами, судя по северо-русскому материалу, относится, возможно, ко времени не позже 30 гг. XIII века (Лесман 1990:62,II,14).

В составе конского снаряжения оказались удила с неравноплечными звенями и кольцами диаметром 5 см (рис.2:3). Эта особенность присуща некоторым находкам XII-XIII вв., в том числе, и найденным в черноклобуцких курганах Киевского Поросья.⁴

Назовем далее два стремени с глубоко изогнутой подножкой, занимающей около половины высоты всей петли. Высота стремян 14,5 см, ширина 13,5 см, ширина подножки 3,2 см (рис.2:5а-5в). Последние расчистки на дужках стремян открылся схематизированный геометрический узор, выполненный серебром. Данный орнаментальный мотив напоминает об изделиях из кожи и материи, украшенных в технике аппликации.

Стремена аналогичной формы неоднократно встречены на Киевщине и Черниговщине, и, думается, неслучайно (Кирпичников 1973:53, тип IXa). Они приспособлены для популярной в этих местах мягкой обуви. Впрочем, подобные образцы известны и за пределами Южной Руси и годились для тяжеловооруженного копейщика и сабельника и для легковооруженного лучника, то есть были универсальными. Судя по южнорусскому материалу, стремена данного типа датируются 1150-1240 гг.

В заключении упомянем, что в рассматриваемом комплексе имелись бытовые вещи: шило (рис.1:5) и калачевидное кресало (рис.2:4). Последние еще недавно относились к X - началу XII вв., но, по новейшим изысканиям Ю.М.Лесмана, на севере Руси они использовались вплоть до последней четверти XII века. Насколько применима эта дата к южнорусским находкам и не будет ли она здесь более поздней, не выяснено.

Обзор предметов нежинского погребения свидетельствует о том, что эти изделия, по-видимому, принадлежали тяжеловооруженному конному воину, располагавшему разнообразным по составу наступательным и защитным вооружением и походным снаряжением. По крайней мере, часть этих изделий могла быть изготовлена на месте, другая - попала со стороны. Все вместе они представляли единую военно-техническую культуру своего времени, оплодотворенную широкими

³ Не исключено, что цельные костяные пластинки рукоятей луков при стрельбе ломались поперек. В таком поврежденном виде некоторые из них найдены в погребениях. Это обстоятельство, возможно, побудило мастеров-лучников перейти к разъемным односторонним накладкам.

⁴ Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. 898/38, 913/8, 913/98.

связями, включавшими столь естественные на юге Руси восточные элементы. Судя по материалу, наиболее вероятная дата нежинских находок - 1150-1240 гг., то есть, они относились к предмонгольскому времени. Предложенная дата не снимает вопроса о продолжении существования некоторых типов боевых средств и в условиях монгольского нашествия.

Наиболее примечательной вещью нежинского погребения явилась сабля (рис.2:1-2). Ее длина 99,7 см, ширина 3 см, толщина 0,5 см, кривизна полосы в наивысшей точке изгиба 2,2 см. Окончность клинка длиной 24 см обойдообраза, у перекрестия (последнее и детали рукояти не сохранились) прикреплена металлическая обойма-манжет, вес полосы 700 г. Сабля относится к слабо искривленным клинкам, характерным для начальных столетий существования этого оружия. Для сравнения отметим, что известны по находкам XI-XIII вв. древнерусским саблям свойственные: длина до 110-117 см, средняя ширина клинка 3,5-3,8 см, высота искривленности 4,5-5,5 см (Кирпичников 1966:67). Лишь однажды в Поросье на территории бывшего Каневского уезда Киевской губернии найдена сабля, сходная с нежинской (рис.3:4).⁵ Из этого можно заключить, что подобные клинки в Южной Руси для XI-XIII вв. были очень редки.

Верхнюю часть клинка с одной из его боковых сторон занимает украшенная поверхность, разделенная на две полосы (рис.2:1). Ближе к тупью мы видим орнамент в виде изогнутых лепестков, составляющих вышущуюся лозу. Лепестки, оконтуренные серебряной инкрустацией, покрыты золотой пластиной с точечными углублениями. Они, однако, не образуют единой ветви, а представлены в виде отдельных весьма схематизированных побегов. Подобные узоры, восходящие к растительной ветви - "бегущей" лозе, известны на вещах конца XII-XIII вв., в том числе, найденных на территории древней Руси: кольцевидных застежках, витых браслетах, перстнях, наручных обручах (Кочкуркина 1981:табл.26:9; Макарова 1986:рис.5:54,56; 14:35; 15:52; 16:75-76; 29:216; 33:3).⁶ Узоры такого стиля типичны для бордюров на вещах из древнерусских кладов времени монгольского завоевания. Характерно, что, как установил Ю.М.Лесман, извилины подобного расцунка распространяются на изделиях Новгородской земли в период 1197-1224 гг. Видим мы их на некоторых предметах воинского обихода.⁷ Элементы подобных украшений встречаются в отделке произведений декоративно-прикладного искусства и за пределами Руси, например, в Иране.⁸

Скошенную к острию поверхность нежинского клинка занимают последовательно расположенные начертания, как бы заключенные в рамки. Выполнены они золотой инкрустацией. Этих фигур насчитывается не менее 13, они завершаются пучком волнообразных линий. Украшенная часть сабли была тщательно реставрирована в Эрмитаже А.И.Бантиковым. К сожалению, фрагментарная сохранность начертаний не позволила их расшифровать. По мнению востоковедов А.А.Иванова и О.Г.Большакова, начертания сабли являются куфической надписью, возможно, связанной с именем мастера или благопожеланием.⁹ Они убеждены, что рамочные обрамления являлись артилем - алиф-лам или частью буквы и могли заключать в себе буквы или 2-3 коротких слова. В качестве подтверждения, А.А.Иванов ссылается на арабскую надпись на мече багдадского халифа ал-Мустасима, правившего в 1242-1258 гг. Надпись о владельце на этом мече располагается в его верхней трети и оформлена в виде регулярно расположенных, близких по размеру, рамочных начертаний (У.Юджель 1988:51, рис.29).¹⁰ Востоковед Б.И.Маршак, напротив, полагает, что рассматриваемые знаки, суть буквовообразные подражания, так называемый "куфеск". Он видит в рамочных фигурах знаки, затейливо выполненные по образцу букв и нечитаемые. На это, по его

⁵ Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. 932/24 (рис.3:4). Неточное изображение этой сабли - Плетнева 1973: рис.5,12. Упомянутая сабля из бывшего Каневского уезда отмечена в нашем каталоге находок сабель как происходящая из с.Николаевка, что оказалось неверным (Кирпичников 1966:96, № 67).

⁶ Благодарю Ю.М.Лесмана за цennую консультацию о развитии данного вида орнамента.

⁷ На сабле из древнего Изяславья (см.ниже) и стременах из Новгорода и с.Бабичи бывшей Киевской губернии (Кирпичников 1973:табл.XVI,2; XVII,1).

⁸ К примеру, на бронзовых подставках, подсвечниках, сосудах, в архитектурных обрамлениях (Survey 1939: Fig.903 Р, 930 е; 1939а: Fig. 1283 D, 1286 B).

⁹ Благодарим Р.М.Джаппладзе, А.А.Иванова, О.Г.Большакова, Б.И.Маршака и Ю.А.Миллера за все ценные консультации о рассматриваемой сабле.

¹⁰ Приводим надпись на мече переводе А.А.Иванова: "Сделано по приказу эмира правоверных, господина нашего, имама всезнающего, имама справедливого ал-Мустасима-Биллах, эмира правоверных Абдель Мелика. Да длится царствие его". "Сделан Мухамед Сайд". Сохранился еще второй подписной меч этого же халифа.

мнению, указывает типовой характер рамок, больше пригодных для украшательства, чем смысловой подписи. Эпиграфические орнаменты в стиле "куфеск" появились в странах Ислама в XI веке и представлены на изразцах, архитектурных деталях, особенно, популярны были на медной массовой посуде.

В настоящее время окончательно решить вопрос о "подписной строке" сабли затруднительно. Заметим, однако, что в ее отделке явно выражена как бы "двойной смысл". Орнаментальная часть представлена чередой растительных знаков. С ней соседствует особая "подписьная" кайма. В последнем случае речь может идти о словесном клейме мастерской престижного оружия, что диктовалось производственной и коммерческой необходимостью, уважением к обладателю самого оружия. Известны средневековые восточные сабли именно с таким логичным двучастным соотношением узора и подписи, правда, они относятся к более позднему времени, чем нежинский клинок (Survey 1939a:fig.1423 H).

Как бы ни трактовать украшения нежинской сабли, ясно, что речь идет о дорогом, сверкающем золотом оружии, изготовленном в какой-то географически не установленной высококвалифицированной мастерской исламского мира, а затем попавшей в руки, оказавшегося на Черниговщине, кочевника. Рассматриваемый клинок, который условно можно назвать арабским, обратил внимание своей международной редкостью. Попытки найти аналогии не дали результатов. Все, что известно об орнаментированных подписных восточных саблях, относится к XIV в. (Греков, Якубовский 1950:рис.14-15), а в основном к XVI-XVIII вв. (Прохоров 1877:2 сл.; Ленц 1895:65-66, табл.XX; Катанов 1910:58; Лихачев 1910:252-261; Денисов, Портнов, Денисов 1953:29 и 152). Поиски нового материала, однако, не безнадежны, и, думается, принесут результат по мере расчистки восточно-европейских и других средневековых сабельных клинков. Ближайшие параллели нежинской сабле все же удалось отыскать среди, к сожалению, несохранившихся, известных только по описанию, чернокобальтовых клинков XII-XIII вв. из Киевского Поросья. У сабли из кургана у с.Зеленки отмечен "остаток выложенного золотом узора", в двух курганах у с.Россава оказались сабли, на одной из которых упомянута надпись, инкрустированная золотом, на другой "при рукояти на клинке следы инкрустации золотом в форме надписей или арабесок" (Каталог выставки 1899:103-104, № 501; Дабровская 1958:126-127; Кирпичников 1966:101, № XXIII, XXX и XXXI). Эти важные сведения убеждают в том, что украшенная золотом нежинская сабля была для рассматриваемого времени не столь уже единственной и случайной.

Нежинская находка указывает на восточный адрес поступления искривленного холодного оружия в Киево-Черниговское Поднепровье. В этой связи обратим внимание на такую же техническую особенность данной полосы, как ее слабая изогнутость. Для оружия XII-XIII вв. такая особенность не характерна. Такого рода клиники присущи периоду IX-X вв. Конечно, рассматриваемая сабля могла оказаться древнее сопутствующих ей находок и относится к более раннему воемени. Однако, судя по имеющемуся на сабле орнаменту, ее можно датировать исходом XII - началом XIII вв., а в интересах осторожности - более расширительно, второй половиной XII - первой половиной XIII вв. При характеристике рубящих качеств сабли ее "сбивающий" специалиста арханизм наталкивает на мысль о том, что она могла быть изготавленной в областях, где использовались мечи и только недавно стали выпускать еще в какой-то мере продолжавшие традицию слабо искривленные клинки. Оружейное дело некоторых стран исламского Востока в XII-XIII вв. переживало именно такой переходный период. В этой связи коснемся и распространения орнаментированных и подписных сабель, в разное время найденных в Евразии.

Сабли появились в евразийских степях в VII-VIII вв. В создании этого оружия приняли участие, по-видимому, многие народы и племена, в первую очередь, тюркоязычные азиатские кочевники и те, кто с ними боролся на полях биты Старого света. Сабля могла родиться в среде воинов-всадников, по своему назначению это оружие маневренной конной борьбы (Кирпичников 1966:61; Крыганов 1990:75). Примерно спустя два века после их изобретения некоторые сабельные клинки стали украшать орнаментальными каемками с растительным орнаментом и надписями. К таковым относится сабля, найденная в 1965 г. А.Д.Грачевым в могильнике Эйлиг-Хем III Улутхемского района Тувы. Клинок отделан с одной стороны орнаментальной длиной 54 см каймой, представляющей "бегущую" лозу. На скосе полосы у ее острого края оказалась гравированная арабская надпись с изречением из Корана: "Полагайся на Аллаха, победа близка" (на другой стороне полосы также есть надпись, но она не читается). Манерой исполнения надпись отличается от орнамента и, возможно, представлена несколько позже, уже после изготовления самого клинка. По мнению Г.В.Дружневской,

* Эрмитаж. Оружие арабоязычных Восточных Европей в Сибири. Вып. 3. С. 127-130.

оружие датируется 950-1025 гг.¹¹ Таким образом, перед нами древнейшая подписьная сабля - предшественница нежинской.¹² Далее, в этом списке следует назвать так называемую саблю Карла Великого, выдающееся произведение русского и венгерского ремесла 950-1025 гг., и саблю из княжеского погребения в Киеве, относящуюся к концу X - началу XI вв. Оба упомянутых клинка снабжены двусторонними боковыми золочеными пластинами со стилизованным растительным узором (Кирпичников 1966:268-276). Все перечисленные выше образцы рубящего оружия отличаются незначительной искривленностью своих полос.

В XII-XIII вв. некоторые сабли по-прежнему украшались растительным узорочьем и иногда подписывались. Избранные экземпляры отделялись золотом. Русская летопись впервые под 1252 г. упоминает саблю "златом украшену" (Срезневский 1903:238). К числу орнаментированных сабель начала XIII в. причислим клинов из раскопов древнего Иаяславля (с. Городище Хмельницкой области Украины) с двумя декоративными клеймами (инкрустация серебром) на одной из его сторон (рис. 3:1). Весь облик этих меток со схематизированным растительным узором позволяет высказать догадку о местном южнорусском производстве оружия.¹³

Первые века развития сабель связаны со степными народами. Считали, что у арабов и персов сабля была введена в XIV в. Исследования последнего времени этот тезис изменили. В арабской литературе сабля, называвшаяся в одном из вариантов калахур (Qalâchûr), упоминается в X в. Судя по многочисленным изображениям кривых клинков, они довольно редкие в XI в., столетием позже получили определенное распространение в Иране, Грузии, Азербайджане, Армении, Анатолии, Египте (Nicolle 1981:5-6; сравни Nicolle 1976:123-125, fig. 20, 78, 83, 107, 116-117, 131, 149; Islamic Arms 1979). В XIII в. в восточных и центральных областях Ислама переходят к широкому использованию сабли. В это время, особенно во второй половине XIII в., она в составе холодного оружия выдвигается на передний план и начинает вытеснять меч. Развитие восточных сабель и в дальнейшем протекало довольно интенсивно и привело, примерно в XV или XVI вв. к становлению двух национальных школ в их изготовлении. Персидская выпускала длинные, узкие, кривые клинки-шамширы (Shamshir), турецкая - менее изогнутые и более короткие и широкие - килии (Kılıç) (Seitz 1965:348, Abb. 256-257). По своему содержанию и характеру маркировка сабель в тот период была во многом унаследована от предшествующего периода.

Карту центров производства холодного оружия в странах Ислама - Иране, Аравии, Египте, Сирии, Турции и Испании - удалось составить на основании сообщений письменных источников и сохранившихся подписьных клинков XVI-XVIII вв. (Rahman Zaky 1965:282-285). Часть этих центров существовала и в более раннее время, а некоторые были специально ориентированы на торговлю с Восточной Европой.

По сообщению Абу Хамида ал-Гарнати, в его сочинении "Ясное изложение некоторых чудес Магриба" (около 1155 г.) в Волжскую Болгию привозили "мечи из стран Ислама, которые делают Зенджане и Абхаре и Тебризе и Исфахане в виде клинков, не приделывая рукоять, и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закалают эти мечи крепкой закалкой, так что если повесить меч за нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон" (ал-Гарнати 1971:33). Перечисленные в приведенном известии города находились в Иране. В более позднем варианте описания своих путешествий ал-Гарнати упоминает, что мечи для вызова на северные рынки изготавливались также в Азербайджане (ал-Гарнати 1971:58-59).

Восточные клинки, поступавшие в город Булгар, везли далее к северным народам вису и иуру (весь и югра) и с большой выгодой обменивали у них на меха и невольников. Возможно, что один из таких клинков, относящийся к XII - первой половине XIII века, с надписью "Варпет Хачатур", то есть

¹¹ Признателны Г.В.Дружневской за сведения о находке.

¹² Уместно здесь упомянуть палаш, найденный в древнетюркском кургане могильника Джолин I Кош-Агачского района Горно-Алтайской автономной области России. На клинке, который, по-видимому, датируется VII - первой половиной IX вв., различимы знаки, инкрустированные золотом (Кубарев 1985:215-216). В.А.Лившиц определил эти знаки как согдийскую надпись. Ее перевод, как любезно сообщил В.А.Лившиц, следующий: "Этот меч принадлежит ... (далее имя, возможно, торкское, не сохранилось), да не будет ему (владельцу) ущерба". Джолинский клинок первый известный нам согдийский подписьной образец. Изготовлен он мог быть где-то в Монголии или Средней Азии.

¹³ Нижняя часть клинка утрачена. Длина существующей части 69 см, ширина полосы 4,2 см, ее толщина 0,4 см. Первоначальная длина оружия около 107 см, высота искривления лезвия 5,5 см. Сохранились: трубчатое навершие рукояти и одна из скоб ножен. Клинок в своей верхней трети имеет два дола, далее тянется один (сравни Кирпичников, Медведев 1985: табл.123:5).

"Мастер Хачатур", найден на Приполярном Урале (Березовский район Тюменской области в пределах Ханты-Мансийского национального округа) (Джанполадян, Кирпичников 1972:23-29). Надпись располагалась в верхней части клинка у перекрестья и состояла из армянских букв, наведенных золотой инкрустацией. Ее дополняли ряды ритмично расположенных треугольников - возможное место ненаписанного имени владельца оружия или благопожелания. Всю композицию обрамляли вступительный и заключительный кресты (рис.5). Необычность уральского клинка заключается в том, что он является самой северной находкой средневекового сабельного оружия в Евразии, и, возможно, свидетельством торгового обмена между куспами из Булгары с северными народами. Находка на северном Урале закавказской искривленной полосы наводит на мысль о том, что иранские, азербайджанские, армянские и другие мастера после середины XII в. могли поставлять в Восточную Европу не мечи, а сабли. Это тем более вероятно, что употребленный ал-Гарнати арабский термин "сейф" (Sayf) мог обозначать не только меч, но и саблю (сравни Nicolle 1981:4), иными словами, появление привозных сабель на севере Восточной Европы могло иметь место и до середины XII в.

Мусульманские купцы на практике, установившиеся в X в., дальше города Булгар обычно не ездили, а доставленное ими из своих стран оружие и другие ценности далее на север везли уже булгарцы. Пишет об этом ал-Гарнати.

О Булгаре как складочном месте оружия, перегружавшегося здесь для транспортировки к народам севера, свидетельствует обнаружение у с.Именьково бывшего Лайшевского уезда Казанской губернии сразу двух сабель, относящихся, по-видимому, ко второй половине XII - первой половине XIII в. (рис.3:2-3:4). Обстоятельства находки сабель в местности неподалеку от устья Камы, то есть в северной части Булгарского царства, неизвестны. Вероятно, они оказались в этом месте по пути куда-то на север. Вместе с коллекцией собирателя Заусайлова упомянутые клинки из Казани попали в Национальный музей Финляндии в Хельсинки. Там они были описаны А.М.Таллгреном, обратившим внимание на их клейма, и, более того, эти клейма опубликовавшим (Tallgren 1918:30-31). Наблюдение финского ученого прошло незамеченным. Ныне удалось вновь обследовать именьковские клинки и прорисовать их начертания¹⁴ (рис.4).

По своей форме сабли однотипны, но несколько отличаются по размерам.

Экземпляр 4318: общая длина 101 см, ширина лезвия 3 см, его толщина 0,5 см, высота изгиба лезвия 3,4 см, оконечность на протяжении 25 см от заостренного конца обоюдоостроя. На клинке в его верхней трети различимы инкрустированные золотом рамочные обрамления, расположенные по листу в каждом из двух рядов. Внутри некоторых из них заметны элементы, может быть, куфических букв или каких-то знаков. Своими рамочными компонентами именьковская сабля несколько напоминает подписьную часть нежинской. Сходны и сближенные боковые рамочные полоски, в куфических надписях обозначавшие определенный артикль - алф-лам или длинное а, или представлявшие часть какой-то буквы. Возможно, что описанные знаки - подражание какой-то надписи. К сожалению, поврежденность клейма мешает истолкованию его начертаний и как букв, и как орнамента.

Экземпляр 4319: общая длина 98,5 см, ширина лезвия 3 см, его толщина 0,5 см, высота изгиба лезвия 3 см, оконечность на протяжении 20 см от заостренного конца обоюдоостроя. Клеймо сабли, в отличие от предшествующей, расположено у тупья, так сказать, одной строкой. Оно наведено серебром, состоит из вступительного и заключительного крестов и помещенных между ними десятью компонентами с 1-3 знаками. Эти компоненты разделены двойными чертами. Наличием на клейме крестов именьковская сабля напоминает упоминавшуюся выше уральскую - с армянской надписью. Такое сопоставление оказалось не случайным. Р.М.Джанполадян удалось разобрать среди интересующих начертание нескольких армянских букв, соответствующих И, Э, Е, К, Г. Возможно, что надпись удастся понять. Во всяком случае, перед нами не бессмысленное скопление каких-то значков, а читательная строка. Кавказско-армянский адрес данного оружия весьма вероятен.

Обе рассмотренные сабли, судя по их клеймам и по их сходным между собой манжетам-обкладкам у перекрестья с фигурно откованными краями, по-видимому, сделаны в одно время, в

¹⁴ Благодарим Национальный музей Финляндии и его сотрудницу доктора Л.Томантерю, расчистившую по нашей просьбе клейма упомянутых сабель. Она же любезно сфотографировала эти клейма для авторов этой статьи. Прорисовку клейм с натуры осуществил А.Кирпичников.

каких-то разных восточных мастерских, среди которых, похоже, были и кавказские.¹⁵ Сабельники этих центров экспериментировали со "строчными" начертательными клеймами. Допустимо при этом, что марки в виде букв и фигур делались в расчете на покупателя, который не обязательно стремился постичь их смысл и расшифровать, однако, одно присутствие подобных знаков на полосе призвано было убедить человека в качественности изделия, засвидетельствовать авторство определенной мастерской.

Названные выше клинки из Приполярного Урала и Казанского Поволжья, по всей вероятности, отмечают северное направление распространения этого привозного в Восточную Европу оружия. Северные народы, по словам ал-Гарнати, приобретали клинки в жертвенных целях, чтобы бросать их в море, что как будто бы способствовало добыче рыбы. Они не знали войны, верховых и выючных животных (ал-Гарнати 1971:33). Свидетельство арабского путешественника, думаем, не вполне точно. Известно, например, что югорцы воевали с русскими и в XII в. им могло требоваться металлическое оружие не только для ритуальных, но и боевых целей. Железные изделия северные народы вообще очень ценили и щедро оплачивали их ценных мехами.

Северное направление поступления искривленных клинков в Восточную Европу не было единственным. На примере нежинской находки можно убедиться, что сабли исламского происхождения проникли к кочевникам непосредственно в южно-русские земли, возможно, через нижнюю Волгу. Времена, когда восточные мечи не принимались в Европе, потому что их листа сталь становилась хрупкой и ломалась при морозе, миновали. В XII в. восточные сабли ковались из науглерожденных заготовок, проходивших затем многократную закалку. При этом достигалось необходимое для качественного изделия сочетание вязкости и твердости. Вследствие искусной термической обработки острый край лезвия получался особенно твердым (Джанполадян, Кирпичников 1972:27). Такие изделия были желанным приобретением для конных воинов не только Востока, но и Запада.

- АЛ-ГАРНАТИ АБУ ХАМИД. 1971. Путешествие в Восточную и Центральную Европу. Москва.
 ГРЕКОВ, Б.Д., А.Ю.ЯКУБОВСКИЙ. 1950. Золотая Орда и ее падение. Москва-Ленинград:АН СССР.
 ДЕНИСОВА, М.М., М.Э.ПОРТНОВ, Е.Н.ДЕНИСОВ. 1953. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI-XIX вв. Москва:Госкультпросветиздат.
 ДЖАНПОЛАДЯН, Р.М., А.Н.КИРПИЧНИКОВ. 1972. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в приполярном Урале // Эпиграфика Востока XXI:23-29. Ленинград.
 КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ. 1899. Каталог выставки XI археологического съезда в Киеве.
 КАТАНОВ, Н.Ф. 1910. О сабле с греческой надписью // Известия общества археологии, истории, этнографии. XXVI (1-2):55-59. Казань.
 КИРПИЧНИКОВ, А.Н. 1965. Так называемая сабля Карла Великого // Советская археология 2:268-276.
 1966. Древнерусское оружие 1 (Мечи и сабли IX-XIII вв.). Свод археологических источников Е 1-36. Москва-Ленинград:Наука.
 1971. Древнерусское оружие 3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.. Свод археологических источников Е 1-36. Ленинград:Наука.
 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Свод археологических источников Е 1-36. Ленинград:Наука.
 КИРПИЧНИКОВ, А.Н., А.Ф.МЕДВЕДЕВ. 1985. Вооружение // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село: 298-363. Москва:Наука.
 КОВАЛЕНКО, В.П. 1988. До питання про першопочатки Ніжина // П. чернігівська обл. наукова конф. з істор. краєзнавства. Тези доповідей: 9-10. Чернігів-Ніжин.
 КОЧКУРКИНА, С.И.1981. Археологические памятники Корелы. Ленинград:Наука.
 КРЫГАНОВ, А.В. 1990. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии:71-80. Новосибирск:АН СССР.
 КУБАРЕВ, В.Д.1985. Исследования на Алтае // Археологические открытия 1983 года:215-216. Москва.
 ЛЕНЦ, Э.Э. 1895. Опись собрания оружия графа С.Д.Шереметева. Санкт-Петербург.
 ЛЕСМАН, Ю.М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (Х-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода:29-98. Москва.
 ЛИХАЧЕВ, Ф.И. 1910. О персидской сабле XVII в. с клинком работы Асад'уллаха // Известия общества археологии, истории, этнографии XXVI (3):252-261. Казань.

¹⁵ У нас пока нет оснований предполагать производство сабель в Булгаре, допустим, по мусульманским образцам.

- ЛЯСКОРОНСКИЙ, В. 1892. Археологические раскопки близ г.Лубен, Полтавской губ., в урочище Лысая Гора // Киевская Старина XXXIX:263-280. Киев.
- МАКАРОВА, Т.И. 1986. Чернное дело Древней Руси. Москва:Наука.
- МЕДВЕДЕВ, А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. Свод археологических источников Е 1-36. Москва:Наука.
- ПЛЕТНЕВА, С.А. 1973. Древности Черных Клобуков. Свод археологических источников Е 1-19. Москва:Наука.
- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ. 1962. Полное собрание русских летописей I (ред.Е.Ф.Карского). Москва:Восточная литература.
- 1962а. Полное собрание русских летописей II (ред.Е.Ф.Карского). Москва-Ленинград:Восточная литература.
- ПРОХОРОВ, В.А. 1877. О древних саблях с греческими, славянскими и другими надписями. Санкт-Петербург.
- РАСОВСКИЙ, Д.А. 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum, VI:1-66. Прага.
1940. Половцы. IV. Военная история половцев // Annales de l'Institut Kondakov XI:96-128. Beograd.
- САМОКВАСОВ, Д.Я. 1908. Могилы русской земли. Москва.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. 1903. Материалы для словаря древнерусского языка III. Санкт-Петербург.
- СИТИЙ, Ю.М. 1991. Давньоруські пам'ятки правого берегу р.Остера в районі м.Чернігова // Питання вітчизняної та зарубіжної історії:15-20. Чернігів.
- ЮДЖЕЛЬ, У. 1988. Исламские мечи и их создатели. Кувейт (на арабском языке).
- DABROVSKA, E. 1958. Kurhany Rossawskie // Archeologia III
1956(1):122-171. Warszawa-Wroclaw.
- ISLAMIC ARMS. 1979. Islamic arms and armour. London.
- RAHMAN ZAKY, R.A. 1965. On Islamic Swords // Studies in Islamic Art and Architecture.(in honour of prof. K.A.Greswell).270-291. Cairo-American University in Cairo press.
- NICOLLE, D. 1976. Early medieval islamic arms and armour. Madrid.
1981. Islamicen waffen. Graz.
- SEITZ, H. 1965. Blankwaffen I. Branschweig.
- SURVEY. 1939. A survey of Persian art prehistoric times to the present III (ed.A.U.Pope). London, New-York:Oxford University Press.
- 1939a. A survey of Persian art from prehistoric times to the present VI (ed.A.U.Pope). London, New-York:Oxford University Press.
- TALLGREN, A.M. 1918. Collection Zaussailov au Musée National de Finlande II. Helsingfors.

A.N.KIRPICHNIKOV, V.P.KOVALENKO.

ORNAMENTED AND INSCRIBED BLADES OF EARLY MEDIEVAL SABRES.

Summary.

A nomad's grave of epy later part of the 12th - early half of the 13th century has been found near the town of Nezhin in the Chernigov region of the Ukraine. Among other arms it contained a sabre. Clearing of this blade has revealed a unique tradesman's mark and the apparent remains of an arabic inscription with an ornamental border (fig.1-3). Two other sabres of a similar date have been excavated near the village of Imenkovо in the former Kazan province. These also bear apparent arabic and armenian script on their blades (fig.4-5). These, together with several earlier known finds, provide evidence for the manufacture of ornamented and inscribed sabre blades in the Early Middle Ages - a fact previously not well known.

The manufacture of inscribed sabres bearing tradesman's marks in Asia and Eastern Europe began not later than in the 10th century. These inscriptions served as either symbols of prestige, protection against supernatural forces or gave the name of the armourer. Ornamentation and inscriptions in this manner indicated the quality of the sabre and its own magical power.

Classification of these decorations and inscriptions has indicated some geographical regions of sabre manufacture. From the 12th century through to the first half of the 13th century these blades appear to have derived from workshops in Iran and the Caucasus. From there sabres were traded to Bulgaria as far as the Volga and then to the more northern lands. Another trade route of oriental sabres was to the Southern Russia steppes where they were used by both nomads and the Russians. The tradition of inscribed sabres continued into the late Middle Ages with the later inscriptions bearing witness to earlier inscription and style of decoration.

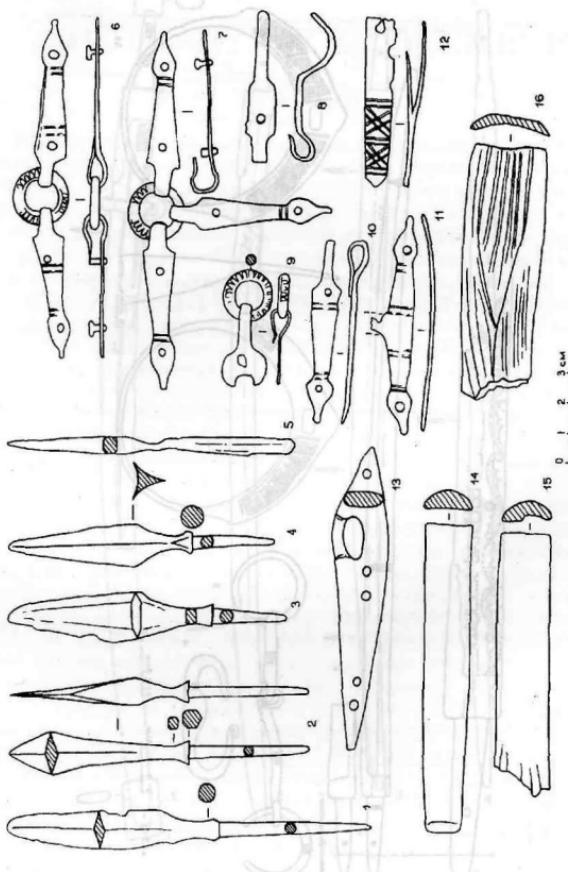

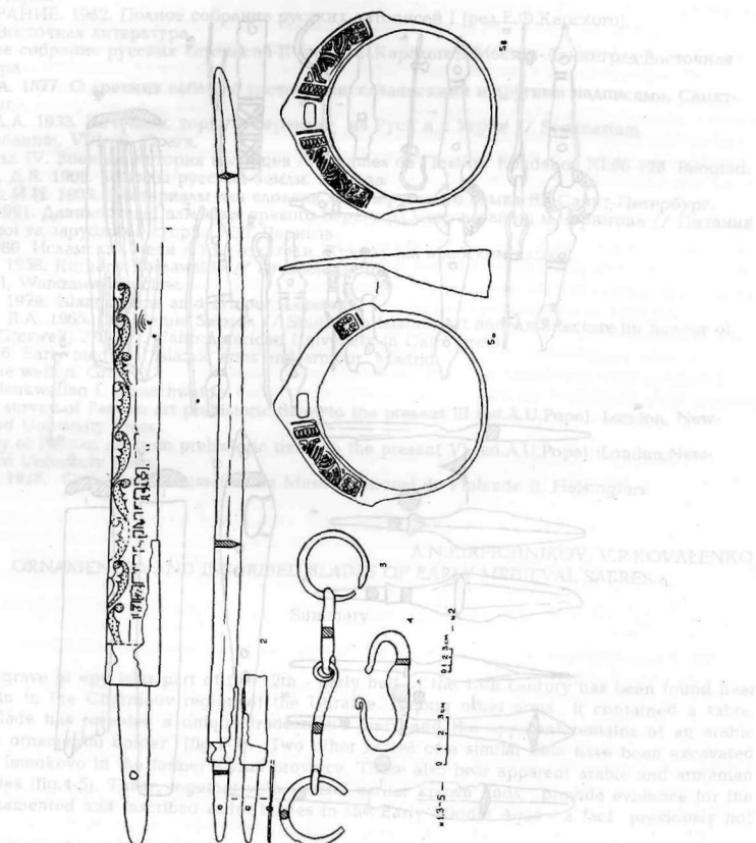
Рис.3 Раннесредневековые сабли. 1) Городище у села Городище Ханты-Мансийской области на Урале.

Рис.1 Нежин. Вещи из погребения. 1-4 - наконечники стрел, 5 - шило, 6-12 - металлические детали оголовья коня, 13 - костяная петля от налучья, 14-16 - костяные части накладки на рукоять лука.

Fig.1 Nezhin. Goods from the grave. 1-4 - arrow-heads, 5 - an awl, 6-12 - metal details of a harness, 13 - a bone loop of a bow case, 14-16 - bone parts of a plate on a bow-handle.

АХСЮРОНСКИЙ, В. 1982. Археологические находки близ г.Аубен, Полтавской губ., в урочище Алыс Горы // Киевская Старина. XXXIX:263-269. Киев.
 МАКАРОВА, Т.Н. 1985. Черноземное дело древней Руси. Москва:Наука.
 МЕДВДЕЦ, А.Ф. 1986. Русское мятательное оружие (Лук и стрела, самострел) VIII-XIV вв. Свод археологической историчности в под.Москва:Наука.
 ГЛЯТНЕВА, С.А. 1973. Древности Черниговской земли. Свод археологических источников Е.1-19. Москва:Наука.

ПОЛНОЕ СБЫРЬИЕ. 1962. Полное собрание русских писателей с 1700 по 1900 год. Составлено и предисловие к собранию И.Г.Д.Керского. Мостка:Восточная литература.
 1963. Полное собрание русских писателей с 1700 по 1900 год. Составлено и предисловие к собранию И.Г.Д.Керского. Актикутура
 ПРОХОРЧУК, В.А. 1877. О греках на Руси. СПб.
 РАСОВСКИЙ, Д.А. 1933. Кондаковский. Указатель. СПб.
 Чайко, П. Жизнь IV. Записки о жизни в России. СПб.
 САМОКВАСОВ, А.В. 1988. Словарь по истории русской культуры. СПб.
 СРЕБРИСКИЙ, И.И. 1975. Словарь по истории русской культуры. СПб.
 СИРИЙ, Ю.М. 1981. Азбука. Словарь. СПб.
 ШАЛКЕЛЬ, У. 1988. История русской культуры. СПб.
 БАДУРСКАЯ, Е. 1978. Книга о русской культуре. СПб.
 ISLAMIC ARM. 1976. Islamic Art. London.
 АЗАМАН ЗАГИТ, Г.А. 1962. Оружие. К.А.С.Советов
 НЕЧИЛО, Д. 1976. Оружие. К.А.С.Советов
 1981. Зарницы великих. К.А.С.Советов
 КРУПСКАЯ, В. 1985. Великая Русь. Книга о русской культуре. СПб.
 SURVEY. 1970. A Survey of the Russian People. III. H.A.U.Pope. London. New-York:Oxford University Press.
 1971. A Survey of the Russian People. V. H.A.U.Pope. London. New-York:Oxford University Press.
 ТАЛЛСОН, А.М. 1970. Оружие. Книга о русской культуре. СПб.

A mounted sword was found near the town of Nekhin in the Crimea. Cleaning of this blade has revealed an inscription which is partially inscribed with an ornamental script near the village of Kirovskoye in the Taurid district. The script on their blades (fig.4-5). The manufacture of spathae and scutae is well known.

The manufacture of inscribed sabres during the nomadic period in Asia and Eastern Europe began not later than in the 10th century. These instruments served as either symbols of prestige or protection against supernatural forces or gave the主人 of the instrument. Ornamentation and inscriptions in this manner indicated the quality of the sabre and its own magical power.

Classification of these decorations and inscriptions has indicated some geographical regions of their distribution. The first stage of development of the inscriptions in the 10th century these blades were to become more numerous and widespread. The second stage of development of the inscriptions in the 11th century.

Рис.2 Нежин. Вещи из погребения. 1-2 - сабля и ее клеймо, 3 - удила, 4 - кресало, 5а-5в - стремена.

Fig.2 Nekhin. Goods from the grave. 1-2 - a sabre and its brand, 3 - a bit, 4 - a fire-stick, 5a-5c - stirrups.

and style of ornamentation.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Эта статья была написана в 1961 году. Членом в то время я был в партийно-государственной археологической комиссии марксизма (пакт того что у нас сидели марксисты). В то время я не занимался археологией и не представлял интереса для археологической науки России.

1. Принципы археологии историзма. Я напоминаю как писалось в Обществе археологии в 1931 году в своем концепции развития. Концепция стала основой социологического подхода к археологии с историй и социальных культур. Было сформировано все изучение археологии в широком смысле методологических условий и задач археологии.

Именно в это время поднялся вопрос о том что в чём выражалась природа истории в археологии как в научной истории. Одни сложили тряпичную теорию как о социальной основе истории, другие проблему землемерия и промышленного развития, вторая проблема концепции вклада в будущее общества.

Тем более что на эти же темы в археологическом журнале появился А.Б.Бровинский, А.Д.Литвинов, А.З.Аризовский, А.Г.Греческая и многих других. Но первые споры между археологами и историками не безвредны. Выходит главный труд А.З.Аризовского «Археология и исторический метод». Тогда же появляются первые археологические публикации и специального рассмотрения в археологии.

На первых спорах между археологами и историками в археологии было спорено о значительных различиях между археологами и историками в марксизме и в археологии. Но годы исследований доказали что археология и историческая наука не склонны к марксизму.

Рис.3 Раннесредневековые сабли: 1) Городище у села Городище Хмельницкой области на Украине, раскопки М.К.Каргера в 1961 г. (древний Изяславль); 2) Именьково, бывший Лайшевский уезд Казанской губернии. Коллекция Заусайлова, 4318; 3) Там же, 4319; 4) Бывший Киевский уезд Киевской губернии.

Fig.3 Early medieval sabres: 1) A site near the settlement Gorodische of the Khmelnitsck region in the Ukraine, the excavations of M.K.Karger in 1961 (ancient Iziaslav); 2) Imenkovo, the former Laishevsk district of the Kazan province. The collection of Zausailov, 4318; 3) The same collection, 4319; 4) The former Kanevskij district of the Kiev province.

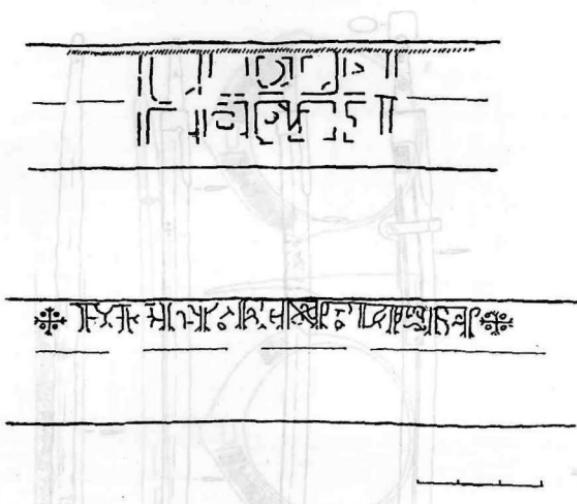

Рис.4 Клейма сабель из Именьково. Верх 4318, низ 4319.

Fig.4 The brands of sabres from Imenkovo. At the top - 4318, at the bottom - 4319.

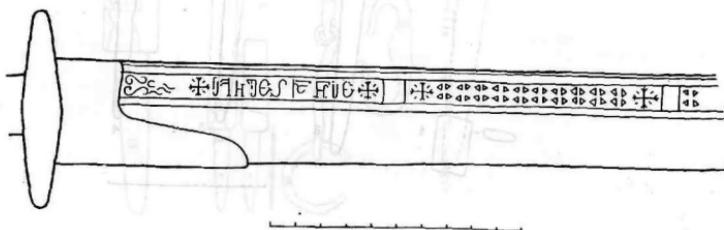

Рис.5 Сабля с армянской надписью. Приполлярный Урал.

Fig.5 A sabre with an armenian inscription. The Near Polar Urals.

Рис.6 Установленные детали оружия из коллекции Ю.А.Киричникова №4319 (справа) и №4318 (слева).
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.
На рисунке изображены: 1. Рукоять с крестовиной и погоном; 2. Клинок с гравировкой; 3. Ножны с гравировкой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

ИСТОРИЗМ В АРХЕОЛОГИИ

Л.С.КЛЕЙН*

Эта статья была написана более 10 лет назад, но напечатать ее в тогдашних условиях не представлялось возможным. Статья, однако, не кажется устаревшей. Сейчас, когда тоталитарная партийно-государственная система рухнула, и дискредитированы догмы марксизма (или того, что у нас считалось марксизмом), когда с науки снят идеологический пресс, и предстоит генеральный пересмотр методологии, опыт уже начатого движения по этому пути может представить интерес для археологической науки России и других стран, которым досталось советское наследство.

1. Принцип историзма в советской археологии. С первых же шагов советской археологии историзм был выдвинут как один из ее руководящих методологических принципов. Он понимался как реализация материалистической диалектики применительно к изучению человеческого общества (Равдоникас 1931, 1932). Общество и его культура стали рассматриваться в закономерном скачкообразном развитии, которое характеризовалось приматом производства. Археологические памятники стали изучаться как основа для исторических реконструкций и как средство социологического познания прошлого. Это означало установление неразрывной связи советской археологии с историей и социологией и борьбу с эмпиризмом, с тенденцией ограничить все изучение древних культур вещественным (Арциховский 1926; Равдоникас 1930, 1931 и др.). В этом широком спектре методологических установок раскрывалась принцип историзма.

Изначально в этой трактовке содержалась некоторая расплывчатость понимания того, к чему прилагался принцип историзма: к археологии или к палеоистории (первобытной и древнейшей истории). Одни советские ученые трактовали археологию как вспомогательную науку - часть источниковедения, другие - как специализированную палеоисторию. Первая концепция усложняет проблему приложения к археологии принципа историзма, понимаемого, в основном, как принцип развития, вторая упрощает: чего проще - история ведь есть развитие. Победила у нас вторая концепция, и, казалось бы, поддерживаемое ею понимание принципа историзма утвердилось прочно.

Тем более, что из этих установок, из этого понимания историзма, а также объекта и задач археологического изучения принято было (не без некоторых оснований) выводить главные достижения советской археологии, связанные с именами М.И.Артамонова, А.В.Арциховского, А.Я.Брюсова, П.П.Ефименко, А.Н.Замятнина, Б.А.Латынина, С.А.Семенова, П.Н.Третьякова и многих других: открытие палеолитических жилищ, разработку функционально-трасологического метода, инициатива в выдвижении социально-исторических интерпретаций некоторых археологических явлений, маркирующих важнейшие сдвиги в ранней истории (анализ женских статуэток каменного века, трактовку совместных погребений бронзового века, выявление имущественной дифференциации и социального расслоения в памятниках бронзового века, объяснение городищ появлениею излишков, и прочее).

На первых порах внедрение марксизма в археологию было сопряжено со значительными издержками: неискушенные в марксизме, да и в археологии, молодые исследователи ударились в вульгаризацию и гиперболизацию марксизма, чему немало способствовала общая обстановка в стране. Это сказалось в "методе восхождения" А.В.Арциховского и в "теории стадиальности" В.И.Равдоникаса и других археологов, ориентировавшихся на одноименную часть "яфетического учения" академика Н.Я.Марра в лингвистике. За догматизацией этих схем последовал этап острой критики и самокритики (Против вульгаризации...1953), а естественной реакцией на это был период увлечения эмпирическими исследованиями (Рыбаков, цит. по: Павловская 1969:199); были и другие причины такого развития (Клейн 1977).

* Россия. Санкт-Петербург. 199155, ул.Железнодорожная, 27. кв.27.

Выход из стагнации ознаменовался возобновлением интереса к теоретическим и методологическим проблемам археологии, и снова в центре внимания оказался историзм археологии. В современной разработке этой проблемы видное место заняли тематическая конференция "Историзм археологии" в Москве (Историзм... 1976) и выпуск специального теоретического номера Кратких сообщений Института археологии, по сути также посвященного этой проблеме (Вопросы теории... 1978) и открываемого статьей академика Б.А.Рыбакова "Историзм археологии" (Рыбаков 1978). В этих работах подчеркивается неразрывная связь археологии с историей, отмечается необходимость преодолевать тенденцию к веществедческой ограниченности и признана важность археологических источников для решения конкретных исторических проблем.

В печатном отчете о конференции сказано: "Проблема историзма - одна из фундаментальнейших в методологии археологической науки. Ее решение определяет важнейшие задачи и цели археологии, ее положение среди других наук. Для археологов-марксистов не может быть другого пути решения этой проблемы, кроме признания археологии равноправным членом семьи научных дисциплин, изучающих прошлое человечества. Но в рамках общего принципа остаются недостаточно разработанными такие важнейшие аспекты проблемы историзма, как конкретные методы его проведения в археологических исследованиях, соотношение археологии со смежными дисциплинами, в первую очередь с этнографией; и др. Именно эти вопросы подверглись оживленному и разностороннему обсуждению на конференции..." (Башилов 1978).

К этому следовало бы добавить, что, как можно заметить, различным оказывается и само понимание принципа историзма.

К сожалению, в устном и печатном обсуждении этой проблемы совершенно отсутствует обзор и критика зарубежных представлений. Краткая статья В.М.Массона и В.С.Бочкирева не претендует "на полный обзор и анализ", по признанию самих авторов (1978:37), а различия в понимании принципа историзма обходит полностью. Между тем, критический обзор зарубежных представлений по этому вопросу был бы существенным для внесения большей четкости. Дело в том, что принцип историзма выдвигается не только советскими и не только марксистскими учеными. Его отстаивают также и на Западе представители ряда немарксистских и даже резко антимарксистских концепций. Но, конечно, у них совсем другое понимание этого принципа. Впрочем, оно и у советских археологов разное.

2. Виды историзма. Как единодушно признают советские философы, в марксистской науке историзм прежде всего предусматривает представление о развитии изучаемого объекта; разумеется, он приложим только к таким объектам, для которых характерно развитие, и действителен в решении задач, не требующих абстрагирования от развития. Материалистическая диалектика усматривает такие объекты и такие задачи во многих важнейших научных проблемах (частности, и при изучении общества), где метафизическая наука не видит их. Марксистский историзм по идеи, рассматривает развивающийся объект как внутренне связанное целое, выявляет закономерности в переходах от одного состояния к другому, видит главный источник развития во внутренних противоречиях объекта и ищет главную движущую силу его развития в материальных условиях (Грушин 1962; Кон 1965:453; Иванов 1966; Подкорытов 1967:53-109; Гулыга 1969:7-8; Французова 1972:46-48; Принцип... 1972). Истинная суть историзма, по непрестанно цитируемому высказыванию В.И.Ленина, состоит в том, чтобы "не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь" (Ленин 1963:67). Эта суть скжето сформулирована Лениным в трех словах: "Диалектика включает историчность..." (Ленин 1929:384). В этом смысле советские философы говорят "о проникновении историзма в любую науку" (Гулыга 1969:7, прим.2) и специально о подчинении этому принципу всех общественных наук (Салов 1977:13-14).

Историзм этого рода существовал и до становления марксизма, ибо историки частенько стихийно соединяли диалектические идеи гегельянства с трезво материалистическими суждениями. А под знаком марксизма такой историзм сознательно проводился не только в советской исторической науке и археологии, но и в работах Г.Чайльда, в неоэволюционизме Л.Уайта и др., а неосознанно - в творчестве многих преисториков и историков во всем мире.

Историзм этот проявил себя как обладающий большой эвристичностью, хотя и склонный к гиперболизации детерминизма и догматизации схем однолинейного развития.

Но еще в XIX веке возник и стал характерным для буржуазной мысли этого периода и для ряда школ иной историзм, чуждый марксизму (Асмус 1971; Подкорытов 1967:100-109). Он был связан сначала с романтизмом и компаративистской методикой, стало быть признавал эволюцию форм, но отличался идеализмом и стремлением выявлять преемственность для утверждения традиций. На его основе возникли "историческая школа права", "немецкая историческая школа" в истории, "историческая школа" в политэкономии. Для них характерны отказ от теоретического рассмотрения проблем и от идеи прогрессивного развития, описательство, упор на установление последовательности событий и выявление конкретных причин. Философским обоснованием этого подхода явилось неокантинское идиографическое понимание истории как описательной и объяснительной науки, изучающей уникальные события в их последовательности и тем отличаемой от естествознания и некоторых социальных наук, выявляющих и формирующих закономерности. "Суть историзма, - пишет видный историк ФРГ Ф.Мейнеке, - состоит в замене генерализующего рассмотрения исторически возникающих человеческих сил рассмотрением индивидуализирующим" (Meinecke 1959:2). Ему вторит Г.Моммзен (цит. по: Салов 1977:52): "Определяющий принцип историзма состоит в познании единичного и особенного всех исторических явлений, в выявлении их индивидуальности".

Ныне движение философской мысли в нашей стране уже доросло до пересмотра однозначно негативного отношения к неокантинству - мы теперь понимаем, что это течение значительно углубило понимание истории (Гулыга 1964). Однако переоценка неокантинства не означает принятия всего, что с ним связано. Так что, если неокантинство стимулировало определенную разновидность историзма, то этим еще не определяется, что этот историзм непременно плох или хороший - ясно лишь, что он иной. Чем и кому он угоден, определялось не его философскими корнями, а его разработкой и общей ситуацией в науке.

Итак, появился историзм индивидуализирующий.

Такой историзм ширился и разветвлялся (Mannheim 1924; Troeltsch 1922; Rothacker 1954; сравни Pois 1970; Салов 1977; Толокнов 1972).

В дальнейшем его распространение породило еще одну разновидность "буржуазного" историзма. В этнографии и археологии она проявилась, прежде всего, в диффузионистском направлении. Именно тогда появились немецкая и австрийская "культурно-исторические школы" и американская "историческая школа" в этнографии. В этнографии и археологии сторонники такого понимания отставали ориентацию на историю в противоположность ориентации на социологию и антропологию - науки, занятые выявлением закономерностей. Этих специалистов очень привлекал также "абсолютный историзм" неогегельянца Б.Кроче, выступавшего против сближения истории с социологией, но зато готового "принять" в историю многие науки, дабы все их подчинить идеализму. Для Кроче история - единственная и интегральная наука (Сроце 1944:233; сравни Ирибаджаков 1972:232-233), и "нет никакой другой истории, кроме истории духа" (Сроце 1944:481).

И позже многим западным археологам история стала представляться убежищем от любого детерминизма и материализма, от тенденции выявлять и применять в исследовании законы развития. Этим археологам казалось: чем неразрывнее удастся слить археологию с историей, тем полнее охватить рамками истории, тем надежнее убежище. Началось своего рода бегство археологов в историю (или - в данном контексте это было безразлично - в преисторию). "Историзм" для этих археологов означал причастность археологии к истории, включенность в историю, а это в свою очередь означало отказ от материализма и еще более от детерминизма, от закономерностей.

3. Проблема историчности археологии. В этом свете становятся понятными многочисленные заявления западных археологов о неразрывной связи археологии с историей, о включенности археологии в историю на правах частного раздела, об их тождестве по предмету, об условности их разделения.

"Лишь условно можем мы рассматривать историю как соседнюю науку, - пишет ведущий археолог ФРГ Г.-Ю.Эггерс (1959:16-17), - есть лишь одна история и к ней также принадлежит в полном объеме доистория (в немецкой терминологии, это первобытная археология. - А.К.)". Только из-за огромного накопления источников и ради практического удобства их обработки археология и история стали "практиковаться как две раздельные дисциплины, но по цели они остались одним целым". Американист О.Киддер, возвлавший археологов Института Карнеги в США, еще раньше призывал "покончить с несколькою чеснечтур жестким различием, которое обычно проводится между археологией и историей... Хоть объекты, и поэтому первичные методы, этих двух дисциплин по природе несходны, их конечные цели идентичны..." (Kidder 1930:91). Влиятельный британский археолог

кембриджский профессор Г.Даниел решительно возражает против идеи о родстве археологии с культурной антропологией или социальными науками. По его мнению, "археология - это техника, посредством которой добываются факты для построения истории и преистории... А цель археолога - написание преистории" (Daniel 1950:311,320). Поэтому для многих "первобытная археология" и "преистория" - это одно и то же (Daniel 1950:13). Старейший британский археолог К.Хокс, профессор Оксфордского университета, утверждает, что археология принадлежит к истории "не только в операциональной практике, но также и в философской теории" (Hawkes 1948:5). Американец Г.Колтон считает аксиомой, что "археология есть история" (Colton 1939, цит. по Deetz 1971:86).

Таким образом, нельзя вместе с А.В.Арциховским (1955:6) полагать, будто "только в марксистско-ленинской исторической науке общепризнано, что археология является разделом истории". Эта декларация опрометчива не только потому, что принадлежность археологии к истории на правах раздела "общепризнана" в ряде западных школ, но еще и потому, что в советской науке она не общепризнана. В советской науке имелись и имеются также другие мнения, согласно которым археология - это вспомогательная историческая дисциплина (Равдоникас 1939:11) или автономная общественно-историческая наука подобно этнографии или политэкономии (Григорьев 1972; Генинг 1975 и другие). Сторонники "абсолютной историчности" археологии считают, что эти конкурирующие трактовки влекут за собой непременно полный отрыв археологии от истории, возврат к замкнутому в себевещеведению, недооценку возможностей археологии. Однако их оппоненты отвергают эти опасения, приводя соответствующие обоснования, и со своей стороны указывают на ущерб, вытекающий из отождествления археологии с историей по предмету (Клейн 1977; см. также 1986).

Именно в пылу борьбы с конкурентными трактовками предмета археологии некоторые советские сторонники включения археологии в историю решили для упрочения своей точки зрения опереться на принцип историзма, отождествив историзм археологии (как методологический принцип) с историчностью (понимаемой как определенная локализация археологии в системе наук). Незаметно для себя они стали сводить принцип историзма к ориентированности археологии на решение задач истории и к тому, чтобы включить археологию в историю на правах раздела. Тем самым они отошли от более широкого и иначе целенаправленного понимания историзма, традиционно развивавшегося в марксистской философии, и подменили это понимание другим, близким к бытующему в некоторых кругах археологов Запада.

Конечно, было бы ошибкой приравнивать позицию этих советских археологов к позиции упомянутых археологов Запада: ведь ратуя за тесную связь археологии с историей, эти советские археологи имеют в виду совсем не тот облик истории, на который ориентируются археологи Запада, да и констатация сходства сама по себе не в упрек, но обеднение и искажение первоначально принятого принципа историзма налицо.

4. Историзм без развития? Это становится особенно ясно, как только сторонники такого понимания принципа историзма в советской археологии предпринимают попытки теоретически обосновать этот сдвиг. Именно такая попытка представлена в упомянутом сборнике статье Ю.Н.Захарука (1978), следующей непосредственно за статьей "Историзм археологии". Основная идея доказательства проста: совокупный объект археологии не принадлежит у числу развивающихся, он нуждается в развитии, а раз так, то традиционное для нас понимание историзма к археологии неприменимо, и остается правомерным только другое понимание. Разработка этой идеи уводит исследователя весьма далеко от принципиальных положений методологии, которой он хочет придерживаться.

Проследим за ходом рассуждений Ю.Н.Захарука. Сначала он определяет критерии принадлежности к объекту науки. "Объект науки вообще и археологии, в частности, должен отвечать следующим требованиям: существовать реально и быть доступным исследованию". Далее Ю.Н.Захарук говорит об известном раздвоении объекта в исторических науках. "Археология, как и история, - общественная наука. Бессспорно, что универсальным объектом познания всех общественных наук является общество. Когда же речь идет об исторических науках, возникает потребность в различении их универсального объекта (общества) и непосредственных объектов исследования (исторических источников)" (Захарук 1978:9).

Применительно к археологии это раздвоение вызвало спор: одни сочли, что предмет археологии (совпадая с предметом истории) очерчивается границами первого объекта, другие предпочли ограничить его вторым, а сам Захарук еще недавно предлагал включить в границы

предмета археологии оба объекта - и первый, и второй при главенстве первого (Захарук 1970:6-7; 1973). Теперь он отошел от этой точки зрения (не оговорив ни словом изменение своих взглядов).

В качестве первого объекта (универсального, конечного, целевого) в историческом знании, по мысли Ю.Н.Захарука, "выступает уже прошлая историческая действительность, причем не реальная, а реконструируемая". Но такой "реконструктивный" объект не отвечает исходному определению: он "лишен... объективного существования и непосредственной доступности исследованию. Вот почему в данном случае применение термина "объект" нельзя признать уместным". И Захарук предлагает "сохранить наименование объекта познания только за ... "историческими источниками". Единственными, подлинными, реальными объектами познания исторических наук являются только различного рода "следы прошлого". Особую категорию последних образуют вещественные находки..." (Захарук 1978:9).

Ну, а уж они-то - мертвые и развиваться не могут: "археологический материал лишен движения, статичен" и в этом - его "онтологический статус" (Захарук 1978:10). Естественно, возникает вопрос: "Как быть, когда объект, в данном случае, археологические источники, не подвержен закономерности развития?... При ограничении предмета археологии и исторической науки только их объектами они теряют свое единство, а археология лишается важного качества историзма" (Захарук 1978:15). - Он имел в виду: "важного качества - историзма". - Л.К.). Верно. Лишается. (Если, конечно, объекты и в самом деле таковы).

"Что же в таком случае рассматривать в качестве предмета археологии? Может быть задачи познания?.. На вопрос о том, какие же задачи изучения социального прошлого на основании своих источников решает археология, следует ответить: те же, что и собственно историческая наука" (Захарук 1978:15). Только особым сочетанием объекта и задач Ю.Н.Захарук отличает археологию от истории. историзм выводит из задач познания (отрицая развитие в объекте), а эти задачи у археологии оказываются общими с историей. *Quod erat demonstrandum.*

Таким образом, Ю.Н.Захарук сначала объявлял конечный объект, общий для истории и археологии (в его представлении: общество), нереальным и на этом основании отказал ему в праве на статус объекта, затем подменил его в этом статусе "непосредственными объектами изучения" - источниками, вещами, а их признал лишенными развития. Наконец, устранив таким способом из археологии объективную основу историзма, он удовлетворился смутной надеждой заимствовать опоры историзма из общения с историей, из решаемых ею задач, и подставил на место историзма принадлежность к истории.

Методологические просчеты здесь видны на каждом шагу.

1. Под объектом Ю.Н.Захарук понимает непременно нечто вещественное, рассматриваемое в статике. Но объектом познания может быть и процесс. В частности, конечным объектом познания в исторической науке обычно считается не "общество", а процесс его развития.

2. Заложив в исходное определение объекта науки критерий "доступности исследованию", Захарук далее почему-то подменяет его критерием "непосредственной доступности исследованию". Между тем, первый выдвигается в широком спектре методологических концепций (в том числе, и диалектическим материализмом), а второй - бихевиоризмом. Давно показаны наивность и ограниченность этой плоской позиции.

3. Никак не соответствует современному уровню научной методологии (большинству направлений, в том числе, и марксистскому подходу) утверждение, что единственными реальными объектами для познания истории являются "непосредственные объекты", "следы прошлого" - источники. Это ведь позитивистское положение. Оно издавна пропагандируется историками этого направления (примеры см.: Гуревич 1969:61-69). Истоки объективности нашего знания о прошлом значительно шире: связь, сходства, повторяемость, закономерности и т.д. - и они тоже реальны.

4. Нельзя отрицать реальность и объективность исторического прошлого на том основании, что его уже нет, и мы не можем его в данный момент непосредственно наблюдать. Идея не нова, она - в основе презентизма, выдвинутого американскими прагматистами. Развернутая критика презентизма проведена (Гуревич 1969:71-74), есть она и в работах представителей исторического материализма: "Но историческое прошлое существует как объективная реальность не только в вещественных останках его материальной и духовной культуры. Бесчисленными способами оно вплетено в ткань современной исторической действительности и присутствует в современности как объективная реальность... Фактически современная общественно-историческая действительность является продуктом предшествующего исторического развития, она выросла на исторической

действительности предшествующих поколений и содержит в себе в снятом виде всю предшествующую историю" (Ирибаджаков 1972:277-278). В конечном счете, мы сами - живое доказательство реальности наших предков и прошлого в целом.

А Захарук твердит: уже нет, не существует, не можем наблюдать...

Все эти рассуждения у Ю.Н.Захарука не случайное скопление оговорок. И в других его работах проводится та же система взглядов: конечный археологический объект не обладает реальностью. Так, в специальной работе, посвященной конкретизации этого положения, тот же автор утверждает, что если живая культура, а также следы и останки прошлого ("ископаемая действительность") имеют "онтологический статус", то археологические источники и археологическая культура имеют "гносеологический статус" (Захарук 1976:3-10). У Ю.Н.Захарука вообще очень своеобразное понимание и употребление терминов "онтология" и "гносеология". Из контекста его работ явствует, что под онтологией он понимает объективную реальность, а под гносеологией - наши знания о ней, отображение реальности, средства отображения - понятия (Захарук 1970:5; 1973:44). Говоря о том, что археологическая культура - гносеологическая, а не онтологическая категория, Захарук, по сути, утверждает, что это всего лишь понятие, искусственно созданное нами для организации материала, а не объективная сеть отношений, выявляемая в самом материале. Такое понимание категорий "археологическая культура", "тип" и т.п. развивается издавна в американской и английской археологии (Дж.Бру, Дж.Форд, Г.Даниел и др.). Но и критика этой концепции там широко признана (О.Спидинг и др.). На деле "археологическая культура" - это и закономерно повторяемая объективная реальность, и выраждающее эту реальность понятие (Klejn 1971; см. также Клейн 1991:172-189). "Археологические источники" же вообще затруднительно представить в подобном плане.

5. Неверно, что археологические материалы сугубо статичны, лишены движения. Это неверно потому, что с момента "упокоения" в земле артефакты вовсе не обретают абсолютного покоя - они не перестают изменяться: корродируются, патинизируются, распадаются, фосилизируются, подвергаются перекопам и т.д., и закономерности этих изменений необходимо изучать археологу в целях реконструкции первоначального облика вещей и сооружений.

6. Неверно и то, что археологические материалы чужды развитию, как утверждает Ю.Н.Захарук. Однако с этим его тезисом все не так просто, как с предшествующим.

5. Развитие, саморазвитие и история материальной культуры. На первый взгляд, один из критерии приложимости историзма (объект должен подлежать развитию) отбраковывает археологию как раз в том ее понимании, которое московская "историческая школа" в археологии не приемлет. Ведь хорошо, если археология - разновидность истории, и ее объект - общество. Тогда все в порядке: общество, конечно, развивается. Далеко не все представители школы разделяют сомнения Захарука в "онтологическом" статусе прошлой действительности, а его зигзаг в сторону признания археологических источников единственным предметом археологии может даже и вовсе вывести исследователя за пределы "исторической школы".

Но вот, если признать археологические источники предметом археологии, а саму ее - источниковоедческой дисциплиной (а этой позиции придерживаюсь я), то не окажется ли Захарук прав? Ведь артефакт действительно не развивается. Он изменяется по определенному циклу: возникает, совершенствуется, перестраивается, ветшает, гибнет. Может быть, это и можно рассматривать как эволюцию (замкнутую эволюцию), но не соотносительно с историей!

Однако, если каждая вещь в той конечной форме, в какой она досталась археологу, действительно статична, лишена развития, то этого нельзя сказать обо всей совокупности археологического материала. Его разнообразие форм, позиций и сочетаний, пусть охваченных как бы моментальным снимком, мы не зря называем "изменчивостью". В пространственном перекрывании (стратиграфия) зафиксирована последовательность временная; в сходствах форм (типология) часто отражено генетическое родство идей; в постепенности нарастания различий мы узнаем эволюцию артефактов. Развитие как бы "вмороожено" в археологический материал, оно присутствует в нем сколками с бесчисленных фаз, связью и последовательностью этих сколов.

А ведь давно миновало то время, когда непосредственным объектом археологического исследования считалась только отдельно взятая вещь; наш непосредственный объект - весь археологический материал в совокупности, а ему движение и развитие отнюдь не чужды, хотя он и не движется в прямом, буквальном смысле.

Здесь надо сделать существенную оговорку. Изучение археологического материала имеет два аспекта. Один аспект, собственно источниковедческий, оказывается избирательным, в известном смысле изолирующим: он часто сосредотачивает изучение на отдельных вещах и комплексах для решения частных задач, исходящих от истории или социологии. Другой аспект, более самостоятельный, ориентирует на палеоисторию материальной культуры - здесь материал охватывается в целом и раскрывается в развитии и взаимосвязях. Выходов к истории больше в первом аспекте, целостности и процессуальности - во втором.

Если археологию логично рассматривать как "вспомогательную" науку по отношению к истории, то палеоисторию материальной культуры можно было бы рассматривать как "вспомогательную" по отношению к самой археологии (впрочем, и обратное соотношение тоже не лишено смысла).

Близость этих двух дисциплин, осознанная еще на заре советской археологии, порождала попытки слить их в одну или подменить одну другой. Все же они различны, хотя и очень тесно связаны. Соотношения между ними такие же, как между письменным источниковедением и историей литературы, нумизматикой и историей денежного обращения и т.д.

Приложимость принципа историзма как принципа развития и взаимосвязи к истории материальной культуры вполне понятна. В археологию же, понимаемую как источниковедческая дисциплина, он входит, во-первых, через запросы истории и социологии по изучению процессов, а во-вторых - через историю материальной культуры.

В чем это выражается, можно видеть на примере изучения артефактов пресловутым типологическим методом. Сколько стрел металось у нас в "формальную типологию" и вскрывавшую ее эволюцию! "Формальная типология, - писал А.Я.Монгайт (1951:4), - придает вещи силу саморазвития. Вещь развивается независимо от общественной среды... Вещь развивается как некая общечеловеческая идея о вещи, и законы саморазвития вещей не зависят от конкретной истории человечества".

Да ведь и в самом деле развиваются не конкретные вещи, а "идеи о вещи", т.е. культурные типы. И развиваются независимо от желаний конкретных людей - это процесс, идущий по объективным законам, что и делает возможным использование эволюционно-типологического метода для целей относительной датировки.

Ю.Н.Захарук (1978:10) заходит так далеко в своем непризнании развития за археологическими объектами, что отрицает даже "развитие орудий труда". Да еще со ссылкой на К.Маркса! Не кто иной, как Маркс утверждал, что во всей социокультурной системе производство является самой активной движущей силой, а в производстве самым подвижным элементом оказываются производительные силы и, прежде всего, - орудия труда. По Марксу, это объективный закон. В этом смысле орудия обладают свойством "саморазвития", что кажется таким неслыханным Ю.Н.Захаруку. А есть и законы их развития. Ну, разумеется, орудия не сами себя изготавливают, их делали люди, но людям приходилось считаться с наличными условиями, с имеющимися уже орудиями и с объективными законами изготовления орудий. Здесь оправдывается мысль: "Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого" (Маркс 1957:119).

Когда Маркс писал о труде, что его "процесс угасает в продукте", и что продукт противостоит процессу как "покоящееся свойство" (Маркс 1960:191,192), то он, совершенно очевидно, имел в виду каждую сделанную вещь в отдельности и противопоставлял ее только данному отдельному трудовому процессу - ее изготовлению, а не движению и развитию вообще.

Поражает своей холастичностью еще один аргумент Ю.Н.Захарука против "развития орудий труда". Философии известны три основные формы движения материи: "присущие природе, обществу и мышлению". Так вот, он отказывается признать реальность указанного развития, пока не получит "четкий ответ на вопрос о том, к какому (sic! - А.К.) из основных форм движения материи следует отнести "развитие орудий труда" (Захарук 1978:10). Он убежден, что ответ невозможен, между тем, во-первых, смешно распределять практические реалии по философским категориям. Во-вторых, список из трех форм движения не утвержден Господом Богом, он не единственно возможный - есть и другие варианты (например, мертвая природа, живая природа, человеческая жизнь; или механическая форма, физико-химическая и т.д.). В-третьих, самим выделением этих трех форм как основных предполагается и наличие других, не основных форм, возможно, и не чистых. В-четвертых, вместе с

развитием орудий труда придется отрицать и развитие материальной культуры вообще: они в этом аспекте однородны. Конечно, развитие орудий труда - это не природный процесс и не чисто мыслительный (хотя здесь не обходится без передачи и развития идей). Это и не узко социальное явление, если под обществом понимать систему отношений. Это процесс социокультурный. Вероятно, Ю.Н.Захарук откажется признать такое явление, поскольку оно не значится в "трех основных формах"...

6. Историзм шире истории. Когда противники исторического материализма выступают против принципа историзма, они целятся не в этот, а в настоящий историзм. К.Поппер в "Ниците историзма" понимает под историзмом "такой подход к общественным наукам, при котором принципиальной целью являются исторические предсказания, возможные в результате всяких ритмов, направлений, законов, течений, лежащих в основе исторической эволюции". Именно такой историзм, сосредоточенный на развитии и пронизанный детерминизмом, он представляет "нишим методом" (Popper 1957:IX,3). Нет слов, чрезмерное увлечение детерминизмом может увести в фатализм или обратить к фанатичной абсолютизации утопий. Однако, ведь нишем оказывается и тот, второй "историзм" - отшатнувшийся от развития и прогресса, не видящий закономерностей в истории общества, запутавшийся в сумятице бесчисленных событий и в догадках о мотивах индивидуальных действий людей. Его дискредитация и кризис показаны в ряде книг философов и историков (Добриянов 1966; Ирибаджаков 1972; Салов 1977) и признаны самими его представителями (Heussi 1932; Troeltsch 1966). Кельнский съезд историков ФРГ (1970 г.) единодушно признал, что "историзм в своей старой форме мертв" (цит. по: Салов 1977:59).

Не обходится без попыток подновить и оживить его (Mortgis 1972). В некоторых аспектах он внес нечто ценное: вывел на свет индивидуальность событий, неповторимость процессов, открытость исторических ситуаций. Но в деле систематизации исторического изучения, в распределении функций между науками он бесплоден. Историзм, понимаемый как принцип включенности в историю, игнорирует источниковедческую специфику археологии. Иное дело - историзм, понимаемый как принцип развития и взаимосвязи и традиционный для всех наук, изучающих долговременные социальные процессы. Только такой историзм может обеспечить "полное и плодотворное содружество музы истории Клио с десяткой муз археологии" (Рыбаков 1978:6), а их обеих - с социологией, которая хоть и осталась у академика без музы, но, пожалуй, более археологии достойна того, чтобы войти в первую десятку муз. И с этнографией, которая достойна музы не менее, чем археология. И с лингвистикой, антропологией и т.д. На мой взгляд, такой историзм не замыкает связи на истории, а расширяет кругозор и усиливает эвристические возможности всякой науки об обществе и культуре в их развитии. Археология - не исключение.

Примечание из другой эпохи. Перечитываю эту статью теперь с чувством некоторой растерянности. Ситуация парадоксальная: не получается ли, что я, будучи в оппозиции к истэблишменту, защищаю в этой статье марксистский историзм от насаждавшегося "идеино выдержаным" руководством советской археологии "буржуазного" историзма?

Но в этом парадоксе есть глубокий смысл. В марксистской философии и методологии науки не все было плохо, да и не все было обособленно. В ней было использовано и развито немало достижений мировой науки. Как раз лучшие из таких разработок быстро приходили в противоречие с политической конъюнктурой, с практикой большевистского государства, основанного на политической программе марксизма-ленинизма. Из-за этих внутренних противоречий (хотя и не только из-за них) происходило саморазрушение марксистской идеологии в СССР. Идеология была здесь мертва задолго до гибели партии и ее тоталитарного государства.

На обнажение одного из таких противоречий и была - объективно - нацелена эта статья (как, впрочем, и ряд моих других работ - см., например: Клейн 1977; 1982). Такая критика расшатывала то, что в идеологической системе считалось самым важным - ее монолитность. А ныне она позволяет взглянуться в наше наследие трезво и спокойно, отсечь в нем то, что можно смело отбросить, от того, что заслуживает сохранения и новой разработки.

АРЦИХОВСКИЙ, А.В. 1926. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Российская Ассоциация научно-исследовательских Институтов общественных наук: труды секций социологии I:123-135.

1955. Основы археологии. Москва:Госполитиздат.

АСМУС, В.Ф. 1933. Маркс и буржуазный историзм. Москва-Ленинград.

БАШИЛОВ, В.А. 1978. Конференция по проблеме историзма археологии // Краткие сообщения Института археологии 152:109-111.

- ВОПРОСЫ ТЕОРИИ. 1978. Вопросы теории и методологии археологической науки // Краткие сообщения Института археологии 152.
- ГЕНИНГ, В.Ф. 1975. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии // Вопросы археологии Урала 13:5-16. Свердловск.
- ГРИГОРЕВ, Г.П. 1973. О предмете археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР:41-43. Ташкент:ФАН.
- ГРУШИН, Б. . 1962. Историзм // Философская энциклопедия II:351-352. Москва:Советская энциклопедия.
- ГУЛЫГА, А.В. 1969. История как наука // Философские проблемы исторической науки:15-27. Москва.
- ГУРЕВИЧ, А.Я. 1969. Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы:61-69. Москва:Наука.
- ДОБРЯНОВ, В. . 1969. Нищета на антиисторизма. София:Партизат.
- ЗАХАРЮК, Ю.Н. 1970. Деякі методологічні питання археологічної науки // Археологія XXIV:3-11. Київ:Наукова думка.
1973. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г.:43-46. Ташкент:ФАН.
1976. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы:3-10. Москва:Наука.
1978. Спорные вопросы объекта и предмета археологии // Краткие сообщения Института археологии 152:7-17.
- ИВАНОВ, В.В. 1966. О ленинском понимании принципа историзма // Методологические и историографические вопросы исторической науки 4:3-13. Томск:Томский университет.
- ИРИБАДЖАКОВ, Н. 1972. Клио перед судом буржуазной философии. Москва:Прогресс.
- ИСТОРИЗМ... 1976. Историзм археологии: методологические проблемы // Тезисы докладов конференции Отделения истории АН СССР. Москва:Наука.
- КЛЕЙН, А.С. 1977. Предмет археологии // Древнейшая история Южной Сибири:3-14. Кемерово:Кемеровский университет.
- 1977а. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии 1:13-22. Ленинград:Ленинградский государственный университет.
1986. О предмете археологии // Советская археология 3:209-219.
1991. Археологическая типология. Ленинград:АН СССР.
- КОН, И.С. 1965. Историзм // Советская историческая энциклопедия 6:стаб.454-455. Москва:Советская энциклопедия.
- ЛЕНИН, В.И. 1963(1919). О государстве. Полное собрание сочинений 39:64-84. Москва:Госполитиздат.
- 1919(1920). Замечания на книгу Бухарина "Экономика переходного периода" // Ленинский сборник XI (изд.2-е):384. Москва:Госполитиздат.
- МАРКС, К. 1957(1852). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения 8 (изд.2-е):115-217. Москва:Госполитиздат.
- 1960(1867). Капитал I книга // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения 23 (изд.2-е).
- МАССОН, В.М., В.С.БОЧКАРЕВ. 1978. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // Краткие сообщения Института археологии 152:36-43.
- МОНГАЙТ, А.Л. 1951. Кризис буржуазной археологии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 40:3-14.
- ПАВЛОВСКАЯ, А.И. 1967. Симпозиум по проблеме перехода доклассового общества в классовое // Вестник древней истории 4:199-206.
- ПОДКОРЫТОВ, Г.А. 1967. Историзм как метод научного познания. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- ПРИНЦИП... 1972. Принцип историзма в познании социальных явлений. Москва:Наука.
- ПРОТИВ ВУЛЬГАРИЗАЦИИ... 1953. Против вульгаризации марксизма в археологии. Москва:АН СССР.
- РАВДОНИКАС, В.И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной Академии истории материальной культуры 7:3-4. Ленинград.
1931. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры 9:10-5-32.
1934. К вопросу о диалектике развития доклассового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ 2:25-48.
1939. История первобытного общества I. Ленинград:Ленинградский государственный университет.
- РЫБАКОВ, Б.А. 1978. Историзм археологии // Краткие сообщения Института археологии 152:5-7.
- САЛОВ, В.И. 1977. Историзм и современная буржуазная историография. Москва:Мысль.
- ТОЛОКНОВ, В.П. 1972. "Историзм" Ф.Мейнеке как разновидность идеалистической методологии истории // Вопросы истории 5:94-109.
- ФРАНЦУЗОВА, Н.П. 1972. Исторический метод в научном познании. Москва:Мысль.
- COLTON, H.S. 1939. Prehistoric culture units and their relationships in Northern Arizona // Bull. of the Museum of North. Arizona 17. Flagstaff.
- CROCE, B. 1944. Die Geschichte als Gedanke und als Tat. Bern., Fraanncke.
- DANIEL, G.E. 1950. A hundred years of archaeology. London, Duckworth.
- DEETZ, J. 1971. Man's imprint from the past. Boston, Liffle.
- EGGERS, H.-J. 1959. Einführung in die Vorgeschichte. München, Piper.

- HAWKES, C.F.C. 1948. Archaeology and the history of Europe. Oxford, Clarendon Press.
- HEUSSI, K. 1932. Die Krisis des Historismus. Tübingen, Mohr.
- KIDDER, A.V. 1930. Year book of the Carnegie Institution of Washington 29.
- KLEJN, L.S. 1971. Was ist eine archäologische Kultur? // Ethnographisch archäologisches Zeitschrift 12/3:321-346.
- MANNHEIM, K. 1924. Historismus // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik (Tübingen) 52/1.
- MEINECKE, F. 1959. Die Entstehung des Historismus. Stuttgart, Rothler.
- MORRIS, W. 1972. Toward a New Historicism. Princeton, Princeton University Press.
- POIS, R. 1970. Two poles within Historism: Croce and Meinecke // Journal of the history of ideas:253-272.
- POPPER, K.R. 1957. The poverty of historicism. London:Routledge and Kegan Paul.
- ROTHACKER, E. 1954. Die dogmatische Denkform und das Problem des Historismus. Mainz, Akad. der Wiss. und der Literatur.
- TROELTSCH, E. 1922. Der Historismus und seine Probleme. Bücher 1-2. Tübingen, Mohr.
1966. Der Historismus und seine Überwindung. Aalen, Scientia.

L.S.KLEJN.

THE HISTORICISM IN ARCHAEOLOGY.

Summary.

It was common practice in this country to carry out any research, especially in social sciences, on the basis of the principle of historicism (the historical method). Strange as it may seem, this principle was not interpreted by archaeology in the same way as it was formulated by Marxist philosophy.

The latter understood it, first of all, as an aim in considering any phenomenon in its development and its correlation with other phenomena. This principle is by no means bad in itself and it exists not only in Marxism.

Meanwhile, in archaeology, some researchers followed the postulates of dialectics, but nobody seriously used them in this respect. In Russian archaeology there has been a struggle for the historicism of archaeology since prerevolutionary times. By this was meant that archaeology should be included in the complex of historical disciplines and be guided by research problems of history. This trend denied the aesthetic or the collection-oriented study of antiquity and archaeology's orientation to natural sciences (anthropology, biology, geography). The resistance of the both traditions had to be overcome.

In the Soviet period the interpretation of the principle of historicism in archaeology retained the tendency. It is no mere chance that it began by being formulated as "historicism in archaeology" but not as "the historicism of archaeology". Archaeology was meant to be included into the complex of Historical disciplines and even narrower - only into history, though at the risk of losing the specific character of archaeology (not that this risk was taken seriously into account). Marxist ideologists of the Soviet archaeological establishment considered such statement of the question as a guarantee of the more complete ideologization of archaeology and its more complete subordination to the dogmata of historical materialism.

It would be interesting to notice that it was their interpretation of the historical method that was close to the concept of historicism in scholarship in the West. That had been always considered as "bourgeois" by Soviet philosophers. It formed "historical schools" in different disciplines - historiography, jurisprudence, political economy, the study of folk-lore and ethnography. This historicism is characterized by the consideration of any phenomenon as unique and separate (not in correlation with other phenomena and not in its development). It did not show interest in the laws of development and treated history as a field closed to sociological inquiry.

The scholars who followed this interpretation "escaped", so to say, from sociology to history. This trend made a certain contribution to social research (particularly by criticizing determinism and revealing the limited nature of laws). At present, however, this trend is in crisis.

In the 1970-s the supporters of this interpretation of the principle were especially active in Soviet archaeology. They proved the correctness of such an approach by referring to the fragmentary nature of archaeological objects and sources: those are dead, development can be introduced into them only from without, by including them into history. These scholars pay no attention to the fact that the location and arrangement of the traces and remains of culture show the changeable character of the objects of culture and reproduce their development. We can trace historical development not only in its real dynamics but also in the dynamics fixed in the changes of objects - exactly according to the principle of historicism.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.Е.МУСИН*

"Разве можно считать горшечника, как глину? Скажет ли изделие о сделавшем его: "не он сделал меня?" и скажет ли произведение о художнике своем: "он не разумеет?" (Исаия 29:16).

Закономерный интерес к истории русской духовной культуры, вызванный изменением общественной ситуации в России и стимулированный празднованием 1000-летия Крещения Руси, предъявляет отечественной науке определенные требования. Задачам объективного исторического познания не может удовлетворить ни вульгарный материалистический подход, в результате которого фактам противопоставлялись созданные атеистической пропагандой легенды и мифы, ни апологетические построения, призванные формировать своего рода идеальные типы прошлого. У российской археологии существует серьезный интеллектуальный потенциал и солидный методологический навык для решения подобных задач. Вместе с тем, остается незадействованным еще один мощный стимул для совершенствования знаний в этой области - давняя историографическая традиция. Речь идет о существовавшей в России отрасли науки под названием церковная археология (Петровский 1901:17-23).

Конфессиональный признак, вынесенный в наименование данной отрасли знания в глазах современных исследователей не должен затемнять объективное содержание науки. Речь шла об изучении духовной культуры и истории православных народов, которая в условиях господства религиозного мировоззрения не могла быть иной, чем церковной.

Собственно истоки церковной археологии на Православном Востоке лежат в символическом толковании литургического обряда и его истории с одной стороны, и в развитии богословия образа с другой, что окончательно сложилось в VIII веке во время иконоборческих споров. Орос VII Вселенского собора 787 года, посвященный догмату иконопочитания гласит следующее: "Храним не нововодно все, писанием или без писания установленные для нас церковные предания, одно из которых есть иконного живописания изображение, как согласное евангельской проповеди и служащее нам ко уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова и к подобной пользе, потому что такие вещи, которые друг на друга указывают, несомненно друг друга и уясняют" (Успенский 1989:102). Таким образом, Богопознание в Церкви (и познание вообще) допускалось возможным на основе соответствия предмета и объекта познания. Древности вещественного характера использовались постольку, поскольку они являлись отображением вещей умозрительных. Необходимо учесть литургический характер произведений церковного искусства и вещественных памятников, связанных с Церковью. Речь идет не только о функциональном использовании данной категории предметов за литургией, но и о проникновении литургией (Богослужение и служение) всех сторон личной и общественной жизни. В дальнейшем неразрывность литургики и церковной археологии будет носить не только характер традиционный, но и онтологический, что чрезвычайно важно в плане понимания церковных древностей.

Однако, сам термин "археология - древность" по отношению к богословским изысканиям не употреблялся, поскольку литургическое время всегда мыслилось актуально. Понятие древности служило лишь подтверждением истины современности. Для настоящей постановки вопроса о роли древности и ее изучении в церковной культуре необходим был кризис литургического сознания,

* Россия. Санкт-Петербург. 197022. наб.реки Монастырки 1. Русская Православная Церковь. С.-Петербургская митрополия. Александро-Невская Лавра. Троицкий собор.

который пришелся в Европе на эпоху Возрождения и Реформации, а в России на Великий Раскол XVII века.

Протесты реформатов против церковной традиции вызвали защитную реакцию ревнителей предания. "Анналы" кардинала Цезаря Барония (1588-1607) впервые привлекли в полемику вещественные памятники.

Сущность старообрядческого раскола в России - не обрядовые разногласия, а именно вопрос об отношении к преданию, традиции в Церкви. Именно в это время появляется первое в России по сути дела церковно-археологическое сочинение: патриарх Никон издает книгу под названием "Скрижаль", которая ставила перед собой задачу разъяснить значение предметов и храмовых принадлежностей, относящихся к православному Богослужению. Книга была в основном посвящена символическому толкованию Божественной Литургии, но уже в середине XIX века видели в ней "положение пути к русской церковной археологии" (Никольский, без года:1). Однако, основной целью этого издания была, скорее, пастворская забота о понимании верующими христианами священномастий Православной Церкви, и это принципиально важно, так как впоследствии нравственный, назидательный пафос церковной археологии как науки будет постоянно присутствовать в работах ученых.

Общественно-церковная потребность в XVIII веке привела к решению Святейшего Синода 1746 года о необходимости составления нового толкового издания Православного Богослужения, которое завершилось лишь на рубеже XVII-XIX веков выходом в свет двух работ: в 1792 году появилась книга митрополита Санкт-Петербургского Гавриила (Петрова) "О служении и чиноположении Православной Греко-Российской Церкви" и в 1803 году книга архиепископа Нижегородского Вениамина, озаглавленная "Новая Скрижаль" (Никольский, без года:30). Последняя из указанных работ имела подзаголовок: "Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода" (Вениамин 1803). При описании вещественных принадлежностей храма и Богослужения делался небольшой экскурс в историю их развития.

Важным этапом в становлении церковной археологии в России явилось издание иеродиаконом Иродионом Ветринским авторизованного перевода сочинения Иозефа Бингмана о памятниках древней христианской церкви (Иродион 1829;1830;1844;1845). Значение ее можно оценить по тому, что именно она ввела в обиход понятие, давшее в дальнейшем название науке (христианские древности, церковная археология).

Таким образом, к 30-м годам XIX века достаточно твердо сформировалось представление о церковной археологии как о литургической дисциплине. Примечательно появление учебного пособия для духовных Семинарий под названием "Церковная археология в вопросах и оглавлениях", где молодая наука была изложена в классических формах Православного катехизиса (Церковная археология 1839:1). Очевидно, что в представлениях определенных церковно-преподавательских кругов эта дисциплина получила свою окончательную кодификацию. Книга состояла из двух частей: в первой излагалось историческое и символическое объяснение службы и храма, во второй давалось церковное понятие устава и последования службы. Предмет церковной археологии (обрядословия) понимался следующим образом: "изъяснить состав и чин Богослужения Православно-Кафолической Церкви и принадлежности оного, что для сего нужно, дать определенное понятие о каждой священной вещи и о каждом священном действии и об отношении оных к составу Богослужения, открыть происхождения оных, указать духовные знаменования оных" (Церковная археология 1839:1).

В 1847 году выходит в свет книга митрополита Макария (Булгакова); тогда еще архимандрита, "Введение в Православное Богословие". К числу наук, относящихся к Православному Богослужению и обрядам им отнесены литургика и церковная археология. Разница между ними заключалась в том, что первая занималась значением и употреблением Православных обрядов в настоящее время, а вторая - их происхождением и исторической судьбой (Макарий 1847:626). Примечательно, что Владыка допускал разделение литургики и археологии при преподавании, хотя всячески подчеркивал "выгоду" от совокупления наук в одну. До 1913 года книга выдержала 7 изданий, которые бы мы назвали стереотипными.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что к середине XIX века в русской науке, прежде всего, в науке богословской, сформировалось представление о церковной археологии как о вспомогательной литургической дисциплине, имеющей, прежде всего, прикладное пастворско-назидательное значение. Вместе с тем, эта дисциплина признавалась в значительной степени исторической, поскольку речь в ней шла о традиции, древности и происхождении таковых. Таким

образом, наиболее полно была задействована лишь одна из классических функций науки - систематическое изложение полученного знания. Однако, вопрос о расширении имеющегося объема знаний практически не ставился. Так сформировалось первое направление деревоэволюционной русской церковной археологии, которое можно условно назвать богословско-литургическим.

Второе направление в этой научной области может быть названо историко-художественным. История его сложения достаточно хорошо описана (Формозов 1989:1-69), поэтому мы позволим себе дать ей лишь общую характеристику.

Новое направление в церковной археологии изначально складывалось как изучение истории христианского искусства, что шло в русле общего развития русской археологии того времени. Собственно, лишь исторический анализ способен их расчленить, поскольку изучение как церковных, так и гражданских древностей, проходило параллельно, соседствуя в одних изданиях и в трудах одних и тех же авторов. Сразу же выявились два принципиальных подхода в исследованиях - собственно издание материалов и их научная обработка. Обычно первым церковно-археологическим сочинением называют книгу профессора Харьковского университета Г.Успенского "Опыт повествования о древностях русских", вышедшую в Харькове в 1811 году. Однако, уже в конце XVIII века появились публикации в форме описаний и ученых путешествий (Ильинский 1795).

Примечателен историко-археологический опыт митрополита Евгения (Болховитинова), который сочетал в себе классическую богословскую образованность с широким интересом к художественным древностям (Срезневский 1868). По его благословению был применен специфический археологический метод исследования - раскопки К.А.Лохвицким в 1824 году фундаментов Десятинной церкви в Киеве (Формозов 1981:312-313). Наметилась тенденция к изучению древностей по регионам.

Но лишь на материале древнего Новгорода описание памятников церковной старины выделилось в особый раздел в 50-е - 60-е гг. XIX в. (Описание святыни 1851; Археологическое описание 1861; Толстой 1862). Особенное развитие в это время (и это сказалось на всем дальнейшем развитии церковной археологии) получило изучение архитектуры и иконописи (Снегирев, Мартынов 1846; Сахаров 1849). Прикладное церковное искусство почти не было затронуто исследованиями. Необходимо отметить, что авторы вышеуказанных многочисленных публикаций, за редким исключением, не относили себя к представителям церковной археологии как вследствие ее корпоративной замкнутости в стенах церковных учебных заведений, так и в силу структурной неоформленности русской археологии того времени.

Особым периодом в развитии церковной археологии явилось время Археологических съездов в России (1869-1914). Во-первых, это было время расцвета творчества таких выдающихся историков искусства как Ф.И.Буслаев и Н.П.Кондаков, чья научная деятельность заложила фундамент для многих исследователей последующих поколений ученых (Кызласова 1985). Во-вторых, на этих общественно-научных форумах происходила кристаллизация самой науки, становление ее методологического и понятийного аппарата, определение теоретических аспектов, обретение ею места в официальном реестре Российской науки. Так, уже на I съезде в Москве в марте 1869 года понятие "наука христианских древностей" прочно занимает свое место в лексиконе исследователей и делается признание, что русская старина не может быть понята без изучения всей системы древне-христианской археологии (Труды 1871:75-82). Однако, христианские древности не были выделены в особый раздел, а рассматривались вместе с произведениями искусств и художеств.

Лишь на III Археологическом съезде в 1874 году в Киеве возникает "отдел церковного быта", на V Археологическом съезде в 1881 году в Тифлисе значатся "памятники христианские", а окончательно отдел церковных древностей появляется в структуре VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 году. Здесь с очевидностью сказалась тенденция к делению науки по категориям источников, а не по предмету исследования. Наконец, в-третьих, именно на базе этих съездов произошел синтез первого и второго направлений в церковной археологии. Был преодолен пафос секулярного отчуждения от представителей Богословской науки, характерного для русского просвещенного общества XIX века. Этот синтез связан с именами таких исследователей церковных древностей как Н.В.Покровский (1848-1917), профессор кафедры церковной археологии в Санкт-Петербургской Духовной Академии и директор Археологического Института в Петербурге, А.П.Голубцов (1862-1911), экстраординарный профессор Московской Духовной Академии, Н.Ф.Красносельцев (1845-1899), профессор кафедры церковной археологии в Казанской Духовной Академии и впоследствии экстраординарный профессор Новороссийского университета. Он происходил в стенах Духовных Академий Русской Православной Церкви, которые имели в своем

составе кафедры церковной археологии и литургики. Знакомство Н.В.Покровского и Н.Ф.Красносельцева во время путешествий в Европу в 70-е годы XIX века с трудами лидера тогдашней европейской христианской археологии Дж.де Росси, для которого был характерен синтез письменных памятников и вещественных древностей, способствовало не только развитию науки, но и созданию церковно-археологических кабинетов-музеев при Духовных Академиях.

После своего возвращения из Европы Н.В.Покровский разделил кафедры церковной археологии и литургики в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Это нисколько не ослабило остроту исследований, а, напротив, высвободило интеллектуальный потенциал для научных разработок в смежных областях. Так, например, А.П.Голубцову поразительно удалось сочетать богословско-литургическое и историко-художественное направление в церковной археологии, используя в темах происхождения обрядности конкретно-исторические исследования археологического материала. Вообще, для церковных археологов при осознании литургического характера культуры прошлого, был характерен переход от непосредственного изучения обрядов и обрядовых предметов к исследованию вещественных памятников церковной культуры вообще.

Заслугой церковных археологов было введение в научный оборот принципиально нового вида памятников. Ф.В.Буслаев указывал, что Н.В.Покровский "первый в русской науке при изучении византийско-русского и древнехристианского искусства обратил внимание на отношение искусства к учению Церкви и текстам литургии" (Покровский 1909).

Однако, сама наука, несмотря на единство источниковедческой базы и методов исследования, не растворилась в истории искусства, представленной такими выдающимися русскими исследователями как Ф.В.Буслаев, Н.П.Кондаков, Д.В.Айналов и др. Водоразделом научной мысли здесь явились цели исследования. Согласно Н.П.Кондакову, археология была вспомогательной отраслью истории искусства, готовящей материал для последней. Н.В.Покровский смотрел на существование своей науки по-другому. Эти различия, опять же, восходят к полемике времен Археологических съездов, в частности, к III Археологическому съезду в Киеве в 1874 году. Тогда И.Е.Забелиным был прочитан доклад на тему "В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки". Доклад И.Е.Забелина для истории церковной археологии замечателен по следующим причинам. Теоретически обосновав невозможность ограничения области археологии лишь вещественными памятниками ("Вещественный памятник есть только облик умственных соображений и созерцаний или нравственных желаний и стремлений"), он определил основную задачу археологии "в раскрытии и объяснении законов единичного творчества, в раскрытии путей, по которым единичное творчество воссоздает творчество родовое, историческое, в раскрытии их связей" (Труды 1878).

Своебразным ответом на эти положения явилась работа Н.В.Покровского о предмете и задачах археологии (Покровский 1880:13-28). Соглашаясь, в принципе, с "бытописательной парадигмой" И.Е.Забелина ("конечная цель археологического исследования должна направляться, по возможности, к всестороннему изучению проявлений народного быта") (Покровский 1880:13), он, исходя из своего практического опыта и оперируя терминами "родовое" и "индивидуальное", решительно полагает: "Приурочение частных отрывочных явлений к общему роду, включение их в естественную органическую связь с родом должно составлять риа desideria для молодой археологической науки" (Покровский 1880:21). Эту работу можно считать первым теоретическим сочинением по церковной археологии. Вместе с тем, методика этой науки ни коим образом не вычленялась из методического универсума общей археологии.

С методологической же точки зрения имеются некоторые отличия, которые, опять же, берут свое начало на III Археологическом съезде, а именно, в докладе А.С.Уварова (Уваров 1878:21). Он является противником того мнения, что под археологией должно понимать лишь художественную часть этой науки. При этом А.С.Уваров отмечает, что такое неверное понимание объема науки было распространено и на археологию христианскую (Уваров 1878:20). Для него археология - это наука, изучающая древний быт.

Н.В.Покровский, соглашаясь с Уваровым, пишет о различных проявлениях древнего быта, как конечной цели археологии (Покровский 1880:13). Но "религиозно-художественная сторона быта - один из важнейших предметов археологии". В некоторых случаях она отождествляет археологию и историю искусства. Однако, не только религиозно-художественные памятники составляют ее предмет. Это и "церковная обрядность, которая в былое время, а в некоторых случаях даже теперь, считается главным предметом церковной археологии" (Покровский 1880:13). В своей работе Н.В.Покровский

касается и деления Археологических съездов на отделы. Он пишет, что в его основе лежат две совершенно различные точки зрения. Во-первых, религиозный характер памятников, во-вторых - предметность. Некоторые из последних групп совпадают с первыми, если не сполна, то в некоторой мере. Такая непоследовательность указывает на неустановленность взглядов на предмет науки (Покровский 1880:15).

Вместе с тем, в работе А.С.Уварова имеется аналитическое положение методологического характера о двучастности всякого памятника древности. Он различает в каждом памятнике его археологическую и художественную сторону. Причем, археологическая сторона свидетельствует о значении памятника во время его существования, а художественная, распадаясь на собственно художественную и техническую, характеризует его внешнюю сторону (Уваров 1878:23). Логическое развитие такого противопоставления привела в трудах Н.П.Кондакова к теоретическому обоснованию веществования в форме изучения памятников искусства, причем, археология в его понимании была отделена от истории искусства, будучи вспомогательной отраслью знания, готовящей материал для последней дисциплины. История искусства занимается исследованием форм, поэтому она "должна ити впереди археологии искусства: памятники должны быть распределены в их историческом развитии, прежде чем можно пользоваться их историческим содержанием" (Кондаков 1899).

Очевидно, что при совпадении изучаемого материала методологические взгляды Н.В.Покровского заметно отличались от взглядов Н.П.Кондакова на предмет археологии и характеризовались гораздо более тесной связью этой дисциплины с собственно исторической наукой. Н.П.Кондаков в своем письме Ф.И.Буслаеву (1852) упрекал Дж. де Росси, исследователя римских катакомб в том, что он "не хотел знать о существовании собственной истории искусства, а знает лишь историю мучеников", то есть церковную историю (Кызласова 1985:163). Н.В.Покровский смело вводит археологию в круг исторических наук, считая, что она готовит почву для истории (Покровский 1880:27). Эта теоретическая предпосылка скажется на дальнейшей эволюции науки церковной археологии. Открытость истории и литературы - вот отличительные черты этой отрасли знания, которые позволяют видеть в Н.П.Кондакове не столько ее отца, сколько отчима.

Вместе с тем, исследователями отмечалась неопределенность науки церковной археологии в теоретическом отношении, нерешенность вопроса о включении письменных памятников в круг ее источников (Покровский 1901:1-4).

Очевидно, что сравнительно-описательный метод так плодотворно примененный Н.В.Покровским в своих работах, исчерпал себя. Почти прекратилась начатая в конце XIX века работа по систематическому изданию церковных древностей. Намечалось противоречие между возможностями церковной археологии и решаемыми ею задачами. Об этом свидетельствуют и отсутствие собственно методологических разработок в науке и неизменность курса академических лекций Н.В.Покровского, читанного им в период с 1885 по 1916 год. Выход из кризиса предполагал превращение археологии во вспомогательную историческую дисциплину, решающую совместно задачи прагматической и культурной истории, а также привлечение массового археологического материала, полученного в результате раскопок. Еще в 1889 году Н.Ф.Красносельцев сформулировал "выгоды науки церковной истории от археологических открытий":

- 1) раскрытие внешнего быта, культа и нравов;
- 2) расширение исторических горизонтов и подтверждение мартирологических документов;
- 3) новая постановка старых вопросов;
- 4) верификация исторических гипотез;
- 5) возможность избавления от конфессионализма, теоретирования (Красносельцев 1889).

Новое направление предполагало работу в том же русле, в котором трудились ученики де Росси из Французской католической школы П.Алляр и К.Ролль. Его можно было бы охарактеризовать как историко-археологическое. Так, Е.Голубинский в 1906 году издал "Археологический атлас к истории Русской Церкви". В предисловии он пишет: "Это давняя мечта - снабдить историю списком рисунков, в котором говорится об архитектуре храмов, об их внутреннем богослужебно-молитвенном устройстве и убранстве, о различных храмовых принадлежностях, о богослужебных одеждах и об одеянии монахов, что все может быть вполне ясно представляемо, быв видимо только на рисунках" (Голубинский 1906:1). Примерно в это же время архиепископ Тверской Антоний, обращаясь к слушателям церковно-археологических курсов, говорил: "Памятники религиозного искусства подобны летописям, составленным зодчими, художниками и иконописцами. По таким летописям возможно восстановить многое, опущенное у обычных летописцев, и

следовательно по ним можно изучать историю древних времен, а это крайне необходимо" (Полимпсетов, без года:6). Подобно к пониманию археологии начал подходить и А.П.Голубцов (Голубцов 1912:241). Соединяя определение археологии немецкого исследователя Герике ("В понятие церковной археологии входит все, что когда-либо существовало в древней церкви, а теперь отчасти вышло из употребления, отчасти еще существует, но в измененном виде") и Н.В.Покровского (подразделение церковной археологии на формы церковного культа и формы древнехристианского быта), он приходит к выводу, что археология - это не история искусства, а история внутренней жизни и культурных отношений, запечатленных в останках прошлого (Голубцов 1912:241). Переиначивая название книги F.Piper "Einführung in die Monumental Teologie" (1867), А.П.Голубцов пытается охарактеризовать свою науку как "Teologia Lapidaris". Несколько позднее Е.Трубецкой назовет русскую иконопись "умозрением в красках" (Трубецкой 1916).

Таким образом, наметились черты выхода из кризиса через превращение церковной археологии во вспомогательную церковно-историческую дисциплину. Однако, внешние обстоятельства: мировая война, кончина в 1911 году А.П.Голубцова и в 1917 Н.В.Покровского, трагическое положение церковной науки в 20-е годы - прекратили поступательное развитие церковной археологии.

Однако, с исчезновением этой науки из официального реестра, отнюдь не прекратилась разработка ее проблематики. Даже в условиях государственного атеизма вопросы церковной культуры занимали важное место в изучении русских древностей. В основном, это касалось архитектурной археологии, вопросов прикладного искусства и иконописи. На собственно археологическом поприще, почти в отсутствии научной и исторической традиции, сформировалась целая плеяда ученых, так или иначе занимавшихся, по сути дела, церковно-археологической проблематикой. Следует назвать имена Б.А.Рыбакова, В.Л.Янина, В.В.Седова, Т.И.Макаровой, В.П.Даркевича, Т.В.Николаевой, А.В.Чернецова, П.А.Рашпопорта, В.Г.Пущко, О.М.Иоаннисяна, Н.Г.Недошивиной, Г.К.Вагнера, Т.Д.Пановой и др. Отсутствие самостоятельных методологических разработок и общественная ситуация не позволяли до сих пор оформиться этому направлению в отдельную отрасль знания с соответствующим названием. По нашим наблюдениям вновь понятие "церковная археология" прозвучало в одной из работ А.В.Чернецова (Чернецов 1991:35). В то же время, в работах Л.В.Хрушковой находит свое выражение и содержание термин "христианская археология", характерный для западно-европейской науки, но ориентированный на более древние памятники христианской культуры (Хрушкова 1991:539-540). В целом, отечественные археологи работали в тех же методологических традициях, что и их дарвинистские предшественники. Однако, круг источников существенно расширился за счет привлечения массового археологического материала. Появилась возможность исследовать целые археологические комплексы, связанные с церковным бытом.

Предпринят ряд попыток воссоздать на основе археологических источников некоторые эпизоды из истории древнерусской Церкви, реконструировать духовные процессы, происходившие в древнерусском обществе под влиянием христианства. Здесь надо отметить работы Б.А.Рыбакова, В.Л.Янина, А.С.Хоршева, А.П.Моця, Н.А.Макарова и др. В этом видится важный методологический прорыв, основанный на реальных познавательных возможностях современной археологической науки. Сказывается логика развития науки, приводящая исследователя данной категории источников к необходимости решать определенные задачи с соответственной методологической базой.

В эпоху усиленных разработок историографической проблематики, обращение к опыту "отцов" русской церковной археологии кажется более, чем естественным. Однако, такое обращение связано со специфическим характером самих христианских древностей. Их изучение в советский период отечественной истории проходило в условиях господства материалистического мировоззрения в науке. Но изучение гуманитарных проблем связано не только с рациональным познанием, а и с интуитивным приобщением. Это предполагает знание сущностных характеристик христианской культуры и церковного предания. Одна из существенных особенностей археологического источника - разрыв в традиции, в этом случае перестает быть препятствием на пути к извлечению из него археологической информации и претворению ее в информацию историческую. Атеистическая убежденность, объективно препятствовавшая проникновению в церковную традицию, нередко приводила талантливых ученых к неверным выводам и интерпретациям.

В свете выше сказанного, на наш взгляд, необходимо коснуться трех вопросов, от решения которых в значительной степени будет зависеть успех складывающегося направления в российской

науке. Речь идет о принципиальной возможности изучения явлений духовной культуры и истории религии по вещественным останкам прошлого, положительное усвоение церковной археологией источниковедческой и методологической базы, накопленной современной археологией, и установление принципиальной взаимосвязи между российской церковной археологией и европейской археологией христианской.

Проблема познавательных возможностей археологии дискутируется до сих пор. В целом подходы археологов в функции своей науки и ее компетенции в процессе исторического познания сводятся к двум отделам. Согласно первому взгляду, археология имеет те же функции, что история, то есть она направлена на реконструкцию культуры и социологии древних обществ. Второй подход видит в археологии источниковедческую науку, данные которой, полученные в результате обработки археологических источников, могут давать историческую информацию на более высоком "надархеологическом" уровне, после синтеза с данными других наук.

Не вступая в дискуссию и не боясь обвинений в эмпиризме, хочу лишь заметить следующее. Реально деятельность археологов гораздо шире, чем работа с собственно вещественными древностями и противопоставление истории и археологии является в значительной мере теоретизированием. Это не отрицает специфики археологического источника, заключающейся в односторонности и фрагментарности, прерывности сохраняемой в нем информации.

В конечном счете, именно источниковедческие тенденции среди сторонников "чистой" археологии привели к сужению ее компетенции вплоть до истории материальной культуры. Единственное, что может проследить археолог - это "материальное воплощение духовных переживаний человека", - считает Г.Чайлд (Чайлд 1940:140). Но "материальные воплощения" духовных переживаний являются следствием неутитарной культурной деятельности, и, вместе с этим, частью духовной культуры. На наш взгляд, возможно представить археологию церковную как историю духовной культуры, где под археологией понимается "совокупность исследований, относящихся к материальным объектам, которые вместе с другими данными могут осветить историю и образ жизни людей прошлого" (Гарден 1983:268), учитывая, что люди прошлого составляли церковное общество, Церковь в широком и изначальном понимании этого слова.

Сужение археологических исследований до решения задач "чистой" археологии может привести к атрофированию общественно-культурной функции археологии как гуманитарной науки, что лишь приведет к падению ее престижа в обществе.

В значительной мере, использование археологических источников для изучения истории христианской Церкви облегчено существованием синхронных письменных источников. Марк Блок сказал как-то, что "христианство - религия историков" и, что оно является самой историчной из религий (Блок 1986:6). Действительно, вся история христианской Церкви протекала в письменную эпоху. Синхронизация письменных источников с археологическими памятниками является не только задачей, но и преимуществом подобного рода исследований. Весьма примечательно, что большинство сторонников "чистой" археологии являются либо учеными-теоретиками, либо исследователями дописьменных обществ. Разницу между двумя подходами к археологии и цель археологии христианской можно показать на примере двух замечательных цитат. Н.П.Кондаков пишет, что "археологическая наука станет самостоятельной и решающей, когда изучив памятники ради их самих... , но не ограничиваясь эстетическим анализом, осветит эти памятники изнутри их самих и извне данными быта, культуры и политической жизни" (Лазарев 1925:19). Отец Павел Флоренский, не будучи археологом, но тонким понимателем вещественной и художественной древности, высказываясь, казалось бы, по другому поводу, замечает следующее: "Если бы ничего не было известно нам из истории о Смутном времени, то на основании одной только иконописи, и даже только складок, можно было бы понять происходивший духовный сдвиг средневековой Руси к Возрожденскому царству Московскому: в иконах второй половины XVI века уже реет Смутное время как духовная болезнь русского общества" (Флоренский 1971:126).

Признание за археологией функции науки, добывающей и изучающей вещественные древности с целью извлечения информации об историческом прошлом, и накопленный ею массовый археологический материал в процессе археологических раскопок, ставит перед церковной археологией определенные задачи. Во-первых, признание приоритета в изучении вещественных древностей. Во-вторых, введение в разряд своих источников новых, до селе относимых к другим наукам, памятников. Необходимо отказаться от рассмотрения лишь одних высокохудожественных памятников, связанных с литургической практикой. Необходима классификация источников по целям

исследования. Это позволяет рассматривать целые комплексы, в состав которых входят христианские древности, так и артефакты и комплексы, не связанные напрямую с литургией, но проливающие свет на христианский быт. Принципиально важно рассматривать христианские древности в их археологическом контексте. Это расширяет круг непосредственных источников церковной археологии. В первую очередь, сюда включается культурный слой городов и поселений, погребальные древности, клады, граффити на монетах, языческие святилища, показывающие длительность переживания дохристианских верований. В этом случае археологический интерес переносится с явлениям на длительные процессы, такие как христианский быт, христианизация, взаимоотношения между христианскими конфессиями.

Мысль о том, что духовная жизнь является наиболее индивидуализированной частью бытия должна напомнить, что за каждым археологическим памятником стоит определенная личность или группа лиц. Очевидно, что конкретная привязка артефакта является чрезвычайно редкой возможностью. Но практика археологии показывает ее осуществимость. На наш взгляд, на базе церковной археологии должно произойти возвращение личности в центр научного исследования, попытка психологического понимания мотивов личности или коллектива, оставившего тот или иной памятник. В какой-то мере, эта позиция близка "новой исторической науке" школы "Анналов", начатой трудами Л.Февра и М.Блока. Отправной точкой здесь может служить определение артефакта, данное И.Е.Забелиным (см. выше), позволяющее выделить индивидуальное даже при господстве типологического метода.

Западнохристианская археология ограничивает себя рамками VII века. В ее активе - нерегулярно созываемые международные конгрессы христианской археологии, Папские Академия и институт в Ватикане, комиссии и департаменты христианских древностей во многих городах Европы, в Азии, Африке и США. Русская церковная археология, включающая в себя и древности византийские, предстает как хронологическая преемница и законная часть мировой христианской археологии. В этой связи необходимо всемерное развитие контактов как с представителями классической христианской археологии, так и с исследователями, изучающими церковную историю и духовную культуру Средневековой Европы по вещественным остаткам. Учитывая развитие научной мысли в этой области в сторону более расширенного понимания христианской археологии, нежели история христианского искусства, необходимо познакомиться с соответствующими методологическими разработками. Знакомство с источниковоедческой базой позволит по-новому взглянуть на проблему культурных взаимовлияний. Вообще, изучение русской церковной культуры невозможно без знакомства с соответствующими сферами бытия Средиземноморья и Европы.

Складывается впечатление, что настало время выделить комплекс исследований, посвященных христианской культуре и истории в особый отдел отечественной археологии - церковная (христианская) археология. В качестве непременного условия необходимо объединение научных усилий в данной области в виде создания соответствующей структурной единицы при каком-либо археологическом учреждении России (сектор церковной <христианской> археологии). Несмотря на имеющиеся и грядущие финансовые и организационные трудности желательно рассмотреть возможность периодического печатного издания, созываемое соответствующих конференций, поиска контактов с зарубежными коллегами, разрабатывающими соответствующую проблематику. Следствием этого явится оптимизация изучения данного раздела культуры и истории, включение в познавательный процесс всего научного потенциала, накопленного российской археологией за последние десятилетия.

В этой связи необходимо активизировать изучение церковной истории и письменной церковной традиции. Следствием этого должна явиться работа в тесном контакте с представителями духовных школ Московского Патриархата и исследовательских центров при Отделе Внешних Церковных Сношений и Издательском Отделе, и возможное привлечение их к выполнению исследовательских программ. Это позволит более охватить историко-культурную проблематику христианских древностей, расширить источниковоедческую базу и, в конечном итоге, будет способствовать более адекватному исследованию соответствующего предмета.

Возможно еще одно общественно значимое последствие активизации данной отрасли археологического знания и сотрудничества Науки и Церкви. В условиях непрекращающегося конфликта между Русской Православной Церковью и российскими музеями это может содействовать достижению разумного компромисса, что будет лишь способствовать сохранению и приумножению отечественной культуры.

- БЛОК, М. 1986. Апология истории. Москва.
- ВЕНИАМИН, архиепископ. 1803. Новая Скрижаль. С.-Петербург.
- ГОЛУБИНСКИЙ, Е. 1906. Атлас к истории Русской Церкви. Москва.
- ГОЛУБЦОВ, А.П. 1912. Введение в церковную археологию // Богословский вестник П. Сергиев Посад.
- ГАРДЕН, Ж.К. 1983. Теоретическая археология. Москва.
- ИЛЬИНСКИЙ, Н.С. 1795. Историческое описание города Пскова и его древнейших пригородов. С.-Петербург.
- ИРОДИОН (ВЕТРИНСКИЙ), иеродиакон. 1829, 1830, 1844, 1845. Памятники древней христианской церкви или христианские Древности I-IV. С.-Петербург.
- КОЛЧИН, Б.А., А.С.ХОРОШЕВ, В.Л.ЯНИН. 1981. Усадьба новгородского художника XII века. Москва.
- КОНДАКОВ, Н.П. 1899. О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности и искусства: 1-7. С.-Петербург.
- КРАСНОСЕЛЬЦЕВ, Н.Ф. 1889. О значении археологических открытий для обработки древней церковной истории. Одесса.
- КЫЗЛАСОВА, И.А. 1985. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. Москва.
- ЛАЗАРЕВ, В.Н. 1925. Академик Н.П.Кондаков. Москва.
- МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ), архимандрит. 1847. Введение в Православное Богословие. Киев.
- МАКАРИЙ (МИРОЛЮБОВ), архимандрит. 1861. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Москва.
- НИКОЛЬСКИЙ, К.Т. (без года). Составление первого русского руководства по церковной археологии. Без места издания.
- ОПИСАНИЕ СВЯТЫНИ. 1851. Краткое историческое описание святыни Новгородской. Новгород.
- ПЕТРОВСКИЙ, А. 1901. Археология церковная // Православная Богословская Энциклопедия Г:17-23. С.-Петербург.
- ПОКРОВСКИЙ, Н.В. 1880. Новейшие воззрения на предмет и задачи археологии // Сборник Археологического Института. С.-Петербург.
- ПОЛИМПСЕТОВ, В. (без года). Поездка на церковно-археологические курсы в Тверь. Без места издания.
- ПРОФЕССОР ПОКРОВСКИЙ. 1909. Профессор Н.В.Покровский. Краткий очерк научной деятельности. С.-Петербург.
- САХАРОВ, И.П. 1849. Исследования о русском иконописании. С.-Петербург.
- СНЕГИРЕВ, И.М., А.А.МАРТЫНОВ. 1846. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Москва.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. 1868. Воспоминание о научной деятельности Евгения митрополита Киевского // Сборник отдела русского языка и словесности V:1-42.
- ТОЛСТОЙ, М. 1862. Святыни и Древности Великого Новгорода. Москва.
- ТРУБЕЦКОЙ, Е. 1916. Умозрение в красках. Москва.
- ТРУДЫ. 1871. Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 году. I. Москва. 1878. Труды III Археологического съезда в Киеве в 1874 году. I. Киев.
- УВАРОВ, А.С. 1878. Что должна обнимать программа для преподавателя русской археологии // Труды III Археологического съезда в Киеве в 1874 году. 1:19-38. Киев.
- УСПЕНСКИЙ, Л.А. 1899. Богословие иконы Православной Церкви. Париж.
- ФЛОРЕНСКИЙ, П. (священник). 1971. Иконостас // Богословские труды 9:80-148. Москва.
- ФОРМОЗОВ, А.А. 1981. К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века // Советская археология 1:312-313.
1986. Возникновение русской археологии // Страницы истории русской археологии:1-69. Москва.
- ХРУШКОВА, Л.Г. 1991. Развитие христианской археологии в СССР // Труды XVIII Международного конгресса византинистов в Москве 1:539-540.
- ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ. 1839. Церковная археология в вопросах и оглавлениях по книге именемоем "Новая Скрижаль" для употребления в Духовных Семинариях. С.-Петербург.
- ЧАЙДА, Г. 1949. Прогресс и археология. Москва.
- ЧЕРНЕЦОВ, А.В. 1991. К изучению эволюции архиерейского посоха и его символика // Советская археология 3:84-97.

ON THE STUDY OF RUSSIAN CHURCH CULTURE WITHIN RUSSIAN ARCHAEOLOGY.

Summary.

Shall the potter be regarded as the clay; that the thing
made should say of its maker "He did not make me" or the thing
formed say of him who formed it "He has no understanding?"
ISAIAH 29.16.

The natural interest towards the Russian spiritual heritage and history, caused by the rapid changes in the public situation in Russia and stimulated by the celebration of the Millennium Festival of Baptism of Russia, brings certain challenges to our home science. The tasks of objective historical cognition, could not be satisfied neither by the material approach, nor with the apologetic constructions, made to shape some kind of ideal types of the past. Within the Russian archaeological science, there exists a kind of serious intellectual potential alongside the solid methodological experience to solve such issues. Besides, one more powerful stimulus to perfect your knowledge in this sphere, i.e. - the century old historical traditions, is still being held vacant. We are talking about the old Russian existing branch, called church archaeology. The first grass-roots of church archaeology side with science, called liturgics. This science was engaged in studying the very liturgical rituals, while church archaeology was interested in their material side. This mainstream was developed within the framework of the Russian Orthodox Church, and it could be evaluated as both: theological and liturgical.

The second mainstream may be called historical - fine arts synthesis, and it was promoted from the beginning of 19th century as an exploration of Russian fine art antiquities. This realization had caused the process of creation of the fine art history science. This was dedicated primarily to the survey of monuments of the ancient Russian architecture, icon-painting and applied arts.

We must mention the special period of development of Church archaeology in Russia - the period of Russian Archaeological Congresses (1869-1914). As a result of intercontacts between the representatives of the Church and of secular science emerged there was a mutual synthesis of both mainstreams within one science. This process is related to such famous names as N.V.Pokrovsky (1848-1917), A.P.Golubtsov (1862-1911), N.F.Krasnoseltsev (1845-1899). All these people were the Professors of the Theological Academies of the Russian Orthodox Church correspondingly in St.Petersburg, Moskow, Kazan. There were special seats of Church archaeology and liturgics incorporated into the main body of the Academy. The acquaintance with the works of the founder of Church archaeology in Europe G. de-Rossi made a great impact upon the of these authors works. The main feature of this author was the synthesis of manuscripts and material antiquities.

The leaders of Church archaeology combined the features of the traditional theological approach with the interest to material antiquities.

N.V.Pokrovsky was the first in Russian science, to pay attention to the relation between ancient Byzantine Russian Christian fine arts and the teaching of Church and liturgical text. Gradually the scientists moved from the research of fine arts, that is related to the worship, to the research of the Christian culture in general.

However, in spite of the common character of original sources compilation and of methodological basis, Church archaeology was not dissolved within the history of fine arts represented by such names as N.P.Kondakov, F.I.Buslayev, D.V.Ainalov.

The watershed line of scientific thought served the goals of this study. According to Kondakov archaeology was an optional branch of fine arts history, elaborating the general "spade work" for further studies. For example, Kondakov accused de-Rossi just because he, while exploring the Roman Catacombs was ignoring the history of fine arts as an independent science and recognized only the history of Christian martyrs, i.e. Church history, as a science.

N.V.Pokrovsky objected to dealing with Church archaeology as only the Christian fine arts histor and considered it to be the study of the Christian mode of life and Christian historical think, i.e. the Christian culture in general.

Church archaeology is a historical discipline, cultivating the soil for history. Its main feature is close relationship to liturgics and Church history. However, the main representatives of Church archaeolog

did not leave serious methodological elaborations in the field and scope of their studies. Therefore the chronological scientific frame was determined. The question about incorporation of literary sources within the framework of original sources of Church archaeology was still left open. Towards the beginning of the 20th century the comparative-descriptive method, used by Pokrovsky in his works, for example "The Gospel in the relics of iconography", was completely exhausted. There was more and more contradiction between the possibilities of Church archaeology and the solving of its problems.

The only way out of the methodological crisis presupposed more active participation of archaeology in the solution of the problems of Church history.

However, the external circumstances, like the World War, the death of Pokrovsky (1917), the purge of the Church science after the revolution stopped the progressive march of the Church archaeology.

At the same time after the extinction of this science from the official list, the elaborations of its problems did not stop at all. Even with the confinements of the state atheism rule, the questions of Church culture took an important place within the framework of the study of Russian antiquities. In general they were concerned about the archaeology of architecture, applied art and icon-painting questions. With the archaeological scope of studies, almost without any visible scientific or historical tradition, the whole generation of scientists, engaged in the solution of Church archaeological problems, had taken shape and form.

We should mention here the names of Rybakov, Yanin, Sedov, Horoshev, Makarova, Darkevich, Nickolayeva, Chernetsov, Rappoport, Putsko, Yoannisyan, Nedoshivina, Wagner, Panova, Ghrushkova and others. The total lack of independent methodological elaborations as well as the public situation, have not allowed until now, the development of this trend as a separate branch of science with appropriate term.

Now, during the time of enforced elaborations of historiographic problems, the fact of conversion ourselves towards the past experience of the "father" of Church archaeology seems more than natural.

However, the survey of Christian antiquities during the soviet period of our history was carried out within the confinement of the materialistic point of view in science. The real study of Church history, presupposes the precise knowledge of the essential features of Christian culture and church legends. The Atheistic devotion served as a serious obstacle against the deep penetration into the Church tradition, and very often this devotion led many gifted scientists to totally wrong conclusions and interpretations.

We object to seeing Christian Archaeology as only the history of Church architecture, applied art and icon-painting. The source of Church Archaeology can be any artefacts capable to give information about christian culture, christian thought and relation between christianity and paganism. This artefact can be not obligatory related to church cult and christian symbols. But it is necessary to study both works of art and everyday things in complex.

At present, anybody who studies the Christian culture in Russia, always confronts three important issues. First - the positive solution of the question about the possibility of spiritual culture study based on material artefacts of the past. The problems of cognitive capacities of archaeology have been discussed in Russian science up to date. According to the first opinion archaeology has the same functions as history, i.e. the reconstruction of culture and of sociology or ancient societies. The second approach considers archaeology as an original sources compilation science, giving data received as a result of archaeological elaboration, they could provide historical information on a higher "super-archaeological" level, after its synthesis with other data of sciences.

It is necessary to mention the fact, that the same original sources compilation tendencies existing among the supporters of "pure" archaeology have led finally towards the contraction of its competence, up to limits of material culture history.

They consider that "the material embodiment of spiritual emotional feelings, experienced by human being" - is the only unique fact that must be traced by an archaeologist.

But the material embodiment of spiritual emotional feelings is the integral part of spiritual culture. In our opinion, we can imagine Church archaeology as a part of spiritual culture history, where the term archaeology means "the whole complex of researches related to material objects, which together with other data, could deal with the history and the way of life of ancient in the Eastern Orthodox Area underlie within the symbolic interpretation of the Divine Liturgy alongside with the development of "Icon theology" the doctrine promulgated in 787 A.D. on the Ecumenical Council, as a main dogma of Icon - veneration. But the very term "archaeology" relating to theology, was not used, because the liturgic time was always conceived as an actual process. In order to state a question about the role of antiquity and its study within

the church culture, we have to make an adjustment about the liturgical consciousness crisis, which fell on the Restoration and Reformation period in Europe and on Great Dissent (Raskol) period in Russia.

In the middle of 17th century, Patriarch Nikon published his first work on church archaeology in Russia, called "The Holy Table". The public - church requirements in the 18th century led to the new edition compilation, including Commentaries to the Russian Orthodox Church Service. In 1803 archbishop Venyamin's book "New Holy Table" was printed. Besides the Commentaries to the Orthodox Church Liturgy, this book comprised the whole history of development of holy objects used during the worship.

An important step within the historical scientific development was the translation by hierodeacon Irodion Vetrinsky Josef Bingam's book "Des Originis Ecclesiastical", called - "The Monuments of the ancient Christian Church or Christian Antiquities" (1829-1845). In the middle of the 19th century, there was a notion about Church archaeology in Russia as an auxiliary Theological discipline, for studying The Holy Worship of Russian Orthodox Church, explaining the origin and implication of the objects, used during The Holy Liturgy. This discipline existed side by people, taking into consideration the fact that people of the past formed one church communion, the Church in the wide and original meaning of this word.

To a great extent an employment of archaeological sources was used in the process of studying the history of Christian Church, this process is greatly enhanced by the availability of synchronous literary monuments. Actually, that's true, all the history of the Christian Church proceeded within the context of a literary period. The synchronization of written monuments with the archaeological monuments is not only a problem, but an advantage as well, of a similar kind of researches. Interesting to mention, is the fact that the majority of supporters of "pure" archaeology are either theoretical scientists, or researchers of prehistory societies.

Second - the Church archaeologists have to learn a lesson about original sources compilation and methodological basis, accumulated by Russian archaeology. We are talking about the recognition of priority of material antiquities in the course of investigation and about the incorporation into the rank of original sources of the Church archaeology the massive archaeological material, received in the process of excavations.

We should evaluate the highly artistic literary works together with all the complex of archaeological universum of the given epoch. It is essential to study Christian antiquities in their archaeological context.

We must introduce into practice the concept of church-archaeological complex, as a total sum of artefacts shedding light on the history and culture of Christian society, taking into consideration the fact that behind every archaeological relic stands a certain personality or social group of people.

It is necessary to recall the personality back into archaeology, i.e. we should try to trace the psychological motives of the personality who had retained the artefacts mentioned. The third problem is the process of realizing Russian Church archaeology as an integrated part of the world Christian archaeology. It is necessary to establish contacts with researchers of the proper Church archaeology in the study of Christian monuments before century as well as contacts with scientists, studying the Medieval Age church culture, on the basis of material monuments. The study of Russian church culture is impossible without the research with the find of Christian monuments in the Mediterranean Sea and of Europe and with the following research methodology.

We have an impression that the time has come to single out the researches complex, devoted to Christian culture and history into the special branch of Russian archaeology - Church (Christian) Archaeology as an indispensable condition. It is necessary to unite all the scientific efforts in the given branch in the form of organization the following structural unit attached to some archaeological Institute of Russia (the sector of Church /Christian/ archaeology).

In this connection it is necessary to activate Church history study and literary Church tradition. As a consequence of it, we should join our efforts in a tight contact with representatives of the Russian Orthodox Church. This fact would allow us to comprehend deeper the historical-cultural problem of Christian antiquities.

Within the context of conflict between Russian Orthodox Church and Russian secular museums, it will contribute to achieve the reasonable compromise. The whole process would promote to preserve Russian culture intact and enhance its glory.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЭПОХИ МУСТЬЕ

(по материалам захоронений Крыма).

В.А.АЛЕКШИН.*

Возобновление научных дискуссий зависит не только от новых открытий, но и от критического переосмысливания старых материалов, что способствует разработке оригинальных методов исследования археологических комплексов и формированию на этой основе новых концепций и гипотез. В этой связи показателен пример с мустырскими захоронениями.

Последние годы привели к изменению наших прежних представлений о погребальном обряде в среднем палеолите. Первый шаг в этом направлении был сделан антропологами, которые обнаружили на kostях неандертальцев следы от кремневых орудий, свидетельствующие о посмертных манипуляциях с трупами (расчленение и снятие мягких тканей с костей) (Ullrich 1982; 1986; Russel, Le Mort 1986; Russel 1987; 1987a; Le Mort 1988; 1989).

Новейшие археологические исследования мустырского похоронного ритуала показали, что он действительно имеет свою специфику. Однако, далее мнения ученых разделились. Одни настаивают на принципиальном отличии мустырских погребений от всех позднейших (Chase, Dibble 1987:273), другие подчеркивают, что при сходстве неандертальских и верхнепалеолитических захоронений значительная часть могил среднего палеолита содержала расчлененные трупы или части трупов (Смирнов 1986:63-66; 1991:219,224), третий вообще отрицают наличие неандертальских захоронений (Gargett 1989:177).

В теоретическом плане наиболее плодотворную позицию занимает Г.Ульрих. Он считает, что мустырский погребальный обряд эволюционировал от расчлененных захоронений, которые доминируют в раннем мустье, к нерасчлененным, появившимся в конце среднего палеолита (Ullrich 1986:235-236).

Несмотря на интересные выводы и гипотезы, работы последних лет, посвященные анализу мустырских погребений, имеют ряд методических недостатков. Более подробно критические замечания по этому поводу изложены мною в другой статье (В.А.Алекшин 1993). Здесь же отмечу, что Ю.А.Смирнов не учитывает временной эволюции погребального обряда и его специфику в различных ареалах (Смирнов 1991:216-222). Г.Ульрих не уделяет достаточного внимания реконструкции погребального обряда, как системы, включающей набор традиционных ритуалов и материальных элементов (Ullrich 1986; Алекшин 1988). Ф.Чейз и Х.Диббл гиперкритически относятся к источникам и поэтому необоснованно отрицают наличие археологически зафиксированных ритуалов в захоронениях эпохи мустье (Chase, Dibble 1987:274). Р.Гадажетт, увлекшись изучением геологических процессов, происходивших в пещерах и навесах, полностью исключает человеческий фактор, как первоначальну причину появления целых скелетов в культурных слоях стоянок среднего палеолита. Он категорически утверждает, что все полные скелеты неандертальцев - это останки брошенных на поверхности трупов людей или жертвы несчастных случаев. Все они сохранились до наших дней благодаря исключительным стечениям обстоятельств, что характеризует особенности тафонимического процесса на каждой конкретной стоянке (Gargett 1989).

Между тем, любой анализ мустырских погребений должен включать следующие операции: 1) критику источников; 2) определение хронологии погребальных комплексов; 3) реконструкцию погребальных обрядов для каждого памятника.

В соответствии с этими требованиями в данной работе рассматриваются погребения среднего палеолита в Крыму, которые до сих пор не имеют однозначной оценки у исследователей.

Первые останки людей эпохи мустье в Крыму были обнаружены в 1924 г. Г.А.Бонч-Осмоловским в гроте Кинк-Коба, в 25 км восточнее Симферополя (Бонч-Осмоловский 1940; 1941).

В VI слое грота в большой яме мустырского горизонта исследователь нашел лежащие в анатомическом порядке кости правой голени и стопы взрослого человека. Рядом, тоже в

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

непотревоженном состоянии, находились кости левой стопы. Яма, в которой лежали кости, была нарушена другой, более поздней ямой (рис.1). В том месте, где край новой ямы проходил рядом с найденными костями, выше их уровня (на поверхности IV слоя) встречены в перемещенном состоянии 18 костей кистей того же индивида (Бонч-Осмоловский 1940:6,138; 1941:17). Оценив ситуацию, ученый пришел к выводу, что им найдено захоронение, нарушенное более поздней впускной ямой слоя IV, которая почти полностью уничтожила восточную часть могилы вместе с находившимися там костями скелета (Бонч-Осмоловский 1940:134). Эта гипотеза и по сей день безоговорочно принята всеми исследователями (Смирнов 1991:137-140). С моей точки зрения, такая интерпретация сталкивается с рядом трудностей: 1) При раскопках не найдены другие останки скелета, кроме зуба в заполнении поздней ямы. Между тем, часть костей должна была сохраняться в ее засыпи, тем более, что она недолго стояла открытой и вскоре была засыпана (Бонч-Осмоловский 1940:134-136). 2) Поскольку западная часть могилы осталась неповрежденной, вызывает недоумение отсутствие в ней левой голени при сохранении анатомического порядка костей правой ноги и левой стопы. Такое нарушение могло случиться только в том случае, если бы впускную яму начинали рыть на большой площади, а затем, наткнувшись на кости левой голени и выкинув их, яму ссыпали и стали углублять только ее восточную половину. Но тогда неизбежно уничтожили бы нижний культурный слой над западной частью могилы, а он сохранился. Вытащить наружу обнажившиеся в срезе могилы кости левой голени, не поломав их, видимо, было нельзя из-за плотности почвы, так как IV горизонт образовался гораздо позднее VI (слой нижнего горизонта). 3) Впускная яма (1,4 x 0,8 x 0,6 м), повредившая захоронение, не имела находок из верхнего слоя в ее придонной части (Бонч-Осмоловский 1940:134-135), тогда как заполнение другой ямы, находившейся неподалеку, содержало находки на всю ее глубину (Бонч-Осмоловский 1940:136). В придонной части впускной ямы начинается прослойка, которая являлась не тронутой частью засыпи могильной ямы (Бонч-Осмоловский 1940:134-135). Из этого следует, что впускная яма не была доведена до дна могилы и поэтому не могла полностью уничтожить покойника, ноги которого, что не свойственно для погребений, располагались выше того участка, на котором могла бы лежать голова и таз (Бонч-Осмоловский 1940:138-139).

Изложенные факты позволяют отвергнуть традиционную гипотезу о нарушенном погребении и предположить, что в VI слое грота Кийк-Коба были захоронены лишь те части трупа взрослого человека, костные останки которых обнаружил Г.А.Бонч-Осмоловский. Во время рытья впускной ямы кости костей были смещены и выброшены на поверхность IV (верхнего) слоя.

В связи с этим, обращает на себя внимание непропорционально большая длина могилы (2,1 м), не соответствующая предполагаемому росту покойного (155-159 см) (Бонч-Осмоловский 1941:20).

Некоторые исследователи, осматривавшие захоронение после его открытия, не исключали, что в качестве могилы могли использовать естественное углубление в полу пещеры, предварительно расширив его (Бонч-Осмоловский 1940:168; 1941:148; Городцов 1928:38). Однако, поскольку могила своими формой, глубиной, отвесными стенами рельефно выделялась на скальном дне стоянки, Г.А.Бонч-Осмоловский был уверен, что вся яма имела искусственное происхождение. При этом, он все же отмечал, что на дне могилы было желобообразное естественное углубление (Бонч-Осмоловский 1940:52).

Почти все дно могильной ямы было покрыто слоем темно-зеленой глины водного происхождения толщиной 2-3 см (Бонч-Осмоловский 1940:138). Г.А.Бонч-Осмоловский не дает объяснения, почему этот слой не был нарушен или уничтожен во время рытья могилы.

В.Н.Гладилин, целиком разделяющий гипотезу Г.А.Бонч-Осмоловского о нарушенном захоронении, выдвинул свое объяснение этому странному факту. Он считает, что слой глины, отложившийся на полу грота, был уничтожен на участке захоронения могильной ямой. Затем глинистая прослойка образовалась повторно между завершением работ по углублению ямы и ее засыпкой. Чувствуя, что это предположение не убедительно, В.Н.Гладилин добавляет, что глинистая прослойка могла образоваться на дне могилы и после ее засыпки в результате просачивания туда глинистого раствора (Гладилин 1979:73-75). Поскольку труп помешал бы глине равномерно покрыть все дно могилы, предположение В.Н.Гладилина не проясняет вопрос о происхождении могильной ямы.

Ситуация объясняется, если принять гипотезу о частичном захоронении. В таком случае, могилой нужно считать только неглубокую западную часть обнаруженной Г.А.Бонч-Осмоловским ямы, в которой лежали кости неандертальца. В этом месте твердое дно грота повышается и глубина могилы не превышает 40 см (Бонч-Осмоловский 1940:137-138). Неандертальцы, копавшие здесь могилу,

натолкнувшись на скальный уступ с естественным углублением, неровное дно которого имело наклон в восточном направлении, прекратили работу, положили в яму части трупа и засыпали их щебенкой. При этом они остались в неведении, что встреченное ими естественное углубление продолжалось в восточном направлении, и, что эта восточная часть была более удобная для рытья могилы из-за мягких глинистых прослоек. Очевидно, восточная часть естественного углубления была уже перекрыта культурными напластованиями. Именно поэтому глинистые прослойки сохранились в восточной части естественного углубления.

Г.А.Бонч-Осмоловский полагал, что им обнаружены останки мужчины 40-45 лет (Бонч-Осмоловский 1941:19-20; 1954:11). Позднее было установлено, что кости принадлежали женщине не старше 35 лет (Рохлин 1965:221-224; Якимов, Харитонов 1979:57). У нее был неправильно сросшийся перелом фаланги пятого пальца правой стопы (Бонч-Осмоловский 1940:17).

К северу от костей взрослого неандертальца, на расстоянии одного метра от них, в том же 1924 году был найден скелет ребенка (рис.2). Указания на его стратиграфическое залегание грешат неточностями. Сообщается, что он лежал на скальном дне грота (Бонч-Осмоловский 1925:393), в нижнем культурном слое (Бонч-Осмоловский 1924; архив: лист 15), в толще нижнего культурного слоя, почти непосредственно на скальном дне грота (Бонч-Осмоловский 1941:5). Точная стратиграфическая позиция находки, очевидно, зафиксирована в полевом дневнике исследователя, где указано, что кости ребенка найдены в подстилающей нижний культурный слой глине (Смирнов 1987:19-20). Скелет лежал в анатомическом порядке и сохранился полностью (Бонч-Осмоловский архив-а: листы 18-19; архив-б: лист 16; Бонч-Осмоловский 1926:86; 1940:126; Влчек 1974:106; Гохман, Козинцев 1980:183). Г.А.Бонч-Осмоловский писал, что он не обнаружил черепа. Изучение останков, проведенное Э.Влчеком, показало, что череп в погребении был, но практически не сохранился (Vlcek 1973:539; 1976:297). Указание на отсутствие костей стоп в детском захоронении не подтверждается (Алексин 1992:8-9).

Полная комплектность костей хрупкого детского скелета свидетельствует о том, что труп ребенка был вскоре после смерти изолирован от окружающей среды, очевидно, в специально вырытой могиле. Анатомический порядок костей скелета и его скрученность являются решающими аргументами для включения этой находки в группу мусьевских захоронений. К сожалению, границы могильной ямы в данном случае не были прослежены.

К западу от скелета ребенка найден небольшой обломок известняка, который, по мнению Г.А.Бонч-Осмоловского, былложен преднамеренно (Бонч-Осмоловский 1941:5). Над скелетом и возле него лежали кремневые орудия (Бонч-Осмоловский 1940:6,36,145-146). Все упомянутые находки попали сюда из окружающего культурного слоя и не имеют отношения к погребению.

Исследователь видел прямую связь между обеими находками и считал, что обнаружил одновременное захоронение матери и ребенка (Бонч-Осмоловский 1941:7). Никаких доказательств этого предположения, в основе которого, вероятно, лежит близкая локализация обоих погребений, не существует.

Второе захоронение Киик-Кобы принадлежало ребенку 5-7 (Vlcek 1973:539; 1976:297) или 6-8 месяцев (Влчек 1976:26; Якимов, Харитонов 1979:59).

В 1953 г. А.А.Формозов обнаружил скелет ребенка в мусьевских отложениях скального навеса Староселье на восточной окраине г.Бахчисарай (Формозов 1954:13; 1958:61). Набор костей, зафиксированный при раскопках (Формозов 1954:16-17; 1957:125-130; 1958:61-68; Герасимов 1954:23-26) указывает на захоронение полного трупа. Скелет лежал в анатомическом порядке, длинные кости правой руки и часть длинных костей правой ноги разрушены временем (рис.3). Расположение тазовых костей и кистей противоречат высказанному Ю.А.Смирновым предположению о нахождении умершего на правом боку (Смирнов 1991:145).

Сохранность большей части скелета предполагает его изоляцию от окружающей среды в могиле, хотя ее границы не были обнаружены при раскопках (Алексеев 1954:158-159). А.А.Формозов и А.М.Герасимов утверждали, что труп ребенка, положенный на поверхность, был присыпан землей. Позднее упавшие сверху плиты потолка перекрыли останки (Герасимов 1954:23-25; Формозов 1954:16; 1958:67). Такая трактовка не учитывает, что череп и грудная клетка скелета были смешены вправо. Это могло произойти только в том случае, если тело умершего было помещено в полость, по которой кости могли смещаться. Череп ребенка полутора лет имел ярко выраженные сапиентные черты (Герасимов 1954:26; Рогинский 1954; Успенский 1969:123; Формозов 1958:72; Якимов, Харитонов

1979:61,66). Поэтому С.Н.Замятнин усомнился в мустырском возрасте скелета и выдвинул тезис о гуском характере старосельской находки (Алексеев 1954:158).

Эта точка зрения не подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Над скелетом, в слое ебенки с характерными мустырскими орудиями, лежали плиты известняка, упавшие с потолка квеса. Если бы в этом вышележащем слое была вырыта впускная могильная яма, то при ее засыпке иты известняка и длинные кости животных не могли бы лежать так же горизонтально, как на залегшем участке. Вся толща слоев с известняковыми плитами над скелетом плотно цементирована и не нарушена впускной ямой. Поэтому скелет относится к мустырской эпохе Дормозов 1954:15-16; 1957:125; 1958:65-66). Сапиентные черты ребенка из Староселья не противоречат гипотезе о существовании в мустыре Европы гоминид, отличных от неандертальцев (Якимов, аритонов 1979:66).

В связи с этим мустырский возраст старосельского захоронения более не подвергаетсяомнению (Гладилин 1985:37-38,49). Современное антропологическое обследование показало, что ребенок страдал водянкой головного мозга (Spiteri 1980:65,71-72).

Костные останки неандертальцев обнаружены в 1973 г. при раскопках грота Заскальная VI, в 7 м севернее г.Белогорска. Выявлено шесть особей неандертальцев детского и подросткового возраста (Данилова 1983; Колосов 1985; 1986:3,68-73).

От ребенка 5-6 лет, подростков 10-12 и 14-15 лет сохранились фрагменты отдельных костей. У ребенка в возрасте 1 года сохранились частично кости левой руки, грудной клетки, таза и стоп. Анatomический порядок костей нарушен. От ребенка в возрасте 2-3 лет сохранились кости грудной клетки, стоп, кистей, правой ноги и левое бедро. Кроме стоп, кости лежат в беспорядке. От ребенка в возрасте 5-6 лет сохранились 4 фаланги кости (Данилова 1983:84-85; Колосов 1986:72).

В первых трех случаях мы имеем дело с обычными для мустырских стоянок находками азроздненных человеческих костей. Нельзя согласиться с Ю.Г.Колосовым, что они являются статками расчлененных захоронений (Колосов 1987).

В трех последних случаях (рис.4) кости детей лежали под упавшим козырьком навеса в слое Ia, над которым располагался слой III. Сначала в желтом песке слоя III были найдены кости стоп ебенка, лежащие в порядке, близком анатомическому. Затем рядом с ними выявлена яма (40 x 45 x 5 см). При расчистке ее заполнения обнаружены остальные кости детей, лежащие в беспорядке. Ю.Г.Колосов полагает, что в слое III в песке было сделано небольшое углубление, куда положили упсы трех детей (1 год, 2-3 года, 5-6 лет). Затем их присыпали тем же самым песком, чем и бъясняется отсутствие следов засыпки ямы. Позднее погребение было разрушено впускной ямой, в заполнении которой сохранились останки потерявших погребений (Колосов 1985; 1986:73). Менее вероятно оставление трупов на поверхности слоя с последующей присыпкой их песком (Колосов 1985; 1986).

Между тем, в заполнении ямы отсутствуют многие кости скелетов: черепа, длинные кости онечностей. Если бы яма нарушила комплектные захоронения, костей, очевидно, сохранилось бы ольше. Сознавая это, исследователь высказал предположение, что им обнаружены расчлененные етские захоронения (Колосов 1986:73). Следует отметить, что упомянутое скопление костей одержало лишь несколько фаланг кисти 5-6 - летнего ребенка (Колосов 1986:72). В связи с этим, редпочтительнее говорить о двух погребенных (1 год; 2-3 года). Приведенные Ю.Г.Колосовым Колосов 1987:62) и Ю.А.Смирновым (Смирнов 1991:145-147,269-272) данные явно недостаточны, чтобы идет здесь, хотя бы и условно, триное захоронение.

Количество обнаруженных костей таково, что можно согласиться с предположением Ю.Г.Колосова о наличии в Заскальной VI расчлененного двойного детского захоронения. Однако, поскольку оно было нарушено поздней впускной ямой, мы никогда не сможем узнать каков был первоначальный порядок размещения похороненных здесь частей трупов. Нет никакой возможности о положении костей стоп ребенка 2-3 лет, которые единственны сохранили первоначальное оложение, восстановить позу погребенного, как это делает Ю.Г.Колосов (Колосов 1974:287-288; 977:76-78; 1986:73). Можно лишь констатировать, что кости были размещены в глубине грота по инициативе север-юг, то есть перпендикулярно его входу. Утверждения, что на стоянке захоронены долные рупы (Бибиков 1981:26; Гладилин 1985:35-36) не соответствуют фактическому материалу.

Ю.Г.Колосов пришел к выводу, что яма, нарушившая могилу, синхронна слою III, которым датируется погребение (Колосов 1986:73). Слой этот слишком тонок и отложился довольно быстро. Поэтому нельзя исключить, что яма впущена из вышележащего слоя III на ранней стадии его

формирования, до того как в нем над местом могилы образовалось оставшееся непотревоженным скопление костей животных, относящееся к иному периоду обживания грота людьми. Я не разделяю точку зрения Ю.Г.Колосова и Ю.А.Смирнова, что это скопление костей, равно как и несколько ям вблизи захоронения, могли иметь к нему какое-либо отношение (Колосов 1987; Смирнов 1991:148-149). Эти объекты столь обычны и естественны в культурном слое палеолитических стоянок, что при отсутствии прямых стратиграфических доказательств не стоит придавать им какой-то особых символический смысл. В нашем случае такая интерпретация вызывает удивление, ибо по логике вышеупомянутых исследователей, сначала погребение было нарушено и только затем над ним появились конструктивные элементы погребального сооружения (Смирнов 1991:270-271).

Обратимся к хронологии захоронений. В предварительных публикациях Г.А.Бонч-Осмоловский относил погребение взрослого неандертальца к VI (нижнему) мусьевскому слою грота (Бонч-Осмоловский 1926:84-85). Датировка могилы была определена стратиграфическим положением костей. Позднее Г.А.Бонч-Осмоловский радикально, и, как сейчас выясняется, ошибочно (Праслов 1984:105-106, 109-110; Гладилин 1985:29-31) изменил свое мнение о культурной принадлежности VI слоя, отнеся его к ашельскому времени (Бонч-Осмоловский 1941:8-9). Поскольку для этой эпохи погребения не известны, ученый стал связывать могилу, вопреки некоторым очевидным фактам, с IV культурным слоем (Бонч-Осмоловский 1940:131-148). Убедительная критика этой аргументации изложена в работах А.П.Окладникова и В.Н.Гладилина (Окладников 1941:128; Гладилин 1979:67-76). С моей точки зрения, важнейшим признаком принадлежности захоронения женщины к VI горизонту является наличие прослойки нижнего культурного горизонта толщиной в 7 см над непотревоженными костями. Очевидно, могила относится не к финальной стадии VI слоя.

Захоронение ребенка найдено в подстилающей нижний культурный слой глине (Смирнов 1987:19-20). Сначала Г.А.Бонч-Осмоловский относил эту могилу к нижнему культурному слою (Бонч-Осмоловский 1926:85), ему возражал В.А.Городцов (Городцов 1928:37). Затем исследователь изменил свою точку зрения и датировал детское погребение IV слоем (Бонч-Осмоловский 1941:7). Последующие интерпретации оставляли открытым вопрос о стратиграфическом положении могилы ребенка. Недавно Ю.А.Смирнов обратил внимание, что в том месте, где найдена детская могила, отсутствует стерильная прослойка (V) между двумя культурными горизонтами. Очевидно, она была уничтожена захоронением, впущенном из IV горизонта (Смирнов 1987:20-21).

Все исследователи считают нижний слой Кийк-Коба наиболее ранней мусьевской индустрией Крыма (Бибиков 1969:143; Гладилин 1976:150; 1979:69; 1985:29-31; Колосов 1983:153; Чабай 1991:19-21), относящейся, вероятно, к началу вюрма I. Горизонт IV может датироваться вюрмом I (конец его ранней стадии?).

В Староселье погребение ребенка располагалось в стерильной линзе под верхним культурным слоем мусьевского времени. Ниже могилы прослежен слой обвала козырька навеса. Очевидно, захоронение сделано до образования верхнего культурного слоя (Герасимов 1954:24) или в ранней стадии его существования. В.Н.Гладилин ошибочно относил старосельское погребение к нижнему культурному слою (Гладилин 1985:38-39,49). В последних работах слои Староселья датируются первой половиной вюрма (Праслов 1984:106) или вюрмом (Гладилин 1985:37-38). Их индустрия имеет позднемусьевский облик (Чабай 1991:20-21).

Погребение на стоянке Заскальная VI(слой IIIa) датируется вюрмом I(Колосов 1986:139; Гладилин 1985:33-36,51). Вышележащий II культурный слой стоянки имеет дату (^{14}C): более 45 тысяч лет тому назад. Слой с погребениями еще древнее, его индустрия относится к развитому мусье (Чабай 1991:20-21).

Геологическая последовательность стоянок с погребениями может быть представлена следующим образом: начало вюрма I(Кийк-Коба VI), вюрм I(Кийк-Коба IV, Заскальная VI, Староселье).

Археологическая периодизация представлена на следующей таблице:

Таблица 2. Погребальный обряд мусьевских захоронений Крыма.
Table 2. The burial rite of Moustierian burials in the Crimea.

Праслов 1984:106

Староселье

Кики-Коба IV

Заскальная VI

Кики-Коба VI

Чабай 1991:18-21

Староселье

Заскальная VI

Кики-Коба IV

Кики-Коба VI

Таблица 1. Хронология мустырских стоянок Крыма с погребениями

(слева по Н.Д.Праслову; справа по В.П.Чабаю)

Table 1. The chronology of Moustierian sites in the Crimea with burials
(left - according to N.D.Praslov, right - according to V.P.Chabai).

Информация о погребальных обрядах сведена в таблицу 2. Анализируя ее можно сделать следующие выводы:

1) Захоронения связаны с культурными слоями, содержащими различные индустрии;

2) Антропологический тип погребенных различен (Смирнов 1991:264,265,268,271);

3) Умерших хоронили на стоянках внутри гротов, навесов, пещер. В Староселье могила расположена перед входом в навес. Для погребений рыли неглубокие ямы или использовали естественные углубления. Целые трупы хоронили в скорченном положении на левом боку (Кики-Коба IV) или в вытянутом положении на спине (Староселье). Устойчивая ориентировка погребенных отсутствует. Все могилы одиночные, за исключением двойного захоронения детей (Заскальная VI). Возле стоянки женщины (Кики-Коба), возможно, сохранились остатки органики (следы шкуры, в которой они были завернуты?);

4) Локализация остатков относительно входа в убежище варьирует. В двух случаях скелеты направлены головой ко входу, то есть перпендикулярно ему (Кики-Коба IV, Староселье), в Заскальной VI кости тоже лежат перпендикулярно входу, могила в Кики-Коба VI расположена параллельно входу. В юго-западной Азии ранние погребения середины вюрма I (Кафзех: Израиль) локализованы перпендикулярно входу. Поздние захоронения вюрма II (Схул, Табун: Израиль) размещены параллельно входу. Эта закономерность подтверждается материалами Шанидара (Ирак), где ранние захоронения (Шанидар 4,6,7) лежат перпендикулярно входу, а поздние (Шанидар 1,3) - параллельно входу (Алексин, 1993) и Франции, где захоронения, относящиеся к поздней стадии мустыи, локализованы параллельно входу в пещеру. Эти наблюдения подтверждают раннюю геологическую датировку крымских захоронений (вюрм I), во всяком случае, они, безусловно, ранее середины вюрма II;

· 5) В ранних захоронениях (Кики-Коба VI, Заскальная VI) обнаружены различные части расчлененных трупов, причем, только в Кики-Коба они лежат в анатомическом порядке. В этих могилах отсутствуют черепа, отдельные кости ног и рук (Заскальная VI), в Кики-Коба захоронены только кости ног и кистей. Посмертные манипуляции производились с трупами взрослых и детей. Позднее захоронения представлены комплектными скелетами в анатомическом порядке (Кики-Коба IV, Староселье).

Таким образом, можно говорить о постепенной эволюции обряда, когда неполные захоронения постепенно вытесняются захоронениями целых трупов в анатомическом порядке. Такая картина согласуется с выводом Г.Ульриха (Ullrich 1986:235-236) и противоречит заключению Ю.А.Смирнова (Смирнов 1991:202-205), который, рассматривая все мустырские захоронения в едином временном срезе, пишет о поливариантности погребального обряда в эпоху среднего палеолита. Захоронения отдельных частей трупа нельзя рассматривать как специфическую особенность крымских погребений. Аналогии этому ритуалу зафиксированы в Палестине, где в двух могилах (Схул III,VIII) также обнаружены только кости ног (Алексин, 1993:5,7);

6) Мустырские захоронения Крыма сходны с погребениями других археологических эпох по следующим параметрам: а) локализация могил на стоянках; б) захоронения в скорченном или вытянутом положении на спине. По другим признакам они принципиально отличаются от более поздних захоронений: а) отсутствие инвентаря, в связи с этим социальные различия, если таковые и имелись, не прослеживаются в похоронных ритуалах; б) отсутствие красной краски; в) отсутствие погребальной пищи; г) отсутствие ритуалов после похорон; д) наличие расчлененных захоронений. Следовательно, мустырский погребальный обряд указывает на иную систему ритуального поведения, которая отличается от всех последующих систем, включая позднепалеолитическую.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЭПОХИ МУСТЬЕ

Памятник	Пол и возраст	Поза скелета	Ориентация	Могила	Комплектность скелета	Анатомический порядок	Индустрия	Антропологический тип
Клик-Коба	женск. не старше 35 лет	-	-	Яма естественного прохождения, в центре грота, ориентирована: СВ-ЮЗ, параллельно входу	Правая нога ниже колена, левая ступня, кисти. Остатки органики (?) возле стоп	+	Зубчатое микромусье (Гладилин 1976: 102-104)	Неандертальец
Клик-Коба	реб. 5-7 или 6-8 месяцев	Скорченное на левую боку, левая рука вытянута, ее кисть под коленом ноги скелета слегка согнуты, голова направлена к выходу из грота	Юг	Яма(?) внутри грота, перпендикулярно его входу.	Полный скелет	+	Микромусье двухстороннее (Гладилин 1976: 102-104)	"-
Старооселье верх.слой	реб. I,5г.	На спине, в вытянутом положении, левая кисть на тазе, голова направлена к выходу из навеса	Запад	Яма(?) на площадке перед навесом, перпендикулярно его входу.	"-	+	Мустье с ашельской традицией (Формозов 1977: 55; Гладилин 1976: 97)	Гомо сапиенс с неандертальско-идийными признаками
Заскальная	реб.: 1 год; реб.: 2-3 г.	-	-	Яма(?) внутри грота, ориентирована с С на Ю, перпендикулярно его входу.	Кости левой руки, грудной клетки, таз и стоп. Кости правой ноги, левое бедро, кости грудной клетки, стоп, кистей	?	Мустье двухстороннее нефосетированное (Колосов 1966: 64).	Неандертальцы с прогрессивными морфологическими признаками

Таблица 2. Погребальный обряд мустырских захоронений Крыма.
Table 2. The burial rite of Mousterian burials in the Crimea.

Ключ к расшифровке кода мустерьских захоронений дают некомплектные расчлененные захоронения, которые свидетельствуют о посмертных манипуляциях с трупами (расчленение). Подобная практика обращения с трупами лишь отчасти объясняется страхом перед ними. Суть преднамеренного калечения усопших перед погребением заключалась в ином.

Вспомним медвежьи праздники народов Севера, смысл которого заключается в возрождении к жизни убитого зверя, после поедания его мяса и захоронения расчлененных костей скелета в различных местах. Эти ритуалы приумножения производящие сил природы (продуцирующие обряды) чрезвычайно архаичны. В.Р.Кабо показал, что их магия является древнейшей формой религии. Продуцирующие обряды восстанавливали нарушенное охотниками равновесие в природе, возрождая души убитых животных. Смерть и разрушение оказываются средством для восстановления новой жизни (Кабо 1987).

Однако, равновесие в природе поддерживалось не только количеством воскресших животных. Высокая смертность в эпоху мустье грозила полным исчезновением маленьких группам охотников. Для того, чтобы их численность не уменьшалась необходимы были защитные меры: обряды, магия которых возвращала бы к жизни умерших сородичей, либо помогала бы появлению новых членов группы, вместо умерших.

Именно такую смысловую нагрузку, видимо, несут захоронения неполных трупов в эпоху мустье. Не исключено, что истоки этих обрядов уходят в домустерьскую эпоху.

Видимо, погребальные обряды генетически восходят к продуцирующим, то есть к обрядам плодородия и размножения. Магия ранних форм погребальной обрядности "спасала" группы мустерьского населения от вымирания и тем самым способствовала поддержанию стабильности внутри охотничих коллективов.

- АЛЕКСЕЕВ, В.П. 1954. Нахodka костных остатков ребенка мустерьского времени в пещере Староселье близ Бахчисарая // Советская этнография 1:158-161.
- АЛЕКШИН, В.А. 1988. Погребальный обряд и проблемы культурно-генетических и хронологических исследований в археологии // Теоретические проблемы современной археологии. Тезисы докладов на симпозиуме методологических семинаров Отдела археологии АН Молдавской ССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Совета молодых ученых Отдела этнографии и искусствоведения АН Молдавской ССР:55-56. Кишинев:Штиница.
1992. Мустерьские погребения Крыма // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тезисы докладов семинара Одесса 18-19 мая 1992:8-9. Одесса.
1993. Мустерьские погребения Передней и Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии 20:3-9.
- БИБИКОВ, С.И. 1969. Палеолит Крыма // Природа и развитие первобытного общества:142-154. Москва: Наука.
1981. Эпоха палеолита // История Украинской ССР 1:22-44. Киев:Наукова думка.
- БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ, Г.А. Архив-а. Отчет о раскопках 1924 года. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 2, опись 1, дело 123. С.-Петербург. Архив-б. Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд 71, дело 1. С.-Петербург.
1925. Палео-этнографическое исследование в Крыму // Новый Восток 8-9:391-393. Москва.
1926. Палеолитическая стоянка в Крыму. Предварительное сообщение // Русский антропологический журнал 14 (3-4):81-87. Москва.
1940. Гrot Кийк-Коба. Палеолит Крыма I. Москва, Ленинград: Академия наук.
1941. Кисть ископаемого человека из грота Кийк-Коба. Палеолит Крыма II. Москва, Ленинград: Академия наук.
1954. Скелет и голени ископаемого человека из грота Кийк-Коба. Палеолит Крыма III. Москва, Ленинград: Академия наук.
- ВАЧЕК, Э. 1974. Пропорции конечностей неандертальского ребенка из Кийк-Кобы // Советская этнография 6:104-109.
- ГЕРАСИМОВ, М.М. 1954. Условия находки костей ребенка в пещере Староселье: извлечение, консервация и реставрация их // Советская этнография 1:22-27.
- ГЛАДИЛИН, В.Н. 1976. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев:Наукова думка.
1979. О культурно-хронологической принадлежности неандертальских погребений Кийк-Кобы // Исследования палеолита в Крыму:67-76. Киев:Наукова думка.
1985. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР 1:12-83. Киев:Наукова думка.
- ГОРОДЦОВ, В.А. 1928. К определению древностей мезолитической стоянки в пещере Кийк-Коба // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии II(59):33-38. Симферополь.

- ГОХМАН, И.И., А.Г.КОЗИНЦЕВ. 1980. Систематическое описание коллекции отдела антропологии МАЭ // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник музея антропологии и этнографии XXXVI:182-222. Ленинград:Наука.
- ДАНИЛОВА, Е.И. 1983. Антропологическая характеристика костных остатков неандертальских детей из III культурного слоя мустырской стоянки Заскальная VI (Крым) // Вопросы антропологии 71:72-86.
- КАБО, В.Р. 1987. Первоначальные формы религии // Религии мира 1986:136-154. Москва:Наука.
- КОЛОСОВ, Ю.Г. 1974. Работы Крымской палеолитической экспедиции // Археологические открытия 1973 года:287-288. Москва:Наука.
1977. Белая Скала. Симферополь:Таврия.
1983. Мустырские стоянки района Белогорска. Киев:Наукова думка.
1985. Ранний палеолит Крыма (Культурно-хронологическая периодизация. Аккайская мустырская культура). Автореф.дис. ... докт.ист.наук. Киев.
1986. Аккайская мустырская культура. Киев:Наукова думка.
1987. Погребения неандертальцев на стоянке Заскальная VI в Крыму // Конференция "Религиозные представления в первобытном обществе". Тезисы докладов:61-63. Москва.
- ОКЛАДНИКОВ, А.П. 1941. Рецензия на книгу Г.А.Бонч-Осмоловского "Грот Кийик-Коба. Палеолит Крыма" 225 стр. 1940. Москва-Ленинград:Наука // Краткие сообщения Института истории материальной культуры 9:125-128.
- ПРАСЛОВ, Н.Д. 1984. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР:94-134. Москва:Наука.
- РОГИНСКИЙ, Я.Я. 1954. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустырского слоя пещеры Староселье // Советская этнография 1:27-39.
- РОХАЙН, Д.Г. 1965. Болезни древних людей. Москва, Ленинград:Наука.
- СМИРНОВ, Ю.А. 1986. Древнейшие погребения (год открытия 1986) // Природа 11:58-68.
1987. К вопросу о стратиграфической позиции детского погребения Кийик-Коба 2 // Краткие сообщения Института археологии 18:9-17-21.
1991. Мустырские погребения Евразии. Москва:Наука.
- УСПЕНСКИЙ, С.И. 1969. Положение ископаемых детей из пещер Староселье и Тешик-Таш в эволюционной системе гоминид по данным стереоморфологии нейрокранов // Вопросы антропологии 31:113-124.
- ФОРМОЗОВ, А.А. 1954. Стоянка Староселье близ Бахчисарая - место находки ископаемого человека // Советская этнография 1:11-22.
1957. Новые данные о палеолитическом человеке из Староселья // Советская этнография 2:124-130.
1958. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // Материалы и исследования по археологии СССР 71. Москва.
1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. Москва:Наука.
- ЧАБАЙ, В.П. 1991. Ранний палеолит юго-западного Крыма. Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Киев.
- ЯКИМОВ, В.П., В.М.ХАРИТОНОВ. 1979. К проблеме крымских неандертальцев // Исследования палеолита в Крыму:56-66. Киев:Наукова думка.
- CHASE, Ph.G., H.L.Dibble. 1987. Middle Palaeolithic Symbolism: A Review of Current Evidence and Interpretation // Journal of Anthropological Archaeology 6(3):263-296.
- GARGETT, R.H. 1989. Grave Shortcomings. The Evidence for Neanderthal Burial // Current Anthropology 30(2):157-177.
- LE MORT, F. 1988. Cannibalisme ou Rite funéraire? // Dossiers Histoire et Archéologie 124:46-49.
1989. Traces de décharnement sur les ossements néandertaliens de Combe-Grenal (Dordogne) // Bulletin de la Société préhistorique française 86(3):79-87.
- RUSSEL, M.D. 1987. Bone Breakage in the Krapina Hominid Collection // American Journal of Physical Anthropology 72(3):373-379.
- 1987a. Mortuary Practices at the Krapina Neanderthal Site // American Journal of Physical Anthropology 72(3):381-397.
- RUSSEL, M.D., F. LE MORT. 1986. Cutmarks on the Engis 2 Calvaria? // American Journal of Physical Anthropology 69(3):317-323.
- SPITERY, E. 1980. L'enfant de Starocelje et sa Pathologie // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris (série XIII) 7(1):65-73.
- ULLRICH, H. 1982. Artificial Injuries on Fossil Human Bones and the Problem of Cannibalism, Skull-cult and Burial Rites // Man and his Origin. Anthropos 21:253-262. Brno.
1986. Manipulation on human corpses, mortuary practice and burial in Palaeolithic times // Fossil Man - New Facts - New Ideas. Anthropos 23:227-236. Brno.
- VLCEK, E. 1973. Postcranial Skeleton of a Neanderthal Child from Kiiik-Koba, USSR // Journal of Human Evolution 2(6):537-544.
1976. Remains of a Neanderthal Child from Kiiik-Koba in the Crimea // Universitas Comenianae Acta Facultatis Rerum Naturalium Universitatis Comenianae Anthropologia 22:293-300. Bratislava.

THE FEATURES OF MOUSTERIAN BURIAL RITE
(THE MATERIALS OF MOUSTERIAN BURIALS IN THE CRIMEA).

Summary.

Human remains from the Middle Palaeolithic have been found at three Mousterian sites in the Crimea (Kiik-Koba, Staroselje, Zaskalnaja VI).

Layer 6 at Kiik-Koba (fig.1) contained the bones of the right shin together with two feet and hands of a woman under 35. All the bones except the remains of the hands lay in an anatomical position. The grave containing the bones was damaged by a later pit. All scientists agree that the second pit destroyed most of the burial, leaving only its western part, i.e. the legs bones and the displaced hands bones. In my opinion, such an interpretation faces a number of problems. Firstly, some bones of the destroyed burial should have been left in the filling of the later pit. Secondly, it is a puzzle why there are no bones of the left shin in the undisturbed part of the grave which is superimposed by the cultural layer of the 6th level. Thirdly, the later pit was not dug to the bottom of the grave and hence it could not have destroyed the whole skeleton. These facts lead me to the conclusion that only part of the body of an adult woman was buried in layer 6 at Kiik-Koba.

Layer 4 at Kiik-Koba contained the intact articulated skeleton of a 5-7 or 6-8 month baby (fig.2). In the upper level of the rock shelter at Staroselje (fig.3) an intact articulated skeleton of a one-and-a-half-year-old child was found. Layer 3a of the site Zaskalnaja VI (fig.4) contained parts of the skeleton of a one-year-old child (bones of the left arm and feet, pelvic bones, thorax bones) and those of a 2-3 year old child (bones of the right leg, the left femur, thorax, feet- and hand-bones). Parts of the skeletons of these two children were buried in one grave which was partly destroyed by a later pit. According to geological periodization the Mousterian burial sites of the Crimea are dated in the following way: Kiik-Koba VI (the beginning of the Wurm I); Kiik-Koba V, Zaskalnaja VI, Staroselje (Wurm I).

According to archaeological periodization the earliest burial is that in layer 6 at Kiik-Koba. It is followed by the burials in layer 4 at Kiik-Koba and layer 3a at the site of Zaskalnaja VI. The grave at Staroselje comes at the end of this chronological series.

On the basis of the information available on Mousterian burials, we can draw the following conclusions: 1) the burials are connected with the cultural layers of different industries; 2) the buried individuals are of different anthropological types; 3) bodies were buried at the sites in natural pits or in pits specially dug for this purpose; intact corpses were buried in a flexed position on the side or in an extended position on the back; there is no regularity in their orientation; all the graves are single except the double grave of children (Zaskalnaja VI); 4) localization of the burials in relation to the entrance to the cave varies: in three cases (Kiik-Koba IV, Zaskalnaja VI, Staroselje) the human remains lie along the long axis of the shelter, i.e. perpendicular to the entrance; at Kiik-Koba VI bones lie parallel to the entrance of the cave. In analogy with the Near East and France, localization of skeletons perpendicular to the entrance of the cave is a chronological indication of the early date of burials. These facts provide support for the early geological age of the Crimean burials; 5) the early burials contained disarticulated skeletons (Kiik-Koba VI, Zaskalnaja VI), the late burials contained articulated skeletons (Kiik-Koba V, Staroselje). Here we can speak of the gradual development of the burial rite, partial burials being replaced by burials containing intact articulated skeletons. This fact supports the conclusion drawn by Ullrich (Ullrich 1986). The partial burials of the Crimea have parallels in Israel (Skhul III, VIII); 6) the Mousterian burials of the Crimea differ from later burials by the complete lack of grave goods, red ochre, funeral food, rites after the funeral and the presence of disarticulated skeletons. Mousterian burial rites suggest an individual system of ritual behaviour differing from all subsequent systems, including that of the Upper Palaeolithic.

The magic of Mousterian burial rites can perhaps be compared to that of bear's festivals where the rebirth of a killed animal took place after its flesh had been eaten and the disarticulated bones of its skeleton buried. Some measures had to be taken to prevent a decrease in the population of Mousterian groups: the magic rites which could restore dead relatives to life or could favour the birth of new members of the group to replace the deceased. This seems to be the main meaning of the burials of dismembered corpses in the Mousterian.

The magic of early burial rites "helped" Mousterian groups to survive, prevented their extinction thus favouring stability within the groups of hunters. This hypothesis is supported by more and more finds of human bones from the Mousterian which bear witness to disturbance of the body after interment (Ullrich, Russel, Le Mort, Russel /Le Mort/).

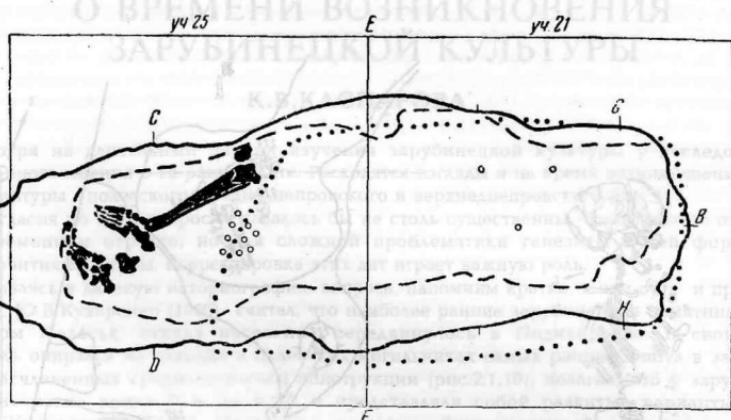

Рис.1 Погребение голени, ступней и кистей взрослого неандертальца в гроте Кииик-Коба (по Г.А.Бонч-Осмоловскому 1940 г.). о - фаланги кистей.

Fig.1 Burial of the shin, feet and hands of an adult Neandertal man in Kiik-Koba (according to G.A.Bonch-Jsmolovsky 1940). o - phalanges of hands.

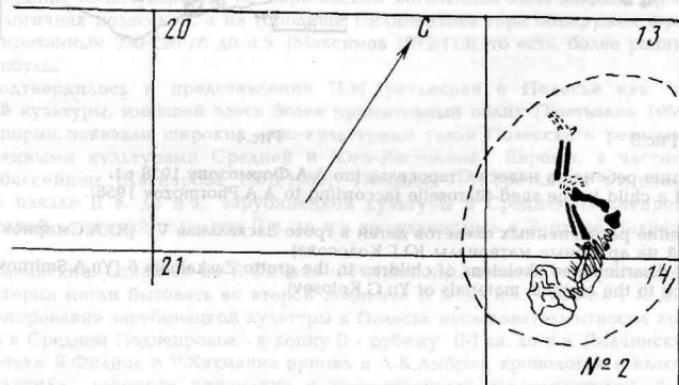

Рис.2 Погребение ребенка в гроте Кииик-Коба (по Г.А.Бонч-Осмоловскому 1941 г.). о - маркировка В по

Fig.2 Burial of a child in Kiik-Koba (according to G.A.Bonch-Jsmolovsky 1941).

Рис.3

Рис.3 Погребение ребенка в навесе Староселье (по А.А.Формозову 1958 г.).
Fig.3 Burial of a child in the shed Staroselje (according to A.A.Phormozov 1958).

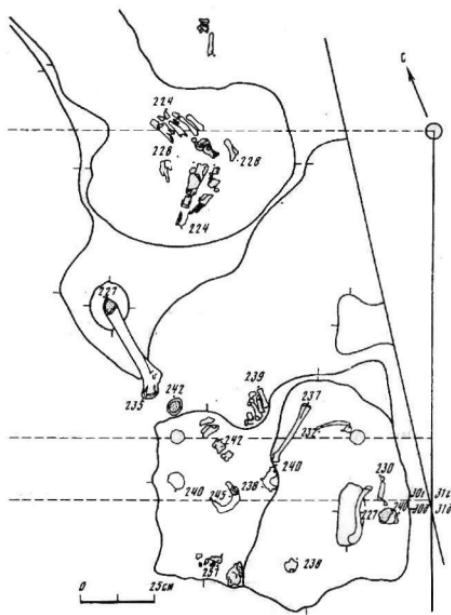

Рис.4

Рис.4 Погребение расчлененных скелетов детей в гроте Заскальная VI (Ю.А.Смирнов 1991 со ссылкой на архивные материалы Ю.Г.Колосова).
Fig.4 Burial of disarticulated skeletons of children in the grotto Zaskalnaja 6 (Yu.A.Smirnov 1991 with reference to the archival materials of Yu.G.Kolosov).

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКОВЕНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

К.В.КАСПАРОВА*

Несмотря на длительный период изучения зарубинецкой культуры у исследователей не сложилось единого мнения о ее ранней дате. Расходятся взгляды и на время возникновения основных вариантов культуры - полесского, среднеднепровского и верхнеднепровского (рис.1).

Разногласия по этим вопросам казалось бы не столь существенны - речь идет об относительно коротком временном отрезке, но для сложной проблематики генезиса, путей формирования, динамики развития культуры, корректировка этих дат играет важную роль.

Не вдаваясь в далекую историографию вопроса, напомним кратко, в чем суть и причины этих расхождений. Ю.В.Кухаренко (1960) считал, что наиболее ранние зарубинецкие памятники возникли в Припятском Полесье, откуда население передвинулось в Поднепровье. В своих выводах исследователь опирался на находки в полесских могильниках самых ранних фибул в зарубинецкой культуре - расчлененных среднелатенской конструкции (рис.2:1,10), полагая, что у зарубинцев они появились "не ранее конца II в. до н.э.", и представляли собой развитые варианты кельтских прототипов (Кухаренко 1964:51). Последние, согласно общепризнанной в то время хронологии Я.Филипа, датировались серединой II в. до н.э. - началом I в. до н.э. (Filip 1956:107-113). Ю.В.Кухаренко считал основным хронологическим эталоном фибулы, отвергая датировку зарубинецкой культуры на Среднем Днепре по фрагментам античных амфор из поселений, ибо не было ни твердо датированных находок, ни закрытых комплексов (Кухаренко 1964:51,52). Кроме того, он исходил из своей концепции происхождения зарубинецкой культуры от непосредственно предшествующей поморской, наиболее яркие элементы которой выступают именно в Полесье. Появившиеся через несколько лет новые материалы в Среднеднепровском зарубинецком регионе не подтвердили мнение Ю.В.Кухаренко: на Пироговском могильнике была найдена расчлененная фибула (рис.2:9), аналогичная полесской, а на городище Пилипенкова гора обнаружен фрагмент амфоры с клеммом, датированным 230-220 гг. до н.э. (Максимов 1972:113), то есть, более ранним временем, чем указанные фибулы.

Не подтвердилось и представление П.Н.Третьякова о Полесье как "глухой окраине" зарубинецкой культуры, имевшей здесь более примитивный облик (Третьяков 1966:215-219). Новые данные бесспорно показали широкие этно-культурные связи Полесского региона с латенскими и латенизированными культурами Средней и Юго-Восточной Европы, в частности, с Карпато-Дунайским бассейном (Каспарова 1978;1981). Позднее П.Н.Третьяков отмечал одновременное появление, в начале II в. до н.э., зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье и в Полесье, носители которой во второй половине II в. до н.э. передвинулись в Верхнее Поднепровье (Третьяков 1970:38).

Д.А.Мачинский, опираясь на Я.Филипа и Р.Хахманна, полагал, что расчлененные фибулы на нашей территории могли бытовать во второй половине II в. до н.э. - начале I в. до н.э. (Мачинский 1963:21). Формирование зарубинецкой культуры в Полесье исследователь относил ко второй половине II в. до н.э., а в Среднем Поднепровье - к концу II - рубежу II-I вв. до н.э. (Мачинский 1966:4,5).

Датировки Я.Филипа и Р.Хахманна принята и А.К.Амброз, хронология и классификация фибул которого получила широкое признание у отечественных исследователей. А.К.Амброз, как и Ю.В.Кухаренко, считал, что расчлененные и гладкие фибулы из памятников зарубинецкого ареала и из Северного Причерноморья относятся к позднему этапу развития фибул среднелатенской схемы - к позднелатенскому периоду, и датировал расчлененные началом I в. до н.э., а некоторые (погребение 25, Воронино) - даже концом I в. до н.э. - I в. н.э.; гладкие проволочные (сходные с вариантом В по Костшевскому) - I в. до н.э., ранние варианты фибул зарубинецкого типа - I в. до н.э. Соответственно, и первый этап зарубинецкой культуры был отнесен им к началу I в. до н.э. (Амброз 1966:13-17,19).

* Россия. Санкт-Петербург. 191065. Дворцовая наб. 34. Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

Против определения нижней границы зарубинецких древностей только по фибулам из могильников активно возражал Е.В.Максимов, убежденный сторонник преимущества античной хронологии и противник "омоложения" латенских фибул Я.Филиппом (Максимов 1969; 1972:106-115; 1982:21-23). Он полагал, что использование прежней латенской хронологии (П.Райнеке и др.) не вносило столь явного диссонанса в датировки зарубинецких памятников: возникновение поселений и могильников почти совпадало и подкреплялось письменными данными о появлении в конце III - начале II вв. до н.э. галатов в Северном Причерноморье, которые могли принести туда образцы кельтских фибул, где началось их местное производство. Последние, считал Е.В.Максимов, скорее всего, послужили прототипами для форм застежек зарубинецкого населения, допуская, правда, и возможность прямого проникновения фибул из среднеевропейских областей. Распространение их у зарубинцев он относил к середине или третьей четверти II в. до н.э. (Максимов 1969:20; 1972:107,108).

В споре с Д.А.Мачинским, которого поддержал Ю.В.Кухаренко (1964:51), по поводу датировок комплексов из Северного Причерноморья с гладкими среднелатенскими фибулами, аргументы Е.В.Максимова (1969:19-20) в защиту их более ранних дат, чем рубеж II-I вв. до н.э. (Мачинский 1963:25) звучали достаточно убедительно. При этом, однако, возникла несовместимость с хронологией фибул по Я.Филиппу: получалось, что в Северном Причерноморье и в зарубинецком ареале фибулы кельтских типов появились раньше, чем у кельтов в Средней Европе. Время появления зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье Е.В.Максимов в свое время (1969:23) относил к началу II в. до н.э. Находка ручки амфоры с клеймом позволила удревнить дату поселений до последней трети III в. до н.э., в то время как возникновение могильников по фибулам определялось им не ранее последней трети II в. до н.э. При этом Е.В.Максимов отмечал, что расхождение этих дат искусственное и связано, во-первых, с завышением датировок фибул, а во-вторых, создавшееся противоречие считал возможным объяснить существованием в зарубинецкой культуре бесфибульного периода (Максимов 1969:18,20,21; 1972:114,115). "Дофибульная стадия" была выделена в верхнеднепровском регионе А.Д.Пободем и датирована серединой III в. до н.э. - серединой II в. до н.э. по вещам и керамике "скифского облика", которые якобы представлены в ранней стадии могильника Чаплин и могли появиться в результате зарубинецко-скифских контактов (Пободем 1973). Анализ материалов показал, что так называемые "скифские элементы", выделенные как ведущие формы этой стадии, представлены в равной мере и в других - с фибулами; что миски с затнутыми во внутрь краями по пропорциям не характерны для скифской культуры, наконечники копий и дротиков находят аналогии в латенских памятниках, в пшеворской и оксыцкой культурах, а подковообразные застежки распространены в соседних культурах лесной зоны (Каспарова, Мачинский, Шукин 1976). Дальнейшие исследования подтвердили объективность нашей критики (Обломский 1990:7,9; Еременко, Журавлев 1992).

Еще в 60-е годы в работах европейских исследователей наметилась тенденция пересмотра хронологии Я.Филиппа: появились разработки, позволяющие удревнить датировки фибул, отдельных типов керамики и других категорий вещей (Benadik 1962:341-394; Ludikovski 1964:321-349; Gabrovec 1966:181-193; Todorović 1968:51-54,115; Hodson 1968:14-38; Polenz 1971:31-43; Zirra 1971:171-238; Meduna 1970:57-59; Ciżmał 1970:569-573; и др.). Были предложены поправки к хронологической схеме эпохи Латена (Woźniak 1970:29-39,62,63; 1974:9,10). К.Годловский, обобщив результаты многих исследований, предложил датировать начало фазы Латена С серединой-второй половиной III в. до н.э., фазу C₂ - серединой II в. до н.э., а дату возникновения латенизованных культур "позднего предримского времени", которые по Р.Хахманну соответствовали Латену D (120-110 гг. до н.э. - начало н.э.), отнести к концу Латена C₁-C₂ (Godłowski 1977:22,36,43-45,115-119). Дальнейшие исследования различных кельтских регионов, а также латенизованных культур, позволили внести существенные хронологические корректировки (Kruka-Poppi 1975,1979; Haffner 1974,1979; Stöckli 1979; Benadik 1977; Ciżmał 1975,1989; Polenz 1978,1982; Meduna 1980; Seyer 1982; Bujna 1982; Babęs 1985; Müller 1985; Waldhauser 1987; Dąbrowska 1988; Rybova, Drda 1989 и др.). Некоторые разработки отечественных исследователей дополняют складывающуюся схему как уточнениями локального значения, так и принципиально новыми положениями (Михлин 1980; Дащевская, Михлин 1983; Каспарова 1977,1978,1984,1989; Shchukin 1989; Шукин 1991; Еременко 1990; Пачкова 1991). Подведены и основные итоги новых изменений латенской хронологии (Polenz 1982:116-128 сл., там приведена обширная литература; Dąbrowska 1988:50-62; Shchukin, Eremenko / в печати /).

В целом, к настоящему времени почти сложилась современная европейская хронологическая система эпохи Латена и цикла латенизованных культур, хотя ряд вопросов остается

дискуссионным. Среди них сложная проблема синхронизации хронологии западных кельтских регионов с восточными и с датировками этапов развития латенизованных культур. Напомним, что смены культурных стилей в разных регионах происходили неравномерно и асинхронно, и это находит отражение на хронологических схемах, где фазы не могут быть строго последовательны - они частично сосуществуют и перекрывают друг друга (Шукин 1991a:93, сл.; Каспарова 1984:112-117).

В абсолютных датах интересующая нас латенская фаза C_1 Х.Поленцем датирована в пределах 250/230 - 185/170 гг. до н.э. Основанием этому послужил анализ новых находок из могильников Северной Италии, Порейни и Подунавья, особенно изучение взаимовстречаемости в комплексах монет с фибулами и другими вещами, а также расчеты ритмов и длительности развития периодов кельтской культуры. Подкрепляющим аргументом явились новые данные дендрохронологии (Polenz 1982:116-128, сл.).

Остатки щита из Ла Тена, умбон от которого характерен для фазы C_1 , датирован 229 годом до н.э. (Haffner 1979:405-409, Abb.1; Polenz 1971:33,48, Abb.58:8; 1982:119-125). Однако, в Восточной Кельтике аналогичные ленточные прямогульные умбоны встречаются в комплексах фазы B_2 (Domaradzki 1977:57,58, gr. II IA, tabl.3. zestawienie po S.64), а судя по исследованиям И.Буйны - в позднейшем отрезке этой фазы, или в фазе B_2/C_1 (Bujna 1982:335, Tur.47; Abb.5:47). К тому же времени относятся умбоны этого типа из памятников Чехии (Waldhauser 1987:Abb.3:21). Различия в тенденциях эволюции некоторых типов умбонов в западных и восточных кельтских регионах были отмечены М.Домарадским (1977:64,65). Для памятников Карпатской котловины, а также Чехии, фаза C_1 разделена на подфазы C_{1a} и C_{1b} (Bujna 1982; Waldhauser 1987:32-38). Границу между ними Ю.Вальдхаузер помещает "около 200 г. до н.э." (1987:35; Tabelle I), что согласуется с дендродатой 208 г. до н.э. для погребения 96 из Ведерат (юго-западная Германия) откуда происходят две фибулы среднелатенской схемы: одна с шариками, вторая с фальшивой пружиной на конце ножки (Haffner 1979:405, Abb.2:2,3), которые типологически близки (хотя не идентичны по деталям) формам фазы C_{1b} по схеме И.Буйны для Карпатской котловины (Bujna 1982: Abb.4:29;30). Вероятно, эти типы фибул в западных и восточных кельтских областях развивались относительно синхронно.

По мнению В.Е.Еременко, опирающегося на ряд упомянутых данных, а также на собственные соображения о более ранней датировке Пергамского фриза с изображением кельтского оружия, фаза C_1 началась в середине III в. до н.э., а подфаза C_{1b} - в 225-190 гг. (Еременко 1990:5). Предложение этого же исследователя относить начало фазы C_2 к 200/180 гг. до н.э., исходя из пересечения дат амфорных клейм из поселений поенешти-лукашевской культуры и из предположения об их синхронности ранней фазе Лукашевского могильника, где найдены типичные для C_2 фибулы варианта В Костешевского, представляется мне недостаточно убедительным: ведь совместно эти находки нигде не встречены.

Рубеж фаз C_2 и D_1 по дендрохронологии и расчетам Х.Поленца приходится на 120/105 гг. до н.э. или 120/116 гг. до н.э. (Polenz 1982:123-125; Haffner 1979:409). Конец фазы D_1 - предмет длительных дискуссий (см. Godłowski 1977:58-66; Шукин 1991a), большинством исследователей датируется в пределах 60-40 гг. до н.э. на основании находок в кельтских опидах и раннеримских лагерях и сопоставлений с рядом исторических событий (Haffner 1974:59-72; Rieckhoff 1975:26-32,79-81, Taf.8; Stöckli 1979:195-201; Polenz 1982:125; Dąbrowska 1988:59; др.).

Процесс завершения позднелатенского периода в различных регионах Европы происходил особенно неравномерно и длительно, образуя переходные горизонты хронологически перекрывающие друг друга, и не всегда территориально замкнутые. В то время как конец фазы D_2 на рейнско-дунайских землях наступил в 15-12 гг. до н.э. в связи со строительством римских военных лагерей (а в Баварии еще продолжалась локальная фаза D_3), в северо-восточных областях позднелатенский стиль сменился раннеримским в 10-20 гг. I в. н.э., или даже в 30-40 гг. (Godłowski 1977:18-20,59-66; Dąbrowska 1988:61,62; Címař 1989:109; Шукин 1991a).

При сопоставлении периодизации латенизованных культур с системой хронологии эпохи латена их ранняя фаза "a" по Р.Хахманну синхронизируется с фазой C_{1b} или с рубежом C_1/C_2 , а поздняя фаза "d" приходится на Латен D_2 и, частично, на начало фазы B_1 римского времени (Godłowski 1977:115-118; 1985:13-40; Dąbrowska 1988:61,62).

Однако, надо отметить, что в отечественной литературе высказано и другое мнение по затронутым вопросам. Так, А.М.Обломский предлагает по-прежнему синхронизировать начало культур позднего предримского времени с фазой Латена D и при датировках фибул опираться на систему Я.Филипа и Р.Хахманна (Обломский 1983:117). С предложенной им хронологией фибул

трудно согласиться, что уже отмечалось (Чеботаренко, Щербакова, Щукин 1987:243,244; Каспарова 1989:93), однако, без развернутой критики. Чтобы вскрыть противоречивость многих рассуждений и неточность выводов исследователя, требуется специальное их рассмотрение, в сущности, не имеющее смысла, ибо очевидна ошибочность его исходных позиций: А.М.Обломский не принял во внимание результаты новых (но уже ему известных) хронологических разработок целого ряда исследователей, а для их опровержения не представил убедительных аргументов. Однако, чтобы не быть голословной, приведу несколько примеров, касающихся датировок важных для данной темы. Во-первых, мнение З.Возняка о пригодности хронологии Я.Филипа изложено противоречиво и неверно (Обломский 1983:114), ибо польский исследователь сделал совершенно конкретный вывод: опираться на систему Филипа следует с поправками Ф.Р.Ходсона и других ученых; датировать границы между хронологическими фазами необходимо в среднем на четверть века раньше, чем предлагал Я.Филип (Woźniak 1970:39). Эта позиция подтверждена им и в другой работе (Woźniak 1974:7-10, прим.7). Затем, З.Возняк определенно указывает, что фибулы варианта А и расчлененные среднелатенской схемы исчезают до наступления фазы Латена D, подчеркивая всеми ссылками их характерность именно для Латена C (Woźniak 1974:158), а точнее для Латена C₁ (Woźniak 1979:132).

Также датирует появление упомянутых фибул в губинской группе ясторфской культуры Г.Доманьский, приводя вполне убедительные аргументы и ссылки на современные исследования (Domański 1975:15-17), обойденные вниманием А.М.Обломского (1983:114). О том, что эти типы фибул, точнее их поздние варианты, еще встречаются в Латене C₂ и доживают до Латена D, исследователи не спорят (Woźniak 1974:158; Domański 1975:16,17; Godzowski, 1977), но это спорадические случаи, а не "наиболее вероятное время их существования в Чехословакии и Польше" (Обломский 1983:114). Вывод А.М.Обломского о массовом распространении фибул типа А в Латене C₂ - первой фазе Латена D (Обломский 1983:115) совершенно не обоснован: хронологическая позиция этих застежек, как и расчлененных, всеми исследователями определяется достаточно однозначно - они являются ведущей формой последнего горизонта кельтских могильников в Чехии, Моравии, Словакии, Румынии, Венгрии, соответствующего фазе Латена C₁(C_{1b}); в фазе C₂ кельтские могильники в этих регионах исчезают. Для этой фазы, хорошо представленной на швейцарских, рейнских и югославских могильниках, а также в опидах, характерны фибулы среднелатенской схемы, близкие варианту В Костшевского, тип Мётчвиль по Ходсону, типы Айхлох, Бинген-Ханхайм по Поленцу и другие (Hodson 1968:38-40; Polenz 1971:34-36, Abb.58,59; Benadik 1978:405-415, 1977:19; Meduna 1980:113,114,145-151; Čížmář 1970:572, 1975:432, 1989:109; Zachar 1977:60-62; Bujna 1983:325,339-344, Abb.4; Todorović 1968:51-54; Waldhauser 1987:35-38, Abb.3,4).¹

Естественно, что изменения в латенской хронологии вновь привели к ревизии хронологии зарубинецкой культуры. Появилась обоснованная возможность снизить даты ранних типов фибул и, быть может, решить спорную проблему хронологического соотношения могильников и поселений (Каспарова 1978, 1981).

По мнению Е.В.Максимова (1982:23,24) необходимость выделения на Среднеднепровских могильниках бесфибульной фазы отпала и исследователь, признав свою прежнюю идею труднодоказуемой версией, принял для расчлененных фибул зарубинецкой культуры наиболее ранние датировки их аналогов в юго-восточном латенском регионе рубежом III/II вв. до н.э., ссылаясь на В.Зирру, который относил некоторые фибулы с шариками и восьмерками, в основном, к Латену C₁ и к началу C₂ (Zirra 1971:171-238, Abb.3,8,23). Вопрос о северопричерноморском источнике для фибул зарубинецкой культуры Е.В.Максимовым больше не поднимался.

С.П.Пачкова, опираясь на ряд современных датировок, полагает, что расчлененные фибулы теоретически могли попасть к зарубинецкому населению в конце III в. до н.э. По ее мнению, первый период зарубинецкой культуры полностью совмещается с Латеном C и с фазой A1 пшеворской культуры (Пачкова 1991:67,69). Подобное соотношение не совсем отвечает имеющимся данным, и, скорее всего, - недоразумение, ибо С.П.Пачковой не может быть неизвестно об отсутствии среди зарубинецких фибул тех форм, которые соответствуют раннему отрезку фазы C латенских

¹ Попутно внесем корректировки в определение А.М.Обломским некоторых фибул зарубинецкой культуры: к типу 2 варианта Г1 отнесены 4 фибулы, но две из них (Велемичи I, погребение 88 и Велемичи II, погребение 104; Обломский 1983:табл.1) в действительности имеют треугольный конец ножки, то есть они относятся совсем к иному типу (Кухаренко 1961:табл.21; Каспарова 1972:84, рис.18:4). Поэтому неверны сопоставления экземпляра из погребения 104 как с вариантом А Костшевского, так и с типом В1А Бжега, и ошибочны вытекающие отсюда выводы (Обломский 1983:113, рис.1:3,8; 2:3,9). См.рис.7:5.

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

памятников, также как и самых ранних типов, выделенных в пшеворе (Buijna 1982: Abb.4; Polenz 1978: Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, гус.2, zestawienie 1). Следовательно, полного совмещения никак не получается. Ни Е.В.Максимов, ни С.П.Пачкова не дают сравнительного анализа зарубинецких фибул и их конкретных юго-западных европейских аналогов, принимая для первых общие датировки появления латенских расчлененных фибул. Это позволяет сблизить даты зарубинецких могильников по фибулам и поселений Среднего Поднепровья по амфорным клеймам, что особо подчеркивают оба исследователя.

Е.В.Еременко синхронизирует несколько зарубинецких погребения с фазой Латена C_{1b}, которую датирует 225-190 гг. (Еременко 1990:13) или 220-190 гг. (Абезгауз, Еременко и др. 1992:36,37,51), и относит их к "дабалканской" фазе зарубинецкой культуры, где не представлены фибулы с треугольным щитком (зарубинецкого типа) (рис.3:15-18,23-25), происхождением связанные с копьевидными балканскими фибулами (рис.3:19-22,26,27) и с историческими походами бастарнов в Иллирию в 179-168 гг. Выделение первой фазы, относящейся ко времени до этих событий, продемонстрировано на могильнике Воронино, исследованном корреляционным методом с использованием кластерного метода типологии керамики (Абезгауз, Еременко и др. 1992). В результате разработок оказалось, что фаза I датирована фибулами варианта В Костешевского из погребения 17 (рис.3:9) и 39; фаза II - такими же фибулами (рис.3:8) и фибулами зарубинецкого типа I и II/III вариантов (погребение 4 и 48) (рис.2:17), а расчлененная восьмеркообразная фибула из погребения 25 (рис.2:10) попала лишь в фазу III (Абезгауз, Еременко и др. 1992:47-49, рис.5; 6:4,5,45,46,49,60). Появление в зарубинецкой культуре фибул с треугольным щитком наиболее вероятно после балканских событий и это сомнений не вызывает. Их отсутствие в фазе I, по мнению вышеупомянутых исследователей, определено корреляционной последовательностью в незыблемости которой они твердо уверены. Поэтому фаза I отнесена ими к периоду 180-170 гг. Однако, возражение вызывает не только определение этого периода в рамках 220-190 гг., но и несоответствие хронолого-типологического ряда фибул могильника Воронино, по сравнению с другими зарубинецкими памятниками, и с общепризнанной относительной хронологией этих типов фибул. Для обоснования принадлежности фибул варианта В к ранней фазе латенизированных культур В.Е.Еременко ссылается на пшеворские материалы и могильник Любощица губинской группы ястorfской культуры, где некоторые экземпляры этого типа происходят из ранних пшеворских погребений I и II фазы могильника Любощица. Т.Домбровская, рассматривая хронологические идиентификаторы I фазы (A₁) пшеворской культуры, выделяет среднелатенские фибулы вариантов А и В с ранними признаками: длинные орнаментированные и неорнаментированные с плоской спинкой, со скрепой, помещенной в ее средней части, с относительно длинной ножкой, и более поздние варианты А и В - короткие с плоской или более выпнутой спинкой и относительно короткой ножкой (рис.3:11-13). При этом подчеркивается, что фибулы с ранними признаками (особенно с несколькими), связанные с формами Латена C₁ в пшеворе единичны, а преобладают в фазе A₁ фибулы поздние, типичные для Латена C₂. Поэтому фазу A₁ пшеворской культуры Т.Домбровская синхронизирует лишь с поздней частью фазы C₁(C_{1b}) и, в основном, с фазой C₂ (Dąbrowska 1988:16-21,27,28,55,56, гус.2, zestaw.1).

То же самое происходит в губинской группе: фибулы варианта В (рис.3:14) Г.Доманьский (1975:17-19, гус.3, tabl.XVg, XVIf) помещает в фазу III, как типичные для Латена C₂, несмотря на два комплекса, где они сочетаются с вещами предыдущей фазы. В.Е.Еременко для датировки фибул из Воронино ссылается именно на один из этих комплексов (Любощица, погребение 153), определяющий лишь время возникновения этих форм, но не период их распространения. Думаю, что с точки зрения хронологической последовательности фибул ничем не оправдано отнесение погребений 17 (рис.3:9) и 39 с фибулами типичного варианта В к фазе I и совмещение ее с фазой Латена C_{1b}. Одновременно вызывает возражение определение позиции фибулы из погребения 4 (рис.2:17) фазой II, ибо сочетание в ней признаков фибул раннезарубинецкого типа (маленький треугольный конец ножки) и расчлененных (шарикообразное утолщение) позволяет отнести ее к ранним фибулам зарубинецкой культуры; именно она более обоснованно датирует фазу I в Воронино, чем фибулы варианта В. Но тогда уже трудно эту фазу назвать "дабалканской". Полагаю также, что несколько завышена позиция погребения 25, попавшего в фазу III, в котором находились фибулы расчлененная "восьмерками" и варианта В вместе с миской относительно поздней формы (рис.2:10; 4:4,6,10). Подобное сочетание, скорее всего, соответствует фазе II. Допускать бытование расчлененной фибулы этого типа еще позднее, в фазе, синхронной Латену D₁, нет достаточных

оснований. Неубедительно объяснение этих несоответствий требованиями примененного метода - закрадывается сомнение в его объективности.

Наличие "дабалканской фазы" по-моему не находит надежной поддержки и в предложенном исследовании могильника Корчеватое (Абезгауз, Еременко и др. 1992:49-53). Во-первых, хронологические индикаторы фазы I - фибулы варианта В - по своим признакам не отличаются от характерных форм Латена С₂ и синхронизация комплексов этой фазы с Латеном С_{1b} неубедительна. Погребения с фибулами варианта В и с фибулами зарубинецкого типа могут относится к одной фазе: эти формы встречаются в одних комплексах (Велемичи I, погребение 60; Отважичи, погребение 31; Пирогов, погребение 150). Во-вторых, отсутствие здесь типологии керамики привело к несколько произвольному выбору форм, характеризующих фазу. Например, к хронологическому индикатору 8 отнесены явно разные типы горшков: биконический из погребения 2 и округлобокий из погребения 26 (Абезгауз, Еременко и др. 1992:7-16; Самойловский 1959:табл. II, 44; V, 97). Сосуды хи-5 и 6 по профилировке туловы едва различимы, но и судить о полной форме хи-5 нельзя: у обоих горшков (погребения 25 и 26) утрачены горловины с венчиками (Абезгауз, Еременко и др. 1992:рис. 7:5, 16; Самойловский 1959: табл. V, 94, 96); в погребении 4 нет горшка формы хи-7, а в таблице совстречаемости индикаторов в ряде погребений (4, 7, 51 и др.) учтены не все сосуды, входящие в комплексы, причем, исключены и весьма выразительные (Абезгауз, Еременко и др. 1992:рис. 7:16; 8). Это тоже дает повод предполагать о возможности построения на этом материале другого хронологического ряда, а значит возможны и другие конечные результаты.

Нельзя согласиться с датировкой ранней фазы могильника Чаплин, исследованного теми же методами, что и Воронино (Еременко, Журавлев 1992:55-79). Фаза I мужских погребений по фибуле варианта В (погребение 142) (рис.5:29) и фаза I женских погребений по фибулам зарубинецкого типа синхронизированы с Латеном С₂ и датированы 180-120 гг. до н.э. Предполагается, что могильник был заложен в середине или конце II в. до н.э. Возражение вызывают не столько значительная разница в определении нижней даты Чаплина и Воронино (они действительно не вполне синхронны), сколько установление позиций фибул варианта В из этих памятников: чаплинская по типологическим признакам (длина 11,7 см, довольно пологая спинка и длинная ножка, 4,6 см) (рис.5:29), явно более ранняя, чем воронинские (рис.3:8,9). Первая относится к числу нескольких фибул из зарубинецких памятников (среди известных мне - девять), которые по признакам, отмеченным Г.Домбровской, Х.Поленцем и другими исследователями (Dąbrowska 1988:16-21; Polenz 1978:188, Abb.5) могут быть выделены как более ранние среди прочих близких варианту В, хотя их сопоставление как с пшеворскими, так и с латенскими достаточно условно: в сущности, ни в одном экземпляре нет комплекса признаков, присущего фибулам Латена С₁. Наши фибулы довольно длинные (8,5-11 см, одна - 13,6 см), неорнаментированные, или с небольшими насечками, но спинки не плоские и пологие, в а той или иной степени выгнутые, ножки значительно короче длины спинки, скрепы помещены у головки (рис.3:8-10; 6:6). Лишь два экземпляра (Чаплин, погребение 142; Велемичи II, погребение 80, рис.5:29; 4:1) по относительно пологой спинке условно можно обозначить как вариант А/В (Поболь 1973: рис.44:12; 60:2; 70:15; Кухаренко 1961: табл.9:1; 18:12; 19:8; 39:5,6; Каспарова 1972: рис.12:6). Известны еще две маленькие (6,5 и 7 см) фибулы с плавным изгибом выгнутой спинки (рис.4:16), напоминающие короткие фибулы варианта А, которые относятся к фазе А₂ пшевора (Латен С₂) (Dąbrowska 1988:21, гус.2; Каспарова 1969:рис.15:2; Кубышев, Скиба 1989:рис.5:6). Совершенно очевидно, что основная масса упомянутых зарубинецких фибул соответствует Латену С₂; возможно, некоторые появились раньше других, но в том же периоде относительной хронологии. Таким образом, нет никаких оснований датировать фибулу из погребения 142 фазы I Чаплина позднее, чем фибулы фазы I Воронино - в целом они одновременны и относятся к Латену С₂, но типологически чаплинская даже более ранняя.

Мне представляется, что попытка связать возникновение могильника Чаплин с письменными данными 145-120 гг. о кимбрах и кельтоскифах (Еременко, Журавлев 1992:78) бесспорного подтверждения в его хронологии не находит. Также как на материалах могильников Воронино, и, тем более, Корчеватое, выделение "дабалканской" фазы выглядит несколько искусственно.

Рассмотрим еще раз конкретные фибулы, на датировке которых держится нижняя дата зарубинецкой культуры. Речь идет, главным образом, о трех расчлененных фибулах среднелатенской схемы. Одна из могильника Велемичи I, погребение 108, железная, длиной около 5 см, с двумя шариками, расположенным на конце ножки и на ее средней части; пружина шестивитковая, тетива верхняя; переход от спинки к ножке угловатый, а соотношение их длины почти равное (рис.2:1).

выставлены на выставке в Барнауле (Барнаульский 1983:113, рис.1:1, 2:3, 8). См. рис.7:5

Среди фибул с шариками, которые, в основном, крупные, для сравнения с нашим экземпляром интересна фибула из вышеупомянутого могильника Ведерат, погребения 96, датированного дендрохронологией 208 г. до н.э. (рис.2:7). По ряду деталей фибулы сходны, но кельтская отличается более длинной ножкой - признаком, характерным для фибул фазы Латена C₁. В памятниках Карпатской котловины, относящихся по хронологической схеме И.Буйны к фазе C_{1a}, представлены те варианты расчлененных фибул, которых нет в зарубинецкой культуре. Среди фибул фазы C_{1b} нашей близок тип 30 по Й.Буйне. В основном это длинные фибулы, с пологой спинкой, удлиненной ножкой, но есть и короткие экземпляры, однако и у них ножка более длинная (Vizdal 1982:336, Abb.4; Todorović 1972:tabl.XII:7; Vizdal 976:Abb.5:2,3; Benadik 1977:Abb.5:4,13) (рис.2:6,8). Зарубинецкие фибулы с шариками находят наиболее близкие аналогии среди фибул ясторфской культуры, особенно в бранденбургской и губинской группах (рис.2:2,3,5). Х.Зайер относит их к ведущим формам его ступени III₁ (рис.2:5), соответствующей Латену C₂. Ранние типы этих фибул появляются еще на ступени Ia, но сочетающиеся с фибулами, у нас отсутствующими (Seyer 1982:17-19, Taf.14:3, 16:4,6,7, 17:4,23,24; Reinbacher 1963:Taf.51 Cg 466, c; 53 Ch 392, c; Müller 1985:37-39, Taf.27:5). На могильнике Каммер фибулы с шариками представлены во второй временной группе, а в сочетании с вариантом B - в третьей (Hachmann 1961:91, Abb.31); в одном из погребений Наумбурга фибула этого типа (близкая зарубинецкой) находилась вместе с фибулой варианта C (Speher 1968:Abb.13:3-6), и этот комплекс отнесен Р.Мюллер к Латену D₁ (Müller 1985:Abb.13). Аналогичные застежки в губинском могильнике Любощице сочетаются с вариантом A в фазе II, датированной рубежом III/II - серединой II вв. до н.э., и встречаются вместе с вариантом B в следующей фазе, во второй половине II вв. до н.э. (Domański 1975:15-17,86-92, гус.2, zestaw. po s.104, tabl.X,c; XIV,c,k,l; XVI,b). В меньшей степени, но тоже сходны с нашим экземпляром некоторые фибулы (рис.2:4) I фазы поенешти-лукашевской культуры, которую М.Бабеш синхронизирует с Латеном C₂ (Babęs 1985:195,206, fig.7, тип II var.5c).

Напомним, что в зарубинецком погребении 108 (урновом) вместе с интересующей нас фибулой находились мисковидный сосуд с граненым венчиком и икосовидной ручкой и горшок с высокой горловиной, с округло-биконическим туловом, украшенным полосами гребенчатых расчесов. Комплекс дополнял миска на поддоне, пободная кельтским, и кольцо, видимо, поясное (Кухаренко 1961: табл.22:11,15,20,21,24). (рис.4:11-15). Мисковидные сосуды такого типа в памятниках ясторфского круга встречаются с фибулами с шариками, с вариантами A и D/E. В губинской группе они наиболее характерны для фазы III, а в поенешти-лукашевской для фазы II. Форма горшков с высокой горловиной восходит к лужицкой культуре, повторяется в раннем Ясторфе и, реже, на стадии Рипдорф. Этот тип сосудов широко представлен и в поморско-клешевой культуре в течение всего периода ее существования. Также привлекает внимание орнамент на сосуде из погребения 108 (рис.4:15), характерный для ясторфской керамики, в том числе, бранденбургской группы, а ближайшая аналогия - на урне такого же типа из погребения 105 могильника Поенешти, где находилась и фибула с шариками (Vulpe 1953: fig.160,177,209,243,324 и др.; Babęs 1985:201,202, fig.4.1,III;d; Domański 1975:37, tabl.VII,d; IX,g; XIII, i; XIX,c; zestaw. po s.104; Seyer 1982: 13:2, 23:27, 34:3 и др.; Müller 1985: Taf.55:10, 98:4, 108:20-25; Marschalleck 1927:Abb.10:9, Taf.33:43; Reinbacher 1963: Taf.10, A239; 21, Bd469; A249; 29, Bf387 и др.; Каспарова 1976:рис.15, 1981:рис.7:11,15,17,25, 8:1,8,12,15,18,19).

Таким образом, этот комплекс, уникальный для зарубинецкой культуры, по сочетаемости вещей дает не только надежную датировку - скорее всего, отрезок времени, синхронный началу Латена C₂, но и свидетельствует о характере этнокультурных компонентов в период формирования полесского варианта культуры.

Вторая из рассматриваемых фибул, из погребения 25 могильника Воронино. Она бронзовая, длиной 5,6 см, с двумя восьмикошечными петлями на спинке, которую обивает конец ножки. Спинка равномерно изогнута с довольно резким переходом к ножке, длина которой меньше длины спинки; тетива верхняя, пружина восьмивитковая (рис.2:10). В этом же погребении находилась фибула варианта B Костешевского и миска, форма которой не характерна для ранних зарубинецких погребений (Кухаренко 1961:табл.40:15) (рис.4:3-10).

Третья фибула, аналогичная описанной, из погребения 26 Пироговского могильника, отличается большим размером - 8,6 см, и еще более короткой ножкой, длина которой в 2,5 раза меньше спинки (рис.2:9). Погребение сопровождалось миской с загнутым внутрь краем венчика (рис.6:9,10), так называемой "скифoidной" (Максимов 1982:63, табл.XIII,3), хотя аналогичные ей распространены в поморско-клешевой и ясторфской культурах, в кельтских памятниках; их хронологический диапазон достаточно широк для установления точной даты (Domański 1975:42,

Tabl.XII,b; VII,g,h; VIII,g; Müller 1985: Taf.26:10-12; 50:4-7; Speher 1968:Abb.13:3-6; Filip 1956:211-212, Tabl.CV:8; CXII:23; Mycielska, Woźniak 1988; tabl.I,7; II,5). Для обеих фибул с "восьмерками" абсолютные аналогии в латенских памятниках мне неизвестны.² Вероятно, они местного производства, ибо химический состав металла воронинской не отличается от общей массы зарубинецких изделий из оловянно-свинцовых бронз.³ У большинства из известных нам фибул этого типа из кельтских памятников (рис.2:11-16) "восьмерки" расположены на конце ножки (24 экз.) и лишь у восьми, из разных регионов, петли помещались на спинке, как у фибул из Воронино, Пирогово. В свое время у меня сложилось впечатление, что расположение "восьмерок" на спинке у среднелатенских фибул может рассматриваться как относительно ранний признак, ибо подобным образом украшались многие раннелатенские и гальштадтские застежки (Каспарова 1978:81-82). То же самое позднее отметила С.П.Пачкова (1991:67). Представление это, скорее всего, ошибочное, поскольку известны среднелатенские фибулы с восьмеркообразными петлями как на конце ножки, так и на спинке, происходящие из достоверных комплексов (могильник Ижковицы, погребения 16 и 17, Чиумешти, жилище и погребение 1) (рис.2:11,13,15), датированных фазой Латена C1a (Buja 1982:335,343, Abb.4, Tabelle 3; Zirra 1967:16,58, Fig.28:M1/II, Bordei B/1962; Vizdal 1976: obr.33:6; 34:2).

Сомнение вызывает погребение 5 из могильника Небойса, отнесенное И.Буйной к фазе B2a, в котором фрагментированная среднелатенская фибула с "восьмеркой" на спинке находилась вместе с фибулой раннелатенской с пластическим орнаментом, поздними духовскими фибулами и раннелатенскими браслетами (Chropořský 1958: Tabl.III,1-15). Такое сочетание вещей разных стилей, от Латена B_{2a} до C₁, позволяет предполагать, что здесь представлены находки из разновременных погребений (Чеботаренко, Щербакова, Щукин 1987:243,244), или здесь редкостная комбинация украшений, которую можно предположить для переходной фазы B₂/C₁ (как характеризовал этот комплекс Б.Бенадик).

Из сказанного следует, что расчлененные фибулы из зарубинецких погребений по ряду признаков, на которых акцентируют внимание исследователи, рассматривая отличительные черты фибул Латена C₁ и C₂ (соотношение длины ножки и спинки, изгиб спинки и степень ее наклона к ножке, создающие профиль фибулы, и другие детали) ближе к формам Латена C₂, чем C₁ (Polenz 1978:188, Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, сл.) (рис.3:11-14), и тем более не соответствуют фибулам фазы C_{1a} по схеме И.Буйны, хотя именно к этому периоду отнесены многие фибулы с "восьмерками", по другим признакам не сопоставимые с нашими (Buja 1982:335, Typ 27, Abb.4). Последние по общей профилировке ближе типам фазы C_{1b}, но отличаются от них пропорциями. Комплексы, из которых происходят наши фибулы, тоже не позволяют бесспорно отнести их к фазе C_{1b}. Значительно больше данных для датировки фазой C₂. Ю.В.Кухаренко и А.К.Амброз были правы в оценке зарубинецких фибул как более развитых и поздних, по сравнению с кельтскими.

Из зарубинецких могильников происходят несколько бронзовых фибул представляющих собой дериваты или разновидности расчлененных с характерными признаками фибул стиля Латена C₂: в погребении 105 Велемичи II находилась фибула на конце ножки которой имитированы мелкие шарики (рис.7:10), в погребении 4 Воронино - фибула с бусинообразным утолщением и треугольником на конце ножки (рис.2:17); фибула из погребения 149 Пироговского могильника имеет две небольшие выпуклости в нижней части ножки. Фибулу из погребения 129 того же памятника я бы сейчас воздержалась определять как типично расчлененную (Каспарова 1978:82; Пачкова 1991:67): у нее утолщенная спинка, расширенный конец ножки с широкой скрепой и на нижней части ножки два бусинообразных шарика (рис.3:1). Она в известной мере напоминает тип Мётчвиль - ведущую форму Латена C₂ (рис.3:7), или его вариации того же времени (рис.3:2-6) (Hodson 1968:38; Polenz 1971:35; 1978:Abb.5:6,10; Meduna 1980:144,150,151; Marović 1960: sl.10:1,3; Marić 1968:Taf.VIII:19; XIII,36).

При определении хронологии расчлененных фибул и их дериватов из зарубинецкой культуры необходимо учитывать, что с ними генетически связаны фибулы с треугольным концом ножки (зарубинецкого типа) (Амброз 1966:16). Известны гибридные экземпляры, на которых сочетаются треугольник и различные вариации шаровидных утолщений, или восьмеркообразных петель (рис.2:17,19-21) (Truhelka 1901:sl.5; Marić 1968:tabl.X:34; Basler 1969:tabl.XVIII:90/3,4; 91/3; Polenz 1978:

² Наиболее близки им фибулы из трупосожжения в скифском кургане в Волковцах, Сумской области, насколько можно судить по не слишком четкому изображению (Ханенко 1900:8-9,15, табл.XLIV,355,356; Амброз 1966:14).

³ Приношу благодарность Т.Б.Барцевой за информацию о результатах анализов серии предметов из зарубинецких памятников. Фибула из Пирогова, насколько мне известно, не исследовалась.

Abb.6:3; Игнатов 1986: рис.2:3). Об одновременности расчлененных и ранних фибул зарубинецкого типа свидетельствуют комплексы из погребений 105, Велемичи II и 741, Холиаре, где они сочетались (рис.2:6,18; 7:10,11) (Каспарова 1972:рис.18:1,5; Benadik 1977:Abb.5:3,4). Ранняя дата фибул зарубинецкого типа не вызывает сомнений. Она обоснована их происхождением от балканских кольевидных, которые встречаются в могильниках кельтов-скордисков, иллирийцев-яподов и автаритов, где из разновидности датируются от конца III - начала II вв. до н.э. до начала I в. н.э. Их образцы могли попасть в среду складывающейся зарубинецкой культуры в период походов бастарнов в Македонию в 179-168 гг., где они контактировали со скордисками и их соседями иллирийцами (Каспарова 1977,1978). Участие бастарнов в формировании зарубинецкой культуры подтверждается присутствием в ней элементов культур исторического круга, и особенно, близостью с поенетшти-лукашевской культурой (Каспарова 1981; Еременко 1990). Последняя возникла в результате миграции исторических групп с северо-запада на земли древней Дакии, племен, среди которых находились исторические бастарны (Babes 1985).

Итак, пути попадания прототипов фибул зарубинецкого типа в Полесье и Поднепровье вполне реальны. Ранние варианты этих фибул уже в "зарубинецком облике" (рис.5:5,13,15,17,22,23,25; 7:1,2,5,11,15) определяют первые фазы могильников наряду с рассмотренными выше расчлененными и фибулами ранних вариантов В или А/В (рис.4:1,4,11; 5:29; 6:1,9; 7:10). Думается, что "отрывать" эти типы фибул друг от друга не следует. В целом комплексы погребений с фибулами этих типов по чертам обряда, формам керамики и другим находкам не отличаются (рис.4-7), несмотря на то, что в некоторых погребениях с фибулами, расчлененными и варианта А/В, были необычные типы сосудов, отсутствовал стандартный набор керамики. Считать эти особенности ранними признаками оснований нет, ведь такие же необычные черты характеризуют и погребения с зарубинецкими фибулами. Все эти фибулы определяют один хронологический горизонт, в котором, возможно, выделяются несколько погребений более ранних, но уловить их разницу во времени, вероятно очень небольшую, пока не удается.

Таким образом, анализ ранних типов фибул из зарубинецких могильников показывает, что по определяющим признакам они соответствуют формам фазы Латена C₂, начало которой относится к 185/170 гг., и эти даты близки времени реальных возможностей проникновения в ареал зарубинецкой культуры исходных форм одной из групп этих фибул - зарубинецкого типа, то есть периода походов бастарнов на Балканы в 179-168 гг. Под именем бастарнов, скорее всего, скрывался союз племен смешанного характера; вероятно, они привнесли и кельто-иллирийские элементы, и черты культур широкого исторического круга, - основные "чужеродные" компоненты в зарубинецкой культуре по разному представленные в ее локальных вариантах.

В заключение уточним еще раз ранние даты последних: формирование полесского и среднеднепровского вариантов, судя по основным хронологическим индикаторам - фибулам, приходится на начало Латена C₂, скорее всего, после 180-170 гг.; верхнеднепровский (рис.5) возникает, по-видимому, немного позднее, но в пределах той же фазы культуры, которую диагностируют местные расчлененные фибулы, I/II вариант зарубинецкого типа и вариант А/В Костешевского. Предлагаемая датировка, основанная на фибулах из могильников, расходится с датой поселений Среднего Поднепровья (рис.6), откуда происходят фрагменты амфор, одна из которых (городище Пилипенкова Гора) по клейму с именем АПОЛЛАДОС, датирована Б.Н.Граковым 230-220 гг. (Максимов 1982:40). На могильниках никаких вещей столь раннего времени не обнаружено, совместно амфоры и фибулы нигде не встречены, хотя на поселениях присутствует керамика однотипная погребальной. Считается, что раннему периоду поселений соответствуют чернолощеные горшки и миски с 2-3 гранями на внутренней стороне венчика, а также нелощенные горшки-корчаги (Максимов 1982:45-47,51,64-67) (рис.6:2,5,7,14). Но до тех пор пока не представлены конкретные типы этой керамики и не приведены комплексы из поселений, где она сочетается с хорошо датированными амфорами, нет и убедительных оснований для таких синхронизаций. В погребениях горшки и миски этих ранних типов встречены с фибулами, характерными для Латена C₂ (Кубищев, Скиба 1989:рис.4:22,38; 5:1,7,8). Пока невозможно выделить на могильниках хронологический пласт синхронный дате поселений по упомянутому клейму. Думаю, что на сегодняшний день этот хронологический разрыв довлееторительных объяснений не находит. Гипотетически можно предположить, что 2-3 погребения были оставлены до балканских событий представителями групп "исторцев" из ареала поенетши-лукашевской культуры или населения из кельтских областей юго-

восточной Европы. Даже если условно принять эту версию, совершенно ясно, что несколько погребений лишь приблизят даты могильников и поселений, но не заполнят лакуну между ними.

Определение нижней границы зарубинецкой культуры обычно связывается с поздней датой предшествующих памятников. Однако, даже принятие самой ранней ее даты (конец III в. до н.э.) сохраняет разрыв в Среднем Поднепровье с культурой скифов-пахарей, поздняя дата которой - начало III в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989:41,101-135). Отдельные "скифские" элементы не решают проблемы генетического родства, на чем настаивают украинские исследователи (Максимов 1982:155, сл.).

В памятниках Полесского варианта (рис.4,7) явно прослеживаются черты поморско-клавешевой культуры в керамике и обряде. Ее верхняя дата по духовским фибулам - Латен B₁ (B_{2a}?)- не позднее начала III в. до н.э. (Woźniak 1979). Но благодаря новой находке фрагмента среднелатенской (?) фибулы на Волыни, возможно, удастся ликвидировать разрыв с зарубинецкой культурой, тем более, что подобные фибулы известны в трех поморских комплексах в Польше (Dąbrowska 1988:17).

Верхняя граница предшествующей милоградской культуры в Верхнем Поднепровье тоже спорна: по набору вещей с широкими датами - II-первая половина I вв. до н.э. (Рассадин 1989:7) или по рубчатым браслетам не позднее начала III в. до н.э. (Еременко 1990:5). Некоторые сходные элементы в обряде и орнаментации керамики позволяют предполагать лишь незначительный вклад милоградской культуры в сложение зарубинецкой. Проблема происхождения зарубинецкой культуры - тема специальная и дискуссионная, на которой здесь остановиться невозможно, хотя она вплотную связана с вопросами хронологии (Каспарова 1981; Еременко 1990).

- АБЕЗГАУЗ, Г.Г., В.Е.ЕРЕМЕНКО, В.Г.ЖУРАВЛЕВ, С.Ю.КАРГАПОЛЬЦЕВ. 1992. К вопросу о ранней дате могильников зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии Латена и Римского времени: 34-55. С.-Петербург.
- АМБРОЗ, А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников Д-130. Москва:Наука.
- ДАШЕВСКАЯ, О.Д., Б.Ю.МИХЛИН. 1983. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // Советская археология 3:129-147.
- ЕРЕМЕНКО, В.Е. 1990. Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры. Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Ленинград.
- ЕРЕМЕНКО, В.Е., В.Г.ЖУРАВЛЕВ. 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени:55-79. С.-Петербург.
- ИГНАТОВ, В.Н. 1986. Катакомбы сарматского времени из курганов у ст.Хоперская // Краткие сообщения Института археологии 186:66-69.
- КАСПАРОВА, К.В. 1969. Могильник и поселение у дер.Отвержичи // Материалы и исследования по археологии СССР 160:131-168.
1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 14:53-111.
1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 17:35-66.
1977. О фибулах зарубинецкого типа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 18:68-78.
1978. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии 2:79-89. Ленинград.
1981. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология 2:57-79.
1984. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 25:108-117.
1989. Припятское Полесье на рубеже эр (по материалам Белорусско-Полесской экспедиции) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа:89-102. Ленинград.
- КАСПАРОВА, К.В., Д.А.МАЧИНСКИЙ, М.Б.ЩУКИН. 1976. рецензия на книги А.Д.Поболь. Славянские древности Белоруссии. Минск 1971,1973,1974 // Советская археология 4:241-253.
- КОВПАНЕНКО, Г.Т., С.А.БЕССОНОВА, С.С.СКОРЫЙ. 1989. Памятники скифской эпохи Лесостепного Правобережья. Киев:Наукова думка.
- КУБИШЕВ, А.Л., А.Е.СКИБА. 1989. Пирогівський могильник // Археологія 2:83-95. Київ.
- КУХАРЕНКО, Ю.В. 1960. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Советская археология 1:289-300.

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

1961. Памятники железного века на территории Полесья // Свод археологических источников Д-29. Москва:Наука.
1964. Зарубинецкая культура // Свод археологических источников Д-1-19. Москва:Наука.
- МАКСИМОВ, Е.В. 1969. Хронология древностей зарубинецкой культуры // Материалы и исследования по археологии СССР 160:17-24. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев:Наукова думка.
- МАЧИНСКИЙ, Д.А. 1963. О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // Краткие сообщения Института археологии 94:20-28.
1966. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // Краткие сообщения Института археологии 107:3-9.
- ОБЛОМСКИЙ, А.М. 1983. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // Советская археология 1:103-120.
1990. Периодизация и характер развития зарубинецкого керамического комплекса Чаплинского могильника // Раннеславянский мир. Материалы и исследования:7-44. Москва.
- ПАЧКОВА, С.П. 1991. Методика хронологізації кераміки зарубинецької культури // Археологія I:62-75.
- ПОВОЛЬ, Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии. Минск:Наука и Техника.
- РАССАДИН, С.Е. 1989. Милоградская культура (актуальные проблемы и исследования). Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. Киев.
- САМОЙЛОВСКИЙ, И.М. 1959. Корчеватый могильник // Материалы и исследования по археологии СССР 70:61-93.
- ТРЕТЬЯКОВ, П.Н. 1970. У истоков древнерусской народности. Ленинград. 1982. По следам древних славянских племен. Ленинград:Наука.
- ЧЕБОТАРЕНКО, Г.Ф., Т.А.ЩЕРБАКОВА, М.Б.ЩУКИН. 1987. Два предмета римской эпохи из Молдавии // Советская археология 4:242-248.
- ЩУКИН, М.Б. 1991. Центральная и Восточная Европа на рубеже нашей эры. Автореф.дисс. ... докт.ист.наук. Ленинград.
- 1991а. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологических сопоставлений) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 31:90-106.
- BABEŞ, M. 1985. Date archeologice și istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înaintea erei noastre // Studii și cercetări de istorie veche și arheologie 34/3:183-214.
- BASLER, D. 1969. Nekropola na Velim ledinama u Gostilju (Donja Zeta) // Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu, NS XXIV:5-107.
- BENADIK, B. 1962. Chronologické vztahy keltských pohrebisk na Slovensku // Slovenská archeológia X/2:341-396.
1977. Zur Datierung des jüngsten Horizontes der keltischen Flachgräberfelder im Mittleren Danaugebiet // Symposium Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet:15-31.
1978. Keltisches Gräberfeld in Máná // Slovenská archeológia XXVI/2:283-422.
- BUJNA, J. 1982. Spiegelung der Sozialstruktur auf Latènezeitlichen Gräberfelden in Karpatenbedecken // Památky archeologické LXXIII/2:312-431.
- CHROPOVSKÝ, B. 1958. Laténske pohrebisko v Nebojsi, okr.Galanta // Slovenská archeológia VI/1:120-130.
- ČÍZMAR, M. 1970. Zur relativ-chronologischen Stellung des jüngsten Horizontes keltischer Gräberfelder in Mähren // Archeologické rozhledy 22:569-573.
1975. Relativní chronologie keltských pohřebišť na Moravě // Památky archeologické LXVI/2:417-437.
1989. Pózdní laténské osidlení předhradí Závist // Památky archeologické LXXX/1:56-116.
- DĄBROWSKA, T. 1988. Wczesne fazy przeworskiej. Chronologia-zasięg-powiązania. Warszawa:Państwowe wydawnictwo naukowe.
- DOMAŃSKI, G. 1975. Studia z dziejów środkowego Nadodrza w III-I wieku p.n.e. Wrocław, etc.:Ossolineum.
- DOMARADZKI, M. 1977. Tarcze z okuciami metalowymi na terenie Celtyki wschodniej // Przegląd archeologiczny 25:53-89.
- FILIP, J. 1956. Keltové ve střední Evropě. Praha:Československé Akademie Ved.
- GABROVEC, S. 1966. Srednjelatensko obdobje v Sloveniji // Arheološki Vestnik XVII:196-211.
- GODŁOWSKI, K. 1977. Okres latenski w Europie. Kraków:Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego.
1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim // Prace komisji archeologicznej 23. Wrocław, etc.
- HACHMANN, R. 1961. Die Chronologie der jungeren vorrömischen Eisenzeit // 41. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1960.
- HAFFNER, A. 1974. Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes // Archäologisches Korrespondenzblatt 4:59-72.
1979. Zur absoluten Chronologie der Mittelälterezeit // Archäologisches Korrespondenzblatt 9:405-409.

- HODSON, F.R. 1968. The La Tène cemetery at Münsingen-Rain // *Acta Bernensia* 5. Bern.
- KRUTA-POSSI, L. 1975. Les Celtes à Marzabotto (Province de Bologne) // *Etudes Celtiques* 14:345-376.
1979. La sépulture de Ceretelo (Province de Bologne) et le fasiés Boien du III-e siècle notre ère // *Etudes Celtiques* 19:7-25.
- LUDIKOVSKÝ, K. 1964. Akeramický horizont bohatých hrobů Žen na Morave // *Památky archeologické*, LV/2:321-345.
- MARIC, M. 1962. Vir kod Posušja // *Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu* N.S. XVII:63-72.
1968. Japodske nekropole u dolini Une // *Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu* N.S. XXIII:5-79.
- MAROVIC, J. 1960. Prehistoriski nalazi na području Solina // *Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku* LXII:5-29.
- MARSHALLECK, K.H. 1927. Das Laténegräberfeld bei Cammer (Kr.Zauch-Belzig) // *Prähistorische Zeitschrift* 18 (3/4):212-249.
- MEDUNA, J. 1970. Das Keltische Oppidum Straté Hradisko in Mähren // *Germania* 48:34-59.
1980. Die Latènezeitlichen Siedlungen in Mähren. Praha:Academia.
- MÜLLER, R. 1985. Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelelbe. Berlin: Veb Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- MYCIELSKA, R., Z.WOŹNIAK. 1988. Cementarzysko wielokulturowe w Błoniu // *Materiały Archeologiczne* XXIV:5-326.
- POLENZ, H. 1971. Mittel- und spätlatènezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main // *Studien und Forschungen*, N.F. 4:1-115.
1978. Gedanken zu einer Fibel von Mittellatèneschema aus Kayseri in Anatolien // *Bonner Jahrbuch* 178:181-216.
1982. Münzen in Latènezeitlichen Gräbern Mitteleuropes aus der Zeit zwischen 300 und 50 v. Chr. Geburt // *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 47:27-222.
- REINBACHER, E. 1963. Börnicke. Ein ältereisenzeitlicher Urnenfriedhof im Haveland, Teil 1 // *Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte* 14. Berlin:Akademie-Verlag.
- RIECKHOFF, S. 1975. Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen // *Saalburg Jahrbuch* XXXII:6-104.
- RYBOVÁ, A., P.DRDA. 1989. Hradiště de Stradonice - nouvelles notions sur l'oppidum celtique // *Památky archeologické* LXXX/2:384-404.
- SEYER, H. 1982. Siedlung und archäologische Kultur der Germanen im Havel-Spree-Gebiet in den Jahrhunderten vor Beginn u.z. // *Schriften zur Ur- und Frühgeschichte* 34.
- SHCHUKIN, M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe in 1-st century B.C. - 1-st century A.D. Oxford:British Archaeological Reports. International series 542.
- SHCHUKIN, M.B., V.E.EREHENKO. In press. Zur Frage der Datierung Keltischer Altertümern in Transkarpatengebiet der Ukraine und einige Probleme der Latene-Chronologie // *Acta archaeologica Carpathica*.
- SPEHER, E. 1968. Zwei Gräberfelder der jüngeren Latene- und frühesten römischen Kaiserzeit von Naumburg (Saale) // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 53:233-290. Halle.
- STÖCKLI, W.E. 1979. Die Grob- und Importkeramik von Manching. Die Ausgrabungen in Manching 8.
- TODOROVIC, J. 1968. Kelti u jugoistocnoj Evropi // *Dissertationes VII*. Beograd:Muzej grada Beograda.
1972. Praistorijska Karaburma I - nekropola mlaoteg gvozdenog doba // *Dissertationes et monographiae XIII*. Beograd:Muzej grada Beograda.
- TRUHELKA, Č. 1901. Resultati prehistoricog istražvanja u Bosni-Hercegovini // *Glasnik Zemaljskog muzeja u Bosni i Hercegovini*, N.S. XIII:1-30.
- VIZDAL, J. 1976. Záchranný výskum Keltského pohrebiska v Ľžkovciach // *Slovenská archeológia* XXIV/1:151-190.
- VULPE, R. 1953. Săpăturile dela Poienesti din 1949 // *Materiale archeologice privind istorica veche a R.P.R.*:213-506. Bucuresti:Akademie Republicii Populare Românie.
1955. Le problème des Bastarnes à la lumière des découvertes archéologiques en Moldovie // *Nouvelles Études d'Historiques* présentées au X-e Congrès des Sciences Historiques. Rome 1955. Bukarest:103-119.
- WALDHAUSER, J. 1987. Keltische Gräberfelder in Böhmen // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 68:27-180.
- WOŹNIAK, Z. 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków:Ossolineum.
1974. Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej. Wrocław etc.:Ossolineum.
1979. Chronologia młodszej fazy kultury pomorskiej w świetle importów i naśladownictw zabytków pochodzenia południowego // *Problemy kultury pomorskiej*:125-148. Koszalin:Wydawnictwo Muzeum Okręgowego w Koszalinie.
- ZACHAR, L. 1977. Die La Tène-Zeit in der Slowakei // *Keltske studije* 4:59-62.
- ZIRRA, V. 1967. Un cimitir celtic in nord-vestul Românie. Ciumesti I. Baia Mare:Muzeul regional Maramures.
1971. Beiträge zur Kenntnis des Keltischen Latène in Rumänien // *Dacia* XV:171-238.

K.V.KASPAROVA.

ON THE TIME OF THE ZARUBINTSY CULTURE ORIGIN.

Summary.

The discussion on the time of the Zarubintsy culture origin which has lasted for a long time, has not yet finished.

In the 1960-s Yu.V.Kukharenko, A.K.Ambroz, D.A.Machinsky and other scientists dated the origin of Zarybintsy sites from the 2nd half - the end of the 2nd century B.C. (Kukharenko 1960,1964; Machinsky 1963,1966) or the beginning of the 1st century B.C. (Ambros 1966). They based their conclusions on the chronology of fibulae of the Mid-La Téne design according to Ja.Philip and R.Hachmann. In their opinion, the fibulae excavated mainly at cemeteries are developed local versions of their Celtic prototypes. Considering Philip's dates as rather late ones E.V.Maksimov opposed the idea of using them (Maksimov 1969,1972). The scientist was inclined to establish the origin of the Zarubintsy Culture in the Mid-Dnieper area according to ancient amphorae (excavated only at settlement) among which an early fragment with a stamp dates from 220-230 B.C. The disagreement between the chronology of the cemeteries according to fibulae and that of the settlements according to antique imported articles was explained by the "fibulaeless stage" in the Zarubintsy Culture. A comparable stage in the Upper Dnieper was recognized by A.D.Pobel (1973). However, the scientist did not advance any convincing arguments (Kasparova, Machinsky, Shchukin 1976).

As a result of the studies carried out by many scientists in different European regions new data were obtained allowing archaeologists to establish earlier dates than those provided by Philip and Hachmann's scheme (Benadik 1962; Ludikovsky 1964; Todorović 1968; Zirra 1971; Hodson 1968; Polenz 1971; etc.). Z.Woźniak (1970,1974) introduced amendments into the chronological scheme as a whole. K.Godłowski (1977) suggested that the beginning of the La Tene circle of cultures (including the Zarubintsy Culture in question) be dated not from the La Tene D (LTD), as R.Hachmann believed (1961), but from the end of the La Tene C₁ (LTC₁) - the beginning of the La Tene C₂ (LTC₂).

Further study of arcaeological and numismatic materials as well as dendrochronological data allowed the introduction of a number of specifications both of regional and general character (Kruta-Poppi 1975,1979; Haffer 1974,1979; Stöckli 1979; Polenz 1978,1982; Čížmar 1975,1989; Meduna 1980, Bujna 1982; Seyer 1982; Babes 1985; Godłowski 1985; Waldhauser 1987; Dąbrowska 1988; Kasparova 1977, 1978, 1981, 1989; Shchukin 1989,1991a; Eremenko 1990; Shchukin, Eremenko /in print/). This work has resulted in the creation of an almost finished European chronological system, though there remains a number of controversial points. We consider the scheme of Polenz as the most optimum (Polenz 1982). The scheme is based on the data collected and the calculations made by the scientists of the rhythms and the period of the La Téne culture development. The stages most important for this subject were dated as follows: C₁ - 250/230 - 185/170 B.C.; C₂ - 185/170 - 120/105 B.C. For the sites of the Carpathian Depression as well as Czechia stage C₁ is deviated into C_{1a} and C_{1b} (Bujna 1982; Waldhauser 1987). J.Waldhauser suggests the date "about 200 B.C." as the turn between them (1987:35). This agrees well with the dendrodate 208 B.C. for burial 96 from Wederath where the fibulae typologically close to the forms C_{1b} come from according to Bujna (Haffner 1979; Abb.2:2,3; Bujna 1982; Abb.4:29,30).

V.E.Eremenko (1990) dates substage C_{1b} from 225-190 B.C. on the basis of the analysis of historical evidence concerning the migration of the Celts, and taking the dendrodate mentioned above into account. In his opinion the beginning of C₂ dates from 200/180 B.C. according to the dates of amphora stamps from the settlements of the Poienesti-Lukashevka Culture which are synchronous with the early stage of the Lukashevka cemetery where the fibulae of variant B by Kostrezewsky typical of C₂ are represented. This is a moot point if we take account of the fact that fibulae and amphorae have not been found together anywhere.

H.Polenz and A.Haffner (1982,1979) date the turn between C₂ and D₁ from 120/105 or 120/116 B.C. Most of the scientists date the end of D₁ from 60-40 B.C. (Rieckhoff 1975; Godłowski 1985; Shchukin 1991b). The Late La Téne stage ends with D₂ (locally - D₃) not simultaneously in different regions; in the Rhine-Danube - region - by 15-12 B.C.; in the north-eastern regions - by 10-20 or 30-40 A.D., followed by the Early Roman period (Godłowski 1977:18-20, 59-66; Dąbrowska 1988:61,62; Čížmar 1989; Shchukin 1991b).

When synchronizing the cultures of the Late Pre-Roman period and the La Tène period chronology Hachmann's stage "a" corresponds to LTC_{1b} or the turn between C₁ and C₂, and the late stage "d" - to LTD₂ and to some extent - The Early Roman stage B₁ (Godzowski 1985:13-40; Dąbrowska 1988).

The changes in the La Tène period chronology allowed the revision of the early date of the Zarubintsy Culture (Kasparova 1978,1981). E.V.Maksimov and S.P.Pachkova date the appearance of Mid-La Tène "disjointed" fibulae in Zarubintsy Culture (fig.2:1,9,10) from the end of the 3rd century B.C. or about the turn of the 3rd and 2nd centuries B.C. The authors took account of the earliest dates of some types according to V.Zirra's scheme (1971); however, they did not give any specific comparisons. This date makes it possible to bring the origin of the settlement and cemeteries closer in time (Maksimov 1982:23,24; Pachkova 1991).

V.E.Eremenko (1990) distinguishes the early - "pre-Balkan" - stage of the Zarubintsy Culture and synchronizes this stage with C_{1b} (225-190 B.C.). In the burials of that period there are still no "Zarubintsky-type" fibulae with triangular shield on the foot (fig.3:15-17,23-25). Their prototypes - Balkan "spearlike" fibulae (fig.3:19-22,26,27) - might have been brought by those who took part in the campaigns of the Bastarnae against Illyria not earlier than in 179-168 B.C. (Kasparova 1977,1978). This I stage in Voronino and Korchevatoye is dated by variant B fibulae (Abezgaus, Eremenko, etc.1992). However, a fibula, decorated with "figure-of-eight" whorls (fig.2:10) is a typologically earlier one, *dates from stage III*. This disagreement is explained by using of cluster-analysis for studying the cemetery.

Chronological ordering of the fibulae types from these sites casts doubt. References to stage LTC₁, as the date of variant B from the Prezeworsk and the Jastorf Cultures are not convincing as the fibulae of this type from the Zarubintsy Culture (fig.3:8,9) do not have the early features according to which some examples of variant A and B from stage A₁ of the Prezeworsk Culture are dated from LTC₁. At this stage fibulae characteristic of LTC₂ are the most common (Dąbrowska 1988:16-21,55,56, ryc.2). The same situation is observed at the Luboszyci cemetery where variant B represents stage III synchronous with LTC₂ (Domanski 1975:17-19).

In my opinion, there is no convincing evidence of the existence of the "pre-Balkan" stage in the Zarubintsy Culture according to the materials of Voronovo and Korchevatoye. The age of this stage (225-190 B.C.) does not agree with that of the I stage of the Chaplin cemetery (180-120 B.C.) (Eremenko, Zhuravlev 1992). The fact is that the main chronological indicator in this case is a variant B fibula which is obviously earlier by its typological features than corresponding examples from Voronovo and Korchevatoye (fig.3:8,9; 5:29). The attempt to link the origin of the Chaplin cemetery with the written data of 145-120 B.C. on the Cimbri and Celto-Schythians seems an interesting hypothesis. However, it is not sufficiently supported by the site chronology.

Touching on the Zarubintsy Culture chronology and the fibulae dates some scientists from our country still adhere to the positions of Philip and Hachmann. Thus, for example, the dates of some types of fibulae suggested by A.M.Oblomsky as well as his synchronization of the beginning of the Late Pre-Rome cultures with LTD provoke objections (Oblomsky 1983).

The early data of Zarubintsy Culture is based on three fibulae: one - with two small balls (Kugelfibeln) and two - with "figure-of-eight" whorls on the arch (fig.2:1,9,10). Among the parallels from Celtic sites of great importance is a fibula with balls from grave 96 of the Wederath cemetery (fig.2:7) dated from 208 B.C. (Haffner 1979) as well as some examples of type 30, stage C_{1b} according to Bujna (1982). However, Celtic fibulae differ from Zarubintsy ones as they have a longer foot and a sloping arch - the features characteristic of the LTC₁ forms (Todorovic 1972:Tabl.XII,7; Vizdal 1976:Abb.5:2,3) (fig.2:8). Among the fibulae of the Jastorf Culture the closest parallels are in the Brandenburg and Gubin groups (fig.2:3,5). H.Seyer (1982:17-19) considers them as the leading forms ("leit-forms") of stage IIb1 (LTC₂); in Cammer fibulae with balls belong to the second time group; and in combination with variant B - to the third (Hachmann 1961:91,Abb.31). In Luboszyci they have been found with variant A at stage II and with variant B at the next stage (the second half of the 2nd century B.C.) (Domanski 1975:15-17; ff., ryc.2, tabl.XIII,c; XIV,c,k,l; and others). In Naumburg a fibula with balls corresponded to variant C and this complex is dated from LTD₁ (Speher 1968; Müller 1985:Abb.13).

Some fibulae of type II, version 5c of the I stage of the Poienesti-Lukashevka Culture (synchronous with LTC₂) are similar to the example from Velemichi I (Babes 1985). Some vessels (fig.4:14) also characteristic of the Jastorf Culture groups, have been found in Velemichi together with the same fibula. In the Jastorf Culture these vessels correspond to variant A and D/E. In the Gubin group bowl-shaped vessels with the handle are met at stage III, in the Poienesti-Lukashevka Culture - at stage II. The shape of an urn

and the ornament (fig.4:15) have parallels in the pottery of the same cultures (Vulpe 1953: Fig.160,177, ff.; Babęs 1985:201,202, fig.4:1,IIId; Dománski 1975:37; tabl.VIId, IXg; Seyer 1982: Taf.13:2, 23:27, ff.; Marschalíček 1927:Abb.10:9, Taf.33:43; and others). The complex of graves from Velemichi (fig.4:11-15), which is unique for the Zarubintsy Culture, as far as the combination of artefacts is concerned, provides not only reliable dates - a period of time synchronous with the beginning of LTC₂ - but is also indicative of the cultures components.

I do not know any absolute parallels to fibulae with "figures-of-eight" (fig.2:9,10) in La Tene Culture. Celtic fibulae of this type, as a rule, have twists not on the arch but at the end of the foot. Both these types are synchronous and are dated from C₁ (Bujna 1982; Zirra 1967; Vizdal 1976). However, Zarubintsy examples with "figures-of-eight" on the arch are closer to those of C₂ according to some features (the foot is shorter than the arch, flat fibula profile, etc.) (Polenz 1978:188, Abb.5; Dąbrowska 1988:16-21, ff.). One of these fibulae corresponded to variant B and a bowl of the late type of Zarubintsy vessels (Voronino, grave 25) (fig.4:3-10). Several fibulae (fig.2:17; 7:10) are derivatives from the "disjointed" ones, and are typical of C₂ by their features. Some of them (fig.3:1) resemble Mötschwil type or its versions - the main forms of C₂ (Hodson 1968; Polenz 1971,1978:Abb.5; Marović 1960; sl.10:1,3; Marić 1968: Taf.VIII,19; XIII,36) (fig.3:2-7). Related with "disjointed" fibulae are those with triangular end of the foot (of Zarubintsy type). Their hybrids are well known (fig.2:17,19-21). The fact that one of the graves contained a fibula imitating a "disjointed" one and that of the early version of Zarubintsy type suggests their similar age (fig.2:6,18; 7:10,11). The early date of Zarubintsy fibulae is based on their origin: they arose from "spear-like" fibulae which must have been brought by the Bastarnae during their Balkan campaigns (179-168 B.C.) when they got in touch with the Scordisci and other local tribes. Many of their graves contained "spear-like" fibulae (Kasparova 1977,1978). The Bastarnae are certain to have taken part in the development of the Zarubintsy Culture: different elements of the Jastorf Culture in pottery and metal goods are present in all its versions to a certain extent (Kasparova 1981,1989; Eremenko 1990; Shchukin 1989). The influence of the Bastarnae upon the Jastorf circle of cultures is obvious (Babęs 1985; Dąbrowska 1988).

The Zarubintsy Culture is most likely to have originated somewhat later than or nearly at the same time as the Poienesti-Lukashevka Culture related to it. The first stages of the cemeteries diagnose Mid-La Tene "disjointed" fibulae as well as early Zarubintsy versions and early examples of the variant B fibulae. According to these chronological indicators the origin of the Polesje and Mid-Dnieper versions of the culture is dated from the early LTC₂, most likely after 180-170 D.C. The Upper-Dnieper version arose a bit later but within the same stage of the culture.

The date proposed disagrees with the chronology of settlements in the Mid-Dnieper region as long as we take account of a seal with the inscription ΑΠΟΛΛΑΔΟΣ dated from 230-220 B.C. by B.N.Grakov. No goods of such an early origin have been found at the cemeteries. According to E.V.Maksimov (1982), black-polished pots and bowls with faceted rims as well as rough vessels - "korchagi" - belong to the early period. However, the graves contained these vessels together with the LTC₂ fibulae (Kubishev, Sciba 1989: fig.4:22,38; 5:1,7,8). There is also some chronological gap between the Zarubintsy Culture and local Scythian Culture which later date is the early 3rd century B.C. (Kovpanenko, Bessonova, Skoryj 1989). This makes it difficult to accept their genetic relationship - the proposition insisted upon by the Ukrainian scientists (Maksimov 1982:155). On the other hand, some features of local culture should not be denied. The elements of the Pomeranian-Podkleshowa Culture with the upper date not later than LTB₁ (B₂?) according to the Dux-type fibulae (Woźniak 1979) are obvious in Polesje burial rite and pottery. Probably it will be no lacuna at all: a fibulae fragment, supposedly of the Mid-La Tene scheme, has been found recently at a Pomeranian settlement. In the Upper Dnieper region the end of the Milograd Culture is dated from the early 3rd century B.C. according to the finds of caterpillar arm-rings (Eremenko 1990), but this date is a moot point; the other artefacts date from the 2nd - 1st centuries B.C. (Rassadin 1989). According to some similarities in the ornaments on the pottery and in the ritual little contribution of local culture may be safely assumed.

Thus, so far the analysis of relationship between the Zarubintsy Culture has not given reliable data allowing us to establish a more accurate date for the origin of the Zarubintsy Culture.

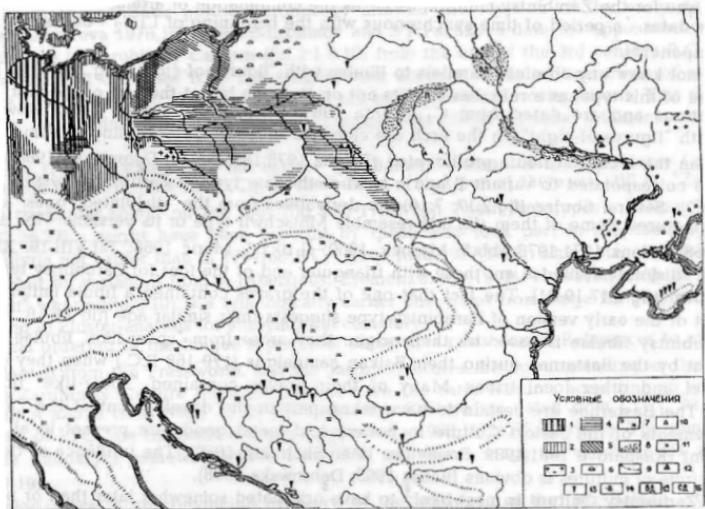

Рис.1 Картосхема некоторых археологических культур и отдельных памятников периодов Латена С и Д: 1 - ареал ясторфской культуры; 2 - ареал культур ясторфского круга; 3 - основные памятники губинской группы ясторфской культуры; 4 - ареал пшеворской культуры; 5 - ареал оксывской культуры; 6 - ареал культуры западно-балтских курганов; 7 - области, занятые кельтскими племенами; 8 - границы ареалов локальных вариантов зарубинецкой культуры; 9 - граница ареала поенешти-лукашевской культуры; 10 - отдельные памятники зарубинецкой культуры; 11 - сарматские памятники (условно); 12 - зарубинецко-сарматские памятники; 13 - памятники с находками копьевидных фибул и фибул зарубинецкого типа вне ареала зарубинецкой культуры; 14 - полесский вариант зарубинецкой культуры; 15 - верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры; 16 - среднеднепровский вариант зарубинецкой культуры.

Fig.1 The map of some archaeological cultures and sites of the La Tene C and D period: 1 - the area of the Jastorf Culture; 2 - the area of the cultures of the Jastorf circle; 3 - the main sites of the Gubin group of the Jastorf Culture; 4 - the area of the Przeworsk Culture; 5 - the area of the Oksywie Culture; 6 - the area of the Culture of West-Baltic mounds; 7 - the regions occupied by Celtic tribes; 8 - borders of the areas of local versions of the Zarubintsy Culture; 9 - border of the area of the Poienesti-Lukashevka Culture; 10 - some sites of the Zarubintsy Culture; 11 - Sarmatian sites (roughly); 12 - Zarubintsy-Sarmatian sites; 13 - sites containing spear-shaped fibulae and fibulae of the Zarubintsy type outside the area of the Zarubintsy Culture; 14 - the Polesje version of the Zarubintsy Culture; 15 - the Upper-Dnieper version of the Zarubintsy Culture; 16 - the Mid-Dnieper version of the Zarubintsy Culture.

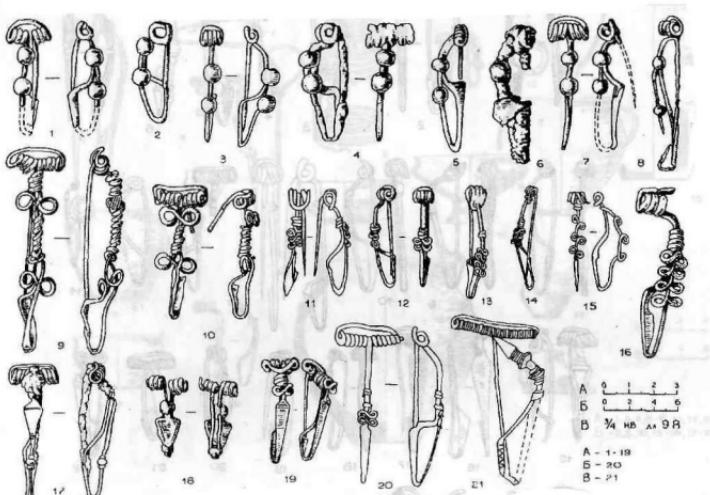

Рис.2 Фибулы среднелатенской схемы, расчлененные шариками и восьмеркообразными петлями: 1 - Велемичи I, погребение 108; 2 - Бёрнике, погребение Cg 466; 3 - Любошице, погребение 128; 4 - Поенешти, погребение 392; 5 - Бюнити, погребение 20; 6,18 - Холиаре, погребение 741; 7 - Ведерат, погребение 96; 8 - Ижковцы, погребение 2; 9 - Пироговский, погребение 26; 10 - Воронино, погребение 25; 11 - Чиумешти, жилище B/1962; 12 - Мана, погребение 143; 13 - Ижковцы, погребение 16; 14 - Ютас; 15 - Чиумешти, жилище Kovach 1960; 16 - Йелшовце; 17 - Воронино, погребение 4; 19 - Нови Бановцы; 20 - Хоперская, погребение 8, курган 11; 21 - Донжи Ламинци (13 - рисунок по фотографии). 1,9,10,17 - зарубинецкая культура; 2,3,5 - ясторфская культура (3 - губинская группа); 4 - поенешти-лукашевская культура; 6-8,11-16,18,19,21 - кельтские памятники; 20 - сарматская культура. 1,6 - железо; 21 - серебро; остальные - бронза.

Fig.2 Fibulae of the Mid-La Tene scheme: with small balls and with "figure-of-eight" whorls. 1 - Velemichi I, burial 108; 2 - Börnike, burial Cg 466; 3 - Luboszyci, burial 128; 4 - Poienesti, burial 392; 5 - Bücknitz, burial 20; 6,18 - Holiare, burial 741; 7 - Wederath, burial 96; 8 - Izkovec, burial 2; 9 - Pirogovsky, burial 26; 10 - Voronino, burial 25; 11 - Ciumesti, dwelling B/1962; 12 - Mana, burial 143; 13 - Izkovec, burial 16; 14 - Jutas; 15 - Ciumesti, dwelling Kovach 1960; 16 - Jelsovce; 17 - Voronino, burial 4; 19 - Novi Banovci; 20 - Khoperskaya, burial 8, mound 11; 21 - Donji Laminci (13 - figure according to the photo). 1,9,10,17 - the Zarubintsy Culture; 2,3,5 - the Jastorf Culture (3 - the Gubin group); 4 - the Poienesti-Lukashevka Culture; 6-8,11-16,18,19,21 - Celtic sites; 20 - The Sarmatian Culture. 1,6 - iron; 21 - silver; the rest - bronze.

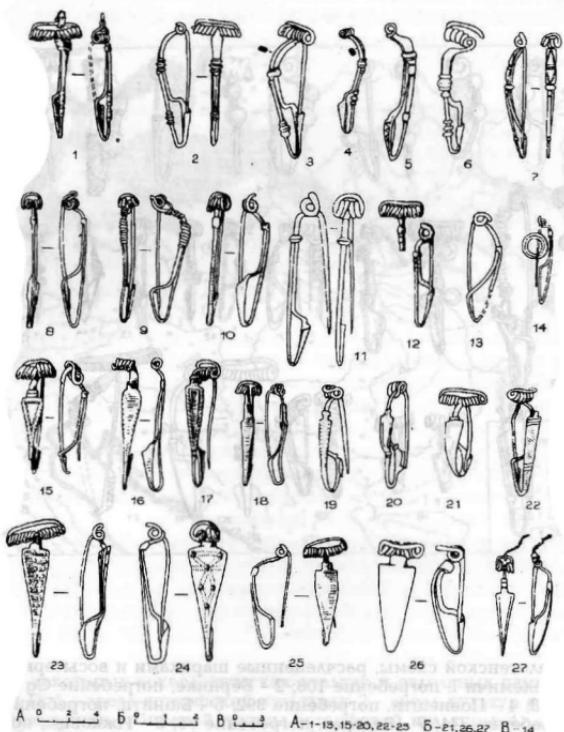

Рис.3 Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры и близкие формы фибул из памятников Средней и Юго-Восточной Европы. 1 - Пироговский, погребение 129; 2 - Рибич, погребение 184; 3-4 - Солин, отдельные находки; 5-6 - Вир у Посушья, из погребений; 7 - кельтская фибула типа Мётишвиль (по Поленцу, 1978); 8-9 - Воронино, погребения 16,17; 10 - Велемичи II, погребение 59; 11 - Дитценбах, погребение 5; 12 - Варшава-Вилянув, погребение 87; 13 - Карцевец, погребение 106; 14 - Любосцице, погребение 141; 15,16 - Отвержичи, погребения 59,45; 17 - Велемичи I, погребение 4; 18 - Пироговский, погребение 100; 19,20 - Езерине, погребение 393а; 21 - Езерине - погребение 278; 22 - Махревичи, из погребений; 23,24,25 - Велемичи II, погребения 25,23,14; 26 - Карабурма, погребение 4; 27 - Гостиля, погребение 122. 1.8-10,15-18,23-25 - зарубинецкая культура; 2-6,19-22,26,27 - кельто-иллирийские памятники; 11 - кельтский могильник; 12,13 - пшеворская культура; 14 - губинская группа ясторфской культуры. 1-27 - бронза.

Fig.3 Some types of fibulae of the Zarubintsy Culture and similar types of fibulae from the sites of Middle and South-Eastern Europe. 1 - Pirogovsky, burial 129; 2 - Ribic, burial 184; 3-4 - Solin, some finds; 5-6 - Vir kod Posusja, from the burials; 7 - Celtic fibula of the Mötschwil type (according to Polenz, 1978); 8,9 - Voronino, burials 16,17; 10 - Velemichi 2, burial 59; 11 - Dietzenbach, burial 5; 12 - Warsawa-Wilanow, burial 87; 13 - Karczewiec, burial 106; 14 - luboszyci, burial 141; 15,16 - Otverzhichchi, burials 59,45; 17 - Velemichi 1, burial 4; 18 - Pirogovsky, burial 100; 19,20 - Jezerine, burial 393a; 21 - Jezerine, burial 278; 22 - Mahrevici, from the burials; 23,24,25 - Velemichi 2, burials 25,23,14; 26 - Karaburma, burial 4; 27 - Gostilj, burial 122. 1.8-10,15-18,23-25 - the Zarubintsy Culture; 2-6,19-22,26,27 - Celtic-Ilyrian sites; 11 - Celtic cemetery; 12-13 - the Przeworsk Culture; 14 - the Gubin group of the Jastorf Culture. 1-27 - bronze.

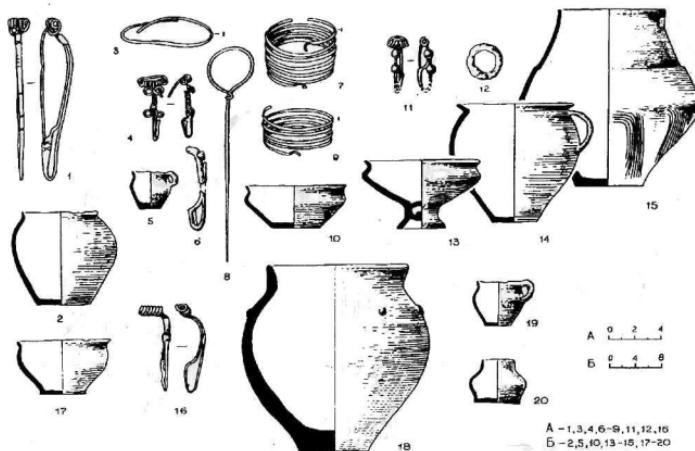

Рис.4 Комплексы погребений ранней фазы полесского варианта зарубинецкой культуры. 1,2 - Ведемичи II, погребение 80; 3-10 - Воронино, погребение 25; 11-15 - Ведемичи I, погребение 108; 16-20 - Отвежичи, погребение 21. 1,3,4,7-9,16 - бронза; 6,11,12 - железо; 2,5,10,13-15,17-20 - керамика.

Fig.4 Funeral complexes of the early stage of the Polesje version of the Zarubintsy Culture. 1,2 - Velemichi 2, burial 80; 3-10 - Voronino, burial 25; 11-15 - Velemichi 1, burial 108; 16-20 - Otverzhichi, burial 21. 1,3,4,7-9,16 - bronze; 6,11,12 - iron; 2,5,10,13-15,17-20 - pottery.

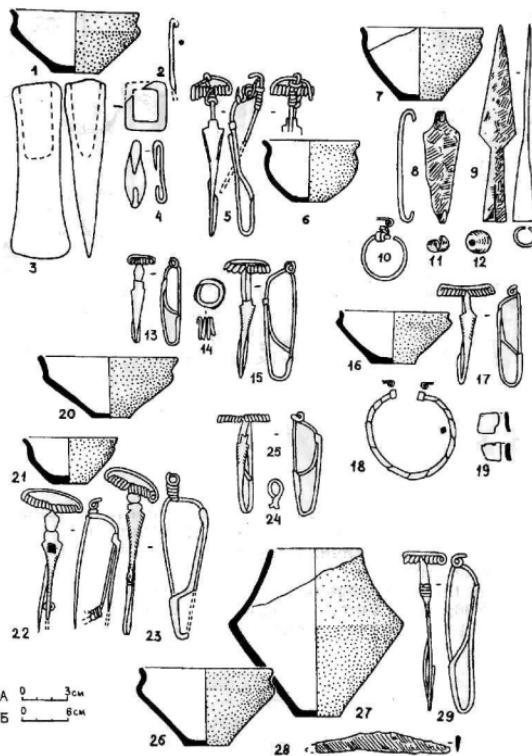

Рис.5. Комплексы погребений ранней фазы верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры по могильнику Чаплин. 1-4 - погребение 236; 5,6 - погребение 103; 7-12 - погребение 125; 13-15,20 - погребение 201; 16-19 - погребение 44а; 21-23 - погребение 16; 24,25 - погребение 45; 26-29 - погребение 142. 1,6,7,12,16,19-21,26,27 - глина; 2-5,8,9,13,15,17,18,22,23,25,28 - железо; 5,10,11,15,24,29 - бронза.

Fig.5 Funeral complexes of the early stage of the Upper Dnieper version of the Zarubintsy Culture (the cemetery Chaplin). 1-4 - burial 236; 5-6 - burial 103; 7-12 - burial 125; 13-15,20 - burial 201; 16-19 - burial 44a; 21-23 - burial 16; 24,25 - burial 45; 26-29 - burial 142. 1,6,7,12,16,19-21,26,27 - clay; 2-5,8,9,13-15,17,18,22,23,25,28 - iron; 5,10,11,15,24,29 - bronze.

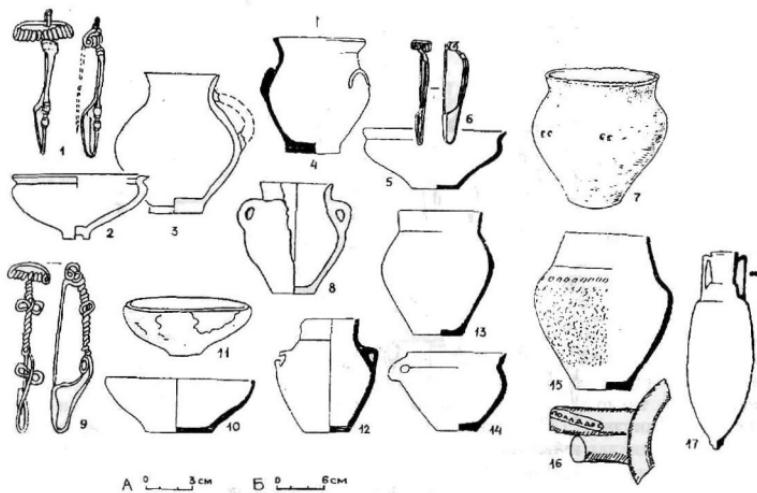

Рис.6 Ранняя фаза среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры. 1-14 - Пироговский могильник; 15-17 - поселение Пилипенкова Гора. 1-3 - погребение 129; 4-6 - погребение 101; 7 - погребение 13; 8 - погребение 27; 9,10 - погребение 26; 11 - погребение 7; 12 - погребение 54; 13 - погребение 2; 14 - погребение 65. Масштаб разный. 1,6,9 - бронза; остальные - керамика.

Fig.6 The early stage of the Mid-Dnieper version of the Zarubintsy Culture. 1-14 - the Pirogovsky cemetery; 15-17 - the settlement Pilipenkova Gora. 1-3 - burial 129; 4-6 - burial 101; 7 - burial 13; 8 - burial 27; 9,10 - burial 26; 11 - burial 7; 12 - burial 54; 13 - burial 2; 14 - burial 65. The scale is different. 1,6,9 - bronze; the rest - pottery.

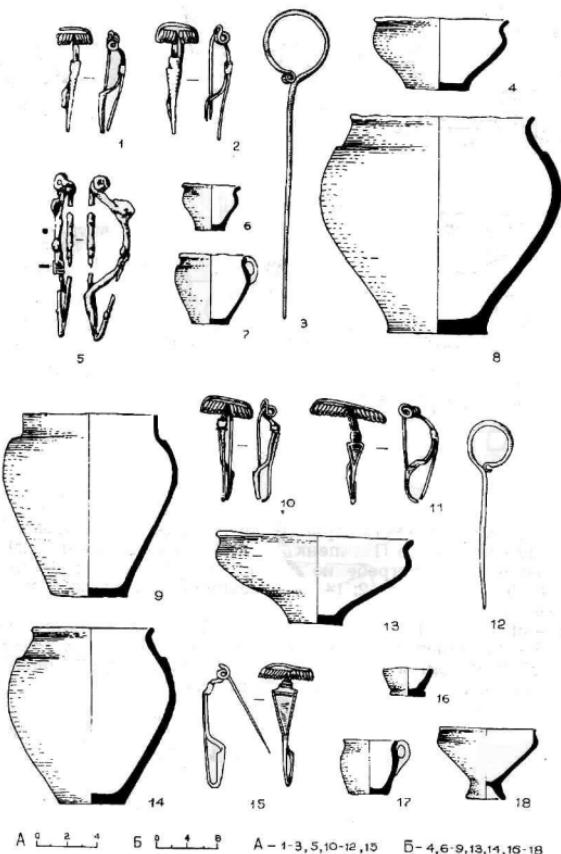

Рис.7 Комплексы погребений ранней фазы могильника Велемичи II полесского варианта зарубинецкой культуры. 1-8 - погребение 104; 9-13 - погребение 105; 14-18 - погребение 24. 1-3,10-12,15 - бронза; 5 - железо; 4,6-9,13,14,16-18 - керамика.

Fig.7 Burial complexes of the early stage of the cemetery Velemichi 2 (the Polesje version of the Zarubintsy Culture). 1-8 - burial 104; 9-13 - burial 105; 14-18 - burial 24. 1-3,10-12,15 - bronze; 5 - iron; 4,6-9,13,14,16-18 - pottery.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

NEW PUBLICATIONS

ВОПРОСЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

J.-Cl.Gardin. 1991. *Le calcul et la raison. Essais sur la formalisation du discours savant.* Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 293 pages, illustrated. Paris.

F.Djindjian. 1991. *Méthodes pour l'archéologie.* 403 pages, illustrated. Paris:Armand Colin.

Одновременное появление двух обобщающих работ по формализованному анализу археологического знания и источника показательно само по себе. После широкого внедрения в археологию количественных методов в 60-х годах (Ковалевская 1965,1970,1974, 1976; Doran, Hodson 1975), когда надежда на решение с их помощью большей части археологических проблем многим казалась реальной, наступил период критической оценки их возможностей с явной тенденцией к ограничению области применения частными, специальными задачами. Хотя сейчас практически каждое более-менее подробное описание материала обязательно включает его количественные характеристики, в своей массе они ограничиваются элементарной статистикой и больше служат задачам иллюстративного плана, чем являются инструментом получения заключений. Становится все более очевидным, что статистические данные по своей природе являются самоценными и не могут напрямую привлекаться для интерпретации материала. Из количественных характеристик отдельных индустрий или культур следует только то, что они действительно являются таковыми, а их интерпретация требует методологии и понятийного аппарата отличных от понятий и методологии источниковедческого уровня. Между установлением закономерностей статистического плана и их интерпретацией необходимо присутствие как минимум еще одной процедуры, а именно - представления данных в том виде, в котором они могут быть использованы в решении научной проблематики, или, наоборот, показано, что в данной форме использованы они быть не могут (Gardin:24.171; Djindjian:325). В самом общем виде процедура эта должна состоять в "переводе" имеющихся данных из разряда источника в разряд научного факта, а наблюдений в разряд документа (Синицын 1991:108). То, что археологические источники имеют свою "грамматику", то есть набор правил, которыми регулируется процесс формообразования и этот набор представляет собой упорядоченную систему и может быть представлен в текстовом виде, заставляет видеть основную задачу "перевода" в выявлении или "вычислении" логики организации материала и приведение ей в соответствие логики и понятийного аппарата исследования (Клейн 1981; Гарден 1983:190-193). Степень адекватности изучаемых явлений получаемым на основе их анализа выводам зависит от степени взаимопроникновения двух систем ценностей - познающей и познаваемой. "Вычисленные" анализом принципы организации источника настолько оказывают влияние на логику и понятийный аппарат исследования, насколько последние способны будут осуществить их восприятие и документацию. Поэтому просто наложение исторически сложившихся в науке понятий и категорий на материал может показать только их пригодность для описания, но непосредственно не является основой анализа, то есть не ориентируется на вычленение имманентных конкретному контексту структурных единиц и правил их организации.

При всей относительности разделения формализованных и неформализованных методов (Шер 1983:24) определить контекстуальное значение описательных и классификационных единиц анализа без метаязыковой формализации материала невозможно (Мулуд 1979:107; Гарден 1983:89-90). Отсюда и две задачи анализа - формализация источника и формализация понятийного аппарата науки. При этом формализация не означает обязательного представления информации в числовом выражении; суть ее состоит в "...фиксации понятийного содержания в связанных с ним знаковых формах" (Алексеев 1981:7; также Gardin:9). Реализация одного без другого невозможна: для того, чтобы определить явление как понятие надо знать и рамки его вариабельности, и рамки вариабельности его переменных, то есть те границы за пределами которых понятие теряет свое значение; для того,

чтобы установить эти рамки, надо четко знать содержание явления, то есть его определить. Выход из логического круга при такой линейной (и, вместе с тем, для археологии самой обычной) постановке вопроса, невозможен или, наоборот, допускает, в принципе, наложение на материал любых понятийных рамок.

Причина произвольности в пользовании археологическими понятиями, по мнению Гардена, состоит в том, что обобщение наблюдений строится на естественной логике, "по своей природе механической и нормативной" (Gardin:22). Результатом ее является всем знакомая ситуация, когда после описания, классификации или сравнения материала идет фраза "из этого следует...", хотя приводимые заключения для читателя никак не следуют из предшествующего описания.

Основная задача обеих книг связана с преодолением этой ситуации: цель рассуждений Гардена состоит в том, чтобы дать суждениям "более солидные основания, чем личные впечатления" (Gardin:23); у Джинджиана несколько в более узком плане: как на основе формализованного анализа "получить информацию,рабатывающую на существующую проблематику и отличную от простой фиксации" (Djindjian:325). Предмет исследования Гардена составляет анализ дискурсивного аспекта археологии; у Джинджиана акцент переносится на практические возможности реализации научных запросов. Хотя оба автора уделяют достаточно много внимания обсуждению проблемы соотношения теории и методологии практического исследования исходным для обоих не является ни теория, ни эмпирические данные, которые, по их представлениям сами по себе не значат ничего без априорных представлений об их структуре и значении (Gardin:24). Вопрос к машине, проблема использования которых не обсуждается, а принимается как данность, может состоять только в упорядочении данных в соответствии с каким-нибудь алгоритмом, построенным на основании представлений об организации материала, то есть на чисто логических основаниях. Цитируемое Гарденом высказывание К.Леви-Строса "основание анализа заключается в синтезе" (Gardin:27) не объясняет конкретных форм этой процедуры, но дает представление о логической ориентации подхода.

Цель анализа видится авторами в получении знания о механизме поддержания и развития структуры текста (Gardin:34) как конструкции, "функции которой состоят в том, чтобы быть мостом между наблюдениями и теорией" (Gardin:171) или в оценке технических возможностей получения такой информации в условиях неполноты и отрывочности источника (Djindjian:325). Теория (анализа) не является ни целью, ни результатом исследования, а только "средством, дающим возможность объекту говорить" (Gardin:101). Тем самым традиционное противопоставление индукции и дедукции, если не снимается целиком, то находит наиболее рациональное разрешение через формализацию знания как "сверху", так и "снизу" (Кураев 1977:71). Анализ исходит из содержания объекта, но содержания опосредованного системой ценностей исследователя, внутри которой объект рассматривается (Gardin:236) и выработанных на этой основе правил и категорий его документации. С одной стороны, анализ имеет у Гардена описательную основу, с другой, предполагает нормативные логические рамки. Этим определяется уровень точности гуманитарного знания, отличный от такового у точных и естественных наук с одной стороны и литературы с другой (Gardin:30). Такое понимание сочетания дескриптивности и нормативности анализа приводит Гардена к довольно необычному пониманию и научной рефлексии, и собственно объекта исследования не как чего-то устойчивого, а как текстовой информации в ее становлении и развитии. Логичным кажется утверждение, что по мере развития изменяется не только понимание объекта исследования, но меняется и сам объект по мере изменения связей и отношений, в которые он включается (Gardin:206). Нетрудно видеть, например, что палеолитические рубила являются для современного исследователя иным источником информации и рассматриваются в иных системах отношений, чем это было у Г.Мортилье или С.Н.Замятнина, и требуют иного вида анализа. Логика вещей у Гардена, "если такая существует, это не логика открытия, а логика обоснования" (Gardin:71); ценность гипотезы или заключения не сводится к их подтверждению или опровержению, а состоят в оценке их эмпирических оснований. Поэтому теория в концепции Гардена является только средством и поэтому он не испытывает потребности в единой теории. Признается возможность существования независимых теорий анализа, теории стиля... (Gardin:102), которые проходят оценку двумя тестами: тестом диагностики, направленным на определение степени достоверности понимания теста, и тестом симуляции, направленным на определение оптимального способа его представления (Gardin:104). Принципиальное значение при этом имеет семиотический (направленный на определение соответствия обозначаемого и обозначающего) и лингвистический (ориентированный на организационное представление формальных соотношений), анализ, взаимосвязь и взаимообусловленность которых определяется

единством их метаязыковых показателей, а различие - различной функциональной нагрузкой (Gardin:155). Современное состояние как теоретических, так и методических оснований этих видов анализа, по мнению Гардена, характеризуется, однако, преобладанием негативных оценок (нет соответствия между теорией значения и методом, между содержанием "документа" и теми вопросами, которые к нему предъявляются...), пути преодоления которых также нельзя считать достаточно ясными, но, скорее всего, связанными с наименее разработанной областью "операционного контекста" анализа на основе концепций лингвистических структур и соответствия их "рамок" "рамкам" реального мира (Gardin:162). Отдельную область при этом составляют принципы построения и информационная нагрузка специального (LS), естественного (LN) и документального (LD) языков анализа.

Поскольку любой археологический феномен является одновременно и единичным, и множественным, то любая оценивающая его теория будет и предопределяющей и неопределенной (Gardin:31). Выбор оптимальных установок предполагает наличие двух планов рассмотрения: собственно логических конструкций и их эмпирического контроля (Gardin:70). И то, и другое зависит от системы, внутри которой материал и проблема рассматриваются, то есть в принципе выводимы из контекста теории и эмпирического контекста рассматриваемого явления. При всей логичности этого положения здесь заключается наибольшая трудность, поскольку действительно, "тщательный подбор условий может сделать почти любую гипотезу согласующейся с феноменами" (Поппер:110).

Хотя Гарден признает, что логический анализ оценивается через свою альтернативу и сам по себе остается немым (Gardin:260), возможности такой оценки остаются неясными, поскольку неясно соотношение, допустим, лингвистического и стилистического анализа. Если же признать, что "логика знает лишь один радикальный диалог - с не логикой, с бытием" (Библер 1991:51), то принципы логистического анализа смогут быть оценены только принципами источниковедческого анализа и, скорее всего, только в рамках сходных теоретических установок. В рамках иных научных направлений (в том числе и отечественного) четкое разделение анализа знания и анализа источника было бы необходимо как средство очищения проблематики и то, что основные усилия Гардена сосредоточены на их общих логических основаниях, скорее всего, объясняется тем, что, по его же высказыванию, традиционно "эмпиризм и позитивизм во Франции имеют плохую репутацию" (Gardin:70), хотя избежать влияния логического позитивизма, скорее всего, невозможно (Трифонов 1983:242). Не отрицая возможности создания общей методологии археологического исследования на базе логического подхода, нельзя отрицать и перспективность разработки двух независимых методологических систем - источниковедческой и интерпретационной. Более того, современный уровень развития археологии характеризуется, на мой взгляд, как раз независимым развитием источниковедения и интерпретации: смена стадиального описания палеолита покультурным, например, не сопровождалась никакими изменениями принципов источниковедческого анализа (Синицын 1992:8).

Большая, чем у Гардена независимость практической археологии от теории признается и Джинджианом, хотя в отношении роли логистики в обосновании принципиальных различий между авторами нет. Джинджиан полагает существование обособленной археологической эпистемологии, не связанной с меняющимися парадигмами, которая и обеспечивает поступательное развитие познавательных возможностей археологии (Djindjian:334). Определяя основную задачу археологии как "реконструкцию культурных систем прошлого в условиях неполноты источника" (Djindjian:IX) он делает акцент на характеристике технических возможностей археологии. Область применения формализованных методов анализа по книге Джинджиана практически совпадает со сферой археологической практики. Глоссарий методов и проблем, для решения которых они применяются, составил главу значительного объема. Вместе с тем, как отмечено во введении, написанном Гарденом, эта книга не только учебник статистики для археолога и не обзор методических принципов формализации археологического материала, а определенный этап оценки познавательных возможностей науки и, одновременно, этап практической оценки современного уровня развития научной проблематики.

По сравнению с подобными изданиями (Doran, Hodson 1975; Каменецкий, Маршак, Шер 1975; Федоров-Давыдов 1987; Shennan 1988) книга Джинджиана выделяется, в первую очередь, полнотой и объемом привлекаемого материала. Библиография, по понятным причинам не включающая, к сожалению, русскую литературу, является на сегодняшний день самой полной сводкой использования в археологии количественных и компьютерных методов анализа. Их применение как в полевых

(разведки, раскопки, стратиграфические исследования...), так и в кабинетных исследованиях (от классификаций материала до реконструкции ландшафтно-климатической обстановки) прекрасно демонстрирует открываемые ими возможности. Вместе с тем, имея в книге не просто подборку примеров использования разнообразных методик, а организованную их систему, естественно возникает вопрос о границах их применения. В принципе, любая информация может быть formalизована практически с любой степенью детализации; любая, сколь угодно абстрактная, идея и ход любого рассуждения могут быть представлены в виде символов и отношений; любые качественные различия могут быть выражены в количественной форме. Однако, без жестких рамок сферы применения методики теряют свою конкретность и определенность. Как в кибернетике после необходимого этапа определения ее возможностей возникла необходимость решения вопроса: чего не могут вычислительные машины (Дрейфус 1978), так и в любой конкретной науке сфера применения методов и частных методик должна быть определена с максимально возможной точностью.

Компьютеризация практически всех сфер научной деятельности не вызвала нивелировки их методических принципов; скорее наоборот - отчленение того, что присуще всем стохастическим процессам означает более четкое определение специфических характеристик материала и, соответственно, определение специфики их изучения. Высказывание Джиндзиана: "археология не существует, точнее существует несколько археологий" (Djindjian:327) становится понятным, если признать, что археология не обладает собственной методологией изучения массовых явлений, отличной от общестатистической методологии. Этим обусловлен современный отрыв источниковедения от интерпретации, хотя опыт гуманитарных дисциплин с более развитой чем у археологии парадигмой, в первую очередь лингвистики (Лайонз 1978; Поляков 1987), показывает наличие специфических приемов использования количественных методов в formalизации процессов языкового формообразования. Соединение методических принципов источниковедения и интерпретации в археологии связывается Джиндзианом, прежде всего, с логистическим анализом языка представления археологической информации, что позволяет рассматривать позиции авторов обеих обсуждаемых работ в рамках одного направления.

Появление обобщающих монографических исследований, как правило, принято связывать с определенным этапом в решении проблем, которым они посвящены. В данном случае, такое заключение - не просто дань традиции. Хотя оба автора высказывают свою приверженность определенным традициям (не случайно, что историографические главы в книгах занимают значительный объем) и эволюционному развитию археологического знания, перспективы его развития они связывают с необходимостью ряда качественных изменений. Для Гардена это, в первую очередь, развитие методов квалификации, логической диагностики и фиксации событий, которые на современной логической и технической базе археологии могут быть реализованы только частично (Gardin:230), для Джиндзиана - совокупность методических и практических задач, направленных на увеличение информативности материала и на смену ориентации практических исследований в сторону расширения контекста связей и отношений объекта изучения. Оба эти момента, в принципе, должны обусловить развитие оценочного и диагностического аппарата археологии (Djindjian:339).

- АЛЕКСЕЕВ, Б.Т. 1981. Философские проблемы formalизации знания. Ленинград:Ленинградский университет.
- БИБЛЕР, В.С. 1991. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введение в двадцать первый век. Москва:Политическая литература.
- ГАРДЕН, Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. Москва:Прогресс.
- ДРЕЙФУС, Х. 1978. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума. Москва:Прогресс.
- КАМЕНЕЦКИЙ, И.С., Б.И.МАРШАК, Я.А.ШЕР. 1975. Анализ археологических источников (возможности formalизованного подхода). Москва:Наука.
- КЛЕЙН, А.С. 1981. О языке вещей // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири (ред. Л.М.Плетнева):16-18. Томск:Томский государственный университет.

- КОВАЛЕВСКАЯ, В.Б. 1965. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки (ред. Б.А.Колчин). Материалы и исследования по археологии СССР 129:286-301. Москва.
1970. Центр анализа археологических источников во Франции (CADA, Марсель) // Статистико-комбинаторные методы в археологии (ред. Б.А.Колчин, Я.А.Шер):211-217. Москва:Наука.
1974. Рецензия на: *Les méthodes mathématique de l'archéologie*. Paris. 1972 // Советская археология 2:290-294.
1976. Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе // Советская археология 2:257-264.
1983. Рецензия на: J.-C.Gardin. *Une archéologie théorique*. Paris.1979 // Советская археология 3:235-241.
- КУРАЕВ, В.И. 1977. Диалектика содержательного и формального в научном познании. Ленинград:Наука.
- ЛАЙОНЗ, Дж. 1978. Введение в структурную лингвистику. Москва:Прогресс.
- МУЛУД, Н. 1979. Анализ и смысл. Москва:Прогресс.
- ПОЛЯКОВ, И.В. 1987. Лингвистика и структурная семантика. Новосибирск:Наука.
- ПОППЕР, К.Р. 1983. Логика и рост научного знания. Избранные работы. Москва:Прогресс.
- СИНИЦЫН, А.А. 1991. Анализ и язык анализа археологических источников // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Археологические изыскания I:105:112. Ленинград.
1992. П.П.Ефименко и современная проблематика изучения палеолита // Проблемы палеолита Восточной Европы. Краткие сообщения Института археологии 206:6-11.
- ТРИФОНОВ, В.А. 1983. Рецензия на: J.-C.Gardin. *Archaeological constructs*. Cambridge.1980 // Советская археология 3:241-246.
- ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, Г.А. 1987. Статистические методы в археологии. Москва:Высшая школа.
- ШЕР, Я.А. 1983. Вступительная статья к: Ж.-К. Гарден. Теоретическая археология:5-28. Москва:Прогресс.
- DORAN, J., F.R.HODSON. 1975. Mathematics and computers in archaeology. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- SHENNAN, S. 1988. Quantifying archaeology. Edinburgh: Edinburgh University Press.

А.А.Синицын

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН, Отдел палеолита.

АРХЕОЛОГИЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

A.Galley. *L'Archéologie Demain*. 320 pages, 64 figures.1986. Paris:Pierr Bellfond.

Книга профессора Женевского университета Алена Гале "Археология завтрашнего дня", недавно вышедшая в Париже, поднимает ряд важных проблем теоретической археологии. А.Гале принадлежит к среднему поколению западноевропейских археологов. Он называет себя учеником А.Леруа-Гурана; однако его труд лежит в русле исследований другого крупного археолога-теоретика Ж.-Кл.Гардена.

Появление книги А.Гале, равно как и других теоретических исследований, изданных на западе за последние годы, связано с растущим разрывом между эмпирическим археологическим материалом и содержательными построениями, призванными этот материал истолковать.

А.Гале призывает к осмысливанию археологии как самостоятельной научной дисциплины, важнейшим атрибутом которой, по его мнению, является установление "внутреннего порядка", то есть понятийной сетки, упорядочению взаимоотношений между основными категориями понятийного аппарата. По мнению А.Гале, археология должна совмещать в себе этнографию (как ее понимают на западе) и историю. Первая - призвана выявить закономерности, свойственные культурам и их смене во времени; вторая - уловить "сценарии", проявившиеся в конкретном развитии отдельных народов.

Во II главе своей книги А.Гале производит критический анализ современного состояния западной теоретической археологии. Основное внимание при этом уделяется "идеям и концепциям", унаследованным, как он считает (с.46), от историко-социальных и биологических учений XIX в. Определенный интерес представляет предложенная А.Гале типология теоретической археологии, где выделено 4 основных направления:

1) описательное направление: "археология должна описывать, но не интерпретировать свои данные". Стержневым положением здесь является понятие "неразложимости фактов социальной жизни прошлого". Критически оценивается конструирование универсальных банков археологических данных как попытка решения всех археологических проблем (Аде Люмлей). А.Гале справедливо приводит пример трасологии, разложившей неразложимый археологический объект - артефакт.

2) "Археология событий", наиболее ярким проявлением которой были диффузионистские построения О.Монтелиуса и Г.Чайлда. Недостатком этого направления является монотезиский принцип выделения археологических культур, которые при этом отождествляются с этническими и лингвистическими общностями.

3) "Антропологическая" или "процессуальная археология", к которой относится "новая археология" США и близкий к ней К.Ренфро. Основными принципами этого направления являются дедуктивная исследовательская процедура, системное рассмотрение культуры как целостной категории, что требует целостного системного изучения всех сторон человеческой деятельности; эволюционизм в нео-дарвинистском толковании. Основные недостатки: формальное понимание принципа системности, произвольный выбор переменных, игнорирование социальной структуры, экологических ограничений и прочие.

4) "Контекстуальная", "символическая" или "структурная" археология, восходящая к структурализму Кл.Леви-Стросса, наиболее решительным сторонником которой ныне является Иан Ходдер. Основное содержание этого направления состоит в поиске общих закономерностей и символов, имеющих над- или межкультурный характер. При этом предполагается, что наблюдаемые явления культуры являются символическим выражением идей прошлого. Пример такого подхода - исследование западноевропейских мегалитов (К.Ренфро), которые рассматриваются как межкультурные явления, возникающие на определенном этапе социального развития первобытного общества ("вождества"), а также аналогичный подход к изучению культуры колоколовидных кубков. По мнению А.Гале, недостатком этого направления является его расплывчатый характер, оставляющий простор для ненаучных спекуляций. Критически оценив современное состояние теоретической мысли в археологии, А.Гале делает попытку создать свою собственную теорию: рассматривая развитие эволюционной биологии, А.Гале отмечает существование, с одной стороны, сценариев, описывающих морфологическое развитие отдельных видов и их смену во времени, и, с другой стороны, - вероятностных теорий, объясняющих различные аспекты эволюционного процесса. Исходя из биологической модели, А.Гале выдвигает предположение о том, что и археология должна различать сценарии - историческое и географическое описание конкретных реалий, и закономерности, выводимые из этих сценариев.

Анализ эмпирического материала, согласно А.Гале, открывает путь к построению более широких выводов, в частности, предложений (predictions) и законов (lois), устанавливающих связь явлений и порождающих их условий, а также прогнозов (pronostics) как в отношении будущего, так и прошлого (заполнение лакун, вызванных недостатком данных). Общая неопозитивистская концепция автора проявляется в его утверждении (с.125) о том, что законы ни в коей мере не влияют на сценарии, реконструируемые на основании эмпирических данных.

В следующих двух главах А.Гале развивает концепции Ж.-Кл.Гардена относительно природы археологического знания и относительно этноархеологии. Вслед за Ж.-Кл.Гарденом, А.Гале различает 4 ступени археологического анализа: живая культура или исходная популяция (PO); сохранившиеся археологические остатки - наблюдаемая популяция (P1); извлеченные археологические остатки - увиденная популяция (P2); изученные археологические остатки - изученная популяция (P3). На каждой ступени происходит потеря информации, вследствие чего реконструируемые сценарии являются лишь гипотетическими реконструкциями.

В главе, посвященной принципам этноархеологии, А.Гале критикует различные детерминистические модели, жестко связывающие исторические процессы с действием тех или иных факторов (экологический детерминизм, биологический детерминизм). Вызывает удивление, что в ту же категорию автор зачислил "марксистские" теории (скорее всего, здесь имеются в виду различные

вульгаризаторские построения, в большом числе появившиеся в последнее время на западе). А.Гале относит их к разряду "технико-экономического детерминизма".

Этим моделям А.Гале противопоставляет этноархеологию, позволяющую по его словам (с.с.176,200), с одной стороны, обогатить интерпретационные возможности, с другой - резко ограничить их определенным контекстом. В более общих терминах, этноархеологическая интерпретация описывается формулой: "если..., то...". По мнению А.Гале, этноархеологические параллели позволяют осуществить следующие реконструкции: (а) технологию и функции; (б) экономику и обмен; (в) социальную жизнь; (г) религию и символическое мышление.

В перспективе предполагается построение компьютеризированной "экспертной" системы, которая смогла бы осуществлять наиболее обоснованные интерпретации археологических данных на основании логического анализа высказываний наиболее авторитетных специалистов.

VI глава ("Поиски порядка"), посвященная процедуре археологического исследования, также как и предыдущие, в большой мере основана на идеях Ж.-Кл.Гардена. А.Гале здесь отличает внутренние свойства археологического объекта (физические, геометрические, семантические) от их внешних свойств (место, время, функция). Археологический анализ по Ж.-Кл.Гардену и А.Гале, сводится, во-первых, к отысканию "хронологического порядка", то есть к археологической серийности (в абсолютных датах или в чисто археологических категориях); во-вторых - "к поиску порядка в пространстве", то есть обнаружению внутренней структуры археологических объектов, их связей и группировок в синхронном срезе, а также в определении функции.

VII глава посвящена значению изложенных выше теоретических положений для практического изучения археологических памятников. Основное положение автора сводится к необходимости определения тактики исследования археологических объектов, исходя из общих задач научного поиска (граф - рис.49). Такими общими задачами могут быть: исторические, этнологические, экологические и прочие. До начала практического исследования, необходима оценка изученности, выявление "белых пятен", построение априорных гипотез. Тактическое решение зависит от целого ряда ограничений (наличия людей, технических возможностей).

Сущность археологического памятника, подвергающегося непоправимому разрушению в процессе исследования, предполагает руководящий принцип: получение максимума информации с минимумом раскопанной площади.

Соотношение временных и пространственных аспектов археологического объекта определяет другой тактический принцип: на начальных этапах наибольшее внимание уделяется вертикальной составляющей (стратиграфии), на поздних - горизонтальной (увеличению площади раскопа).

Говоря об археологии будущего, А.Гале первоочередной задачей называет конституирование археологии как самостоятельной науки. При всей важности междисциплинарных исследований, археология должна, прежде всего, выработать свои собственные методы исследований. Говоря о содержании археологии будущего, А.Гале высказывает мысль о том, что она должна сочетать в себе исторические и антропологические элементы, извлекая и те и другие, прежде всего, из этноархеологии. Говоря о форме, А.Гале отмечает, что археологии необходимо разработать свой собственный - краткий и точный - описательный язык.

П.М.Долуханов.

Department of Archaeology. University.

Newcastle upon Tyne. Great Britain.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, РЕСТАВРАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ - ОПЫТ СЛОВАЦКИХ АРХЕОЛОГОВ

Studijné zvesti Archeologického ustanov Slovenskej Akadémie vied 26/2 cast. Archeologické pamätníky - výskum, ochrana a využitie pre potreby spoločnosti. 196 s., 13 obr. 1990. Nitra.

Рецензируемое издание, посвященное проблемам исследования, реставрации, консервации и использования памятников архитектуры и археологии насчитывает более 400 страниц текста, снабженного чертежами и фотографиями. Оно представляет собой сборник из 25 статей, которые будучи объединены единой темой, пытаются с разных сторон и на примере различных памятников обозначить существующие проблемы и наметить возможные пути их решения. Тема, затронутая словацкими коллегами, тем более актуальна, что проблемы охраны и использования памятников истории и культуры достаточно остро стоят в настоящий момент во многих странах, в том числе и в России. Таким образом, опыт словацких специалистов в этой области может указать на новые, нетрадиционные пути решения существующих вопросов.

Очевидно, что основным в области охраны и использования памятников в любой стране являются вопросы государственного законодательства и подзаконных актов, определяющие позицию государства, а также права и обязанности государственных органов в этой области. Характерно, что изменение политики в области охраны памятников иявление нового законодательства приходится на последние пять лет. В частности, в Словакии новый закон об охране памятников вступил в силу в 1988 г. На наш взгляд, крайне интересна та специфика, которая отличает этот закон от правовых норм, действующих, в частности, в России. Во-первых, неожиданным и не вполне понятным является положение, по которому памятником культуры является только тот объект, который Министерство Культуры признало таковым и внесло в специальный список. Остается неясным, как организуется охрана исторических памятников с момента их обнаружения до их включения в государственный список. Тем более, законом не рассматриваются случаи, когда археологический памятник не подвергался масштабным исследованиям, что не позволяет сделать заключение о его значимости, или вообще неизвестен специалистам-археологам. В последнем случае опасность разрушения особенно велика. Во-вторых, крайне важным и весьма интересным является положение о том, что историческим и культурным памятником может являться не только собственно артефакт, но и природный ландшафт, в котором они найдены. В-третьих, достаточно своеобразна, с точки зрения российских археологов, система предоставления права на производство археологических раскопок. Согласно закону 1988 г., в Словакии право ведения археологических работ имеет исключительно Археологический институт Словацкой Академии наук, однако, в некоторых случаях Министерство Культуры, по согласованию с Археологическим институтом, может предоставлять право на проведение раскопок другим организациям, например, музеям. Необычно то, что правом ведения археологических работ пользуются именно организации, а не физическое лицо, конкретно организующее работы на раскопе.

Кроме своеобразия нового законодательства, сборник достаточно подробно анализирует повседневные проблемы, связанные с конкретными мероприятиями по охране и использованию памятников истории и культуры. Пожалуй, наиболее часто упоминаемой проблемой, являются вопросы недостаточного финансирования проекта или полное отсутствие государственных средств на ведение консервационных и восстановительных работ. Эти проблемы, очевидно, являются общими не только для наших стран, но и для всего мира. Также сходными, по всей вероятности, являются и пути их решения, которые намечены в сборнике: привлечение инвесторов, по возможности будущих владельцев или пользователей реконструируемого памятника. Гораздо более сложными, поскольку требуют дополнительных организационных усилий, являются вопросы разделения обязанностей и

ОБРАЗ ЗВЕРЯ В ИСКУССТВЕ ПАЛЕОЛИТА

Henri Delporte. *L'Image des Animaux dans l'Art préhistorique*. 254 pages, 289 figures en texte. 1990. Paris: Picard.

Рассматриваемая книга является, по существу, закономерным продолжением труда маститого французского ученого Анри Дельпорта, посвященного образу женщины (*L'Image de la Femme dans l'Art préhistorique*. 1979. Paris: Picard). В кратком предисловии автор отмечает, что предыдущая книга была основана на четко выделенном круге источников и ее построение было простым и логичным по географическому принципу. В новой книге, учитывая необъятную представительность анималистического искусства палеолита принят не географический, а тематический план с определенной избирательностью. Цель книги - не составление огромного каталога, но представление образца, значимого с различных точек зрения. Это детально рассмотрено в последующем изложении, где А.Дельпорт неоднократно подчеркивает, что исчерпывающее изучение палеолитического анималистического искусства невозможно.

Книга А.Дельпорта написана с материалистической позиций. В ней отчетливо ставится вопрос о существовании взаимоотношений между палеолитическим человеком и окружающей средой. "Эти связи подразумеваются в диалектической форме сложной системы действий и реакций между человеком и элементами, которые составляли его среду" (с.10). Во введении А.Дельпорт, прежде всего, определяет хронологические рамки палеолитической эпохи и периодизацию внутри ее, а затем переходит в область палеоэтнологии. Он отмечает, что начатое в СССР изучение структур жилищ и поселений развилось в Центральной и Западной Европе; останавливается на вопросах техники охоты, расчленения добычи и факторах, связанных с палеоэкологией.

Раскрывая ориентацию и структуру работы, А.Дельпорт подчеркивает свое преимущественное положение хранителя Музея Национальных Древностей Франции, обладающего самой престижной в мире коллекцией палеолитического искусства. Созданный недавно при музее Центр информации и документации А.Брейля значительно облегчил работу. Вместе с тем, А.Дельпорт обращается к наскальному искусству, главным образом, для установления существенных корреляций.

Построение книги логично и легко для восприятия: дефиниция и история исследования, описание, интерпретация.

В части первой А.Дельпорт дает широкую дефиницию искусства вообще, как творческую деятельность, которая характеризуется только ей свойственной методологией и технологией, а также мотивацией. Мотивация выражена, с одной стороны, в передаче личной концепции, а с другой, в желании вызвать реакцию, часто эстетическую, но иногда связанную с эмоцией морального, религиозного и т.д. вдохновения, индивидуального или коллективного, превосходящего субъективное понятие красоты. Важно подчеркнуть убеждение А.Дельпорта, что такая исчерпывающая дефиниция охватывает и палеолитическое искусство.

Уделяя большое внимание различным курьезам, "фигурным камням", о которых писал еще Ж.Буше де Перт, поискам палеолитического человека в области формы и симметрии каменных орудий, начиная с ашельских бифасов; нарезкам на костях и камнях в мустерьскую эпоху А.Дельпорт упоминает в том же ряду и высказанную А.Д.Столяром гипотезу о натуралистической фигуративной деятельности.

Что касается собственно палеолитического искусства, А.Дельпорт останавливается на различии между наскальным искусством (*le pariétal*) на стенах, а иногда на потолке и полу гrotov и навесов и искусством малых форм (*le mobilier*), то есть предметов, которые могут быть перемещены в пространстве.¹ Раскрывается, хотя и далекое от абсолюта различие фигуративного (изобразительного) и не-фигуративного искусства, сущность и сюжеты первого.

¹ Иногда на русский язык термин *l'art mobilier* переводят как "мобильное искусство", но мобильное - это то, что движется самостоятельно, в данном случае, правильнее было бы сказать "движимое".

История знаний о палеолитическом искусстве малых форм делится А.Дельпортом на три периода: от начала до 1870 года; после 1870 года - эпоха Э.Пьетта и после 1900 года - эпоха А.Брейля. Большой интерес представляет раскрытие А.Дельпортом тезиса, что даты первых открытых остаются неточными и дискуссионными и что приоритет в этой области должен быть отдан швейцарцу Ф.Майору, нашедшему просверленный жезл с декором на стоянке Вейрье в Верхней Савой между 1833 и 1838 гг. Четко показано лавинообразное и все более распространяющееся вширь накопление открытых. Отдельно, что вполне оправданно, рассматривается история знаний о наскальном искусстве, признание которого было более трудным. А.Дельпорт критически представляет развитие взглядов на хронологию искусства малых форм. Роль Э.Пьетта и роль А.Брейля отражены именно в этом разделе. Большое место отведено хронологической схеме А.Леруа-Гурана, основанной на выделении стилей. Эта схема преодолевает противоречия систем Пьетта и Брейля и предлагает определенную синхронизацию между двумя главными видами искусства. Приведены замечания и уточнения схемы Леруа-Гурана со стороны М.Лорбланше, Ж.Комбье, А.Руссо и др., касающиеся, главным образом, региональных различий.

Остановившись на локализации палеолитического искусства, А.Дельпорт отмечает, что наша информация может быть несостоительной из-за условий консервации, с одной стороны, и условий исследования, с другой. Группы палеолитического анималистического искусства выделены географически и совпадают с группами изображений человека: аквитано-кантабрийская, средиземноморская, рейнско-дунская, русская (точнее было бы сказать, восточно-европейская - З.А.) и сибирская. Для последней, по мнению А.Дельпорта, представительность известного до сих пор образца наиболее спорна.

Часть вторая "Стиль и техника анималистического искусства", самая обширная по содержанию, охватывает все стороны описания. Тонкий и опытный наблюдатель, А.Дельпорт не упускает ни одного момента для характеристики изображений животных, наглядно подкрепленных примерами великолепно исполненных фотографий наиболее выразительных и художественных образов. Некоторые из них публикуются впервые.

Исключительный интерес вызывает глава первая, посвященная стилю - вопросу сложному и неясному применительно не только к палеолитическому искусству. Краткая дефиниция стиля: характер композиции и исполнения уточняется, различаются структурные и описательные элементы стиля, раскрываются эти понятия. Особо выделен вопрос о шедеврах.

В главе второй даются общие соображения о технике, рассматриваются использованные материалы, их физические качества, орудия и технические приемы. В главе третье "Анималистические жанры", самой объемистой, А.Дельпорт отмечает, что в искусстве малых форм не существует стереотипных жанров однообразной морфологии, они разделены относительно расплывчатыми границами и далеки от того, чтобы составлять гомогенные серии. В наскальном искусстве представлены три главных жанра, иногда соединенные в одной и той же композиции, иногда в одном и том же изображении. Это роспись, скульптура (рельеф) и гравюра. И в том, и в другом виде искусства вариабельность выражения и соединение технических приемов является одной из самых удивительных и самых впечатляющих черт палеолитического творчества.

Описание жанров начинается с гравюры. Дельпорт здесь, как и в ряде других мест, подчеркивает, что гравюра - жанр стиль же древний, как и скульптура - она отмечает начало художественного созидания" (с.85). Обширный и разнообразный материал рассмотрен по двум хронологическим рубрикам: ориньяк-солютре и мадлен, внутри каждой рубрики - по странам, и особо выделена наскальная гравюра.

Самостоятельным разделом идет описание двух форм, названных А.Дельпортом "переходными". Первая включает кружки, вырезанные из лопаток, и так называемые *contours découpés* - контуры, чаще всего, голов животных изготовленные из подъязычных костей, особенно хорошо представленные в среднем мадлене. Вторая - это гравюра на цилиндре - стволе рога северного оленя, обычно превращенного в просверленный жезл, и трубчатых костях птиц.

Следующий жанр - лепка: изготовление предмета в объеме из пластичной субстанции, обычно глины. Лепка представлена в различных регионах Евразии, но именно во Франции она наиболее часто встречается и оказывается наиболее зрелищной, особенно в при-пиренейских мадленских гротах: Монтеспан, Бедейяк, Тюк д'Одубер. Широко освещены и находки в искусстве малых форм, особо поставлен вопрос обжига. Отсутствие упоминания о работах П.Вэндивер из Смитсониевского института, важных для решения вопроса - одно из очень немногих упущений А.Дельпорта.

В жанр скульптуры, связанной с понятием объема, включены круглая скульптура (*ronde-bosse*) и различные виды рельефов. Для скульптуры особенно существенна роль материала, из которого она изготовлена, и, если рог и кость представляют некоторые ограничения, то камень оставляет большую свободу. Добавим к нему и бивень, хотя часто фигуры животных из бивня достаточно плоские. В этом разделе Дельпорт приводит много новых наблюдений, дает блестящее описание представительных барельефных фризов.

Касательно жанра росписи, в последнее время появилось, как отмечает А.Дельпорт, много аналитических и экспериментальных работ, прежде всего, в области применения красок. В качестве примера детально описан черный фриз из пещеры Пеш-Мерль, подробно излагаются морфология и технология рисунка и росписи, моделирование и полихромия - одно из высших достижений палеолитического наскального искусства. Вопрос использования краски в искусстве малых форм достаточно неопределенный по двум причинам: краска могла бытьмыта или смыта после извлечения предмета из слоя или предмет мог оказаться ненамеренно окрашенным из-за нахождения в слое, насыщенном охрой или углем. Однако, приведены бесспорные примеры определенной организации краски на предмете, а также соединение росписи и гравюры, частое в наскальном искусстве.

Часть третья "Организация и мотивация анималистического искусства" касается самого сложного вопроса - интерпретации. А.Дельпорт отмечает, что палеолитическое искусство, в особенности анималистическое, образует неповторимый и изумительный ансамбль, который не является изолированным или случайным феноменом, но который, несмотря на большую вариабельность, развивается относительно однородным образом на обширной зоне евразийского континента в течение нескольких десятков тысячелетий. Если понятие организации изображений, смутно предвиденное прежде, было выражено систематически, главным образом, работами А.Леруа-Гурана, необходимость мотивации ("почему?") появилась почти со временем первых открытий. Соответственно этому выделены две главы - две фазы: до создания теории организации и создание этой теории. В первой изложены различные, имевшие хождение, гипотезы: искусство для искусства, тотемизм, магия охоты и плодородия и пр. Вторая глава включает историю развития системы организации с изложением взглядов М.Рафаэля, А.Леруа-Гурана, А.Ламинь-Эмпрер; сравнительный анализ ансамбля изображений животных (*échantillon figuré*) и ансамбля фаунистических остатков (*échantillon consommé* или *culinnaire*). Большое внимание уделено организации наскальных изображений, их расположению и сочетаниям-ассоциациям, которые приводят к заключениям о смыслах и мотивации палеолитического искусства, а также возможностях применения этой системы к ансамблям произведений малых форм. Исключительно важен критический раздел, включающий также новые наблюдения и гипотезы А.Ламинь-Эмпрер (социальная теория), Д.Вилю (аркейские гроты), Ж.Сове (семиология) и особенно Л.-Р.Нужье и К.Баррьера (отражение жизни и смерти на примере Руффиньяка). Велик вклад в эти проблемы и самого А.Дельпорта. К сожалению, даже в краткой форме нет возможности дать изложение этих взглядов, несомненно заслуживающих пристального рассмотрения.

Досадно, что эта очень важная, очень информативная, полностью охватывающая все сложности изучения палеолитического искусства книга, снабжена библиографией, чрезмерно ограниченной работами только общего характера. В тексте постоянно учитываются результаты изысканий различных специалистов, но ссылки на их работы отсутствуют; знакомство с первоисточниками требует больших усилий и это определенно затрудняет научное использование такого великолепного издания, во всех других отношениях приносящего глубочайшее удовлетворение.

З.А.Абрамова. Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

Публикация подготовлена в соответствии с условиями соглашения о сотрудничестве между Институтом истории материальной культуры РАН и Университетом штата Огайо (США). Год издания 1998. Тираж 1000 экземпляров. Ученые авторы благодарят администрацию Университета штата Огайо за предоставленную возможность изучения коллекции палеолитических находок из пещеры Руффиньяка в результате совместной экспедиции 1996 года.

Издательство Университета штата Огайо несет ответственность за достоверность информации, содержащейся в настоящем издании. Права на материалы, опубликованные в настоящем издании, принадлежат Университету штата Огайо.

НОВЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ УБЕЙДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

E.F.Henrickson and I.Thuesen (ed.). Upon this foundation. - The 'Ubaid reconsidered. Proceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore. May 30-th - June 1-st 1988. 478 pages,illustrated. 1989. Copenhagen:University of Copenhagen. ISBN 87-7289-070-3. ISSN 0902-5499.

Книга "На этой основе. Переосмысление Убейда" представляет собой публикацию материалов симпозиума, состоявшегося 30 мая-1 июня 1988 г. в замке Эльсинор (Дания) и посвященного рассмотрению феномена Убейда, как эпохи перехода между неолитической революцией и урбанизацией. Энеолитический убейдский период в Великой Месопотамии - это важный этап, когда на базе производящей неолитической экономики в результате экономического, политического и социального развития общества шло формирование основ городов-государств урукского и раннединастического периодов.

В публикации материалы докладов и дискуссии распределены по шести разделам, несколько отличающимся от группировок самих докладов на симпозиуме. Раздел 1 - "Изучение убейдских поселений Месопотамии", посвящен анализу ряда новых конкретных материалов. Ж.Л.От (Университет Париж-I, Франция) в докладе "Убейдское поселение Нижней Месопотамии. Постоянство и развитие от Убейд 0 до Убейд 4 по материалам Тельль-ель-Уеди" обобщил полученные Французской археологической миссией в Ираке результаты раскопок и палеоэкологических исследований наиболее раннего из ныне известных поселений Нижней Месопотамии. Прослежено постепенное развитие общины с широким спектром экономической деятельности, практиковавшей рыболовство, собирательство и земледелие к более специализированной и дифференцированной преурбанистической социальной организации.

Ж.К.Мардженор (Университет Страсбурга, Франция) в докладе "Архитектура и общество эпохи Убейда", анализируя размеры, структуру и конструктивные особенности зданий Тельль-ес-Саван и сравнивая их с данными Хаджилара ПА/В, Ярым-Тепе и Тепе-Гавра, приходит к выводу о появлении социальной дифференциации общества в V тыс. до н.э. в периоды Убейд II/III.

С.А.Ясим (Университет Кэмбридж, Великобритания) в докладе "Структура и функции убейдского поселка" на основе материалов поселения V тыс. до н.э. Тельль-Абада в Центральной Месопотамии выделяет рядовые жилища, здания специальных функций (административных и религиозных) и технологические специализированные конструкции - зернохранилища, водоводы и гончарные печи.

М.Роаф (Университет Оксфорда, Великобритания) на базе данных архитектуры и детального типолого-топографического анализа распространения находок реконструирует занятия и, с привлечением этнографических данных, половозрастную структуру и размеры ячеек общества (семьи), которой принадлежал хорошо сохранившийся трехчастный дом убейдского времени в Тельль-Мадхур.

В раздел 2 "Стороны убейдского общества", включены работы, посвященные анализу погребений и некоторых категорий находок нетрадиционными для археологии методами.

Ф.Хол (Иельский университет, Нью-Хейвен, США), рассматривая материалы погребений с точки зрения процесса демографического и социального развития, выделяет три модели погребений, или, скорее, погребальной практики, соответствующие трем моделям архитектуры и трем стадиям развития общества Великой Месопотамии: неолит - ранний Халаф, ранне-самаррское время - средний Убейд и поздний Убейд.

Выяснению вопроса принадлежности могильников Эриду и Суз жителям самих поселений или всего района в целом, посвящен доклад П.П.Вертесальи (ФРГ) "Существовали ли супралокальные могильники в Южной Месопотамии в позднем энеолите?".

В рамках формальной логики и некоторых этнографических построений Ж.Д.Форес (ЦНРС, УРА 8, Париж, Франция) в докладе "Неурукские фишечки и обмен женщинами" предложил новую интерпретацию глиняных фишечек позднеубейдского времени как знаков патрилокального брака.

Второй доклад П.П.Вертесальи "Преемственность и трансформация в раннехалколитической расписной керамики Месопотамии" - это попытка с помощью методов стилистического, структуралистского, иконографического, функционального и процессуального подходов выделить устойчивую и изменяющуюся составляющие раннеубейдской орнаментации.

В разделе 3 "Экономическое и политическое развитие Убейда" включен ряд обобщающих докладов. Х.Дж.Ниссен (Независимый университет, Берлин, Германия) в работе "Убейдский период в ранней истории Древнего Ближнего Востока" характеризует собственно Убейд как стадию сходных общественных форм и запросов на всем Древнем Ближнем Востоке и как последнюю такую стадию долгого более или менее планомерного развития общества.

Ю.К.Берман (Нью-Йорк, США) в докладе "Производство керамики и социополитическая организация Сузянской равнины в течение позднего Убейда" на основании анализа керамических материалов методом нейтронной активации констатирует резкие изменения в керамическом производстве в период 12, по сравнению с комплексом Сузы А, особенно в области источников сырья, и предлагает несколько вариантов объяснения феномена перехода от использования нескольких локальных источников глины в период 12 к одному источнику или к одному центру производства керамики в период Сузы А.

С.Поллок (Городской университет, Нью-Йорк, США) в докладе "Сильные политики в период Сузы А" на основании наличия монументальной архитектуры, крупного могильника и зернохранилищ, предполагает, что поселение в Сузах периода Сузы А создавалось как политический центр Сузянской равнины и концентрировало население из других центров предшествующего времени.

Т.К.Паттерсон (Университет Темпл, Филадельфия, США) в докладе "Догосударственные общества и культурные стили в древнем Перу и Месопотамии: сравнение" показывает, что в некоторых деталях повседневности и исторических трансформаций материалы побережья Перу и Месопотамии дают много сходного. Понимание этого позволяет использовать информацию об одной цивилизации для понимания развития другой. Такие сравнения дают новые направления исследований, новые типы аргументации и новые представления о прошлом.

Раздел 4 "Развитие Убейда в Северной Месопотамии" включает всего два доклада. К.Бренек (Французская археологическая миссия, Багдад, Ирак) в работе "Происхождение культуры Убейда в Северной Месопотамии" прослеживает трансформацию халафской культуры на ее средней стадии развития под влиянием убейдской культуры юга и показывает, что северомесопотамский Убейд - поздний Халаф, восприняв в целом множество характерных особенностей Убейда юга, в то же время обладал рядом специфических, ярко выраженных особенностей в области архитектуры, керамики и терракотовой пластики.

В докладе П.Аkkerмана (Университет Амстердама, Голландия) "Традиция и изменения общества в Северной Месопотамии в конце V и в IV тыс. до н.э." на материалах архитектуры и погребений показано, что в середине IV тыс. до н.э. монотонное, недифференцированное убейдское общество начинает разлагаться. В Северной Месопотамии появляются независимые локальные социально-политические объединения, что, видимо, обусловлено более разнообразными экологическими условиями, экономика которых менее зависима от коллективных усилий, чем в обществах юга.

В 5 раздел "Районы, прилегающие к Месопотамии, в убейдскую эпоху" вошли доклады Е.Ф.Хенриксон (США) "Культурное взаимодействие убейдской традиции и Центрального Загроса, Западный Иран, по материалам керамики", К.Фрифельт (Музей Мюнхенса, Дания) "Убейд в зоне Персидского залива" и И.Тусенса (Университет Копенгагена, Дания) "Диффузия убейдской керамики в Западную Сирию".

В "Заключении" Р.Мак Адамс (Смитсониевский институт, Вашингтон, США) и Г.Т.Райт (Мичиганский университет, Анн-Арбор, США) подчеркнули, что в настоящее время ученыe вплотную подошли к решению важных вопросов фундаментальных трансформаций общества, более полному пониманию процесса формирования государственности, но необходимы, во-первых - новые, хорошо сравнимые данные по всем типам поселений, и, во-вторых - возрастание общего знания, качественно новые идеи и разнообразные подходы к изучению обмена, социальной организации и взаимодействий в предгосударственном мире Убейда.

Впечатляющим результатом симпозиума способствовали четыре фактора: 1) в 70-80е гг. памятники убейдского времени широко изучали экспедиции разных стран как в самой Месопотамии,

так и в прилегающих районах, причем значительная часть материалов этих, проведенных на современном методическом уровне, исследований, уже опубликована; 2) организаторам удалось привлечь к участию в симпозиуме большинство ведущих специалистов по данной теме; 3) предварительное ознакомление участников с текстами докладов позволило на самом симпозиуме вести, в основном, продуктивную дискуссию по проблемам; 4) оперативная (в течение 1 года) публикация материалов позволяет широкому кругу специалистов по Древнему Востоку ознакомиться с новым уровнем научных представлений об эпохе Убейда.

Л.Б.Кирчо.

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

НОВЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ГРОБНИЦ ЮЖНОЙ ШВЕЦИИ

Birgitta Hardh. Patterns of deposition and settlement. Studies on the Megalithic tombs of West Scania (Stadier utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet: Lund 1988-1989:2). 1990. 112 pages, 29 figures, Lund (Sweden): Almqvist and Wiksell International. Stockholm.

Целью рецензируемого исследования является выявление хронологических вариантов орнаментации керамики из мегалитических гробниц Западной Сконе (юг Швеции) для последующей реконструкции обрядов, имеющих отношение к гробницам носителей культуры воронковидных кубков.

Основу исследования составляет анализ орнаментации керамики двух коридорных гробниц (Хёг, Аннхилл). Объем использованной в работе керамики составил более 22 тыс. фрагментов; с привлечением материалов семи других гробниц региона количество исследованной керамики достигло 130 тыс. фрагментов. Большая их часть найдена перед входами в коридоры гробниц, где раскопки проводились в последние годы.

Для обеспечения возможности сопоставления больших групп керамики автором разработан специальный код, основанный на элементах орнамента и технике его нанесения.

Работа состоит из введения, семи глав и заключения.

В вводной части автор дает подробную характеристику памятников, которым посвящена монография, а также информирует о своем участии в их раскопках.

В первой главе описывается топография мегалитических памятников Южной Скандинавии. В ней приведены предварительные хронологические оценки комплексов, обнаруженных в коридорных гробницах и дольменах. Здесь же автор более подробно излагает цели и методы своего исследования.

Во второй главе описываются результаты недавних раскопок коридорных гробниц Хёг и Аннхилл, которые использовались для погребений и жертвоприношений на протяжении всего периода среднего неолита (III период по периодизации Монтеллиуса). В результате столь длительного функционирования гробниц перед их входами образовывались скопления керамики, насчитывающие десятки тысяч фрагментов. Эти скопления формировались двумя способами: одна их часть является остатками жертвоприношений, совершившихся перед входом в гробницу, другая - образована переотложенными материалами, которые первоначально находились в камере, а затем, при ее ритуальном очищении были выброшены наружу. Раскопки последних десятилетий, фиксирующие не

только материалы, найденные в гробницах, но и находки перед их входами, значительно увеличили объем источниковедческой базы, а также позволили зафиксировать горизонтальную и вертикальную стратиграфию упомянутых керамических скоплений.

В третьей и четвертой главах автор дает суммарную характеристику керамических комплексов коридорных гробниц Хёг и Аннхилл, а также реконструирует керамические формы.

В пятой главе анализируется орнаментация керамики из металлических гробниц Западной Сконе. Автор предлагает схему классификации орнаментов, в основу которой положены техника нанесения декора, его элементы и мотивы. Отдельно рассматривается орнаментация фрагментов, относящихся к различным частям сосудов. Особую информацию дают таблицы, в которых отражена частота встречаемости элементов и мотивов орнамента, нанесенных разными способами на разные части сосудов. Проведено взаимное сопоставление частот встречаемости орнаментальных мотивов на сосудах из гробниц Хёг и Аннхилл, а также сравнение этой орнаментации с аналогичными данными из семи других гробниц исследуемого региона.

- В шестой главе дан анализ керамических материалов, двух исследованных гробниц с точки зрения их значимости для периодизации металлических памятников Южной Швеции. Автор опирается на наблюдения Форсандера, Матиасена и Бекера, которые установили, что керамика раннего и начальной фазы среднего неолита характеризуется веревочным орнаментом. Последний часто сочетается с врезной косой сеткой, ямочными наколами и т.п. Для финала среднего неолита типичен орнамент, выполненный зубчатым штампом. В то же время, прочерченные линии и "семечковидные" отиски встречаются на всем протяжении среднего неолита, свидетельствуя об эволюционном характере развития керамического комплекса. Сопоставив эти наблюдения с результатами анализа керамики коридорных гробниц, автор делает вывод о хронологической последовательности всех гробниц микрорегиона.

При сравнении материалов из гробниц были выделены следующие группы керамики: с равномерно представленными различными комбинациями мотивов (Аннхилл и Вёстра Хоби); с ранними тенденциями в орнаментации (Хёг и Сёдервидинг); с поздними тенденциями в орнаментации (Гиллхёг и Сторегард). Кроме того, в декоре посуды были установлены локальные различия. Две гробницы в центральной части, гробницы на севере и востоке ареала (Хёг, Сёдервидинг, Аннхилл и Вёстра Хоби) дали коллекцию керамики со значительным количеством веревочного орнамента; здесь обнаружено также много комбинаций с врезной косой сеткой, с ауговидными отисками и прочерченными линиями. В гробницах, расположенных на западе и на юге региона (Гиллхёг, Сторегард и Лаккаленга), веревочная комбинация встречается сравнительно редко. Отсюда делается вывод о большей интенсивности погребальных обрядов и жертвоприношений в начальный период среднего неолита на востоке региона, по сравнению с его западной частью.

В седьмой главе рассматривается вертикальная и горизонтальная стратиграфия керамических отложений, выявленная в раскопках перед входами в гробницы Хёг и Вёстра Хоби. Кроме того, в главе дан сравнительный анализ форм и размеров металлических сооружений рассматриваемого региона. Данные горизонтальной стратиграфии свидетельствуют, в частности, о том, что более ранние материалы (толстостенная керамика с веревочным орнаментом и врезной косой сеткой) обычно встречаются непосредственно у входа в гробницу, а более поздние (тонкостенная керамика, орнаментированная зубчатым штампом) заходят дальше от входа.

В заключении, используя результаты проведенного анализа орнаментации керамики, автор выдвигает предположения о характере использования отдельных гробниц и об их роли в культовой практике в период среднего неолита. Редкость гробниц в регионе объясняется их длительным использованием, включающим периодические ритуальные очищения камер. Отдельные гробницы, по предположению автора, играли при этом роль культовых "центров", "собирая" перед своими входами обильные жертвоприношения. С течением времени роль таких "центров" могла переходить от одной гробницы к другой. В то же время, некоторые сооружения, например, Вёстра Хоби, сохраняли свою особую значимость как ритуальные "центры" на всем протяжении периода среднего неолита.

Работа Биргитты Хард представляет собой удачный пример перехода от изучения качественных признаков археологических материалов, через выявление закономерностей в их развитии, к интерпретационному уровню в исследовании. При этом автор сохраняет свойственную профессиональному остроожность в историко-культурной интерпретации полученных результатов, вынося ее на суд читателей в качестве гипотезы. Справедливо, на наш взгляд, желание автора сопоставить орнаментацию керамики из гробниц с аналогичными материалами поселений. Работа подтверждает

значимость традиционного массового материала - керамики для изучения эволюционных процессов в археологических культурах. Благодаря тщательной полевой фиксации и скрупулезной работе автору удалось (несмотря на смешанный характер комплексов) выявить отчетливо проявляющиеся тенденции развития орнаментации. В работе использована логично продуманная система организации материала (шифр техники нанесения, элементов и мотивов орнамента), а также способ графической передачи результатов статистической обработки материала. Это убеждает читателя в существовании тенденций, выявленных автором. Методика, используемая автором, пригодна к обработке массовых керамических коллекций, имеющих надежную полевую фиксацию.

Сравнивая мегалитические сооружения Скандинавии с дольменами Западного Кавказа, следует отметить, что последние, в отличие от гробниц Южной Швеции, были использованы для погребений сравнительно недолго. В кавказских дольменах найдено мало керамики, поэтому здесь нет источниковедческой базы, пригодной для статистической обработки. Качество раскопок дольменов пока оставляет желать лучшего. В связи с разработками Биргитты Хард, следует обратить внимание на выявление памятников, игравших для строителей дольменов роль культовых "центров". Для поиска таких культовых центров с их специфическими особенностями (жертвоприношения и пр.) необходимо производить раскопки широкими площадями, как это практикуется при исследовании мегалитических гробниц Скандинавии. Впрочем, такой метод уже используется отечественными археологами (А.Д.Резепкин, В.А.Дмитриев, И.И.Цвинария).

М.Б.Рысин.

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

ОТКРЫТИЕ В ХЁГОМЕ

(УНИКАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКОГО КОСТЮМА)

M.Nockert. The Högom find and other migration period textiles and costumes in Scandinavia. Archaeology and environment 9: Högom part II 157 pages, 148 figures. 1991. Umea:Department of archaeology, Umea University.

В 1991 году в серии "Археология и окружающая среда", издаваемой Отделом археологии университета Умео под редакцией Э.Боду, вышел очередной выпуск, автором которого является Маргарета Нокерт. Этот богато иллюстрированный том содержит первую полную публикацию редких по сохранности текстильных находок из захоронения в кургане 2 могильника Хёгом (Северная Швеция), относящегося к эпохе Великого переселения народов.

Курган раскопан в 1949-1951 гг. С.Ялансоном и Д.Селингом. Он представлял собой огромную насыпь, достигавшую в высоту 5 м при диаметре 40 м и содержавшую внутри каменную пирамиду высотой 3 м и диаметром 19 м, под которой в деревянной камере находилось захоронение мужчины, принадлежавшего к высшему слою местного общества. Погребение сопровождалось богатым и разнообразным инвентарем: оружием, орудиями труда, предметами быта и торговли и т.д., в том числе, несколькими золотыми украшениями.

Благодаря естественным условиям и большому количеству металла, в кургане прекрасно сохранились значительные куски одежды мужчины. Эти материалы позволяют не только выяснить покрой и тип костюма, но и понять технологические приемы изготовления тканей. Однако, значение работы гораздо шире, чем просто издание прекрасного археологического материала. В поисках аналогий автор дала описание всех наиболее выдающихся текстильных находок Северной Европы (Швеции, Норвегии и Дании). Кроме того, ее был составлен каталог всех шведских тканей периода римского железного века и эпохи Великого переселения народов, а также группы норвежских

находок (с остатками металлических застежек) эпохи Великого переселения народов. Таким образом, книга является не только серьезным исследованием, но и полезным справочным изданием для специалистов, занимающихся историей одежды.

Она состоит из 15 разделов, Глоссария, где дается объяснение специфических терминов, используемых в работе и обширной библиографии.

В предисловии (раздел 1) охарактеризованы цели издания и основные работы по изучению текстильных находок Северной Европы. Раздел 2 посвящен подробному описанию кургана, с полной характеристикой погребения. В соответствии с задачами работы в специальном разделе 3 тщательнейшим образом рассматриваются обнаруженные в погребении фрагменты тканей. Здесь М.Нокерт сначала описывает все сохранившиеся фрагменты тканей, детально останавливаясь на тканях с металлическими застежками, а затем дает интерпретацию, к каким именно частям одежды относится тот или иной кусок ткани или меха. Согласно реконструкции М.Нокерта, мужчина был одет в туникообразную рубаху с длинными рукавами и штаны. К подолу рубахи пришита широкая орнаментальная многоцветная полоса, изготовленная на дощечках. Аналогичные полосы служили также в качестве манжетов на рукавах и на штанах у щиколоток. Рукава рубахи и штаны были заужены и на манжетах застегнуты специальными пластиинами с вклепанными в них металлическими пуговицами. Через плечо погребенного был перекинут плащ. Сохранились также остатки головного убора (бобровая шапка).

В разделе 4 приводятся аналогии деталям реконструируемого костюма (тканям с застежками, многоцветным полосам и т.д.). В этой связи автор рассматривает находки из погребальных памятников Швеции (Borg, Skytterberg, Salby, Danmarksby), Норвегии (Dosen, Veiem, Evebo/Eide, Ugulen, Ovre Berge) и Дании (Sejlfod, Vognsild).

Раздел 5 посвящен техническому анализу тканей, среди которых были представлены как ткани из растительного волокна (конопли и льна), так и шерстяные. Особо автор касается вопроса об использовании конского волоса в орнаментальных полосах. В разделе 6 речь идет о красках и красителях. Анализы, проведенные в Центральной исследовательской лаборатории предметов искусства и науки в Амстердаме, показали, что туника и штаны были окрашены в красный цвет, в ленте пришитой к краю туникообразной рубахи прослеживалось два оттенка красного цвета, а также желтый и синий цвета, а в ленте, находящейся над головой погребенного - зеленый, желтый и красный. По мнению автора, красленые ткани достаточно часто встречались в памятниках эпохи Великого переселения народов в Швеции. Наряду с Хёгом, М.Нокерт приводит в пример фрагменты красленых тканей еще из 12 памятников Швеции (в основном это многоцветные полосы, сплетенные на дощечках).

В последующих разделах работы (6,7) подробно рассматривается техника шитья, то есть различные способы сшивания между собой отдельных деталей костюма и соединения тканей с орнаментальными полосами, а также техника плетения на дощечках, как отдельных лент, так и кромок ткани.

Раздел 9 касается характера орнаментации лент, выполненных в технике плетения на дощечках. Дело в том, что на фрагментах полосы, украшавшей низ рубахи со спиной, было зафиксировано стилизованное сюжетное изображение божества, у ног которого лежали два зверя, смотрящие в разные стороны (на красном фоне желтые изображения зверей с голубыми глазами). Как считает автор, подобные изображения достаточно редки в северном искусстве. М.Нокерт усматривает в данном сюжете отголоски восточной мифологии и интерпретирует зверей как львов, приводя в качестве аналогии изображения Даниила и львов на шелковой ткани VI-VII вв. из Лондонского музея. Однако, подобная трактовка данного сюжета не бесспорна, поскольку в декоративном искусстве финских племен и северных групп славян встречаются аналогичные по композиции сюжеты, которые интерпретируются как женское божество в окружении всадников или животных, чаще коней (Рыбаков 1948:102-103). И хотя эти изображения фиксируются в памятниках начала II тыс. н.э., сам сюжет восходит к периоду язычества. На наш взгляд сильно стилизованные звери из Хёгома не имеют никаких характерных признаков, позволявших однозначно рассматривать их как львов, и в равной степени могут быть интерпретированы иначе, а по общей композиции сюжета данное изображение вполне может быть включено в достаточно широкий круг североевропейских аналогий.

Специальные небольшие разделы работы посвящены рассмотрению кусков меха (10) и назначениям застежек в североевропейском костюме (11). Следует отметить, что автор, отталкиваясь

от конкретных фактов, постоянно выходит на широкие аналогии. В 12 разделе анализируется незначительный изобразительный материал, который может помочь в реконструкции костюма. Сравнивая данные по истории одежды (раздел 13), М.Нокерт привлекает материалы очень широкой территории, начиная изложение с данных по Древнему Востоку. В 14 разделе подводятся итоги исследования, а 15 - представляет собой уже упоминавшийся каталог находок.

По мнению М.Нокерта североевропейский костюм, состоящий из длинных суживающихся штанов и туникообразной рубахи, спускавшейся ниже пояса, с длинными рукавами, вероятно, сложился в период позднего римского железного века. В последующем он продолжал развиваться и был воспринят частью воинов римской армии, охранявшей восточные рубежи Империи. Причем, как считает автор, это тип костюма первоначально носили наиболее знатные воины и всадники. Он стал как бы символом высокого ранга и социального статуса человека, и именно этот факт подчеркивался характером используемых материалов, красок и орнаментации. Затем фасон этой одежды получает широкое распространение среди народов Европы.

В результате проведенного анализа текстильных находок из кургана 2 в Хёгоме, М.Нокерт исчерпывающе охарактеризовала тип одежды погребенного, сделав множество ценных конкретных наблюдений чрезвычайно важных при изучении древних тканей, а также определила значение этой одежды в контексте развития европейского костюма.

Несомненно рецензируемая книга займет достойное место в ряду специальных исследований по истории одежды.

РЫБАКОВ, Б.А. 1948. Древние элементы в русском народном творчестве. Женское божество и всадники // Советская этнография 1:90-106.

Н.В.Хвощинская.
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН. Отдел
славяно-финской археологии.

ГОРОДА ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Helen Clarke and Björn Ambrosiani. *Towns in the Viking Age*. 207 pages, 30 illustrations. 1991. Leicester and London:Leicester University Press (a division in Pinter Publishers LTD.).

Книга Хелен Кларк и Бёрна Амброзиани "Города в эпоху викингов", как отмечают в предисловии сами авторы, результат пятнадцатилетнего англо-шведского археологического сотрудничества. В ней предпринята попытка проанализировать становление и развитие городов в той части Европы, которая была затронута скандинавским влиянием в эпоху викингов (с. XI). Географически эта область охватывает территорию от России на востоке до Ирландии на западе. Хронологически рамки работы ограничиваются периодом, в основном, от VII в. до рубежа X-XI вв.

За последние десятилетия появилось множество изданий самого разного характера - от красочных каталогов до фактологических научных отчетов о раскопках, посвященных викингам, история и культура которых всегда вызывала и вызывает повышенный интерес как ученых, так и широких кругов европейской общественности. Однако, по мнению Х.Кларк и Б.Амброзиани, имеется одна сторона их культурной истории, которая оставалась в тени, а именно, рассмотрение викингов, как основателей и строителей городов. Речь, конечно, не идет об истории того или иного центра или территории, а об исследовании общеевропейского плана. Данный факт, как подчеркнули авторы книги, и определил выбор ее тематики (с.1).

По стилю изложения, труд Х.Кларк и Б.Амброзиани о городах мира викингов относится к широкораспространенному в Западной Европе типу научных книг, одновременно расчитанных на широкого читателя. Это не снижает его научной значимости, но определяет характер подачи материала, язык работы и несколько облегченный справочный аппарат.

В понимании города, как особого типа поселения, Х.Кларк и Б.Амброзиани придерживаются определения города, предложенного в 1977 г. Сусанной Рейнолдс: "Постоянное поселение... значительная часть населения которого живет за счет торговли, ремесла, административной

деятельности и других неаграрных занятий... оно образует социальную общность более или менее отличную от окружающей сельской местности". В 1987 г. С.Рейнодс добавила, что город "живет за счет продуктов питания, поставляемых окружной, и снабжает последнюю другими товарами, выполняя по отношению к ней служебные функции" (с.3). Данному определению чужд абстрактный социологизм, которым в последние годы так грешила советская наука, и его следует признать удачным.

Книга состоит из восьми глав, в первой из которых излагаются задачи издания и авторский подход к их решению, вторая и третья посвящены анализу городов Северо-Западной Европы до конца VII в. (Глава вторая) и в VIII-IX вв. (Глава третья), а четвертая - городам на родине викингов. В пятой главе рассматриваются вопросы экспансии викингов в Британию, в шестой - города славяно-балтийского ареала. Седьмая глава посвящена анализу структуры городов и их экономики: топография, коммуникации, администрация, улицы и планировка, типы построек, укрепления, кладбища, состав населения, ремесла, торговля и т.д. Наконец, в заключительной главе авторы намечают круг проблем, стоящих перед исследователями городов.

В целом структура книги достаточно логична. Она исходит из того, что урбанизация в Северо-Западной, Северной и Восточной Европе во второй половине I тыс. н.э. шла различными путями. Это было обусловлено тем, что если в Британии и Галлии после краха западноримской империи в V в. возрождение городов проходило на основе прежних римских центров и сохранившихся традиций (хотя Галлия и Британия имели свою специфику), то к востоку от Рейна, на Балтике, в Скандинавии и на Руси, подобного наследия не было.

Х.Кларк и Б.Амброзиани приводят обширный конкретный материал, полученный в последние годы при археологическом изучении многих городов, избрав при этом не столько концептуальный, сколько описательный путь изложения материала, поочередно рассказывая о памятниках отдельных территорий. Особенно подробно сообщаются данные о городах Скандинавии и Британии, более облегченно - о городских центрах северо-восточной Германии, северной Польши, и, особенно, Руси. Авторами книги сделан целый ряд интересных конкретных наблюдений, предложена оригинальная интерпретация известных фактов. Можно было бы пожелать расширить изложение материала по отдельным пунктам, указать на некоторые фактические неточности, но главный интерес в книге, конечно, представляет общий подход Х.Кларк и Б.Амброзиани к анализу процесса урбанизации в Европе.

Здесь мы подходим к основному противоречию рецензируемой работы. Дело в том, что вопреки сформулированной ее главной цели - общеевропейскому анализу городов VIII-X вв. на обширной территории от Ирландии до Руси, входившей в зону влияния скандинавских культурных традиций, и выяснению роли викингов, как основателей и строителей городов, предложенное раскрытие темы оказалось уже. Решение поставленной задачи возможно лишь при конкретном ответе на вопрос о роли (вне собственно Скандинавии), которую сыграли викинги в истории того или иного центра (Волина или Колобжега, Ладоги или Гнездова и т.д.). Х.Кларк и Б.Амброзиани, однако, не проделали подобной работы, они ограничились выборочным (без специального анализа) привлечением к рассмотрению тех городских центров, причем далеко не всех, в слоях которых обнаружены следы материальной культуры скандинавов (если иметь ввиду территорию Руси, то нет Сарского городища, Тимеревского комплекса, Шестовиц и т.д.). Естественно, в наши дни такой подход вряд ли может удовлетворить читателя. Говорим ли мы о городах викингов или о городах, где найдены предметы северной культуры, называя, к примеру, Ладогу, Новгород или Киев, при решении общих проблем, мы не можем игнорировать Псков, Изборск или Торопец.

Подобный материал в рецензируемой книге отсутствует. Однако, даже то, что упомянуто, охарактеризовано весьма суммарно. Так, материалам Ладоги - одного из древнейших поселений Балтийского региона, основанной низовьях Волхова в 760-е годы, удалено лишь около страницы текста. Вместе с тем, понимание "феномена" Ладоги имеет ключевое значение не только для территории Руси, но и для всей европейской истории. Чем объяснить внезапное и яркое возникновение этого торгово-ремесленного и военно-административного поселения на самой северной окраине славянского мира в середине VIII в., то есть до начала широких викингских походов и массового поступления восточного серебра на Балтику? Каким потребностям отвечало основание этого древнего поселения, опередившее основание Бирки, или, по крайней мере, синхронное самым ранним ее стадиям? Какова роль славян, скандинавов, финнов в основании Ладоги и место этих групп населения в ее составе, ведь материальная культура и различные типы

погребальных древностей говорят об его полизначности и отличаются большим своеобразием? Ответа в книге мы не находим, но без него практически невозможно приступить к решению более общих проблем становления балтийских городов.

Утверждение, что "в конце IX в. Старая Ладога, Рюриково городище и, возможно, даже Гнездово были не более, чем маленькими укреплениями в местах, где можно было контролировать и управлять движением по рекам" (с.124) значительно упрощает реальную историческую картину и не объясняет ни "феномена" Ладоги, ни специфики Городища и Гнездова. Достаточно сказать, что к концу IX в. Ладога прошла более чем столетний путь исторического развития, причем не местного, а общеевропейского значения. Только отмеченное избирательное отношение к материалу позволило Х.Кларк и Б.Амброзиани заключить, что "скандинавы вполне могли познакомиться на западнославянских землях с моделями городов, которые затем способствовали развитию городов вдоль русских рек" (с.126). Авторы априорно исходят из концепции особой роли скандинавов на востоке, по-существу, даже себе противоречат. Неоднократно подчеркивая, что викинги в IX в. не имели собственной традиции городской культуры и многое могли заимствовать на западе, столкнувшись во время своих набегов с городами Галлии и Британии (с.24,89,177), Х.Кларк и Б.Амброзиани, обратившись к восточным землям, наделяют викингов особыми градостроительными знаниями, сами же признавая это "удивительным" (с.117).

Вообще в работе неоднократно поднимается вопрос о переносе "идеи строительства городов", о ее заимствовании - то из Западной Европы в Скандинавию, то из Скандинавии на Русь. В то же время, на мой взгляд, в синхронном росте торгово-ремесленных центров Балтийского региона проявился общий ритм развития славянского и скандинавского общества, находившихся на одной стадии социально-экономического развития в период становления государственности.

Надо сказать, что стремление увидеть особую роль викингов в развитии городов проявилось не только в отношении Руси и других славянских земель, но и Британии. Авторы убедительно показали, что после распада западноримской империи в Британии городская жизнь полностью прекратилась и V-VI вв. являются временем возврата к сельскому обществу. Только в VII в. начинается возрождение городов, связанное с консолидацией королевской власти, становлением епископских и церковных центров, общим подъемом ремесла и торговли. В VII-VIII вв. в дополнение к городам с административными функциями, основанным на местах римских городов, возникли поселения специального экономического характера - вики (главы II и III). Викинги, впервые появившиеся в Британии, встретили уже сложившиеся многочисленные города, входившие в структуру местного общества. Можно дискутировать по вопросу о том, был ли "западноевропейский опыт" скандинавов катализатором развития городов на их родине, а если был, то в какой степени? Основания для подобных суждений есть, но вот как оценить вклад викингов, не имевших глубоких традиций урбанизма, в городскую культуру Британии?

В пятой главе книги Х.Кларк и Б.Амброзиани прямо утверждают, что "именно на Британских островах викинги оказали наибольшее влияние на городское развитие в Западной Европе", в то время, как на континенте в IX в. они больше разрушали, нежели созидали (с.90). Роль викингов в градостроительстве проявилась в том, что вессекские короли возводили против них опорные центры и обновляли укрепления на существующих поселениях, превращая некоторые из них в города; во-вторых, викинги сами стимулировали городское развитие: занимали римские города (Йорк, Линкольн), расширяли англо-саксонские центры (Тетфорд, Норвич), основали несколько новых поселений (Ноттингэм); наконец, в-третьих, только при их господстве появились первые города в Ирландии (с.102-106). Трактуя эти факты, на мой взгляд, правильно говорить не о скандинавском влиянии на развитие городской культуры Британии, а об их приобщении к городской культуре, об их включении в той или иной форме в процесс урбанизации в стране с давними ее традициями, восходящими к римскому миру.

Х.Кларк и Б.Амброзиани, выходя в своем рассмотрении за пределы Скандинавии, не смогли показать какой-то "особой" роли викингов "как основателей и строителей городов" на новых землях, будь то древняя Русь или Британия. Полагаю, что сам замысел работы оказался неверным. Одно дело изучение европейских городов "эпохи викингов" (что соответствует названию книги), когда исследуются закономерности становления городов в разных странах, на разной основе, когда наряду с этим выясняется вклад различных народов и социальных групп в этот процесс, и совсем другое дело, когда анализ исторических закономерностей подменяется выявлением особой роли одного этноса, в данном случае викингов, на землях восточных и западных славян или в Британии. В этом

случае, вклад викингов как бы вырывается из общего контекста местной истории и приобретает самодавлюющее значение. Подобный подход не нов, в его основе лежит старая, но и поныне популярная и романтическая идея, об особой роли скандинавов в европейской истории, об их исключительной самобытности. Ни в коей мере не приижажа роли скандинавской культуры, ни таких ее ярких проявлений, как экспансия викингов, не приуменьшая вклада скандинавов в становлении европейской государственности, как на западе, так и на востоке, полагаю, что изучая процесс урбанизации надо рассматривать его на более широком фоне, нежели походы викингов. Я вполне солидарен с призывом английского археолога Давида Хилла, что объяснить процесс урбанизации в Англии следует, не привлекая отдельные исторические явления, в их числе и деятельность викингов, а подходя к этому комплексно, параллельно рассматривая градообразование во всей Европе. Ясно, пишет Д.Хилл, что "было общеевропейское возрождение городской жизни в период 600-1000 гг. и, проводя любое региональное исследование, надо всегда иметь ввиду общеконтинентальную тенденцию". По мнению этого исследователя, влияние викингов на развитие европейской культуры значительно преувеличено (Hill 1988:8-15).

Внимание исследователей неоднократно привлекал вопрос о прерывности или непрерывности развития раннесредневековых городов. Было отмечено, что некоторые городские поселения на определенном этапе были перенесены на новые места, зачастую поблизости от прежних, иногда сохранив старые наименования. Этот вопрос затронут и в рецензируемой книге. Авторы приводят целый ряд подобных примеров: Бирка и Сигтуна; Хедебю и Шлезвик; Рибе, перенесенный с одного берега реки на другой; Каупанг и Тенсберг или Скин; Городище и Новгород; Гнездово и Смоленск. Х.Кларк и Б.Амброзиани полагают, что причины подобных подвижек комплексные и нет одного общего объяснения. В числе таких они называют смену направления путей (к примеру, в случае с Биркой, подъем материка, видимо, исключил возможность выхода к морю в Содертелье); замену типов судов - появление большегрузных кораблей с глубокой осадкой; отсутствие в городах каменных строений, что без особого труда позволяло основателям и владельцам городов их передвигать (с.88,138). Я все же не могу согласиться с подобным ходом мысли. Дело в том, что меняла места только ранняя группа городов эпохи викингов. Города, основанные в конце X в. оставались там, где были заложены. Кроме того, отмеченная смена городов происходила не только в Скандинавии, но и на славянских землях. Очевидно, должна была действовать одна общая закономерность. Для территории Скандинавии ее убедительно объяснил А.Андрен, показав существование здесь двух частично различных систем городов, сменивших одна другую на рубеже X-XI вв.'(Andren 1989:173-177). Становление "новых" городов на рубеже X-XI вв. как на Руси, так и в Скандинавии было связано со стабилизацией государственных структур и появлением новых экономических районов.

В заключительной главе Х.Кларк и Б.Амброзиани перечислили наиболее актуальные, на их взгляд, проблемы, стоящие сейчас перед исследователями средневековых городов. Среди них такие вопросы, как причины основания первых городов, особенно в части Европы, не затронутой римским влиянием, различные пути развития городов, королевское поместье и город, планировка города (улицы, кварталы, усадьбы), причины появления первых укреплений, численность населения, город и округа и т.д.

Завершая рецензию, следует еще раз отметить, что исследование Х.Кларк и Б.Амброзиани суммирует обширные новые материалы, и, конечно, привлечет внимание широких кругов научной общественности. Несмотря на высказанные замечания, в первую очередь касающиеся общих моментов построений авторов, публикацию новой книги, посвященной европейским городам эпохи викингов, несомненно, следует приветствовать.

ANDREN, A. 1989. The early Town in Scandinavia // The birth of Europe: archaeology and social development in the first Millennium A.D. (ed. by K. Randsborg). Analecta Romana Instituti Danici, Supplementum XVI. Roma: 173-177.

HILL, D. 1988. Unity and diversity - a framework for the study of European Towns // The rebirth of town in the West A.D. 700-1050 (ed. by R. Hedges and B. Hobley):8-15. Oxford:CBA research report 68.

Е.Н.Носов. Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН.

Отдел славяно-финской археологии.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ THE ORGANIZATION OF SCIENCE

ОРГАНИЗАЦИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИИ В США

О.А.СОФФЕР*

Организация и финансирование археологии в США значительно отличаются от структур существующих в России и других странах СНГ. Хотя археология в России и Америке начинала свое профессиональное существование примерно в одно время: во второй половине прошлого века, различные пути развития в организации как археологических исследований, так и профессиональной подготовки археологов, привели в конце концов к определенным различиям.

Первое из них заключается в том, что в то время как археология в России считалась и продолжает считаться частью исторических наук, в Соединенных Штатах как доисторическая (занимающаяся периодом до письменности), так и значительная часть исторической археологии, считается неотъемлемым разделом антропологической науки (в американском смысле слова, см. ниже), и поэтому часто именуется антропологической археологией. Сближение археологии с другими дисциплинами, изучающими человечество - биологической антропологией, этнографией, этнологией и антропологической лингвистикой - в Америке, изначально определялось, во-первых, деятельностью Бюро Этнологии (позже Бюро Американской Этнологии), которое было основано в 1879 году как часть Смитсоновского Института, и, во-вторых, той ролью, которую сыграл Франс Боас в основании антропологической науки в Соединенных Штатах (Trigger 1989; Meltzer, Fowler and Sabloff 1986; Meltzer 1983).

Бюро Американской Этнологии, которое было организовано для этнологического и лингвистического изучения американских индейцев, к концу века углубилось в археологические исследования прошлого разных их групп. Примерно в то же время, немецкий этнолог Франс Боас, переехал из Европы в Соединенные Штаты, и основал первую кафедру антропологии при Колумбийском университете (Нью Йорк), которую он возглавлял с 1894 г. до 1941 г. . Боас, считающийся отцом американской антропологии, заложил академическую основу введения археологических исследований в рамках антропологической науки. Эта наука, с времен Боаса, в Америке считается самостоятельной дисциплиной, занимающейся изучением всех аспектов человека. Она подразделяется на четыре части: биологическая антропология (антропология в российском смысле), социо-культурная антропология (т.е. этнография и этнология), антропологическая лингвистика, и археология. Боас был не только учредителем этой науки, но и учителем всех крупных американских антропологов первой половины 20-го века (например, R.Bunzel /Р.Банзель/, M.Herskowitz /М.Херсковиц/, F.Kroeber /А.М.Крёбер/, R.Lowie /Р.Лови/, M.Mead /М.Мид/, P.Radin /П.Радин/, E.Sapir /Э.Сапир/, C.Wissler /К.Уислер/ и др.), которые, после получения докторских степеней, рассеялись по многим университетам страны, где или основали, или возглавили уже существующие кафедры антропологии. С тех пор археология в Соединенных Штатах преподается на кафедрах антропологии. В высших учебных заведениях эти кафедры помещаются в колледжах свободных искусств и наук (Liberal Arts Sciences) вместе с такими кафедрами как историческая, языковедческая, искусствоведческая, иностранных языков, математики, биологии, физики и т.д.

Места работы американских археологов. В Соединенных Штатах, в отличие от России и некоторых других европейских стран (например, Франции), отсутствует система археологических или антропологических научно-исследовательских институтов при Академии наук; немногочисленные

* Department of Anthropology, University of Illinois, 109 Davenport Hall, 607 South Mathews, Urbana IL 61801.U.S.A.

институты такого рода, в основном, прикреплены к высшим учебным заведениям. Хотя в Америке и существует как Национальная Академия наук (National Academy of Sciences - NAS), в которой числятся 64 академика-антрополога, из которых 24 археологи, так и ряд штатных Академий наук, принадлежащих отдельным регионам страны и штатам, эти учреждения не занимаются ни финансированием, ни администрацией науки, а представляют собой почетные ассоциации выдающихся ученых.

Данные Путеводителя по Кафедрам Антропологии (Guide of Department of Anthropology) за 1991-1992 год показывают следующее распределение этих кафедр:

	Количество	%
При университетах и колледжах	393	73
При государственных бюро	61	12
При музеях (государственных и частных)	57	10
При исследовательских институтах	30	5

Эти данные наглядно показывают, что высшие учебные заведения (университеты и колледжи) являются основными работодателями для всех антропологов, включая и археологов. Размеры кафедр антропологии варьируют от 2-3 человек в маленьких колледжах до нескольких десятков человек на самых крупных в стране кафедрах. На нашей кафедре при университете штата Иллинойс (University of Illinois) в Шампейн-Уrbana (Champaign-Urbana), например, работают 27 антропологов, из которых 8 (30%), археологи.

Из структурной организации антропологии в Соединенных Штатах при отсутствии отдельных научно-исследовательских институтов, становится понятным, почему основная исследовательская деятельность американских антропологов проводится в рамках высших учебных заведений. Из этих данных также следует, что большинство американских антропологов совмещают свои научные исследования с преподаванием. Надо также отметить, что хотя при многих кафедрах существует наряду с преподавательским составом (faculty) группа научных сотрудников (research associates), последние, хотя и пользуются некоторыми льготами университетов и колледжей (например, доступом к библиотекам, канцелярскими услугами, и т.д.), но не состоят в штатах высших учебных заведений и там не получают оклада.

Процент рабочего времени, которое американские антропологи уделяют исследовательской деятельности, зависит от педагогической нагрузки. В маленьких колледжах и университетах и в тех высших учебных заведениях, где выдаются только основные и средние степени высшего образования (бакалавра и магистра), педагогическая нагрузка на кафедрах антропологии, по американским стандартам велика, и составляет от 4 до 5 курсов в семестр, каждый по 3 часа в неделю. В крупных университетах, которые представляют собой также и исследовательские центры, и где от преподавательского состава ожидается весомая научная деятельность, педагогическая нагрузка ниже - в среднем 2 курса в семестр. В таких учреждениях постоянность места ученых, их дальнейшее продвижение от ассистент-профессора (assistant professor) до ассоциийт-профессора (associate professor) и до профессора (full professor) (с соответствующим повышением в окладе), зависит от их научной деятельности.

По количеству членов Общество Американской Археологии (Society for American Archaeology - SAA), является главной и самой крупной национальной профессиональной организацией в стране: примерно 5 000 человек в Америке ежегодно платят членские взносы (SAA, устное сообщение, 1992). Эта добровольная организация существует на членские взносы, которые по разным категориям колеблются от 37 долларов для студентов или аспирантов до 75 долларов для профессионалов. Она ежегодно организует и проводит годичный съезд (Annual Meeting), на котором представляется множество докладов и сообщений. Последний съезд, 56 по счету, проходил в апреле 1991 года в Новом Орлеане, где за 4 рабочих дня было представлено более 700 докладов и сообщений на 110 симпозиумах и секциях. SAA четыре раза в год издает главный американский археологический журнал: *American Antiquity*, который рассыпается всем членам Общества бесплатно.

Статистические данные этого общества дают следующую картину учреждений, где работают их члены (SAA, устное сообщение, 1992):

В университетах и колледжах	- 47%
В государственных учреждениях (национальных и принадлежащих отдельным штатам)	- 18%
В частных фирмах (новостройки, охранные раскопки)	- 18%
На других работах	- 8 %
Место работы не указано	- 9%

Опрос членов SAA (устное сообщение, 1992), который регулярно проводится организацией, показывает, что 30% считают своим основным занятием научные исследования и преподавательскую деятельность, в то время как 32% занимаются охранными или новострооческими работами (в Американской терминологии - cultural resource management или contract archaeology). Основываясь как на своем опыте, так и на опыте коллег, можно заключить, что для тех археологов, которые считают научные исследования и преподавательскую деятельность своим основным занятием, и которые работают в крупных высших учебных заведениях, примерно половина рабочей недели посвящается науке, а вторая - преподаванию и курированию аспирантов. Археологи, работающие в высших учебных заведениях, получают жалование круглый год, но обязаны преподавать либо два семестра, в тех учреждениях, где существует 3-семестровая система (осенний, весенний и летний семестры), либо три из четырех, там, где существует 4-семестровая система (осенний, зимний, весенний и летний семестры).

Для тех археологов, которые ведут свои исследования в северном полушарии, летний полевой сезон легко совмещается с семестровыми системами преподавания, поскольку учебный год начинается с конца августа до конца сентября и оканчивается от середины мая до середины июня. Лабораторные же исследования, анализ материала, его описание, и подготовка к печати, проводятся в течение учебного года и совмещаются с преподаванием. Специалисты по южному полушарию, которые не могут копать летом, либо договариваются на кафедре о преподавании в двух или трех других семестрах, либо освобождаются от преподавания на семестр без оплаты, и финансируют свою полевую деятельность разными пособиями (см. ниже). Наконец, поскольку в Соединенных Штатах в системах высших учебных заведений каждый седьмой год преподавателю предоставляется оплачиваемый академический отпуск (полгода с полным окладом, или год с половиной оклада, реже - целый год при полном окладе), то многие археологи ведут длительные полевые и научные исследования в периоды таких академических отпусков.

Отсутствие плановых или кем-либо учрежденных тем для американских археологов, является следующим крупным отличием их от российских коллег. Беглый просмотр конкурсных объявлений о вакансиях на разных кафедрах, которые ежемесячно печатает как газета Американской Ассоциации Антропологов (American Anthropological Association - AAA), так и SAA, показывает, что кафедры, желающие иметь в штате специалистов по определенным эпохам и регионам, приглашают на вакантные места специалистов соответствующего профиля. Однако, часто случается, что исключительная научная характеристика одного из кандидатов настолько впечатляет кафедру, что такому кандидату предлагается место, даже несмотря на то, что ее или его специальность не схожа с объявленной. Нужно отметить, что хотя при некоторых кафедрах и существуют должности по местной археологии, и ожидается, что специалисты, занимающие такие должности, будут заняты именно местной тематикой, тем не менее, археологи сами определяют круг своих научных интересов, научную тематику и места раскопок.

На естественный вопрос российского коллеги о том, что же при отсутствии плановых тем стимулирует научную деятельность американцев? - можно ответить так: интересы науки и карьеры - получение постоянного места при университете, повышение в университетских званиях и соответствующий рост заработка. Все это в большинстве высших учебных заведений, непосредственно связано с научной деятельностью археолога. Не случайно поговорка "публикуй или гибни" ("publish or perish") считается основным двигателем университетской и исследовательской жизни в Америке.

Подготовка археологов. Перед тем, как рассматривать систему финансирования археологических исследований в Соединенных Штатах, необходимо остановиться на системе

обучения археологов, так как финансовая поддержка непосредственно зависит от уровня подготовки кандидата. Система высшего образования и профессиональная подготовка специалистов в Америке также существенно отличается от российской, но эта система настолько широка, что большинство ее аспектов и деталей должно быть оставлено за пределами этой короткой статьи. Тут я ограничусь лишь белым упоминанием главных различий.

Студенты американских колледжей и университетов после 4-5 лет учебы получают степень бакалавра (Bachelor of Arts или of Sciences). Длительность их обучения зависит от того с какой скоростью они набирают те 120 "кредитов" (credits) необходимых для получения степени. Все семестровые курсы в колледжах и университетах имеют определенную "ценность" (количество кредитов), которая, в зависимости от весомости предмета, варьирует от 1/2 (например, теннис или фехтование) до 3 или 4 (физика, биохимия, введение в археологию и антропологию, и т.д.). Эти 120 кредитов распределены таким образом, что примерно половину студент должен набрать из серии курсов, которые учебное заведение считает необходимым для человека с высшим образованием, в то время как вторая половина набирается из курсов кафедры по своему основному избранному направлению (major) или дополнительному профилю (minor). Обычно, большинство студентов-гуманитариев при поступлении в университет еще не уверены в точном направлении своих интересов и поэтому они проводят первые два года, слушая самые разнообразные курсы, а последние два - курсы по специальности.

На кафедрах антропологии, в зависимости от специальностей преподавательского состава, студентам предлагается большое разнообразие курсов по всем четырем подразделениям антропологии. После успешного окончания от 2-4 вступительных курсов (то есть от 6-12 кредитов), студенты, выбравшие антропологию как свою основную специализацию, могут свободно записываться на предлагаемые кафедрой курсы, пока не наберут нужное количество кредитов для удовлетворения требований университетов, предъявляемых студентам данного профиля (от 30-45 кредитов или 10-15 курсов).

По успешному окончанию 4 лет учебы, студенты получают степень бакалавра, в нашем случае, со специализацией в антропологии (по любовь из ее подразделений или по их комбинации). С такой степенью они еще не считаются начинающими специалистами, и не могут претендовать на какие-либо специальные должности. В американском научном мире они представляют собой лишь людей с высшим образованием. Свое обучение студенты и их семьи финансируют сами, пользуясь как своими доходами, так и университетскими, государственными (федеральными и отдельных штатов) и частными стипендиями.

Специализация в археологии начинается в Америке после окончания университета с поступлением в аспирантуру. Финансирование аспирантуры тоже дело самого аспиранта, но обычно в университетах существует мощная система стипендий и временных лаборантских и преподавательских должностей, которые обеспечивают большинству аспирантов покрытие расходов, связанных с обучением. Для археологов обучение в аспирантуре проходит также на кафедрах антропологии. Для получения следующей учченой степени - магистра (Master of Arts или of Sciences по антропологии) - необходимо успешно окончить около 10 курсов (30 кредитов) и, в большинстве случаев, либо сдать экзамены по всем 4-м подразделениям антропологии, либо окончить аспирантские курсы по всем подразделениям, а в конце - представить магистерскую диссертацию (Masters Thesis). Археологи с магистерской степенью работают, в основном, в разных государственных учреждениях, связанных с археологией, в музеях или в частных фирмах, занимающихся охранными или новостроекчными исследованиями и раскопками. Следующей и наивысшей степенью считается докторская (Ph.D. по антропологии). Она достигается путем дополнительного обучения, которое длится от одного до двух лет, на курсах по специальности (30 кредитов), и потом успешной сдачи экзаменов по двум иностранным языкам, защиты темы докторской диссертации, получения дотаций для проведения нужных исследований для диссертации, их проведения, написания и защиты диссертации.

Наконец, надо отметить еще одну существенную разницу между российской и американской системами подготовки специалистов. Американские колледжи и университеты не занимаются трудоустройством своих выпускников, и поиски работы являются делом самого специалиста. Очень часто, конечно, профессора и кафедры помогают в трудоустройстве путем рекомендательных писем, и делают это крайне активно для своих магистров и докторов.

Финансирование археологических исследований. В то время как археологические исследования сотрудников государственных учреждений, многих музеев и частных фирм, в основном, финансируются самими учреждениями или фирмами, учащиеся или работающие в колледжах и университетах, финансируют свои исследования за счет разных дотаций от частных, общественных и государственных фондов. Добывание таких дотаций считается существенной частью профессиональной жизни археологов, и они обучаются этому на примере своих коллег и преподавателей, и через свои первые опыты во время аспирантуры. Например, кафедра антропологии Университета штата Иллинойс владеет фондом для летних аспирантских исследований в сумме примерно 19 000 долларов в год, который разделяется в среднем на 15 человек. Заинтересованные аспиранты ежегодно подают в этот фонд разработанные предложения по разным исследовательским темам, вместе с перечнем необходимых сумм для их проведения - grant proposals, в англоязычной терминологии, - которые рассматриваются на конкурсной основе. Обыкновенно темы таких предложений непосредственно связаны с предполагаемой будущей темой аспирантской докторской диссертации, и представляют собой подготовительные этапы, необходимые для последующей конкретной разработки избранной темы. В нашем университете, как и во многих других, подобные внутренние аспирантские фонды существуют и на уровне колледжей, и они раздаются аспирантам на таких же конкурсных основах. Участвуя во внутренних конкурсах, аспиранты получают необходимый опыт, который на следующем этапе своего образования они применяют для добывания более крупных сумм из внеуниверситетских источников, необходимых для дальнейшего проведения исследований для докторской диссертации. Главными источниками финансирования диссертационных исследований являются государственный Национальный Исследовательский Фонд (National Science Foundation - NSF), и частные фонды - Фонд Веннер-Грен (Wenner-Gren Foundation) и Фонд Лики (L.S.B. Leakey Foundation). По данным NSF (John Yellen, устное сообщение, 1992), например, за 1991 год секция археологии получила 60 аспирантских предложений, из которых 30 было профинансириовано. Средняя сумма такого аспирантского пособия была 9 000 долларов, максимальная - 12 000 долларов. Для аспирантов, работающих за пределами Соединенных Штатов, также возможно проведение своих диссертационных исследований путем участия в разных межгосударственных научных обменах как, например, IREX или Fulbright, которые также организованы на конкурсной основе.

Научные исследования, которые не являются частью учебного процесса археологов, финансируются аналогичными путями, но выделяемая сумма впрямую зависит от широты и значимости темы исследования. Система получения таких дотаций аналогична - подаются развернутые предложения в различные фонды, где проводятся конкурсы. Такие фонды существуют во многих высших учебных заведениях и в крупных музеях и их конкурсы открыты для всех сотрудников. Поскольку размер внутренних фондов ограничен, специалисты пользуются ими либо для проведения разведочных или очень ограниченных исследований, либо для разработки тем и предложений, которые отсылаются на конкурсы во внешние фонды. Главными источниками финансирования археологических исследований как в пределах США, так и за рубежом являются следующие фонды: NSF, Фонд Веннер-Грен (Wenner-Gren Foundation, 220 Fifth Ave., New York City, N.Y. 1001-7780), Фонд Лики (L.S.B. Leakey Foundation, 77 Jack London Square, Suite M, Oakland, CA 94607-3750) и Фонд Национального Географического Общества (Committee for Research and Exploration, The National Geographic Society, Washington, D.C. 20036). В то время, как дотации государственного фонда NSF предназначены для граждан или постоянных жителей США, конкурсы на финансовую поддержку остальных трех открыты также и для всех зарубежных специалистов.

Далее надо отметить еще одну значительную разницу между американской и российской археологией. В Америке отсутствует система финансирования длительных исследований, которые проводятся из года в год на протяжении многих лет. Пособия на исследование даются Американскими фондами обыкновенно на сравнительно короткий срок (до года), так что более обширные темы разделяются исследователями на части, и подаются на финансирование либо многократно, либо другими коллегами с которыми исследовательница или исследователь договорились сотрудничать по данной теме. Суммы, которые выделяются фондами на исследования, очень разнообразны. Например, по данным NSF (John Yellen, устное сообщение, 1992), в 1991 году секция археологии получила 83 предложения (сверх аспирантских), из которых 26 были финансированы. Суммы для поддержки предложений успешно прошедших этот конкурс, варьировали от 2000 до 300 000 долларов (для широких тем, требующих комплексных исследований на протяжении двух или трех лет); средняя

сумма, выделенная для исследования - 60 000 долларов. При NSF также работает и археометрическая секция, которая поддерживает работы разных лабораторий при университетах. Финансовые фонды этой секции распределяются на конкурсной основе, но на более длительный период - обычно на 3 года. В 1991 году эта секция получила 16 предложений, 6 из которых успешно прошли конкурс. Суммы, разданные ею, варьировали от 20 000 до 125 000 долларов, при средней сумме в 80 000 долларов. По данным Фонда Беннер-Грен, максимальная сумма их пособия на исследование составляет около 10 000 долларов. Фонд Национального Географического Общества (H.Wright, устное сообщение, 1992), выдает 35 пособий в год на археологические исследования, средняя сумма этих пособий - 13 000 долларов. Дотации Фонда Лики (O.Var-Yosef, устное сообщение, 1992), колеблются от 3000 до 15 000 долларов. Поскольку ни один из этих фондов не настаивает на своей исключительности, большинство специалистов не только подают в различные фонды предложения для финансирования одной темы (либо одновременно, но с указанием, в какие другие фонды отослано предложение, либо после непрогождения конкурса в одном из фондов), но и предлагают различные разделы тем разным фондам ради возможности получения максимальной поддержки. Помимо этих главных источников финансов, в Америке также существует множество других, как частных, так и общественных фондов, которые поддерживают археологию и археологов. Эти источники более ограничены тематически и регионально и выделяют значительно меньше денег. И, наконец, для специалистов, работающих за пределами Соединенных Штатов, также возможно проведение своих исследований во время участия в таких межгосударственных научных обменах как АЙРЕКС (IREX), Фулбрайт (Fulbright) или National Academy of Sciences.

Все упомянутые фонды, как и все межгосударственные обмены, имеют определенные, довольно длительные сроки для подачи предложений и проведения конкурсов, в итоге чего, вся процедура от отправки предложения до получения финансовых от фондов длится примерно от 6 до 12 месяцев и от 12 месяцев до 18 месяцев для начала участия в межгосударственных обменах.

Заключение. Живя и работая в одной системе - американской, и сотрудничая на протяжении многих лет с коллегами из другой - российской, хочу закончить перечнем некоторых плюсов и минусов обеих систем. Такие оценки неизбежно субъективны, ибо знакомая система более привычна, и поэтому, всегда кажется более естественной.

В Соединенных Штатах неуверенность как в финансовой поддержке своих тем, так и в получении работы, сопровождает археологов со дней их аспирантуры. Конкурсы на хорошие свободные места, те, которые открывают возможность на постоянную должность (tenure track), достаточно трудны. Нередко, на одно свободное место в лучших университетах подают заявки до 100 кандидатов. Многие археологи должны удовлетвориться рядом временных работ, дляющихся от одного до нескольких лет. Новый доктор, начинающий или начинающая свою профессиональную жизнь на кафедре антропологии как ассистент-профессор (на tenure track), нанимаются временно на 3-летний срок, который, по успешному завершению, продлевается еще раз. В течение шести лет, кафедра внимательно следит за научной деятельностью молодого специалиста и, обычно, только после такого периода предлагается место работы (то есть повышение на должность ассоциированного профессора). Эти шесть лет являются очень напряженными для специалистов, ибо за этот срок они должны разработать и прочитать ряд новых курсов, а также заниматься научными исследованиями, обеспечиванием их финансирования и публикацией своих результатов. Такая система поощряет индивидуализм и личную инициативу в науке - но и страдает отсутствием близких контактов коллег, занимающихся сходными темами. Уязвима она и тем, что не способствует длительным разработкам крупных тем.

Будучи аспиранткой, а потом и начинающим преподавателем, я очень часто завидовала российским коллегам, работающим в научно-исследовательских институтах, - во-первых, за стабильность их работы, во-вторых, тому, что они имели возможность проводить свои изыскания не отвлекаясь на преподавание и на все другие занятия, связанные с работой на университетской кафедре, в-третьих, за непосредственное присутствие коллег-консультантов, и, наконец, за то, что их исследования были обеспечены финансово на почти неограниченный период. Такая стабильность, связанная с существованием единой Академии Наук, являющейся как работодателем, так и источником финансирования, с одной стороны, позволяла моим коллегам уделять для своих исследований больше времени, чем это возможно в Америке, а с другой стороны, при отсутствии настоящей конкуренции и при плановой организации исследовательской деятельности, косвенно поощряла средний уровень научной деятельности, консервативность направлений и методики и

излишнее растягивание нечетко направленных исследований. Существование археологии вне системы высших учебных заведений также лишило моих российских коллег живого контакта со множеством "подрастающих" специалистов, у которых, и благодаря которым, я учусь многому новому.

Думается, что при учете опыта обеих сторон, и ту, и другую систему можно значительно улучшить.

- TRIGGER, B.G. 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge; University of Cambridge Press.
- MELTZER, D.J., D.D.FOWLER and J.A.SABLOFF, eds. 1986. American Archaeology past and Future: A Celebration of the Society for American Archaeology 1935-1985. Washington: Smithsonian Institution Press.
- MELTZER, D.J. 1983. The antiquity of man and the development of American archaeology, in M.A.Schiffer (ed.) // Advances in Archaeological Method and Theory 6:1-51.
- GUIDE TO DEPARTMENTS OF ANTHROPOLOGY 1991-1992. American Anthropological Association, Washington, D.C.

O.A.SOFFER

THE ORGANIZATION AND FINANCING OF ARCHAEOLOGY IN THE UNITED STATES

Summary

There are a number of major conceptual and organizational differences which distinguish American archaeology from its Russian counterpart. First and foremost among these, is that while in the US archaeology is seen as one of the sub-disciplines of anthropology (along with biological anthropology, socio-cultural anthropology, and linguistic anthropology), archaeology in Russia is considered a part of history. The second difference lies in the locus of archaeological research. In Russia, archaeological scholarship is primarily conducted in various institutes affiliated with the Academy of Science. In the United States, on the other hand, while there does exist a National Academy of Science, this organization neither finances nor administers research. In America archaeological research, as is the case for a vast majority of all other research in the humanities, is conducted within college and university settings. The placement of archaeology within institutions of higher learning means that American archaeologists combine their research with teaching, and do so in the departments of anthropology. Data from the Society for American Archaeology (SAA) indicate that 47% of their 5,000 members work in colleges and universities, 18% in government institutions, another 18% in private firms, and ~8% in museums (no data on the place of employment of the remaining 9%).

The next significant difference can be found in the planning of archaeological research. In Russia, archaeologists affiliated with the institutes, universities, and museums, conduct research on planned themes which, while originating from a particular scholar, are discussed, modified, and approved by the whole staff of the institution. After the completion of the theme (~ 3 years later), the same group accepts and approves the final results. In the United States, on the other hand, research questions, as well as the locus and duration of research, are individually generated by the scholars themselves, who are solely responsible not only for the completion of this research but also for its financing. American archaeologists are stimulated to do so by individual interests as well as by the "publish or perish" dictum guiding employment and career advancement.

Major differences can also be found in the training of archaeologists. In Russia, graduates from university departments of archaeology are considered young specialists upon the completion of their 5 years of higher education. In America, on the other hand, college or university education in the humanities is not designed to turn out specialists in any given field, and individuals with a Bachelor of Arts (B.A.) or Bachelor of Sciences (B. S.) degree (obtained after 4 years of education), have anthropology only as their major subject (meaning that they have taken 10 - 15 courses in any of its four sub-disciplines). Unlike a diploma from a Russian university, such a degree in the United States does not qualify them for any specific job. Specialization in archaeology in America begins only in graduate school, with professional standing gained upon the receipt of a Masters (M.A. or M. S.) and Doctoral (Ph.D.) degrees. Furthermore, unlike Russia where the universities and institutes are responsible for the job placement of their graduates, obtaining suitable employment in America is seen as a responsibility of the graduates themselves.

While the financing of archaeological research in Russia comes from the institutions employing scholars, American archaeologists finance their scholarship primarily from funding sources outside their places of employment. Although the museums, colleges, and universities employing archaeologists do have some internal funds for research, these funds are finite and used by archaeologists either for small projects or as seed money to develop research proposals for submission to outside funding sources. Because of this, the writing of grant proposals and their submission to appropriate organizations is an important part of professional life of American archaeologists. Training to do so successfully begins in graduate school when doctoral candidates must solicit financial support for their proposed dissertation research. The following organizations are the main funding sources for archaeological research in America: the National Science Foundation (NSF), Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, the L. S. B. Leakey Foundation, and the Committee for Research and Exploration of the National Geographic Society. While NSF, being a part of the national government, provides funds for scholars who are U.S. citizens or permanent residents, the other sources listed, who are private foundations, finance archaeological research of scholars regardless of their citizenship. Funds provided by these organizations are generally allotted for short-term projects (up to a year in duration), and scholars interested in conducting research on larger and more long-term projects must submit sequentially grant proposals for such work sequentially. This stands in sharp contrast to the long term funding generally guaranteed to Russian scholars by their institutions.

Working in one system - the American one, and doing my field research over many years with colleagues from the other - the Russian and Ukrainian ones, I close by pointing out some advantages and disadvantages of each. In the United States uncertainty in employment and in the financing of one's research are a part of professional life from the days of graduate school on. Teaching jobs with prospects for permanent employment (tenure track) in research universities are few and highly contested. Archaeologists obtaining such jobs spend their first six years (before being granted tenure - permanent employment) combining the development and teaching of new courses with their own research, its funding, and its publication. After tenure (achieving the rank of associate professor), the same process of nearly annual grant proposals continues ad infinitum. Such a system selects for individualism and personal initiative among scholars at the expense of permanent collegial interaction with specialists working on similar problems. It also selects for narrower and more finite research questions and makes multidisciplinary long term projects difficult to initiate and actualize.

The Russian system of secure employment in institutes where numerous scholars do research on similar time periods and regions of the world permits more continuous scholarly interaction. Long-term planning and financing of research allows for more stress-free scholarship. At the same time, such security within the context of planned and group-approved research indirectly fosters average rather than "state of the art" scholarship, conservative rather than innovative methodology, and less than keenly focused research problems which are investigated at a leisurely pace. Furthermore, the institutional separation of research from teaching denies my Russian colleagues an opportunity to routinely interact with young specialists from whom I find myself learning a great deal. In sum, clearly both systems can stand some improvement.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВО ВЬЕТНАМЕ

ФАМ КУАНГ ШОН*

Вьетнамская национальная археология складывается в конце 50-х годов на основе органичного сочетания традиций, унаследованных от археологов-геологов французской школы изучения Дальнего Востока (L'Ecole Fransaise d'Extreme-Orient) и заимствований новейших достижений мировой археологии. В последующее время вьетнамская археология добилась заметных успехов и сделала большой вклад в изучение прошлого Юго-Восточной Азии.

В настоящее время во Вьетнаме существуют три ведомства, деятельность которых связана с археологической наукой:

1. **Национальный Центр по общественным наукам.** В его структуре функционирует Институт археологии (Ханой), фактически являющийся координационным центром археологических исследований во Вьетнаме. Институт состоит из нескольких отделов: археология каменного века, эпоха металла, археология исторического периода, а также различных лабораторий. Институт издает журнал "Археология", выходящий четыре раза в год. Археологическая тематика разрабатывается также в Институте Общественных наук (г.Хошимин), отдел исторических наук которого ведет исследования регионального характера в Южном Вьетнаме.

2. **Министерство культуры, спорта и туризма.** В его структуру входит: Управление Архива и Охраны памятников, которое осуществляет выдачу открытых листов, дающих право вести раскопки. Краеведческие музеи, подчиняющиеся провинциальному управлению культуры, также занимаются археологическими исследованиями наряду с хранением коллекций, организацией выставок и охраной археологических памятников в провинциях. Важную роль в развитии археологической науки играет Государственный исторический музей в Ханое.

3. **Министерство высшего и среднего специального образования.** Преподаватели и студенты исторических факультетов при университетах и педагогических институтах составляют значительную группу вьетнамских археологов. Они принимают участие в раскопках различных археологических памятников. Кафедра археологии Ханойского университета является одним из крупнейших археологических центров страны.

Во вьетнамской археологии успешно развиваются междисциплинарные исследования, в которых принимают участие геологи, географы, биологи, антропологи, палеоботаники, почвоведы и т.д. В г.Хошимине работает радиокарбонная лаборатория. Между учеными разных наук складываются крепкие взаимные связи. Нередки случаи, когда они организуют совместные комплексные экспедиции по изучению археологических памятников.

Кроме уже упомянутого журнала "Археология" (Ханой), почти все крупные научные центры также имеют свои археологические издания. Статьи публикуются в журнале "Общественные науки" (г.Хошимин), в Вестниках Ханойского государственного университета, бюллетенях Государственного Исторического музея и журнале "Культура и искусство" при Министерстве культуры.

Издательство Общественных наук берет на себя публикацию монографий. В последнее время, из-за затруднений в государственном финансировании, многие провинциальные управления культуры стали поддерживать публикации научных работ по археологии своего региона. Они также выделяют средства для проведения исследований на территории своих провинций, заключая договора о раскопках с археологическими организациями. Этот важный источник финансирования содействует развитию археологии.

Вьетнамская археология не стоит в стороне от контактов с зарубежными коллегами. Она продолжает сотрудничество с учеными из России и государств Восточной Европы, одновременно расширяя научные связи с археологами многих других стран: Китая, Индии, Японии, Австралии, Таиланда, Филиппин, Франции и США. Многие зарубежные ученые уже принимают участие в

* Вьетнам, г.Хошимин, Институт Общественных наук.

совместных раскопках, с другими обсуждаются планы совместной работы. Эти выгодные взаимосвязи приносят успешные результаты в изучении древностей Вьетнама и всего региона Юго-Восточной Азии.

Остановимся кратко на основных проблемах археологических исследований.

1. Вьетнамские археологи продолжают традиционные исследования таких археологических культур как Шонви, Хоабинь, Бакшон, Халонг, Куиньван, Донгшон, Шагуйнь, Донгнай, Ок-Эо. Новые открытия, как правило, позволяют уточнить, конкретизировать, или, наоборот, изменить ранее сложившиеся представления об этих культурах. Продолжается исследование памятников ранних государственных образований на территории Вьетнама, где, наряду с раскопками комплексов хорошо изученного государства Вьетов на севере, особый интерес представляет изучение памятников государств Чампа в центре и Фунац на юге страны.

2. В последнее время вьетнамские археологи уделяют большое внимание изучению связей между культурами, проблемам их культурогенеза, механизмам передачи традиций и инноваций, явлениям спонтанной и стимулированной трансформации археологических культур.

3. Особое внимание археологи Вьетнама уделяют также методическим и методологическим разработкам, так как ощущается недостаток исследований теоретического и обобщающего (аналитико-синтезирующего) характера. Благодаря этому, а также благодаря применению технических новшеств (видеофильмы, на которых фиксируются почти все стадии раскопок), вьетнамская археология смогла сделать большие шаги в своем развитии и приближается к уровню развития современной мировой археологии.

FAM KUANG SHON

THE ORGANIZATION OF ARCHAEOLOGY AND THE PROBLEMS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN VIETNAM

Summary

At the present there are three centres dealing with archaeological research in Vietnam: 1) The National Centre for Social Sciences. It includes the Institute of Archaeology in Hanoi - a centre coordinating archaeological research in Vietnam. 2) The Ministry of Culture, Sport and Tourism including the Department of the archives and archaeological sites Preservation where official permits are given to carry on archaeological excavations. 3) The Ministry of Higher and Specialized Secondary Education which superintends Departments of History at the Universities. The Department of Archaeology at the Hanoi University is one of the largest centres of archaeological research in the country.

Interdisciplinary research is developing rather successfully in Vietnamese archaeology. In Ho Chi Minh the first Laboratory of Radiocarbon Dating has been founded recently.

The leading archaeological journal in Vietnam is the journal "Archaeology" published by the Institute of Archaeology in Hanoi. Social Sciences Publishers is engaged in publishing large monographs.

In recent years many provincial departments of culture have started to allow money for research and excavations on the territories of their provinces on the basis of agreements concluded with archaeological institutions.

Vietnamese scientists collaborate with archaeologists from Russia and other countries of Eastern Europe, as well as with scientists from China, India, Japan, Australia, Thailand, the Philippines, France and the USA. Many foreign scientists are taking part in joint excavations in Vietnam. Vietnamese archaeologists continue the study of traditional archaeological cultures (Shonvi, Haobin, Buckshon, Halong, Kuin'van, Dongshon, Shaquin, Dongnai, Okeo). The study of the monuments of ancient states Chiampa and Funana is being carried on.

Vietnamese scientists pay sufficient attention to the study of interaction between archaeological cultures, the problems of their origin, the mechanisms of preservation of traditions and passing of innovations from generation to generation, and the mechanisms of transformation of archaeological cultures.

Vietnamese archaeology has made great progress and achieved significant results allowing it to advance towards the level of modern world archaeology.

ХИСОРСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК В ТАДЖИКИСТАНЕ

Н.Н.НЕГМАТОВ*

Хисорский историко-культурный заповедник, расположенный в одноименной долине в 20 км юго-западнее Душанбе, является единственным в Средней Азии музеем под открытым небом, созданным для осмотра древнего города Хисор и его памятников архитектуры. Заповедник был организован в 1982 году по постановлению правительства Республики Таджикистан. Его проект был разработан в Специальных научно-реставрационных производственных мастерских Министерства культуры республики группой местных архитекторов-реставраторов (Негматов, Брус 1984).

В основу проекта заложена идея создания национального исторического, археолого-архитектурного и этнографического парка через реконструкцию памятников Хисора и воссоздание на специально отведенной территории сооружений архитектурно-этнографического значения из труднодоступных районов Таджикистана (площадь заповедника составляет более 80 га). На первом этапе предусматривалась реставрация и организация музеев на базе сложившегося комплекса сооружений древнего городского центра Хисора. Этот комплекс включает известные средне- и позднесредневековые памятники гражданского, культового и мемориального характера, дошедшие до нас в разрушенном состоянии.

Наиболее древним историко-архитектурным объектом является Хисорская крепость с цитаделью, строительство которой относится еще к первому тысячелетию до н.э. В средневековые здесь была сооружена мощная крепость с монументальными входными воротами и крепостными стенами из пахс и сырца, опоясывающими ломаной линией площадь в 15 га.

Возле южной стороны крепости в средние века возник Регистан - городская площадь, куда вели главные торговые улицы от четырех городских ворот. Регистан, формировавшийся в течение длительного периода, сейчас состоит из двух кирпичных монументальных медресе Кухна (XVI-XVII вв.) и Нав (XVII-XVIII вв.), каравансарай Хиштин (XVII-XVIII вв.), специальной постройки для предмолиттенных омовений - тахоратхона (XIX в.) и нескольких надгробий местных шейхов.

Южнее Регистана высится многокамерный портально-купольный мавзолей Маҳдуми Азам, который неоднократно перестраивался из однокупольного киоска-чортака (XI в.) в двухкамерный мавзолей (XI-XII вв.) и, наконец, в многокамерный погребальный комплекс (XVI в.). В юго-восточной части средневекового города, в глубине квартала, находится купольная мечеть Масчиди Сангин со сводчатой галереей. В своей первоначальной основе она представляет центрально-купольную мечеть XI-XII вв. В XV-XVI вв. в результате перестройки появляется сводчатая галерея с южной и восточной сторон.

Помимо названных сооружений на территории Заповедника археологическими исследованиями выявлены следующие памятники: медресе Чашмаи Мохиен XV-XVI вв., кирпичная мечеть Одина XVIII-XIX вв., бескские покой, баня и др. В настоящее время Хисорский заповедник приступил к реализации мероприятий по организации музеев в соответствии с разработанным Ученым советом перспективным планом. Все работы проводятся по мере завершения реставрации объектов.

В мавзолее Маҳдуми Азам планируется создать Музей истории ислама, в экспозициях которого будет отражено влияние этой мировой религии на быт и культуру народа, в том числе и на зодчество. Вдоль дорожки, ведущей от Регистана к музею, будет устроена экспозиционная аллея с макетами мемориальных сооружений в их эволюционном развитии от IX до XX вв. В Масчиди Сангин намечено открытие Музея просветителей Хисора, от которых сохранилось огромное литературное наследие.

В медресе Кухна, построенном по классическим среднеазиатским архитектурным канонам, начаты работы по созданию Музея народного быта, где посетители могли бы воочию познакомиться с материальными и духовными традициями народной культуры. Медресе Нав решено отдать под

* Таджикистан. Душанбе. 734025. пр.Ленина 33. Институт истории им.А.Дониша. Отдел истории культуры.

музей классиков Востока: Борбада, Рудаки, Абуали ибн Сины, Фирдоуси, Саади Шерози, Хафизи Шерози, Алишера Навои, Ахмада Дониша и др. В худжрах этого медресе будут выставлены стенды с трудами ученых, их биографиями, оценкой их вклада в развитие культуры, науки и литературы таджикского и других народов Востока, предметы научного обихода, фотодокументы, оригиналы и копии рукописей и т.п.

Каравансарай Хиштин, законсервированный на уровне цоколя, предполагается полностью восстановить и организовать в нем Музей народных ремесел с действующими мастерскими по изготовлению бытовой посуды, керамических и ювелирных изделий, музыкальных инструментов и других предметов. В привратных помещениях крепости Дарвозахона начато строительство музея археологии.

Включение Республики Таджикистан в рыночную экономику вынудило Хисорский заповедник искать новые пути повышения эффективности использования национального музея под открытым небом и расширения пропаганды культурного наследия таджикского народа. С этой целью начались проектные и строительные работы по сооружению объектов обслуживания туристов в заповеднике, прорабатывается идея строительства крупного Международного ярмарочного центра с привлечением зарубежных фирм. На повестке дня, создание хозрасчетных производственных мастерских по изготовлению традиционных сувениров, одежды и других изделий для их продажи посетителям. Имеются большие перспективы по изданию иллюстрированных альбомов, книг, буклетов и другой продукции для популяризации архитектурного и культурного наследия Хисора. В скором будущем Хисорский заповедник должен превратиться в крупный научный, просветительский и, вместе с тем, коммерческий центр международного туризма.

НЕГМАТОВ, Н.Н., Н.Н.БРУС. 1984. Проблемы создания Гиссарского историко-культурного заповедника // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук 2(116):3-8.

N.N.NEGMATOV

THE HISAR HISTORIC-CULTURAL PARK IN THE TAJIK REPUBLIK

Summary

The Hisar historic-cultural park situated 20 kilometres to the south-west of Dushanbe is the only open-air Central Asian museum. It is devoted to the ancient town of Hisar and its architectural monuments.

The park was founded in 1982 in accordance with a resolution of the Tajik government. The first stage envisages the restoration of the town and the foundation of museums based on the established complex of buildings in Hisar ancient town centre.

There is a large fortress with a citadel in Hisar. It dates as far as from the first millennium B.C. Two medresses are situated to the south of the fortress: the Kuhna (16th-17th centuries) and the Nav (17th-18th centuries). The mausoleum Mahdumi Azam built in the 11th and rebuilt in the 12th and 13th centuries stands nearly. There was a mosque called Maschidi Sangin (11th-12 th centuries) with an arched gallery dating from the 15th-16th centuries in the medieval town.

In the Mahdumi Azam mausoleum a museum on the history of Islam is planned, in the Maschidi Sangin mosque there is to be a museum about the Hisar enlighteners who left a great literary. In the Kuhna medresseh work on the foundation of the museum of popular culture has been started. It has been decided to make the Nav medresseh into a museum of the classical era in the Orient. It has been suggested that the caravanserai Khishtin be completely restored and a museum of folk handicraft be founded in it. A museum of archaeology is starting to be built in the Darvozakhon fortress. At present the idea of the construction of an international fair centre in cooperation with some foreign firms is being seriously considered.

Vietnam archaeology has made great progress and achieved significant results allowing it to advance towards the level of modern world archaeology.

Е.А.СМАГУЛОВ*

В конце августа 1992 г. специальным постановлением правительства Республики Казахстан были созданы два новых Института в системе национальной Академии наук - Институт космических исследований и Институт археологии. Это событие иллюстрирует новые приоритеты, которых придерживается руководство суверенного Казахстана в строительстве фундаментальной науки. Исследования "глубин космоса" и "глубин исторического прошлого" народов, проживающих на территории Казахстана, получили, наконец-то, организационное оформление.

Институт археологии создан на базе Археологического Центра, существовавшего в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова АН Республики Казахстан. Новому институту присвоено имя пионера археологии Казахстана академика Аликея Маргулана: Институт археологии им. А.Маргулана национальной Академии наук Республики Казахстан. Помимо фундаментальных исследований по проблемам древней и средневековой истории и культуры Казахстана в функции Института археологии входит также координация исследований на всей территории республики. В настоящее время в Институте разрабатываются такие темы как: "Свод памятников истории и культуры Казахстана", "Археология Казахстана" в 8-ми томах, "Кочевники древнего Казахстана: историко-культурные аспекты проблемы", "Материальная и духовная культура средневековых кочевых племен", "Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур на территории Казахстана" и др.

Наряду с этим Институт археологии Казахстана намеревается координировать международные археологические программы на территории Казахстана. Значительный интерес, проявляемый к древностям Казахстана зарубежными учеными и научными центрами как "ближнего", так и "дальнего" зарубежья, будет реализован в двухсторонних договорах, на основании которых зарубежные партнеры получат возможность проведения совместных с казахстанскими учеными или самостоятельных полевых исследований, ознакомиться с коллекциями находок, накопленных казахстанской археологией. Институтом подписаны договоры о долгосрочном научном сотрудничестве с археологическими учреждениями из Санкт-Петербурга (Институт истории материальной культуры РАН), Москвы (Институт археологии РАН), Екатеринбурга (Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН). Подписаны протоколы намерений с коллегами из Южной Кореи, Китая, Дании и других стран. Опыт международного сотрудничества накапливается в ходе реализации уже действующих договоров с Национальным исследовательским центром Франции (Париж), с университетом в Беркли, Калифорния, США (Казахско-Американская программа).

Интеграции археологии Казахстана в мировую науку способствует ее участие в реализации международного проекта "Великий Шелковый Путь - путь диалога", осуществляемого ЮНЕСКО. Правительством республики создан национальный комитет по этому проекту. Одним из исполнителей проекта является Институт археологии, который принимал активное участие в проведении международной экспедиции "Степной путь-91". Маршрут и работа международного коллектива ученых этой экспедиции, в мае-июне 1991 г. пересекшей все среднеазиатские республики бывшего Советского Союза и южные районы Казахстана, закончились в Алма-Ате симпозиумом - "Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом Пути".

В ходе научных дискуссий и консультаций с зарубежными коллегами у археологов Средней Азии и Казахстана зародилась идея создания под эгидой ЮНЕСКО Международного Института Истории Культурного Наследия Народов Центральной Азии и Ближнего Востока. С этой инициативой выступили узбекские археологи, в частности, академик А.А.Аскarov. На состоявшемся в ноябре 1991 г. в г. Самарканде совещании Советского национального комитета по проекту ЮНЕСКО "Великий

* Казахстан. Алма-Ата. 480021. ул.Шевченко 28. Институт археологии АН Казахстана. Отдел средневековой археологии.

"Шелковый Путь - путь диалога" обсуждалась концепция и проблематика такого Института. Он должен консолидировать усилия мировой научной общественности, специалистов различного гуманитарного профиля, в деле изучения культурного наследия народов Центральной Азии, входивших в состав бывшего СССР. Для обеспечения функционирования Института и финансирования его исследований, предполагается привлечь средства учредителей, в роли которых могут выступить различные заинтересованные организации, как зарубежные, так и бывшего СССР, спонсоров, а также средства, полученные от коммерческой деятельности Института. В роли руководящего органа Института будет выступать Совет учредителей, в роли исполнительного - дирекция.

Ученый совет Института археологии Казахстана поддерживает идею создания такой организации, отмечая при этом, что Институт активизирует вхождение различных научных школ и коллективов республик Средней Азии в мировое научное сообщество, послужит делу широкой пропаганды культурного наследия наших народов. Однако, мы считаем, что проблематика такого Международного Института должна учитывать специфику развития культуры в обширном регионе Центральной Азии, где на протяжении тысячелетий существовали два основных типа цивилизаций - кочевой и оседлый, городской. Их постоянное плодотворное взаимодействие и взаимовлияние во многом предопределило своеобразие культуры Евразии. Кочевые народы Евразии, заняв особую нишу в природной и культурной среде континента, накопили богатый опыт общественного развития. Негативная оценка его, господствовавшая долгое время в науке, в настоящее время коренным образом пересматривается. В центрально-азиатском регионе нельзя представить культуру кочевников без городской культуры, как и оседло-земледельческую, городскую культуру без культуры кочевых народов.

Если не учитывать этого обстоятельства, и сместить акценты в одну из сторон, то реконструкция исторического прошлого народов Центральной Азии может оказаться, как оно часто бывает, односторонней.

Определяя стратегию международных усилий по изучению истории культуры Центральной Азии, "Международный Институт" должен будет учитывать своеобразие исторических процессов в этом обширном регионе. Значительную его часть занимает территория суверенной Республики Казахстан, чрезвычайно богатая разнообразными археологическими памятниками различных эпох и открытая отныне для сотрудничества в любых формах с заинтересованными и доброжелательными коллегами.

E.A.SMAGULOV

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF KAZAKHSTAN: PERSPECTIVES OF THE INTERNATIONAL COLLABORATION

Summary

The Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan was founded in autumn 1991.

It was based on the Archaeological Center, which was a division of the Ch.Ch.Valikhanov Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Republic Academy of Sciences. The name of an outstanding pioneer of Kazakhstan archaeology, Academician Alekei Margulan was given to the Institute of Archaeology.

Archaeologists at the Institute are working on a number of fundamental themes and projects on the Ancient and Middle Age history of the culture of the peoples inhabiting this vast territory in the center of the Eurasian continent.

Themes such as "Nomads of Ancient Kazakhstan: Historical and Cultural Aspects of the Problem", and "The Material and Spiritual Culture of the Nomads of Kazakhstan in the Middle Ages" are examples of the development of traditional trends in the Archaeology of Kazakhstan.

Our Institute has started working on an 8 volume work, 'The Archaeology of Kazakhstan'. This fundamental work will be the first of its kind ever written, and is the result of many years of research on Ancient and Middle Age culture on the territory of the republic.

Also archaeologists of Kazakhstan, those from the Institute as well as from the regional centres, are working on a 10 volume work, "A Record of the Historical and Cultural Monuments of Kazakhstan". Several volumes on the region along the Great Silk Route are ready for publication.

The project, "The Great Silk Route: Interaction of Nomadic and Sedentary Culture" also deals with the traditional trend in research, but at present is being approached differently, taking into account the interaction of cultures, and their origin and development in the system of transcontinental relations between the West and East, North and South.

The Institute of Archaeology is the certified and coordinating center for scientific and research work carried out on the territory of the Republic. The richness and diversity of the monuments, the unique geopolitical location of the vast territory, and the current stability of the internal political situation attract different scientific centres and some researchers from different republics as well as from abroad, to the antiquities of Kazakhstan.

Their interest could be met by bilateral contracts on scientific cooperation. We have such contracts with the Moscow Institute of Archaeology, The Institute of History of Material Culture in St.Petersburg and related organizations from Siberia, the Urals and Soviet Central Asia. We have already signed Protocols of intent with our colleagues from South Korea, China and Denmark. We gain valuable experience thanks to the contracts in force with the National Research Center of France (Paris) and "The Kazakh-American Research Project" (Berkeley, Ca, USA).

Another example of integration with world science is our participation in the UNESCO project "The Great Silk Route is the Road of Dialogue". In the summer of 1991, during the international expedition through the republics of Soviet Central Asia and Kazakhstan, "Steppe Route-91" archaeologists of this region came up with the idea of organizing the International Institute of History of Cultural Heritage of the Peoples of Central Asia.

The scientific council of the Institute of Archaeology of Kazakhstan supported this idea, pointing out that it would accelerate the entrance of the different schools and archaeological collectives of Central Asia and Kazakhsatn into the world scientific community.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК-ЗАПАД

THE EAST-WEST COOPERATION

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОГРАММА "ДРЕВНИЙ МЕРВ"

Мерв является одним из выдающихся городских центров Востока. Его руины расположены около современного города Байрам-Али в Марыйском вилаяте Туркменистана. Здесь находятся два крупных городища - Гяур-кала - руины города сасанидского и парфянского времени, Султан-кала - развалины города Сельджукской эпохи; два столь же крупных городища - Абдулла-Хан-кала и Байрам-Али-хан-кала - относятся к более позднему времени. Все названные городища были окружены обводной стеной, защищавшей широкую городскую округу. Общая территория, заключенная в пределах этой стены, составляет около 40 кв.км. Мерв неизменно был важным экономическим, культурным и интеллектуальным центром. В древнее время через него проходила международная торговая магистраль - Великий Шелковый Путь. В средние века Мерв славился своими библиотеками, учеными и поэтами. В обсерватории Мерва долгое время работал великий поэт Востока - Омар Хайям.

Учитывая большое значение Мерва, важность изучения и охраны культурного наследия, научная общественность подняла вопрос о специальных исследованиях по изучению этого города и реставрации находящихся на его территории архитектурных памятников. В результате предпринятых усилий был создан государственный заповедник "Древний Мерв", правительство Республики Туркменистан приняло решение о проведении в 1995 г. при содействии ЮНЕСКО 2500-летнего юбилея этого замечательного города.

Были развернуты широкие раскопки, начали регулярно проводиться научные симпозиумы. Работы проводятся Южно-Туркменской археологической комплексной экспедицией Академии наук Туркменистана и Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук. После заключения в мае 1992 г. договора о сотрудничестве между Российской Академией наук и Академией наук Туркменистана, эти исследования входят составной частью в это более широкое научное соглашение.

Археологические работы в Старом Мерве преследуют три основные задачи. Первое - изучение древнейшего городского центра, располагавшегося на территории городища Эрк-кала, ставшего позднее цитаделью парфянского Мерва. Этот город середины I тыс. до н.э. занимал площадь около 16 га, был окружен стеной толщиной до 60 метров, сложенной из сырцового кирпича, и имел в центре монументальные постройки, располагавшиеся на высоких платформах. Новые раскопки показали, что древнейшие культурные слои этого городища относятся, по меньшей мере, к VII-VI вв. до н.э.

Вторая задача - изучение городской культуры доисламской эпохи - парфянского (III в. до н.э.-III в. н.э.) и сасанидского (224-651 гг. н.э.) периодов. Здесь основным объектом исследования является городище Гяур-кала, чья общая площадь достигает почти четырех квадратных километров. Почти столь же значительно по размерам средневековое городище Султан-кала, в центре которого расположен мавзолей одного из видных представителей династии Сельджукидов - султана Санджара. Здесь поставлена задача в широких масштабах произвести раскопки богатого городского квартала XI-XII веков.

Одновременно с интенсификацией археологических исследований регулярно проводятся международные научные конференции под общим названием "Мерв в древней и средневековой истории Востока". Первая такая конференция, проведенная в 1990 г., была посвящена общим вопросам изучения Мерва и его округи за все исторические эпохи. Вторая конференция состоялась в 1991 г. Особое внимание на ней было удалено культурным взаимодействиям и связям. Изданы тезисы докладов обеих конференций, их ход был освещен в журнале "Iran" (1991, №29; 1992, №30). В 1992 г.

была проведена очередная конференция, посвященная теме "Мерв и парфянская эпоха", которая, как и предыдущие, привлекла внимание ученых из различных республик СНГ, а также из США, Англии, Канады, ФРГ, Франции, Марокко и Эфиопии. Конференцию открыл хяким Марыйского вилаята К.М.Оразов, неизменно оказывавший поддержку всей программе и организовавший, в частности, строительство археологической базы на территории заповедника "Старый Мерв". На конференции рассматривались три группы вопросов. Первая из них заключала информацию о новых материалах как археологических, так и эпиграфических. Здесь необходимо отметить доклад В.А.Лившиц (С.-Петербург) о парфянских личных именах в памятниках Южного Туркменистана, где были выявлен обширный пласт личных имён, в основном связанных с зороастрийскими традициями и представлениями. Фредерик Хиберт (Гарвард, США) выступил с докладом о природной среде древнего Мерва. Участники английской группы, развернувшие в 1992 г. работы в Старом Мерве (Д.Херманн, Сент-Джон Симпсон и Г.Баррат), выступили с сообщениями, характеризующими цели и задачи этих исследований. Вторая группа докладов была посвящена характеристике Мерва парфянской эпохи. Здесь, прежде всего, следует отметить доклады З.И.Усмановой (Ташкент) об Эрк-кале, как цитадели парфянского Мерва и М.И.Филанович (Самарканд) о Гяур-кале, как городе парфянской эпохи. Культуру Мерва парфянского периода охарактеризовал в своем сообщении А.Губаев (Ашгабат). Третью группу докладов была посвящена общепарфянской тематике, что и неудивительно, поскольку этому выдающемуся явлению древней истории практически уделяется мало внимания. Доклад В.М.Массона (С.-Петербург) касался темы "Культурогенез и культурные взаимодействия в парфянской державе". В докладе была подчеркнута необходимость раздельного рассмотрения элитарной субкультуры, где огромную роль играли процессы культурной интеграции, и массовой народной культуры, ярко характеризуемой, в частности, керамическими комплексами. В ней отчетливо выступает региональное своеобразие. Материальная культура парфянской эпохи освещалась в докладе В.Картич (Лондон) о парфянской мебели, Дж.Лернер (Нью-Йорк) о парфянских зеркалах, А.Б.Никитина (С.-Петербург) о парфянской глиптике. Общие закономерности культурных процессов парфянской эпохи рассматривались в сообщениях М.Колледжа (Лондон) о чужеземных влияниях в искусстве Пальмиры и Э.Кила (Торонто) об общих элементах в сырцовой архитектуре Мерва и Ниппуре парфянского времени. И.Неймаер (Берлин) остановился на технологии древней ирригации Мерва и Йемена, рассмотренной в сравнительно-аналитическом плане. В.П.Никоноров (С.-Петербург) посвятил свой доклад одной из традиционных тем парфянской проблематики - структуре военного сословия. Два доклада Ю.А.Заднепровского (С.-Петербург) и В.А.Завьялова, С.С.Миняева (С.-Петербург) рассматривали погребальные обряды парфянской эпохи в связи с ролью кочевнического компонента в Парфии. Большую проблему о пластеnomадизма в Парфии и в кушанской державе затронул Н.Н.Негматов (Душанбе).

1992 г. отмечен широким участием зарубежных ученых в изучении древнего Мерва как археологического памятника. В сентябре-октябре группа из 12 английских ученых, возглавляемая Д.Херманном (Лондонский университет) вместе с археологами Ашгабада и С.-Петербурга начала новый цикл исследований на городищах Эрк-кала и Гяур-кала. На Эрк-кале начат стратиграфический раскоп, задача которого детально проследить культурные напластования позднесасанидского времени. В сезон 1992 г. были вскрыты строения верхнего слоя. Многочисленные монетные находки, в том числе византийские монеты Юстиниана, позволяют надежно датировать этот строительный горизонт первой половиной VII века. Специальная группа составляла детальный план Гяур-калы, используя современную аппаратуру и вертолетную разведку. Другая группа производила тщательный сбор подъемного материала по квадратной сетке. Обнаружено свыше 100 сасанидских монет, характеризующих верхние слои Гяур-калы как связанные с расцветом города эпохи Сасанидов. Учены одна группа занималась фиксацией средневековых архитектурных памятников. По этим работам готовится публикация предварительных отчетов в Ашгабаде. К юбилею Мерва планируется издание парадного двухтомного труда на английском языке "Мерв - забытый город Средней Азии".

В.М.Массон.

Россия, Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ "МАЙКОПСКИЙ ФЕНОМЕН В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КАВКАЗА И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ"

(Новороссийск, 18-24 марта 1991 г.)

В рамках советско-британского сотрудничества по археологии (раздел "Бронзовый век") в соответствии с долгосрочным планом в марте 1991 г. в Новороссийске состоялся симпозиум "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы" (Майкопский феномен 1991).

Он был организован по инициативе Института истории материальной культуры, при участии Научно-производственного проектно-конструкторского центра по охране и использованию памятников истории и культуры Краснодарского края (Краснодар), Малого предприятия "Архитектура, Реставрация, Технология, Туризм" (Краснодар).

В качестве основной темы организаторы симпозиума предложили обсудить природу и историческую судьбу такого неординарного явления, как майкопская культура на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы.

Фактически, симпозиум имел и сверхзадачу: на примере яркого, но исторически локального явления, выявить культурные и социально-экономические особенности формирования ранних комплексных неурбанистических обществ догосударственного типа.

Поэтому для участия в симпозиуме были приглашены специалисты не только по бронзовому веку Кавказа и сопредельных территорий, но и археологи, специализирующиеся в сравнительно-культурологических, этнологических и социально-экономических исследованиях.

Всего в работе симпозиума приняли участие более 50 человек из археологических центров Санкт-Петербурга, Москвы, Краснодара, Новороссийска, Волгограда, Майкопа, Киева, Кишинева, Грозного, Владикавказа, Махачкалы, 8 английских археологов и известный американский специалист по Малой Азии А.Меллинк.

В ходе симпозиума, который продолжался 6 дней, определились два основных направления дискуссий. В рамках одного из них глубокому анализу были подвергнуты новые археологические материалы с целью выявления особенностей культурно-хронологического развития майкопской культуры, ее происхождения и определения ее места в системе древностей Восточной Европы, Кавказа и Переднего Востока.

В рамках другого направления внимание было сфокусировано на специфике культурных и социально-экономических процессов в эпоху европейского бронзового века и на поиске структурных аналогий майкопскому феномену.

Представленные доклады и их обсуждение позволили оценить фактологическую базу различных точек зрения, четко осознать современное состояние проблемы - что мы знаем твердо о майкопской культуре, что представляется неясным и о чем у нас нет никаких данных.

В определении содержания майкопской культуры участники симпозиума были единодушны, относя к ней открытые в последние годы поселения, расположенные в подгорной зоне Северного Кавказа (Серегинское, Большетегинское, Галогаевское и др.), отличающиеся преобладанием на них высококачественной гончарной керамики, а также погребения с аналогичной посудой. Расхождения во взглядах связаны с определением культурной принадлежности горных поселений типа Мешоко, Ясенова Поляна и др., то есть именно тех поселений, которые долгое время и рассматривались как эталонные майкопские (А.Д.Столяр, А.А.Формозов, Р.М.Мунчаев). По мнению некоторых участников симпозиума (А.А.Нехаев, С.Н.Кореневский) поселения этого типа не входят в майкопскую культуру, а представляют отличную от нее культуру западнокавказского энеолита, возникшую раньше майкопской, а затем с ней сосуществующую. Не отрицая различий между поселениями двух групп, другие участники дискуссии (А.А.Гей, В.А.Трифонов, А.Д.Резепкин) смотрят на эту проблему иначе. При отсутствии надежных данных о хронологическом приоритете горных поселений перед предгорными и наличия определенного сходства в их керамике, включая лепную, они считают

преждевременным исключать поселения типа Мешоко из майкопской культуры, предпочтая говорить о майкопской культурной общности и ее локально-хронологических особенностях.

Было предложено несколько вариантов такой интерпретации. Согласно наиболее простой из них (А.Л.Нечитайл), следует выделить три майкопских культуры - западную, восточную и северную, специфику которых определяет сочетание пришлого майкопского компонента с местными культурами. На западе ареала - это западнокавказский энеолит, на востоке - куро-аракская культура, на севере - культуры степной ранней бронзы. В этой хронологически противоречивой схеме не нашлось места памятникам новосвободненского типа, появление которых на Северном Кавказе, по мнению ряда исследователей, заметно отразилось на облике и судьбе майкопской культуры. Этой проблеме были посвящены доклады А.Д.Резепкина и А.А.Гея. Вариант локального членения майкопской общности на памятники, отражающие три основные традиции - майкопскую (устыджегутинскую), западнокавказскую и новосвободненскую - был предложен в докладе В.А.Трифонова.

Вопросы локальной специфики майкопских древностей обсуждались в тесной связи с проблемой их периодизации. Одним из итогов дискуссии стала корректировка традиционной периодизации Иессена-Формозова-Мунчачева. В основу уточнений были положены новые данные по курганной стратиграфии и типологический анализ погребального обряда, инвентаря и поселенческой керамики (А.Д.Резепкин, А.А.Гей, С.Н.Кореневский, В.А.Трифонов). Нельзя сказать, что этот анализ был исчерывающим. Но он открывает новые возможности для решения проблемы формирования майкопской культуры. На симпозиуме получила дальнейшее развитие блоковая интерпретация этого процесса, позволяющая, в частности, объяснить широкое распространение типологических аналогий далеко за пределами ареала культуры и при этом избежать упрощенно-прямолинейных миграционных построений. С этих позиций, роль переднеазиатских и закавказских компонентов в сложении майкопской культуры была проанализирована в докладе С.Н.Кореневского, а европейского, в широком смысле, в докладах А.Д.Резепкина, А.А.Гея и А.А.Нехаева.

Обсуждение проблемы абсолютного датирования майкопской культуры было стимулировано обстоятельным докладом Ю.Ю.Пиотровского, систематизировавшим данные по этому вопросу. В целом, получила поддержку тенденция последних лет к удревнению культуры. Необходимость абсолютного удревнения объективно вытекает из синхронизации майкопской культуры с поздне-, а возможно, и раннесреднестоговскими древностями в Причерноморье и памятниками типа Цопи-Гинчи на Кавказе. Независимые линии синхронизации, представленные в докладах В.А.Дергачева и И.В.Манзуры, Ю.Я.Рассамакина, Р.Г.Магомедова, В.Л.Ростунова и С.Н.Кореневского оказались взаимодополняющими друг друга. Убедительность этих построений признали М.Меллинк (Брин Мор, США) и А.Шеррatt (Оксфорд, Великобритания), первоначально придерживавшихся в своих докладах традиционной синхронизации с Троей и Аладжой. Не последнюю роль в этом пересмотре сыграла демонстрация майкопской печати в стиле Джемет-Наср (А.А.Нехаев) и росписи, аналогичной по стилю и композиции, обнаруженной в позднеолитической гробнице Германии (А.Д.Резепкин).

Следует добавить, что среди новых майкопских материалов, впервые продемонстрированных на симпозиуме, особое впечатление произвели находки из Дагестана (доклад Р.Г.Магомедова), меняющие представления о восточной границе культуры и ее соотношении с куро-аракской культурой.

Проблема социально-экономической интерпретации майкопской культуры через концепцию ранних комплексных обществ была развернуто поставлена в докладе В.М.Массона. По его мнению, поддержанному в ходе дискуссии, майкопская культура обладает всеми археологическими признаками такого общества. С этих же позиций в докладе А.Шеррата (Оксфорд, Великобритания) были рассмотрены экономические особенности майкопского общества, как неурбанистической периферии ближневосточной цивилизации. Несмотря на архаизм хронологической системы, использованной в докладе, в нем были приведены убедительные структурные параллели майкопскому феномену в Европе и Средней Азии.

Развитие комплексных обществ и этногенетические процессы - тема доклада М.Роуленда (Лондон). Рассматривая этногенез, прежде всего, как процесс культурной консолидации в системе центр-периферия, автор с позиций теорий зависимости и мировых систем, через особенности экономики, ритуалов и религии майкопского общества описал основные черты отношений переднеазиатского центра и кавказской периферии.

Механизм процесса первоначального накопления и перераспределения общественного богатства в обществах типологически близких майкопскому был предметом докладов Д.Чепмена (Ньюкасл) и С.Шеннена (Саутгемптон). В первом случае анализировался феномен Варненского некрополя, во втором - центральноевропейские культуры начала бронзового века.

Сложность реконструкции социальной структуры общества по курганному погребальному обряду подтвердил с своим докладе Д.Меллори (Белфаст). Выступление английского археолога приятно поразило редким знанием малоизвестной советской археологической литературы.

Актуальная для кавказской археологии проблема реконструкции процессов межкультурных контактов, идентификации миграций или внутриструктурных изменений была темой докладов А.Хардинга (Дарем) и М.Соренсен (Кембридж).

В целом, доклады, ориентированные на теоретическое осмысление культурно-исторических процессов, полезно дополнили конкретно-прикладные исследования майкопской культуры, открывая новые перспективы в понимании этого феномена.

Работа симпозиума, включавшая посещение археологических памятников, знакомство с коллекциями, доклады и открытые дискуссии, своей продуктивностью подтвердила, что его тема была выбрана правильно и своевременно. Участники симпозиума профессионально в короткий срок с максимальной эффективностью подвели итоги почти столетнего изучения майкопской культуры и сумели подняться до теоретических обобщений, выходящих за пределы частного явления, в интересах всей археологии.

МАЙКОПСКИЙ ФЕНОМЕН. 1991. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Тезисы докладов. Ленинград.

В.А.Трифонов.

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Средней Азии и Кавказа.

СОТРУДНИЧЕСТВО АРХЕОЛОГОВ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Прошло 16 лет плодотворного научного сотрудничества археологов Советского Союза и Финляндии, начатое во время состоявшегося в ноябре 1976 г. в Ленинграде первого симпозиума археологов двух стран. В мае 1992 г. в г. Хельсинки в помещении Национального музея был проведен очередной, уже восьмой симпозиум (теперь именуемый российско-финляндским) на тему "Промыслы и хозяйство доисторической эпохи".

В его работе с российской стороны приняли участие девять исследователей из Отделов славяно-финской археологии и палеолита ИИМК РАН, Отдела славяно-русской археологии ИА РАН. Финские археологи, представлявшие различные научные учреждения Хельсинки и Турку, сделали на заседаниях симпозиума 12 докладов. Делегации сторон возглавляли заместители сопредседателей Российской-Финляндской смешанной рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии профессора А.Н.Кирпичников и У.Сало.

Открывая симпозиум, У.Сало подчеркнул, что в новых политических и экономических реалиях Европы, сотрудничество археологов России и Финляндии, несомненно, будет продолжаться и крепнуть, поскольку не меняется основа, определяющая их необходимость, а именно, географическое соседство двух стран и общность изучаемых исторических проблем.

Представленные на симпозиуме доклады охватывали широкий хронологический период - от каменного века до позднего средневековья. Традиционно финские исследователи больше внимания уделяли проблемам хозяйства населения каменного века и эпохи бронзы, российские - касались, главным образом, времени средневековья. Подобное соотношение обсуждаемых тем отражает преимущественную концентрацию усилий ученых двух стран на изучении именно этих периодов.

В.И.Тимофеев (Россия) сделал обобщающий доклад о локальных чертах хозяйственной деятельности населения эпохи неолита Восточно-Балтийского региона. По мнению автора, наиболее отчетливо выделяются особенности охотничьего промысла. Они нашли отражение в отличиях состава фаунистических коллекций южной, северной частей региона и различных участков приморской зоны, а также черт материальной культуры, связанной с охотой. В.И.Тимофеев проанализировал процесс обмена населения рассматриваемых районов янтарем, каменным сырьем, пушниной.

Ряд докладов финляндских коллег (П.Халинен, Х.Оксала, Ю.Сайкконен, М.Сартес, Л.Руунавара и П.Пурхонен) касались изучения особенностей хозяйственной деятельности населения периода мезолита и неолита в разных районах Финляндии. Обычно, основываясь на материалах конкретных поселений, докладчики затем затрагивали и более общие вопросы жизнеобеспечения древнего населения. При датировке памятников, финляндские археологи постоянно учитывали их соотношение с менявшейся береговой линией водоемов Финляндии, что связано с довольно молодым возрастом проходивших здесь геологических процессов. П.Юссила (Финляндия) показала значение изучения древней фауны неолитических поселений по минерализованным органическим остаткам в их культурных отложениях (стоянки Наарярви и Тахиниеми), что позволяет судить не только о среде обитания человека, но и решать вопросы о постоянной или сезонной жизни древних охотников и рыболовов в тех или иных местах. В докладе М.Миеттинен (Финляндия) были проанализированы материалы раскопок поселения Вииркалио на берегу Ботнического залива, которое датируется временем от 800 до 190-х годов до н.э. Было установлено, что поселение являлось сезонной стоянкой у моря. Основными объектами промысла ее населения были тюлени, рыба и водоплавающая птица.

В последние годы в финляндской археологии получает все большее распространение стремление концентрировать научные усилия в рамках комплексных исследовательских программ в целях изучения человеческого общества древности в неразрывной связи с изучением окружавшей его природной среды и ее изменениями. Такой подход возможен лишь при многостороннем анализе коллективами ученых, объединяющих специалистов разных профилей. Первые результаты работ над двумя подобными комплексными программами были представлены на симпозиуме в докладах А.Виккулы и А.Ниссиахо.

Первый из проектов посвящен изучению древностей каменного века бассейна системы р. Вуокса на территории Финляндии и выполняется, главным образом, силами сотрудников Хельсинского университета. Проект имеет четыре главные темы: 1) хронология образования береговой

линии древнего озера Сайма; 2) типы керамики и их датировка; 3) требования древнего человека к окружающей среде; 4) модели распространения новаций. Если первые три темы направлены на формирование фактологической базы для анализа, то четвертая, в большей степени, носит аналитический характер. Она синтезирует результаты разработки предшествующих тем и ее цель заключается в создании компьютерной модели для выявления механизма распространений инноваций, торговых путей и различных коммуникационных форм связи человеческих коллективов.

Второй проект, выполняемый силами ученых университета г. Турку, направлен на изучение территории юго-западной части Финляндии (участок побережья Финского залива протяженностью около 70 км между долинами рек Ауры и Сирпи). Хронологически проект охватывает период приблизительно от 500 г. до н.э. до 1000 г. н.э. К его выполнению привлечен коллектив из 30 исследователей разных специальностей, как гуманитарных, так и естественно-научных (археологи, историки, топонимисты, геологии, географы, экологи и др.). Авторский коллектив исходит из культурно-экологического или ландшафтно-экологического подхода к изучению прошлого. Основные направления исследований включают анализ изменений окружающей среды и природных ресурсов, характера землепользования, развития общества в его взаимодействии с природными условиями.

Микрорегиональные комплексные исследования, ведущиеся в Финляндии, сходны с программами, получившими сейчас широкое распространение в странах Центральной Европы и США. В государствах СНГ в этом направлении в наши дни делаются лишь первые шаги.

В докладе В.Я.Шумкина (Россия) были рассмотрены системы жизнеобеспечения древнего населения Кольского полуострова (Восточная Лапландия) от периода первоначального заселения территории до раннего средневековья. Пройдя путь от морского бродячего собирательства до планомерного комплексного использования природных богатств, лапландцы пришли к оптимальному ведению хозяйства, позволившему им выжить в экстремальных ситуациях, но ведшему к зависимому положению от соседних народов.

В докладе В.А.Назаренко (Россия) "Хозяйственная деятельность Приладожской чуди" отстаивалась мысль, что в Приладожье на рубеже I и II тыс. н.э. ведущими продолжали оставаться традиционные формы и виды такой деятельности, а наблюдаемые изменения в материальной и духовной культуре связаны с появлением специализированных промыслов. А.И.Сакса (Россия) проанализировал факторы становления и развития карельской культуры в XI-XIII вв. П.Щульц (Финляндия) рассмотрел характер производства предметов из железа и бронзы на раннесредневековых поселениях Варикониеми и Вирола в провинции Хяме. Н.В.Хвошинская (Россия) выступила с докладом "Отражение хозяйственной и промысловой деятельности населения Новгородской земли в погребальной обрядности". Е.Н.Носов (Россия) рассказал о новых археологических данных о хозяйстве населения Приильменья во второй половине I-го тысячелетия н.э. Особый интерес представляет открытие на городище Георгий на р.Веряже, под валом середины X в., следов пахоты однозубым пахотным орудием.

В докладе Н.А.Макарова (Россия) был поставлен вопрос о специфических формах экономики и социальной организации, характерных для начальных этапов колонизации северных земель в средневековье. Автор исходил из предпосылки, что эта колонизация территорий с нетронутыми природными ресурсами значительно отличалась от более поздней, когда на этих землях уже стабилизировалась сеть постоянных поселений и сформировалась традиция земледельческого хозяйства. Проблема была рассмотрена Н.А.Макаровым на материалах Волока Славенского - территории на Востоке Белозерья с хорошо исследованными археологическими памятниками X-XIII вв. Археологические материалы волокославенских могильников были сопоставлены с антропологическими, палинологическими и историко-ландшафтными данными.

Активизация в последние годы археологических работ в зоне Европейской Арктики - от Кольского полуострова до Приполярного Урала, способствовала выявлению здесь, по-существу, нового пласта средневековых памятников VI-XIII вв. (могильники, места жертвоприношений, укрепленное поселение, места случайных находок, клад). Характеристике этих материалов был посвящен доклад О.В.Овсянникова (Россия). Особенный интерес для выявления динамики культурных контактов между местными племенами и русским военно-промышленным и торговым населением комплекс памятников, открытый в низовьях р.Печоры (Ортинское городище, жертвенное место на р.Городецкий шар и др.). Ортинское городище VI-X вв. рассматривается автором как племенной и сакральный центр племени, известного в русских летописях как "печера". Культура этого населения, по-видимому, была тесно связана с культурами Нижней Оби.

А.Н.Кирпичников(Россия) выступил с докладом "Средневековые сабли с клеймами из собрания Национального музея. Финляндия". Автор остановился на рассмотрении двух средневековых сабель, поступивших в Национальный музей вместе с коллекцией собирателя Зуйсалова, на которых были обнаружены клейма со странными надписями. Одну из них можно связать с арабским письмом, другую - с армянским. Привлечение аналогий позволило установить, что в 1150-1240 гг. в восточных мастерских стран региона Каспийского моря и Кавказа изготавливались сабли, поступавшие в Восточную Европу через Болгарское царство. Часть этой продукции вывозилась к северным народам (югра и весь), часть - к южно-русским кочевникам. Изучение сабельных клейм свидетельствует о том, что это оружие, также как и мечи, метились ремесленниками, чтобы удостоверить знак мастерской или имя владельца или благопожелание. Новооткрытая сабельная эпиграфика времени раннего средневековья - перспективное направление исторического оружеведения.

Общий интерес для решения вопросов распространения арабского серебра в регионе Балтики вызвало сообщение Т.Талвио(Финляндия) о восточных монетах, найденных на территории собственно материевой Финляндии. Автор привел полный свод находок (всего около 300 монет), остановился на времени их появления, коснулся дискуссионной проблемы о причинах сокрытия кладов. Т.Талвио склоняется к точке зрения У.Линдер Велин о том, что в небольшом количестве серебро с Востока стало ввозиться на Балтику уже во второй половине VIII в. Говоря о причинах зарытия кладов, докладчик полагает, что их появление свидетельствует не о войнах или конфликтах, а о не достаточно развитой местной экономике. Этим он склонен объяснять отсутствие кладов в такой экономически развитой области Финляндии, как Сatakunta.

В один из дней проведения симпозиума под председательством У.Сало состоялось совместное заседание Российско-Финляндской смешанной рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии. На заседании был рассмотрен ход выполнения протокола, принятого на 1991-1995 гг., в том числе, вопросы совместной научной работы над рядом проектов, издание коллективных трудов, взаимное участие археологов двух стран в раскопках, подготовка к очередному симпозиуму, проведение которого намечено в России в 1994 г. Тема предстоящего симпозиума примерно следующая: "Славяне и финно-угры. Археология, история, культура". Российская сторона с удовлетворением сообщила о выполнении ранее принятых ею обязательств. В 1991 г. вышел из печати 2-х томник "Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийско-финские народы". Предстоит опубликование сборника докладов советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, состоявшегося в Ленинграде в 1986 г. Название сборника "Древности славян и финно-угров" (в конце 1992 г. он появился в свет в С.-Петербургском отделении издательства "Наука"). Российская сторона отметила участие финляндских ученых и студентов в раскопках и обследованиях в Старой Ладоге, на Карельском перешейке, в регионе Белого моря. Был организован прием экскурсий студентов Хельсинкского университета из общества "Фибула". Российские ученые, по независящим от них причинам, посещали Финляндию, сожалению, значительно реже. Подчеркивалось, что в отношениях археологов двух стран возможны и необходимы поиски новых форм сотрудничества. Так, по предложению финской стороны, были одобрены следующие новые темы, расчитанные на конкретных исследователей, а именно: "Доисторическая эпоха и ранняя история северного региона Фенноскандии (саамские поселения рубежа XVII - первой половины XVIII в.)", "Доисторическая хронология древней Саймы", "Население Карелии в эпоху железного века". На заседании также подчеркивалось, что Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН, который с российской стороны выполняет основные научно-организационные работы по осуществлению совместных договоренностей ученых двух стран и впредь будет исполнять эти задания, приспособливая их к непростым условиям, сложившимся ныне в финансовом обеспечении российской науки. В заключении было высказано пожелание о встрече в 1993 г. представителей Российской-Финляндской смешанной рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии для конкретизации ряда вопросов двухсторонних связей в современной экономической ситуации.

В целом, симпозиум в г.Хельсинки еще раз подтвердил плодотворный характер контактов археологов России и Финляндии и заинтересованность сторон в их продолжении на обновленной основе.

А.Н.Кирпичников, Е.Н.Носов.

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН, Отдел славяно-финской археологии.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ПО АРХЕОЛОГИИ В НОВГОРОДЕ

Раскопки, предпринятые под руководством А.В.Арчиховского 60 лет назад, положили начало систематическому археологическому изучению Новгорода. С тех пор ведущиеся ежегодно, за исключением военной поры, они стали крупнейшими археологическими исследованиями древнерусского города, а учитывая уникальную сохранность органических слоев, широту вскрытых раскопками площадей, разработанную методику датировки и анализа материала, приобрели общеевропейское значение. Шестидесятилетнему юбилею Новгородской археологической экспедиции был посвящен международный археологический семинар, пленарное заседание которого состоялось 26 июля 1992 г. в день еще одного юбилея - 41-ой годовщины открытия первой берестяной грамоты. В работе семинара, помимо отечественных ученых, представлявших преимущественно научные и музейные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга и Новгорода, приняли участие исследователи из семи европейских стран - Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Бельгии и Англии.

На пленарном заседании начальник Новгородской экспедиции, академик РАН В.Л.Янин, в своем докладе подвел основные итоги археологических работ в городе и суммировал их главные результаты. Одним из важнейших из них является то, что именно в Новгороде, на базе анализа археологических материалов и данных письменных источников стало возможным сократить археологию и историю. Город, открытый археологами, ожила. Удалось услышать голоса владельцев городских усадеб и зависимых от них людей, проследить генеалогию целых боярских родов и установить, где находились принадлежавшие им дворы. Четкая стратиграфия культурных отложений Новгорода, в которых прекрасно сохраняются органические остатки, и впервые широко внедренный в отечественную археологию метод дендрохронологии, позволили детально разработать датировку многих категорий находок. Коллекция материалов, полученных при раскопках Новгорода, является надежной опорой в археологическом изучении всей Древней Руси.

Заместитель начальника Новгородской экспедиции А.С.Хорошев рассказал о текущих задачах организации археологических работ, которые сейчас приходится решать экспедиции в силу изменившихся систем финансирования, увеличения объема охранных раскопок, необходимости создания современных систем учета и обработки полученных материалов. Большую роль в координации археологических работ, полагает докладчик, должен сыграть впервые созданный при Новгородском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике Центр организации археологических исследований.

Начальник Новгородской областной экспедиции Е.Н.Носов подвел итоги археологических исследований Юркова городища под Новгородом и поселений Северного Приильменья. Эти работы, активно ведущиеся последние 15 лет, впервые позволили представить становление столицы Северной Руси не изолированно, а на фоне широкой городской округи. Новые материалы особенно важны для решения вопросов происхождения Новгорода и славянского расселения в Приильменье.

Большая часть коллекций, полученных в результате работ Новгородской экспедиции, хранится в фондах Новгородского музея, который ежегодно продолжает пополняться новыми находками. Его директор Н.Н.Гринев информировал участников семинара о структуре музея, его фондах, а также о тех задачах, которые ставит перед собой руководство музея в деле содействия археологическому изучению города, охране его культурного слоя, систематизации коллекций, улучшению условий их хранения и реставрации.

В день начала симпозиума в Выставочных залах музея торжественно была открыта новая экспозиция, посвященная юбилею археологической экспедиции. Первая часть экспозиции рассказывает об истории археологического изучения Новгорода - от первых шагов в его исследовании к систематическим широким раскопкам. Здесь собраны уникальные материалы об историках и археологах, заложивших основы изучения новгородских древностей, о коллективе новгородской экспедиции, об опубликованных трудах. Вторая часть экспозиции посвящена

Новгороду, каким он предстает перед нами после многолетних раскопок. Она раскрывает мир древних новгородцев, рассказывая об их усадьбах, улицах, берестяных грамотах, ремесле, торговых связях и т.д. Представлены материалы сельских поселений новгородской округи и Рюрикова городища.

Участники семинара побывали на Троицком и Федоровском раскопах, ознакомились с организацией и методикой археологических работ, посетили экспедиционные лаборатории, осмотрели экспозиции и фонды музея. Для них была организована экскурсия к церкви Спаса на Ковалеве, Нередецкому храму и на Рюриково городище, которую провели В.Л.Янин и Е.Н.Носов. Один из маршрутов пролегал по Ильменскому Поозерью от Юрьева монастыря и Перны, по многочисленным славянским поселениям на берегах рек Ракомки и Веряжи к юго-западному побережью Ильменя у Коростыни.

Большой интерес вызвало посещение Музыкального центра по изучению и реставрации древних инструментов. Его руководитель В.И.Поветкин рассказал о самом центре, его задачах, были показаны уникальные музыкальные инструменты, найденные во время раскопок, объяснены принципы их реставрации, продемонстрированы их возможности.

В заключительный день семинара в дирекции музея состоялся "круглый стол", посвященный обсуждению проблем новгородской археологии, как научных, так и организационных. Откровенно говорилось о тех трудностях, которые возникают в нынешней экономической ситуации при организации археологических раскопок, совершенствовании их методического уровня, создании современных систем учета, хранения и реставрации находок, своевременной публикации материалов. Иностранные ученые приняли самое активное участие в обсуждении затронутых проблем, высказали свои предложения и пожелания. Неоднократно подчеркивалось, что результаты археологических исследований в Новгороде имеют международное значение. Было выдвинуто предложение, в целом поддержанное всеми, о целесообразности создания международного Совета по археологическому изучению Новгорода. Участники семинара согласились с тем, что только объединив усилия многих научных и музеиных учреждений России, а также зарубежных коллег и институтов, археология Новгорода сможет удержать свои ведущие позиции в комплексном исследовании средневековых городов.

В заключении отмечено, что к юбилею Новгородской экспедиции в Англии была опубликована книга, отражающая новейшие результаты раскопок города и его округи: V.L.YANIN, E.N.NOSOV, A.S.KHOROSHEV, A.N.SOROKIN, E.A.RYBINA, V.I.POVENTKIN and P.G.GAIDUKOV. The Archaeology of Novgorod, Russia in M.A.BRISBANE (ed.). The Society for medieval Archaeology. Monograph series: No 13. 240 pages, black-and-white figures. 1992. Lincoln; ISSN 0583-9106.

Е.Н.Носов.

Россия. Санкт-Петербург.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел
славяно-финской археологии.

WORLD ARCHAEOLOGICAL CONGRESS 3

New Delhi 4 -11 December, 1994.

ТРЕТИЙ ВСЕМИРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

НЬЮ-ДЕЛИ, ИНДИЯ, 4 -11 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА.

В декабре 1994 года в Нью-Дели состоится Третий Всемирный Археологический Конгресс. Среди основных тем предполагается обсудить проблемы возникновения и развития Государства, Города, Общества, концептуальной взаимосвязи Языка, Антропологии, Археологии и Этнографии. Кроме этого, будут организованы секции по следующей тематике:

- Концепция Времени в истории, археологии и культуре.
- Торговые и культурные контакты по данным археологии.
- Неоген: проблемы ранние стадии антропогенеза.
- Технологические инновации и социально-экономические изменения.
- Изменения аграрных систем в древности.
- Культурная собственность, культурное наследие и общественное сознание.
- Отношения между археологической теорией и практикой.
- Перемены в исторической археологии: проблемы многообразия материальной культуры и национальной идентификации.
- Ландшафтная археология.
- Археологические свидетельства религиозных традиций и социо-культурных институтов.
- Реконструкция истории по данным нумизматики, эпиграфики, искусства и литературы.
- Развитие археологии как науки с 18 века до 50-х годов нашего столетия.

Программа Конгресса включает симпозиум, посвященный проблемам Харапской цивилизации, наскальным рисункам и новым археологическим открытиям в Азии и Тихоокеанском бассейне, научно-техническим достижениям в области абсолютного датирования и технике полевых исследований.

При участии Археологической службы Индии, Третий Конгресс организован новой международной организацией - Всемирным Археологическим Конгрессом (WAC), основными целями деятельности которой являются изучение, сохранение, использование археологического наследия, внедрение новейших исследовательских технологий, изучение влияния археологических исследований на современную культуру.

Желающие получить информацию о Программе Конгресса, порядке участия в нем, а также о международной организации Всемирный Археологический Конгресс, могут обратиться по адресу:

Dr. Makkhan, Lal World, Archaeological Congress P.O. Box 112, N.P.O. A Ligarh - 202001 India Ph. (571) 29143; (571) 25546; Telex: 564 230 AMU-IN

или

Виктор Трифонов, Региональное Бюро Всемирного Археологического Конгресса, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191065 С.-Петербург. Тел. (812) 312 14 84

новгородской экспозиции, об опубликованных трудах. Вторая часть экспозиции посвящена

WORLD ARCHAEOLOGICAL CONGRESS 3

New Delhi 4 -11 December, 1994;

ТРЕТИЙ ВСЕМИРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНГРЕСС
Нью-Дели, Индия, 4 -11 ДЕКАБРЯ 1994 ГОДА.

В декабре 1994 года в Нью-Дели состоится Третий Всемирный Археологический Конгресс. Среди основных тем предполагается обсудить проблемы возникновения и развития Государства, Города, Общества, воинствующей языка, антропологии, Археологии и Этнографии. Кроме этого, будут организованы секции по следующим тематикам:

- Концепция Времени в истории, археологии и культуре
- Торговые и культурные контакты по данным археологии
- Неогие проблемы развития стадий антропогенеза
- Технологические инновации и социальные междисциплинарные перспективы
- Изменение аграрных систем в древности
- Культурная собственность, культурный туризм и общечеловеческое наследие
- Отношения между археологической теорией и практикой
- Переименование в исторической археологии, проблемы многообразия материальной культуры в национальной идентификации
- Абдифтия археологии
- Археология как свидетельство религиозных традиций и социо-культурных институтов
- Реконструкция истории по данным нумизматики, эпиграфики, искусства и литературы
- Решение археологии как науки с 18 века до 50-х годов нашего столетия

Программа Конгресса включает симпозиум, посвященный проблемам Харелиской цивилизации, насквозь пронизанный симпозиумом, посвященным проблемам Тихоокеанского побережья, научно-техническим достижениям в области абсолютного датирования и технике полевых исследований.

При участии Археологической службы Индии Третий Конгресс организован новой международной организацией - Всемирным Археологическим Конгрессом (WAC), основными целями деятельности которой являются изучение, сохранение, использование археологического наследия, внедрение новейших исследовательских технологий, изучение влияния археологических исследований на современную культуру.

Желающие получить информацию о Программе Конгресса, передав уведомления о нем, а также о международной организации Всемирный Археологический Конгресс могут обратиться по адресу:

Dr. Makkiya, Lal World, Archaeological Congress P.O. Box 111, M.R.O. A Ligarh - 203001 India
(371) 29143; (371) 25546; Telex: 554 230 AMU IN

КАЗ

Виктор Трифонов, Региональное Бюро Всемирного Археологического Конгресса, Институт истории материальной культуры, 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 55 Петербург. Тел. (812) 312 14 84
Зак. 1047. Формат 60·90^{1/8}. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГППП-3

191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 55 Петербург. Тел. (812) 312 14 84
Зак. 1047. Формат 60·90^{1/8}. Тираж 1000 экз.